Д02
10702

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Императ. С.-Петерб. Универ. Кабинетъ права.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

издаваемыя
Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

1911 г. Вып. II/III (VIII/IX).

Подъ редакціей:

А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна и
бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговена.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

В. М. Гордона, Харьковъ; А. И. Елистратова, Москва; Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Москва; Л. І. Петражицкаго, С.-Петербургъ;
І. А. Покровскаго, С.-Петербургъ; Ѳ. В. Тарановскаго, Юрьевъ; М. И. Туганъ-Барановскаго, С.-Петербургъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1911.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*.

Типографія Губернскаго Правленія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вульфертъ, А. К. Оцѣнка доктрины Ломброзо послѣ его смерти главнѣйшими представителями позитовной школы уголовнаго права въ Италіи . . . 225

Гольдштейнъ, І. М. Современное положеніе вопроса о синдикатахъ въ Россіи и за-границей (Оконч.) . . 249

Яблочковъ, Т. М. Понятіе непреодолимой силы въ гражданскомъ правѣ 271

Мышцынъ, В. Н. Къ вопросу о принципахъ бракоразводнаго церковнаго законодательства 322

Ширяевъ, В. Н. Ярославскій Губернскій Комитетъ 1858—1859 г.г. и составленный имъ проектъ положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ . . 369

Алексѣевъ, А. А. Къ вопросу объ эволюціи русскихъ конституціонныхъ законовъ 423

Люблинскій, П. И. Объѣзды королевскихъ судей въ Англіи 441

Изъ иностранныхъ журналовъ:

Лаферьеръ, Ж. Бойкотъ въ международныхъ отношеніяхъ (*Н. Н. Голубева*) 476

Ашли, В. Подъемъ цѣнъ 482

Хроника:

Гора, В. Письма изъ Австріи. II. Предполагаемая реформа Австрійскаго гражданскаго процесса . . . 490

Нейбеккеръ, Ф. Обзоръ германскаго законодательства . 499

Критика:

Шумаковъ, С. А. Къ исторіи Московскихъ приказовъ . 511

Яблочковъ, Т. М. Возраженіе бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговену 538

Фрейтагъ-Лорингovенъ, А. Л., бар. Отвѣтъ на возраженіе Т. М. Яблочкова 551

Смѣсь:

М. Л. Внутренняя колонизація въ Англіи . . . 567

Объявленія.

Оцѣнка доктрины Ломброзо послѣ его смерти главнѣйшими представителями позитивной школы уголовнаго права въ Италіи.

А. К. Вульферта.

Научная дѣятельность Ломброзо, общепризнаннаго главы новой Итальянской школы уголовнаго права, проходила, начиная съ 70-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, среди вызванной его научными работами, въ особенности знаменитой книгой «*L'Uomo delinquente*», борьбы и полемики между его послѣдователями и представителями такъ называемой классической или юридической школы уголовнаго права. Эта борьба, въ которой участвовали въ обоихъ лагеряхъ юристы, врачи, антропологи и соціологи, протекала какъ на страницахъ ученыхъ журналовъ, такъ и на конгрессахъ уголовной антропологіи (Римскомъ, Парижскомъ. Брюссельскомъ, Амстердамскомъ, Женевскомъ и Туринскомъ). Эта же борьба вызвала цѣлую литературу, рядъ сочиненій приверженцевъ и противниковъ Ломброзо. Достаточно указать изъ числа первыхъ—Ferri, Garofalo, Puglia, Sighele, Fioretti (юристы). Marro, Morselli, Virgilio, Bleuler, Kurella, Sommer, Dallemagne (психіатры), изъ числа вторыхъ—Topinard, Manouvrier, Lacassagne, Maudsley, Virchow, Bähr, Kirn, Näcke (врачи, антропологи и психіатры), Lucchini, Brusa, Gabelli, Tarde, Joly, Vidal, Proal (юристы и соціологи [1]). Борьба указанныхъ на-

[1]) Подробное изложеніе и критика ученій новой итальянской школы имѣются въ моей работѣ: Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи, вып. I, Москва, 1887 г.; вып. II, Ярославль, 1893 г. Къ этой работѣ, по отношенію къ которой настоящая статья является какъ бы прибавленіемъ, я отсылаю читателя, который пожелалъ бы ознакомиться съ содержаніемъ трудовъ трехъ корифеевъ новой школы—Ломброзо, Ферри и Гарофало, на которые въ настоящей статьѣ постоянно дѣлаются ссылки и указанія.

правленій проявилась и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ приверженцами доктрины Ломброзо являются Дриль (недавно безвременно умершій), Минцловъ, Оршанскій, Чижъ, Баженовъ, г-жа Тарновская (также недавно безвременно умершая), а противниками—Таганцевъ, Сергѣевскій, Спасовичъ, Закревскій, Набоковъ и пишущій эти строки (юристы), Зерновъ (анатомъ), Радловъ (философъ). Поводомъ къ оживленію интереса къ доктринѣ Ломброзо въ послѣднее время послужила его кончина 19 октября н. ст. 1909 года. Въ виду свѣжей могилы его въ журналахъ за-границей и у насъ появилось значительное число отзывовъ о покойномъ и объ оставленномъ имъ научномъ наслѣдствѣ. Такимъ образомъ получается новая посмертная оцѣнка коренныхъ основъ доктрины покойнаго и научнаго значенія ея. Такіе отзывы имѣются какъ со стороны принципіальныхъ противниковъ, такъ и таковыхъ же приверженцевъ. Къ первымъ относятся работы: въ германской литературѣ Лиліенталя [1]) во французской—Лакассаня [2]), въ русской—Набокова [3]). Эти авторы относятся отрицательно къ основнымъ началамъ и главнымъ выводамъ Ломброзовской доктрины. Напримѣръ, Лакассань прямо говоритъ: Il n'y a pas de corps de doctrine, ni des lois de Lombroso (стр. 891). Набоковъ указываетъ, что можно считать окончательно установленнымъ разрушительное для основного воззрѣнія Ломброзо положеніе, что всякое чисто біологическое пониманіе преступности заключаетъ въ себѣ внутренній дефектъ (стр. 2246). Лиліенталь отмѣчаетъ несоотвѣтствіе у Ломброзо между громаднымъ собраніемъ матеріаловъ и отсутствіемъ надлежащей критической оцѣнки и приходитъ къ заключенію, что результаты изслѣдованій Ломброзо не выдерживаютъ строгой критики. Наравнѣ однако съ этой отрицательной оцѣнкой тѣ же авторы указываютъ на заслуги Ломброзо относительно возбужденія, постановки и изслѣдованія новыхъ вопросовъ, относящихся къ преступности. Такъ Лиліенталь заявляетъ, что, благодаря Ломброзо, проблема прирож-

[1]) Deutsche Juristen-Zeitung, 1909, № 22, 15 November.
[2]) Archives d'anthropologie criminelle, 1909, № 102. Cesare Lombroso.
[3]) Право, 1909 г. № 43.

денныхъ предрасположеній была оцѣнена во всей полнотѣ. Морфологическія изслѣдованія Ломброзо обратили настойчивое вниманіе на признаки вырожденія, заслуга, которая не умаляется тѣмъ, что значеніе таковыхъ признаковъ должно быть объяснено иначе, чѣмъ это сдѣлалъ Ломброзо. Наконецъ Ломброзо уяснилъ для значительнаго числа криминалистовъ связь душевной болѣзни и преступленія и вызвалъ въ нихъ интересъ къ психіатрическимъ изслѣдованіямъ. Онъ былъ зачинатель, а не завершитель. Его великія заблужденія болѣе послужили прогрессу, чѣмъ многія пошлыя истины (стр. 1367). Набоковъ ставитъ ему въ заслугу постановку ряда вопросовъ: о дѣтской преступности, объ уменьшенной вмѣняемости, о связи преступленія и душевной болѣзни (стр. 2996). Лакассань называетъ его grand travailleur, remueur d' idées и напоминаетъ, что Lombroso a imposé l'étude des criminels qui jusque lá avait été negligée (стр. 893). Разумѣется совершенно иную оцѣнку доктрины Ломброзо находимъ у итальянскихъ ученыхъ, которые вмѣстѣ съ покойнымъ являются представителями nuova scuola positiva, а именно Ферри, Сержи, Сигеле въ ихъ статьяхъ, написанныхъ по случаю смерти Ломброзо и посвященныхъ личности и трудамъ покойнаго [1]). Всѣ эти писатели провозглашаютъ Ломброзо геніемъ, Ферри ставитъ его наряду съ гигантами международной науки, каковы Дарвинъ, Пастёръ, Вирховъ [2]), Шарко. Вмѣстѣ съ ними, по словамъ Ферри, Ломброзо представляетъ удивительный подъемъ человѣческой мысли въ 19 столѣтіи. Его научная система останется нерушимымъ указателемъ одного изъ самыхъ славныхъ и благодѣтельныхъ этаповъ тысячелѣтняго пути человѣчества въ борьбѣ съ невѣдомымъ (стр. 146). Статьи Ферри, Сержи, Сигеле представляютъ

---

[1]) Эти статьи напечатаны въ итальянскомъ учено-литературномъ журналѣ Nuova Antologia 1909 г.: Ferri, Cesare Lombroso (1 Novembre, стр. 146); Sergi, Cesare Lombroso come scienziato (въ той же книжкѣ, стр. 158); Sighele, Cesare Lombroso (16 Novembre, стр. 264).

[2]) Поставивъ Ломброзо рядомъ съ Вирховымъ, Ферри забылъ, что Вирховъ называетъ труды Ломброзо «карикатурой на науку антропологіи» (Рѣчь на съѣздѣ германскихъ антропологовъ въ Мюнхенѣ въ 1896 г.). См. мою замѣтку въ Ж. Мин. Юст. 1896 г. № 8, стр. 204.

панегирики какъ по отношенію къ самой личности, такъ и работамъ Ломброзо.

Замѣчательное исключеніе представляетъ Гарофало въ своей напечатанной въ Nuova Antologia 16 ноября 1909 статьѣ: Cesare Lombroso e l'anthropologia criminale. Его строго критическое отношеніе къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ научнымъ построеніямъ Ломброзо составляетъ рѣзкій диссонансъ въ общемъ хвалебномъ гимнѣ, несмотря на значительную сдержанность критики, совершенно естественную въ виду какъ свѣжей могилы, такъ и вслѣдствіе принадлежности Гарофало къ школѣ, главою которой считался Ломброзо.

Въ послѣдующемъ изложеніи я постараюсь извлечь изъ четырехъ статей указанныхъ итальянскихъ авторовъ все наиболѣе существенное, относящееся къ общей принципіальной оцѣнкѣ доктрины Ломброзо,—и со своей стороны критически оцѣнить эту оцѣнку. Въ виду совершенно отличнаго отъ отзывовъ Ферри, Сержи, Сигеле характера статьи Гарофало и выдающагося ея значенія я считаю необходимымъ болѣе подробно изложить ея содержаніе.

I.

Ферри слѣдующимъ образомъ характеризуетъ какъ область изслѣдованій, такъ и особенности метода научной работы покойнаго. Ломброзо освѣтилъ мрачную пропасть всѣхъ формъ зла: душевной болѣзни, алкоголизма, кретинизма, пеллагры. Онъ, кромѣ того, изслѣдовалъ исключительныя явленія жизни,—каковы: геній въ наукѣ и искусствѣ, и политическія революціи. Специфической особенностью Ломброзо было верховенство для него факта, какъ перваго условія научнаго изслѣдованія.

Мало искусный относительно методическаго и точнаго примѣненія[1]) способовъ научнаго наблюденія и опыта Ломброзо искалъ факта, какъ породистая собака лихорадочно ищетъ дичь (!?)—въ соприкосновеніи съ фактомъ

[1]) Курсивъ мой.

его мозгъ зажигался, и изъ него вырывались искры чудесныхъ интуицій, вслѣдствіе чего наиболѣе далекіе и разнообразные феномены разъяснялись въ ихъ неожиданномъ соприкосновеніи и сопоставленіи. Разъ Ломброзо провидѣлъ истину, больше благодаря геніальному вдохновенію, чѣмъ методическому анализу, онъ не отступалъ отъ утвержденія истины, и только факты могли заставить его отказаться отъ своей теоріи. Такъ къ первоначальному объясненію преступности посредствомъ атавизма Ломброзо присоединилъ объясненіе, исходящее отъ дегенераціи и эпилептическаго невроза, не обращая вниманія на вопли противниковъ, видѣвшихъ въ силу формальной логики въ этихъ послѣдовательныхъ интеграціяхъ шаткость научной мысли Ломброзо, тогда какъ онѣ составляютъ несокрушимую твердыню, по скольку могучее очарованіе истины сквозитъ въ нихъ черезъ наблюденіе фактовъ.

«Въ этомъ и вслѣдствіе этого Ломброзо былъ великимъ подражателемъ Галилея» [1]).

Обращаясь къ заслугамъ Ломброзо по части отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ Ферри указываетъ на его методическую иниціативу съ 1863 года по изслѣдованію душевно-больныхъ, прежде всего со стороны ихъ органическаго строенія (роста, вѣса тѣла, черепа и т. д.). Методъ этотъ послужилъ обновленію психіатріи въ Италіи. Далѣе Ферри указываетъ на заслугу Ломброзо въ нахожденіи при изслѣдованіи преступной женщины (donna delinquente) явленія меньшей чувствительности (sensibilitá), сравнительно съ мужчиной, идущаго въ разрѣзъ съ ходячимъ представленіемъ, смѣшивающимъ чувствительность и эмоціональность. Наконецъ Ферри указываетъ на борьбу Ломброзо съ болѣзнью *пеллагрой* путемъ открытія источника этой болѣзни въ потребленіи испортившагося маиса, открытія, оспаривавшагося около 30 лѣтъ, но окончательно подтвержденнаго изслѣдованіями французскаго химика Бертело [2]). Переходя къ знаменитой доктринѣ Ломброзо объ естественномъ

---

[1]) Стр. 149—150.
[2]) Стр. 150—152.

генезисѣ преступности и усваивая за нее Ломброзо названіе *благодѣтеля человѣчества*, Ферри утверждаетъ, что, благодаря этой доктринѣ, уголовная юстиція, отбросивъ переживанія мести и насилія и усвоивъ себѣ болѣе гуманную функцію соціальной клиники, будетъ лучше охранять честныхъ людей и воспользуется силами осужденныхъ лицъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ вмѣсто заключенія въ одиночныхъ тюрьмахъ. Связывая научное дѣло Ломброзо съ зачинателемъ великаго движенія Беккаріа, Ферри заявляетъ, что, со временъ Беккаріа и до Ломброзо, Италія внесла на кровавое поле преступности благородный вкладъ гуманности вмѣстѣ съ наиболѣе могучимъ поученіемъ науки. Ломброзо, по словамъ Ферри, примѣнилъ методъ Галилея къ изученію преступниковъ, какъ они есть, направилъ лучъ научнаго изслѣдованія на преступнаго человѣка и пролилъ яркій свѣтъ на истину, что всякое преступленіе всегда послѣдствіе органическихъ и психическихъ аномалій, прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ. Согласно его доктринѣ преступникъ есть несчастный (disgraziato), болѣе или менѣе опасный человѣкъ, отъ котораго общество имѣетъ право оберегать себя, но котораго оно не можетъ наказывать, мучить, пытать или убивать. Въ странахъ съ молодой цивилизаціей (объ Америки и Англія) цѣлая серія реформъ утверждается на плодотворной истинѣ Ломброзовской доктрины. Ферри относитъ сюда manicomi criminali (особыя мѣста содержанія душевно-больныхъ преступниковъ), неопредѣленные по сроку приговоры (indeterminate sentences) для обычныхъ и условное осужденіе для случайныхъ преступниковъ, особый порядокъ содержанія малолѣтнихъ преступниковъ.

Далѣе Ферри ставитъ въ заслугу Ломброзо, что, вмѣсто обоготворенія генія, Ломброзо показалъ, что геній есть продуктъ эпилептическаго невроза и принадлежитъ къ области дегенераціи, а не совершенства человѣческой жизни. Это положеніе будто бы покоится на документальныхъ фактахъ, собранныхъ и спаянныхъ между собою Ломброзо съ мощью Микель Анджело [1]).

---

[1]) Стр. 153—155.

Наконецъ Ферри посвящаетъ нѣсколько строкъ увлеченіямъ Ломброзо относительно спиритизма, въ который Ломброзо, какъ извѣстно, на склонѣ дней своихъ увѣровалъ. Заявляя о полномъ несогласіи своемъ съ Ломброзо въ этомъ отношеніи, Ферри сообщаетъ по этому поводу объ участіи своемъ вмѣстѣ съ Ломброзо, Сержи, Рише и другими въ одномъ спиритическомъ сеансѣ, при чемъ Ферри удалось показать поддѣлку чудесныхъ явленій, но не удалось разубѣдить Ломброзо. Ферри по этому поводу вновь повторяетъ, что у Ломброзо была особенно развита геніальная интуиція и гораздо менѣе были дисциплинированы критическій смыслъ и способность контроля. Къ этому Ферри прибавляетъ, что Ломброзо вѣрилъ въ реальность вызванной однажды тѣни его матери, при чемъ наивно сознавался, что она привѣтствовала его на діалектѣ, недоступномъ ей при жизни, но голосъ былъ будто бы несомнѣнно его матери. Ферри впрочемъ дѣлаетъ оговорку,—которая плохо вяжется съ его предшествующими заявленіями, — что Ломброзо не вѣрилъ въ дѣйствіе духовъ, а полагалъ, что спиритическія явленія представляютъ совокупность невропсихологическихъ фактовъ, выходящихъ изъ ряда обычныхъ, но подчиненныхъ научнымъ законамъ [1]).

II.

Вышеуказанная работа Сержи въ сущности ничего не прибавляетъ новаго къ характеристикѣ заслугъ Ломброзо, сдѣланной Ферри. И Сержи говоритъ о способности Ломброзо къ геніальнымъ интуиціямъ, объ умозрѣніи (visione intelletuale), служившемъ ему органомъ научнаго откровенія. Работы Ломброзо по вопросу о преступномъ человѣкѣ, по мнѣнію Сержи, оригинальное созданіе генія въ видѣ цѣлостной дисциплины уголовной антропологіи. При этомъ Сержи удостовѣряетъ, что, первоначально неумолимый защитникъ смертной казни, какъ способа выдѣленія преступника изъ общества. Ломброзо позднѣе смягчился и допускалъ возможность нравственнаго возстановленія для нѣкоторыхъ классовъ преступ-

[1]) Стр. 155—156.

никовъ. По части теоріи Ломброзо о геніальности приводятся подлинныя слова Ломброзо. Изъ многочисленныхъ случаевъ эпилепсіи у геніевъ Ломброзо заключаетъ, что «самая природа генія можетъ быть эпилептическаго свойства. Необходимо однако отмѣтить, что у геніевъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются эпилептическія судороги и что, какъ извѣстно, психическій эквивалентъ (которымъ является геніальное творчество) у нихъ оказывается болѣе частымъ и болѣе интенсивнымъ. Тождество генія и эпилепсіи доказывается аналогіей (?!) перваго съ эпилептикомъ въ моментъ вдохновенія (estro), тѣмъ безсознательнымъ состояніемъ, дѣятельнымъ и насильственнымъ, которое ведетъ у перваго къ творчеству, а у второго къ двигательному сотрясенію (s'agitá motoriamente) [1]).

На основаніи приведенныхъ словъ Ломброзо Сержи полагаетъ, что теорія геніальности у Ломброзо сводится къ наличности эпилептовиднаго психоза у генія, аналогичнаго или даже тождественнаго съ таковымъ у прирожденнаго преступника (?), къ уравненію генія и больного дегенерата. Указавъ далѣе, что для объясненія аномаліи генія Ломброзо въ концѣ концовъ заимствовалъ у Вандервельда теорію регрессивной эволюціи, Сержи замѣчаетъ, что было бы чрезвычайно легко опровергать Ломброзо, но что это въ настоящей статьѣ неумѣстно и что Ломброзо не нашелъ біологической теоріи генія. Тѣмъ не менѣе Сержи полагаетъ, что собранные Ломброзо документы обнаруживаютъ дегенеративный характеръ большинства геніевъ [2]).

Сигеле въ своей статьѣ ставитъ себѣ задачей указать центральныя идеи, обезпечивающія Ломброзо посмертную славу. Особенно подробно онъ останавливается на теоріи о болѣзненномъ генезисѣ генія и на созданіи Ломброзо ученія о преступномъ человѣкѣ. Что касается до второго вопроса, то нѣтъ надобности излагать относящейся къ нему части статьи Сигеле, ничего не прибавляющей къ тому, что сказано Ферри. Поэтому я ограничусь защитой Сигеле теоріи о болѣзненномъ

[1]) Стр. 161—162 указ. статьи.
[2]) Стр. 163 указ. ст.

генезисѣ генія. Сигеле принимаетъ ее, если понимать ее въ томъ смыслѣ, что геніальный человѣкъ, представляя исключеніе, долженъ обладать антропологическими особенностями дегенеративнаго свойства, отличными отъ таковыхъ нормальнаго человѣка и составляющими условіе его геніальности. Ломброзо окончательно пришелъ къ заключенію, что природа генія—эпилептовиднаго свойства, что геній—эпилептическая дегенерація. На вызванные этимъ тезисомъ бурные протесты Ломброзо отвѣчалъ указаніемъ огромнаго числа геніальныхъ людей, одержимыхъ классической формой эпилепсіи или ослабленной, скрытой формой эпилепсіи (larvata). Противниковъ Ломброзо Сигеле упрекаетъ въ томъ, что они совершенно неправильно приписываютъ Ломброзо отождествленіе эпилепсіи и генія. Ломброзо, дѣйствительно, утверждаетъ, что эпилепсія въ одномъ случаѣ даетъ начало двигательному взрыву въ организмѣ, въ другомъ случаѣ—геніальному произведенію. Отсюда, по мнѣнію Сигеле, слѣдуетъ, что Ломброзо въ двухъ указываемыхъ имъ случаяхъ признаетъ различіе душевнаго фонда и, поэтому, вовсе не придаетъ эпилепсіи значенія единственной причины генія. Существуютъ другія таинственныя причины, которыя объясняютъ, почему на общей почвѣ возникаютъ безусловно различныя явленія.

Наконецъ Сигеле повторяетъ утвержденіе Ферри, что новѣйшія мѣропріятія въ борьбѣ съ преступностью (manicomi criminali, земледѣльческія колоніи, условное осужденіе) представляютъ осуществленіе требованій новой школы. Ученія уголовной антропологіи проникли въ законодательство и судебную практику, а если они встрѣчаютъ препятствія къ большему распространенію, то это зависитъ отъ невѣжества публики, неправильно полагающей, что согласно ученію Ломброзо всѣ преступники—душевно-больные. Въ случаѣ оправданія подсудимаго по душевной болѣзни кричатъ и винятъ Ломброзо, тогда какъ вина за освобожденіе опаснаго больного лежитъ на уголовномъ уложеніи, не принимающемъ мѣръ охраны общества отъ такого лица [1]).

[1]) Указ. ст. стр. 265—267.

III.

Обращаясь къ критикѣ изложенныхъ отзывовъ о Ломброзо, я буду говорить совмѣстно о работахъ Ферри, Сержи и Сигеле, представляющихъ однородную группу и нерѣдко повторяющихъ одна другую. Я выше уже указывалъ на восторженный, панегирическій тонъ у этихъ трехъ авторовъ. У Ферри особенно преобладаетъ реторика, замѣняющая всякую серьезную научную аргументацію. Но именно вслѣдствіе этого обстоятельства я не стану разбирать по существу оцѣнки Ферри заслугъ Ломброзо по отдѣльнымъ вопросамъ (напримѣръ, о прирожденномъ преступникѣ, объ отождествленіи его съ нравственно помѣшаннымъ, эпилептикомъ). Я отсылаю по этому предмету читателя къ моей книгѣ и въ особенности къ прекрасной критикѣ Гарофало, излагаемой мною ниже. Ограничусь разборомъ общихъ пріемовъ оцѣнки Ломброзо у названныхъ авторовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ приписываемая Ферри и Сержи покойному ученому способность къ широкимъ интуиціямъ и вмѣстѣ страсть къ изслѣдованію фактовъ. Но вѣдь интуиціи могутъ быть дѣйствительно геніальными, когда извѣстныя истины, предугадываемыя ими, впослѣдствіи подтверждаются путемъ позднѣйшаго обстоятельнаго изслѣдованія вслѣдствіе прогресса науки. Таковы были интуиціи Канта и Гёте въ области естественныхъ наукъ, Леонардо да-Винчи въ области механики. Можно ли сказать тоже объ интуиціяхъ Ломброзо? Огромное большинство ученыхъ всего міра отвергаетъ за ними научное значеніе. Самъ Ферри даетъ оружіе противникамъ, невѣрующимъ въ геніальность интуицій Ломброзо. Ферри нѣсколько разъ говоритъ о недостаткѣ критической способности у Ломброзо относительно повѣрки и разслѣдованія фактовъ, не смотря на страсть къ фактамъ. Тоже говоритъ, какъ увидимъ, и Гарофало. Что же это значитъ? Чѣмъ же могутъ быть интуиціи при этихъ условіяхъ, какъ не построеніями, лишенными всякаго твердаго научнаго основанія, воздушными замками? Какое значеніе остается за опытнымъ методомъ Галилея и Бэкона, при помощи

котораго новая школа обѣщаетъ перестроить устарѣвшее зданіе уголовнаго права, когда и самый прославленный вождь ея не можетъ работать по этому методу за слабостью критической способности. Упрекая классическую школу за ея метафизическій характеръ, новая позитивная школа не въ правѣ прибѣгать къ интуиціямъ, представляющимъ ничто иное, какъ ненавистное ей умозрѣніе. Указаніемъ критической слабости Ломброзо по части оцѣнки фактовъ Ферри только подтверждаетъ справедливость рѣзкой критики пріемовъ и способовъ изслѣдованія Ломброзо со стороны цѣлаго ряда компетентныхъ врачей и антропологовъ [1]).

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что Ферри приписываетъ Ломброзо и новой позитивной школѣ такія заслуги, которыя принадлежатъ не ей, а представителямъ другого научнаго направленія. Такъ, упоминая о земледѣльческихъ колоніяхъ, долженствующихъ замѣнить одиночное заключеніе, объ условномъ осужденіи, о вкладѣ гуманности въ юстицію, Ферри искажаетъ дѣйствительное положеніе вещей. Требованія смягченія наказаній въ связи съ реформой уголовнаго процесса, ради большей охраны правъ обвиняемаго, были настойчиво поставлены не позитивной школой Ломброзо, а классической или юридической школой въ Италіи въ лицѣ ея знаменитыхъ представителей Беккаріа, Карминьяни, Каррара, Пессина, Эллеро. Законодательная отмѣна смертной казни въ изданномъ въ 1889 году общемъ для Италіи уголовномъ уложеніи была осуществленіемъ требованій этой школы. Напротивъ, предводительствуемая Ломброзо и Ферри школа возстала противъ новаго итальянскаго уложенія въ виду отмѣны смертной казни и чрезмѣрнаго, по ея мнѣнію, смягченія наказаній. Ферри пытается связать новую школу съ именемъ Беккаріа, но эта попытка лишена достаточнаго основанія: по

---

[1]) Я имѣю въ виду Вирхова, объ отношеніи котораго къ Ломброзо я говорилъ выше, далѣе, въ особенности Topinard, L'anthropologie criminelle въ Revue d'anthropologie, 1887, Novembre,—Manouvrier—докладъ Парижскому конгрессу уголов. антропологіи 1889 г. объ антропологическихъ особенностяхъ преступниковъ; Bähr, Das Verbrechen in anthropologischer Beziehung, 1893. О противникахъ доктрины Ломброзо ср. 4 главу 2 выпуска моей вышеуказанной книги.

вѣрному замѣчанію Спасовича, школа Ломброзо дала Беккаріа отставку. Если самъ Ферри по практическимъ соображеніямъ и высказался противъ смертной казни, то Ломброзо и Гарофало въ своихъ главныхъ работахъ и въ особенности въ виду проекта итальянскаго уголовнаго Уложенія высказались за ея удержаніе въ законѣ [1]). Затѣмъ Ферри предлагалъ, въ своей главной работѣ Sociologia criminale, ссылку тягчайшихъ преступниковъ въ пустынныя и вредныя для здоровья мѣстности. Наконецъ, въ отличіе отъ того, что онъ говоритъ въ разсматриваемой статьѣ, онъ въ томъ же сочиненіи выступилъ противъ условнаго осужденія, называя его «эклектической прививкой на старомъ классическомъ стволѣ уголовнаго права».

Перехожу къ статьямъ Сержи и Сигеле и ихъ оцѣнкѣ теоріи Ломброзо о геніальности. Оцѣнка перваго весьма смутная. Онъ приводитъ дословно нестройную аргументацію Ломброзо, отрицаетъ правильность разрѣшенія вопроса, а въ заключеніе высказывается въ пользу усваиваемаго Ломброзо генію дегенеративнаго характера въ силу собранныхъ Ломброзо документовъ. При разборѣ статьи Сигеле, я покажу какими документами Ломброзо пользовался относительно характеристики Данта и Кардуччи.

Въ пользу теоріи Ломброзо о геніальности Сигеле выдвигаетъ положеніе, что если геніальный человѣкъ составляетъ исключеніе среди смертныхъ, то онъ долженъ обладать антропологическими особенностями, отличающими его отъ нормальнаго человѣка и обусловливающими его геніальность. Но вѣдь это положеніе поражаетъ своею голословностью, вѣдь это величайшее petitio principii, слово *долженъ* указываетъ на желаніе, на Wunsch,—Vater des Gedankens. Затѣмъ, почему же геній долженъ имѣть антропологическія особенности въ отличіе отъ обыкновенныхъ людей, притомъ дегенеративнаго свойства? Если связывать геній съ болѣзненнымъ неврозомъ, то объ антропологическихъ особенностяхъ нельзя говорить. Смѣшивать антропологи-

---

[1]) См. брошюру *Troppo presto*, 1888.

ческія и патологическія особенности совершенно неправильно.

Далѣе, если говорить объ исключительномъ характерѣ генія, то такой характеръ можетъ быть приведенъ въ связь не съ аномаліями тѣлесными и душевными, а съ тѣмъ явленіемъ, что у генія душевныя способности являютъ такой расцвѣтъ, такую полноту и силу, такую гармонію, которыхъ у обыкновенныхъ людей не бываетъ. Такими были Дантъ, Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, Леонардо де - Винчи, Микель - Анджело, Моцартъ, нашъ Пушкинъ. И пока будетъ жить память объ этихъ славныхъ именахъ—выдумка о болѣзненномъ генезисѣ генія не проникнетъ въ здоровое общественное сознаніе.

Неправильнымъ представляется возраженіе Сигеле противъ ошибочно, будто бы, приписываемаго Ломброзо отождествленія эпилепсіи и генія. Сигеле утверждаетъ, что, такъ какъ Ломброзо дѣлаетъ различіе между случаями, въ которыхъ эпилепсія сопровождается чисто патологическими явленіями, и случаями, гдѣ эпилепсія создаетъ геніальное произведеніе, то тѣмъ самымъ онъ признаетъ различіе душевнаго строя въ тѣхъ и другихъ случаяхъ и, слѣдовательно, не допускаетъ эпилепсіи, какъ единственной причины генія. Прежде всего надо замѣтить, что объясненіе Сигеле составляетъ въ сущности его собственную поправку и, притомъ, идущую въ разрѣзъ со словами самого Ломброзо, приведенными Сержи о тождествѣ эпилепсіи и генія. Но, далѣе, при принятіи этой поправки теорія Ломброзо отъ этого не дѣлается лучше. Извѣстно, что тяжелыя формы эпилепсіи и душевной болѣзни вообще погружаютъ и геніальнаго и рядового человѣка въ непроницаемый духовный мракъ, подавляющій всякую умственную дѣятельность. Извѣстно также, что въ нѣкоторыхъ формахъ душевной болѣзни и эпилепсіи, начальныхъ, абортивныхъ, слабыхъ, дѣятельность умственная, дѣятельность творческой способности не прекращается. Очевидно относительно послѣднихъ случаевъ можно сказать единственно, что болѣзненное страданіе не препятствуетъ геніальной дѣятельности. Выводить же изъ нихъ, что такое страданіе, наприм., эпилепсія не только допускаетъ творчество, но вмѣстѣ

и на ряду съ геніемъ является причиной производящей, значитъ нарушать законъ достаточнаго основанія, соотвѣтствія причины и послѣдствія, значитъ фантазировать. И, наконецъ, самъ Сигеле ссылается на таинственныя причины, чѣмъ и выдается головой вся тщета предшествующихъ разсужденій. Ссылка Сигеле вслѣдъ за Ферри на то, что Ломброзо подтвердилъ свою теорію рядомъ указанныхъ имъ геніальныхъ людей, одержимыхъ эпилепсіей, явной или скрытой, ровно ничего не доказываетъ. Если бы даже было безспорно установлено, что геніальные люди заболѣваютъ чаще душевнымъ разстройствомъ или эпилепсіей, чѣмъ люди обыкновенные, то ссылаться на это явленіе въ пользу теоріи Ломброзо значило бы смѣшивать причину и послѣдствіе. Нельзя кромѣ того опускать изъ виду, что Ломброзо съ величайшей небрежностью обращается съ понятіемъ *геніальности*. Въ его книгѣ L'Uomo di genio 1888 г. есть указанія на душевно-больныхъ, которые только временно во время болѣзни дѣлались геніями?! [1]). Съ другой стороны, Ломброзо столь же неразборчиво приписываетъ душевныя страданія людямъ полнѣйшаго здоровья и лучезарнаго генія. Такъ въ гл. I-ой части 1-ой той же книги: Forme fruste di nevrosi e di alienazione Ломброзо не постѣснился подвести подъ рубрику абортивныхъ формъ душевной болѣзни одного изъ величайшихъ новѣйшихъ поэтовъ Италіи Кардуччи и всемірнаго генія Данта. Основаніемъ для этого относительно перваго служитъ показаніе Мантегацца о томъ, что «лицо поэта (Кардуччи) по временамъ представляетъ ураганъ съ молніями въ глазахъ, и землетрясеніе въ мускулахъ». И только. А между тѣмъ на этомъ свидѣтельствѣ строится предположеніе о хореѣ у Кардуччи. Данту приписывается *мегаломанія* на основаніи извѣстныхъ стиховъ Divina Comedia съ тѣмъ же основаніемъ, какъ если бы отнести этотъ отзывъ къ Пушкину за его «Памятникъ». Это мѣсто въ книгѣ Ломброзо гла-

[1]) Указ. соч. Parte, III. Il genio nei pazzi, стр. 150—гдѣ Ломброзо говоритъ, что «значительной опорой для теоріи о геніи, какъ *психозѣ*, представляется истинная *временная* геніальность у душевно-больныхъ», эта временная геніальность проявляется въ сложеніи стиховъ, которые одобряются Ломброзо.

ситъ слѣдующимъ образомъ: «Меланхолическій бредъ сочетается или перемежается съ бредомъ величія (delirio grandioso). Гордость Данта, хотя и законная, осталась легендарной» (стр. 33). Но очевидно, что если самооцѣнка Данта была законная, то указаніе на бредъ ,величія лишено всякаго смысла.

Что касается до отнесенія къ заслугамъ Ломброзо и новой школы новѣйшихъ пріемовъ борьбы съ преступностью, то къ Сигеле вполнѣ относится сказанное выше относительно Ферри. Нельзя признать справедливыми и заявленія Сигеле, что приписываніе доктринѣ Ломброзо вредныхъ послѣдствій для судебной практики является единственно плодомъ невѣжества. Въ этомъ грѣхѣ, какъ будетъ показано ниже, оказывается повиннымъ Гарофало, не только видный представитель новой школы, но и значительный судебный дѣятель. Наконецъ упрекъ Сигеле по адресу итальянскаго уголовнаго Уложенія за отсутствіе мѣръ охраны относительно опасныхъ для общежитія лицъ, оправданныхъ по случаю душевной болѣзни, опровергается 2 ч. 46 ст. этого Уг. Улож. и ст. 13 и 14 декрета 1 декабря 1889 г. о помѣщеніи такихъ лицъ въ заведенія для душевно больныхъ.

IV.

Совершенно особое положеніе среди изложенныхъ отзывовъ о доктринѣ Ломброзо занимаетъ, какъ было указано выше, статья Гарофало: Lombroso e l'anthropologia criminale, напечатанная въ Nuova Antologia (Novembre 16 1909) рядомъ съ панегирикомъ Сигеле. Въ своей извѣстной Criminologia Гарофало уже высказался скептически относительно Ломброзовскаго отождествленія прирожденнаго преступника, нравственно помѣшаннаго и эпилептика, составляющаго центральный пунктъ доктрины Ломброзо. Ему же, далѣе, принадлежитъ честь указанія своимъ товарищамъ по школѣ, что прежде, чѣмъ говорить о преступникѣ, необходимо условиться относительно того, что такое преступленіе, о чемъ они и не подумали. Этотъ вопросъ Гарофало разрѣшилъ путемъ понятія объ *естественномъ преступленіи* (delitto

naturale), охватывающаго собою, по мысли Гарофало, тягчайшія преступныя дѣянія противъ имущественныхъ и личныхъ благъ. Это построеніе, не смотря на вызванныя имъ справедливыя возраженія, составляетъ все-таки заслугу Гарофало—вслѣдствіе объединенія дѣяній, квалификація которыхъ наименѣе зависитъ отъ временныхъ и мѣстныхъ условій [1]). Любопытно, что указанныя особенности Гарофало среди другихъ писателей новой школы выразились въ статьѣ его, написанной по случаю смерти Ломброзо даже съ большей рельефностью, чѣмъ въ *Criminologia*. Гарофало начинаетъ свою статью съ отдачи какъ бы обязательной дани признанія геніальности Ломброзо. «Хотя въ день похоронъ люди склонны преувеличивать заслуги покойнаго, и мы итальянцы отдаемся въ этихъ случаяхъ.... безграничнымъ преувеличеніямъ, однако, на этотъ разъ, если мы скажемъ, что Цезаре Ломброзо былъ одинъ изъ наиболѣе геніальныхъ ученыхъ, то намъ не потребуется просить прощенія за риторическую амплификацію». Эта оговорка дѣлаетъ на читателя впечатлѣніе, обратное тому, котораго желалъ авторъ. Читатель долженъ признать, послѣ отзывовъ Ферри, Сержи и Сигеле, полнѣйшую справедливость указаннаго общаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ трудомъ повѣритъ, что Гарофало самъ не заслуживаетъ сдѣланнаго имъ своимъ соотечественникамъ упрека.

Нѣсколько далѣе Гарофало говоритъ о божественномъ дарѣ генія у Ломброзо, но упрекаетъ его въ томъ, что онъ неблагодарнымъ образомъ неправильно истолковалъ природу генія, ассимилируя его съ психическимъ вырожденіемъ и помѣшательствомъ! [2]) (знакъ восклицанія въ подлинникѣ). Замѣчательно, что одинъ Гарофало правильно сообразилъ, что провозглашать Ломброзо геніемъ, безъ такой оговорки, по меньшей мѣрѣ неудобно.

Гарофало называетъ доктрину Ломброзо una vera rivoluzione. Отличіе Ломброзо отъ предшественниковъ

---

[1]) Разборъ теоріи о delitto naturale въ моей указанной книгѣ вып. I, гл. 4-ая и вып. II, гл. 4-ая.

[2]) Стр. 259.

состоитъ въ сдѣланномъ имъ указаніи на присущія преступникамъ психическія и физическія аномаліи, на пріостановку физическаго и психическаго развитія. Другіе сравнивали преступника съ дикаремъ, вслѣдствіе сходныхъ инстинктовъ и обычаевъ. Ломброзо приравнялъ его къ дикарю, представляющему собою доисторическаго человѣка вслѣдствіе особенностей, которыя въ болѣе высокихъ расахъ составляютъ аномаліи тѣлесныя и нравственныя. При этомъ Ломброзо говорилъ не метафорически, а выставлялъ какъ бы научно доказанный фактъ. Такое объясненіе вызывало сенсацію, отъ Ломброзо требовали объясненій. Объясненіе состояло въ указаніи на атавизмъ, прыжокъ назадъ до начала человѣческаго рода и даже до животныхъ, отъ которыхъ произошелъ человѣкъ (atavismo preumano). «Такимъ образомъ одна гипотеза объяснялась другой, болѣе чѣмъ когда либо спорной». Изслѣдованія Ломброзо относительно аномалій преступниковъ вызывали сильныя возраженія, признавались крайне недостаточными. Его пропорціи (20 случаевъ аномалій на 100 преступниковъ) не могли служить доказательствомъ повторенія опредѣленныхъ аномалій у изслѣдованныхъ имъ виновниковъ тождественныхъ преступленій. Недоставало, далѣе, сравненія, въ какихъ пропорціяхъ тѣ же аномаліи встрѣчаются у лицъ непреступныхъ; когда же такія сравненія дѣлались, то различіе не представлялось значительнымъ [1]).

Длинныя пренія происходили по этому предмету на конгрессахъ уголовной антропологіи. Теорія Ломброзо подвергалась опроверженіямъ, либо съ парадоксальной точки зрѣнія путемъ утвержденія, что анормальнымъ является не преступникъ, а свободный отъ преступности человѣкъ (Альбрехтъ на Римскомъ конгрессѣ), путемъ отрицанія фактовъ, наблюдавшихся Ломброзо, путемъ демонстраціи недостаточности Ломброзовской статистики, наконецъ путемъ противупоставленія пріобрѣтенныхъ или профессіональныхъ аномалій—при-

[1]) Ср. замѣчательный докладъ Manouvrier въ Актахъ Брюссельскаго конгресса уголовной антропологіи о невозможности такихъ сравненій (моя вышеуказ. работа, вып. II, стр. 251).

рожденнымъ (Принсъ, Тардъ). Самъ Гарофало, признавая наличность дегенеративныхъ стигматовъ у преступниковъ (въ частности у убійцъ), не допускалъ, однако, антропологической классификаціи, предпочитая классификацію по нравственнымъ аномаліямъ, прирожденнымъ или пріобрѣтеннымъ, но не поддающимся почти никогда воздѣйствію. Такимъ образомъ истинно антропологическій типъ начиналъ испаряться, исчезать, а уголовная психологія получала преобладаніе, такъ какъ оставалось недоказаннымъ, чтобы большая часть преступниковъ обладала общимъ типомъ морфологическихъ аномалій... Повидимому есть таинственное соотношеніе между нѣкоторыми физіономіями и наиболѣе низкими и вульгарными тенденціями. Но такія особенности являются аномаліями лишь при сравненіи съ антропологическимъ типомъ, признаваемымъ эстетически высшимъ. Нѣчто, правда, оставалось, но этого было слишкомъ мало, чтобъ изъ него создать научное зданіе. Самое названіе уголовной антропологіи могло уцѣлѣть, подъ условіемъ включенія въ нее уголовной психологіи и приданія послѣдней значенія главнаго отдѣла. Между тѣмъ во взглядахъ Ломброзо происходила эволюція, приведшая его къ новой теоріи. Эта теорія съ самаго начала представлялась Гарофало непріемлемой, но зато восторженно усваивалась въ ассизныхъ судахъ защитниками, когда они оказывались á bout de ressources. Новая теорія состояла въ отождествленіи прирожденнаго преступника и нравственно помѣшаннаго, delinquente nato и pazzo morale становились однимъ лицомъ. Но Ломброзо пошелъ дальше: на основаніи наблюденій надъ настоящей и такъ называемой скрытой эпилепсіей (epilessia larvata) онъ провозгласилъ тождество нравственно помѣшаннаго съ эпилептикомъ. А такъ какъ для Ломброзо прирожденный преступникъ былъ нравственно помѣшанный, то изъ этого слѣдовало, что онъ былъ и эпилептикъ. Это были гипотезы, требовавшія точной провѣрки, но, если Ломброзо обладалъ даромъ интуиціи, ему недоставало терпѣнія при изслѣдованіи, точнаго сопоставленія многочисленныхъ случаевъ. А между тѣмъ было явное противорѣчіе между атависти-

ческой теоріей прирожденнаго преступника и патологической теоріей преступника эпилептика. Вѣдь выходило, что первобытный человѣкъ—больной. Теорія о преступникѣ, какъ дикарѣ, поражалась на смерть послѣдующей теоріей. Въ самомъ дѣлѣ одно изъ двухъ: или эпилепсія можетъ быть распознана по собственнымъ ея особенностямъ, и тогда преступникъ долженъ считаться больнымъ, и новая теорія безполезна. Или же такихъ особенностей нѣтъ, и тогда совершенно произвольно приписывать скрытой эпилепсіи (epilessia larvata) преступность, какъ единственный симптомъ такой эпилепсіи.

Эти идеи, такъ заключаетъ Гарофало, не могли получить права гражданства въ наукѣ, но онѣ получали иногда кредитъ въ ассизныхъ судахъ, бывали причиною оправданія и оставленія на свободѣ тяжкихъ преступниковъ. Эти послѣдствія, конечно, совершенно шли наперекоръ намѣреніямъ Ломброзо. Онъ хотѣлъ поставить на мѣсто каторжной или пенитенціарной тюрьмы manicomio criminale, т. е. заведенія для безсрочнаго или долгосрочнаго содержанія опасныхъ душевнобольныхъ преступниковъ. Если необходимость такихъ заведеній для случаевъ душевной болѣзни, эпилепсіи и алкоголизма очевидна, то, съ другой стороны, оказались непріемлемыми обобщенія Ломброзо, приводившія къ новой формѣ преступнаго невроза [1]).

Затѣмъ Гарофало высказываетъ слѣдующія соображенія, содержащія вѣрную критику одного изъ коренныхъ грѣховъ той школы, къ которой онъ самъ принадлежитъ. Преступленіе, говоритъ Гарофало, есть феноменъ соціологическій и точка зрѣнія юриста на него не всегда можетъ совпадать съ точкой зрѣнія психіатра. Различіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія состоитъ въ томъ, что юристъ долженъ считаться и съ такими элементами, которыхъ психіатръ не обязанъ имѣть въ виду. Юристъ не можетъ оставлять безъ вниманія цѣнность и дѣйствительность наказанія, какъ предостереженія и примѣра, какъ одной изъ причинъ, могущихъ внушать отвращеніе къ преступленію, какъ

[1]) Стр. 260—262.

вліятельную причину образованія нравственнаго чувства. Однимъ словомъ воспитательное и предупредительное воздѣйствіе наказанія на все общество совершенно оставляется въ сторонѣ тѣми учеными, которые исключительно занимаются воздѣйствіемъ наказанія на преступника [1]). Съ другой стороны, нельзя допустить обращенія съ преступниками, какъ съ душевно-больными, изъ за того только, что у нихъ оказываются физическія или нравственныя аномаліи. Кто же останется внѣ стѣнъ manicomio, если нѣтъ человѣка, который бы не представлялъ какой нибудь особенности темперамента, какой либо нервной неуравновѣшенности и т. под. Въ какомъ затрудненіи оказался бы директоръ больницы, который бы недоумѣвалъ, какъ ему лѣчить аномальнаго субъекта съ цвѣтущимъ здоровьемъ и нормальнымъ разсудкомъ. И вотъ почему, каково бы ни было значеніе послѣдней по времени теоріи Ломброзо, разсматривающей преступника какъ больного, она *sociально опасна* и практически неосуществима [2]). Трудность установленія точной грани между поясомъ здоровья и поясомъ болѣе или менѣе болѣзненныхъ аномалій должна была озабочивать юристовъ. Это заставило Гарофало избрать критеріемъ рода и мѣры наказанія степень испорченности преступника или внушаемаго имъ страха *(temibilità)* [3]), независимо отъ вопроса о нравственной отвѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, при установленіи нравственной отвѣтственности, если даже оставить въ сторонѣ случаи наслѣдственности, душевной болѣзни, остается сомнительнымъ, могъ ли преступникъ, въ силу многочисленныхъ условій общественной среды, быть инымъ, чѣмъ онъ есть?

---

[1]) Въ указ. выше книгѣ моей я писалъ въ 1893 г., что итальянскіе криминалисты новой школы, крайне преувеличивая цѣль спеціальнаго предупрежденія путемъ наказанія, тѣмъ самымъ умаляютъ общественный элементъ въ наказаніи, вслѣдствіе пренебреженія къ общимъ цѣлямъ наказанія, и сами впадаютъ въ индивидуализмъ, за который они упрекаютъ классическую школу (вып. I, гл. 3-я, стр. 318). Я никакъ не думалъ въ то время, что черезъ много лѣтъ найду тотъ же упрекъ по адресу новой школы у Гарофало.

[2]) Стр. 262.

[3]) Подробный разборъ критерія *temibilità*, обоснованнаго Гарофало въ въ Criminologia—въ моей книгѣ вып. I, гл. 4-ая. Понятіе temibilità совпадаетъ съ понятіемъ état dangereux, которое обсуждалось на послѣднемъ съѣздѣ международнаго союза криминалистовъ въ Брюсселѣ лѣтомъ 1910 г.

Первая идея этого построенія явилась у автора вслѣдствіе размышленій вызванныхъ въ немъ работой Ломброзо «L'Uomo delinquente», вслѣдствіе опасеній вреда для уголовной юстиціи отъ примѣненія въ судебной практикѣ Ломброзовской доктрины, опасеній, не замедлившихъ оправдаться.

Гарофало заключаетъ свой критическій очеркъ слѣдующими словами: «Каково бы ни было сужденіе о методѣ изслѣдованія и результатахъ, полученныхъ Ломброзо, слѣдуетъ признать его великую любовь къ истинѣ, великую искренность, которую онъ внесъ въ свою публичную дѣятельность въ качествѣ члена городского совѣта въ Туринѣ... Эту искренность онъ вносилъ и въ свои научныя изслѣдованія. Если его методы изученія были недостаточны, обобщенія и индукціи слишкомъ поспѣшны, нѣкоторыя интуиціи его сохранятся, и новыя работы освѣтятъ истину, которая въ нихъ содержится [1]).

Изложенная критика доктрины Ломброзо дѣлаетъ величайшую честь Гарофало, который съ такой научной искренностью и безпристрастіемъ, не смотря на личныя и научныя связи съ покойнымъ и со всею его школой, такъ прямо и открыто высказалъ свои существенныя разногласія съ Ломброзо. Но статья Гарофало является замѣчательною и въ другихъ отношеніяхъ. Она воспроизводитъ сущность возраженій, сдѣланныхъ уже ранѣе Беромъ, Лакассань, Топинаромъ, Мануврiе, Тардомъ, Бруза, Луккини, Габелли. Однако, благодаря сжатости, наглядности и живости изложенія, даже знакомые аргументы и возраженія являются для читателя съ бо́льшей, обновленной силой. Вслѣдствіе своей особенной переоцѣнки доктрины Ломброзо Гарофало вступаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ Ферри, Сержи и Сигеле. Тамъ, гдѣ эти авторы видятъ геніальныя интуиціи (теорія генія, теорія тождества прирожденнаго преступника, нравственно помѣшаннаго и эпилептика) Гарофало усматриваетъ роковыя заблужденія. Далѣе Гарофало затрогиваетъ основной вопросъ о значеніи

[1]) Стр. 263.

антропологической стороны въ изслѣдованіи преступности и разрѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ, склоняясь въ пользу преобладающаго значенія уголовной психологіи. Эта точка зрѣнія все больше и больше находитъ приверженцевъ въ наши дни. Наибольшее мѣсто отводится психопатологіи и психологіи преступности въ извѣстномъ журналѣ Лакассаня, который съ 1885 г. выходилъ подъ названіемъ Archives d'anthropologie criminelle et des sciences pénales, а впослѣдствіи сталъ выходить съ прибавленіемъ къ первоначальному названію словъ: de psychologie normale et pathologique. Въ Германіи съ 1904 г. выходитъ посвященный изученію преступности журналъ Monatschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. Наконецъ послѣднее по времени значительное сочиненіе по изслѣдованію преступности—Aschaffenburg, Das Verbrechen und seine Bekämpfung. Kriminalpsychologie für Juristen und Soziologen, 2-ое изд. 1906 г., посвящено преимущественно психологіи преступности. Такимъ образомъ потверждаются возраженія, которыя много лѣтъ назадъ знаменитый французскій антропологъ Топинаръ выставлялъ противъ самого термина «*уголовной антропологіи*». Особенно заслуживаютъ вниманія указанія Гарофало на вредныя послѣдствія доктрины Ломброзо на судебную практику въ видѣ вызываемыхъ ею неправильныхъ оправдательныхъ приговоровъ. Какъ мы видѣли выше, Сигеле въ такихъ указаніяхъ видитъ невѣжество по части истиннаго содержанія доктрины Ломброзо. Но такое возраженіе, разумѣется, по своей голословности, не имѣетъ никакой силы. Очевидно, что ученіе Ломброзо, чрезвычайно расширяющее область случаевъ душевнаго разстройства, ученіе крайне смутное и неустойчивое, такъ какъ Ломброзо чрезвычайно часто мѣнялъ свои взгляды, при широкомъ распространеніи въ публикѣ могло вести къ такимъ результатамъ о которыхъ говоритъ Гарофало, желалъ ли этого или не желалъ Ломброзо. Затѣмъ свидѣтельство Гарофало, какъ судебнаго дѣятеля, представляется заслуживающимъ полнаго довѣрія. Ссылка Сигеле на отсутствіе требуемыхъ Ломброзо manicomi criminali устраняется замѣчаніемъ

Гарофало, что даже при наличности таковыхъ заведеній приходилось бы въ нихъ держать людей цвѣтущаго здоровья и съ здравымъ разсудкомъ изъ за свойственныхъ имъ нравственныхъ и физическихъ аномалій. На сколько вѣрно это послѣднее замѣчаніе, это можно удостовѣрить наблюденіями, сдѣланными въ другой странѣ, но на которую итальянскіе криминологи любятъ ссылаться, какъ на образецъ содержанія душевно-больныхъ преступниковъ. Такъ въ отчетѣ за 1885 г. Ирландскіе комиссіонеры по надзору за заведеніями для душевно-больныхъ преступниковъ (Commissioners of Lunacy) указывали на опасность скопленія лицъ, обвинявшихся въ убійствѣ, въ такихъ заведеніяхъ. По этому отчету, нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно здоровые люди, всѣ жаждали свободы и были убѣждены, что въ виду содержанія въ заведеніи для душевно-больныхъ, они въ случаѣ совершенія новаго преступленія, будутъ свободны отъ отвѣтственности (Tallack, Penological and preventive Principles стр. 156 и 157). Отсюда, очевидно, оказывается, что знаменитые manicomi criminali, рекомендуемые Ломброзо, при неразборчивомъ помѣщеніи въ нихъ преступныхъ лицъ со скрытой, напр., эпилепсіей, могутъ создавать весьма опасный соблазнъ для новыхъ преступленій этихъ лицъ. Получается поразительный результатъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ задачей охраны общественной безопасности. Наконецъ необходимо отмѣтить цѣнныя заключительныя соображенія Гарофало относительно принципа общаго предупрежденія преступности путемъ угрозы и исполненія наказанія, долженствующаго руководить законодателя при созданіи уголовнаго законодательства. Выставляя это требованіе, Гарофало, можно сказать, раздѣляетъ точку зрѣнія юридической или классической школы уголовнаго права, примыкаетъ къ направленію, которое въ современной Германской наукѣ, въ отличіе отъ соціологической школы Листа, видитъ руководящія принципы карательной дѣятельности въ справедливомъ возмездіи (gerechte Vergeltung) и общемъ предупрежденіи (Generalprevention) [1]). Эти принципы усвоены и про-

[1]) Представители этого направленія: Merkel, Birkmeyer, Gretener, Be-

ектомъ германскаго уголовнаго уложенія 1909 г. Указанныя соображенія Гарофало тѣмъ болѣе существенны, что, высказываясь противъ преувеличенія въ итальянской антропологической школѣ принципа спеціальнаго предупрежденія и умаленія вслѣдствіе этого принципа общаго предупрежденія, Гарофало въ нѣкоторомъ отношеніи не щадитъ и самого себя. Правда, и ранѣе въ Criminologia 1885 г. Гарофало высказывался за важное значеніе угрозы наказанія въ смыслѣ чувствительнаго мотива поведенія. Онъ утверждалъ, что нравственное чувство обновляется понятіемъ обязанности, освященной угрозой наказанія для нарушителя. Но, во-первыхъ, въ Criminologia Гарофало еще не упрекалъ представителей новой школы за пренебреженіе такими эффектами угрозы наказанія. А, во вторыхъ, ясное сознаніе необходимости принятія въ законодательствѣ указаннаго принципа весьма мало отразилось на предложенной имъ самимъ въ то время карательной системѣ, представляющей либо средства спеціальнаго предупрежденія (смертная казнь и ссылка), либо денежныя взысканія.

Въ заключеніе слѣдуетъ всецѣло присоединиться къ отзыву Гарофало о научной честности и искренности Ломброзо. Неутомимый и страстный труженикъ, онъ самъ подавалъ критикамъ доводы противъ себя, онъ не скрывалъ спорныхъ выводовъ двусмысленными объясненіями, можно сказать, что онъ былъ чистъ, какъ непорочный ребенокъ. И въ этомъ отношеніи онъ выдается тѣмъ болѣе рельефно, что, наприм., Ферри представляетъ яркій примѣръ софистики, постояннаго стремленія во чтобы то ни стало рекламировать новую школу и приписывать ей заслуги, принадлежащія другимъ направленіямъ и авторамъ. Вознося до небесъ своего покойнаго учителя Ферри, конечно посредственно восхвалялъ самого себя. Прекрасныя слова Гарофало о нравственной личности покойнаго Ломброзо гораздо болѣе достойное чествованіе его памяти, чѣмъ пустая реторика.

---

ling, Köhler, Liepmann, Kohler, Lammasch, Overbeck, Rohland, Nagler. Ср. вышедшія въ изданіи Биркмейера Kritische Beiträge zur Strafrechtsform. 16 монографій по этому вопросу. 1908—1911.

Современное положеніе вопроса о синдикатахъ въ Россіи и за-границей.

I. М. Гольдштейна.

(Окончаніе).

Если мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ успѣховъ картельнаго движенія за послѣдніе годы, то прежде всего здѣсь необходимо констатировать, что имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія въ высшей степени неполны.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ этого являются нѣсколько странныя отношенія, установившіяся между государственной властью большинства культурныхъ странъ и картелями. Не желая ссориться съ этими могущественными организаціями, съ одной стороны, и не находя пока въ большинствѣ случаевъ въ агитаціи классовъ населенія, заинтересованныхъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями картелей, достаточныхъ стимуловъ для проведенія соотвѣтствующаго законодательства, правительства большинства европейскихъ государствъ подражаютъ пока политикѣ страуса, считающаго себя обезпеченнымъ отъ угрожающей ему опасности, если онъ закроетъ глаза. Благодаря этому, даже въ государствахъ, въ которыхъ при основаніи каждаго рабочаго союза, состоящаго иногда всего изъ нѣсколькихъ лицъ, требуется представленіе статутовъ, списка членовъ, обозначеніе имени и адреса президента и членовъ правленія, обозначеніе мѣста собраній союза и т. д., по отношенію къ картелямъ и трестамъ всякія запросы объ ихъ цѣляхъ, числѣ членовъ, примѣняемыхъ ими въ борьбѣ съ конкурентами средствахъ и т. д. считаются излишними. Между тѣмъ, поскольку дѣло касается

эксплуатаціи публики и государства и опасности для общественнаго благополучія, монополистическіе союзы предпринимателей несомнѣнно куда опаснѣе рабочихъ организацій, хотя бы уже потому, что въ рукахъ послѣднихъ не имѣется такихъ громадныхъ капиталовъ [1]).

Въ виду всего вышесказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже свѣдѣнія о самомъ числѣ картелей и трестовъ бываютъ нерѣдко чрезвычайно противорѣчивы. Не останавливаясь на подробностяхъ и критикѣ данныхъ, приводимыхъ различными авторами, здѣсь достаточно отмѣтить, что за послѣднія 20 лѣтъ число такихъ организацій предпринимателей, и притомъ организацій со сравнительно ярко проявляющимся монополистическимъ характеромъ, повсюду чрезвычайно быстро возросло. Въ то время, напримѣръ, какъ еще въ 1889 г. стоящему близко къ картелямъ журналу «Industrie» удалось собрать свѣдѣнія о существованіи въ Германіи всего 90 картелей и ринговъ [2]), въ ноябрѣ 1902 г. статсъ-секретарь, графъ Позадовскій, въ подготовительномъ засѣданіи картельной анкеты заявилъ, что, по собраннымъ правительствомъ свѣдѣніямъ, число картелей въ Германіи въ 1901—1902 гг. равнялось приблизительно 450. По сообщеніямъ же офиціознаго журнала «Politische Nachrichten», въ Германіи въ теченіе только послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ было основано около 300 синдикатовъ, картелей и конвенцій, изъ которыхъ 80 приходилось на торговлю и приблизительно 220 на промышленность. Новѣйшій сборникъ, посвященный развитію процесса картелированія въ Германіи «Kartell-Jahrbuch» насчитывалъ въ первой четверти 1910 г. въ этой странѣ свыше 500 всякаго рода картельныхъ организацій [3]).

Очень успѣшно картелированіе прогрессировало при этомъ, какъ и въ другихъ странахъ, въ такихъ отра-

---

[1]) Ср. по этому поводу мой курсъ Эконом. Политики, стр. 38 и слѣд.

[2]) Ср. Schönlank, Die Kartelle, Archiv für Sociale Gesetzgebung, 3. Band 1890, стр. 515. По цитируемыхъ Pohle сообщеніямъ Steinmann-Bucher'a въ 1889 г. въ Германіи имѣлось 106 картелей. Ср. Pohle, Die Kartelle der gewerblichen Unternehmer, стр. 78.

[3]) Въ этотъ списокъ вошли, впрочемъ, нѣкоторыя организаціи, едва влачившія или даже совсѣмъ прекратившія существованіе.

сляхъ германской промышленности, въ которыхъ приготовлялись массовые продукты, и притомъ издѣлія, сбываемыя въ сравнительно немногихъ типахъ. Особаго интереса заслуживаетъ въ данномъ случаѣ еще то обстоятельство, что по сообщеніямъ одного изъ извѣстнѣйшихъ изслѣдователей картельнаго движенія—Роберта Лифмана, въ Германіи уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія имѣлось свыше 40 картелей, принимавшихъ участіе въ интернаціональныхъ соглашеніяхъ. Въ 1902 же году, по подсчетамъ Мая, число интернаціональныхъ соглашеній равнялось приблизительно 50 [1]). Въ настоящее время ихъ имѣется еще больше.

Говоря объ этихъ данныхъ относительно числа картелей нельзя, впрочемъ, не упомянуть о заслуженныхъ саркастическихъ замѣчаніяхъ депутата германскаго рейхстага Макса Шиппеля, сдѣланныхъ имъ въ своемъ рефератѣ о картеляхъ, читанномъ въ 1894 г. на конгрессѣ соціалистической партіи. Шиппель протестовалъ, между прочимъ, противъ такъ часто повторявшихся попытокъ сваливать безъ всякой критики въ одну кучу всѣ случаи, въ которыхъ проявляются стремленія къ урегулированію производства или защитѣ общихъ интересовъ въ какой-нибудь отрасли промышленности [2]).

Что касается другихъ государствъ, то и тамъ, какъ по отношенію къ числу картелей, такъ и по отношенію къ преслѣдуемымъ ими цѣлямъ, не имѣется вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ. Такъ, напримѣръ, какъ это правильно отмѣчается Лифманомъ [3]), многіе цитируютъ фактъ существованія въ Англіи около 870 всевозможныхъ союзовъ предпринимателей, какъ доказательство въ пользу того, что и при свободной торговлѣ монополистическія комбинаціи предпринимателей могутъ быть крайне многочисленны. Въ дѣйствительности, однако, по мнѣнію вышеназваннаго автора [4]), въ Англіи

---

[1]) Ср. May, Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen, стр. 29, 69 и слѣд. Май не приводитъ, къ сожалѣнію, списка существовавшихъ въ 1902 г. интернаціональныхъ соглашеній.

[2]) Ср. Pohle, Die Kartelle der gewerblichen Unternehmer, стр. 82.

[3]) Liefmann, Schutzzoll und Kartelle, стр. 64 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 8.

къ началу XX вѣка навряд ли имѣлось больше 100 картелей, въ составъ которыхъ входятъ, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ всѣхъ предпринимателей данной отрасли производства, т. е. союзовъ, которые можно хотя бы относительно назвать организаціями, обладающими монополистическимъ характеромъ. Вдобавокъ, не смотря на наблюдающееся въ новѣйшее время и въ Англіи усиленіе картельнаго движенія, число картелей и трестовъ и роль, которую они тамъ играютъ, сравнительно незначительны [1]).

Въ Россіи, несмотря на то, что картельное движеніе сдѣлало здѣсь за послѣдніе годы громадные успѣхи, никакихъ официальныхъ попытокъ опубликовать полный списокъ работавшихъ и работающихъ въ этой странѣ синдикатскихъ организацій пока не дѣлалось [2]).

---

[1]) Относительно причинъ слабаго развитія картелей въ Англіи, ср. мои статьи въ «Zeitschrift für Sozialwissenschaft» (IV. Band, 7. Heft, 1901), въ «Kartell-Rundschau» (4. Heft, 1904) и 7 и 8 лекціи курса Экономической Политики. Нѣкоторыя новыя данныя о развитіи картельнаго движенія въ Англіи имѣются въ книгѣ Herrmann'a Levy.

[2]) Изъ имѣющихся у меня частныхъ свѣдѣній, газетныхъ сообщеній и т. д. видно, что болѣе или менѣе прочныя соглашенія существовали и работали за послѣдніе годы въ слѣдующихъ отрасляхъ производства:

1. Алебастра; 2. Аналиновыхъ красокъ; 3. Балокъ и швеллеровъ (Продамета); 4. Бандажей и осей (Продамета); 5. Бумаги; 6. Бѣлильной извести; 7. Вагоновъ; 8. Вилъ; 9. Виннокаменной кислоты; 10. Гвоздей; 11. Гипса (въ Польшѣ и въ другихъ районахъ Россіи); 12. Джута; 13. Дрожжей; 14. Желѣза кровельнаго (Кровля); кромѣ того, соглашеніе 3 заводовъ на Югѣ; 15. Желѣза листового (Продамета); 16. Сортового желѣза въ Польшѣ; 17. Сортового желѣза въ Россіи (Продамета); 18. Желѣзныхъ трубъ; 19. Жести; 20. Зеркальнаго стекла; 21. Килекъ (въ Ревелѣ и Ригѣ); 22. Консервовъ на Югѣ; 23. Кирпича (въ Петербургѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Псковѣ, Полтавѣ, Ростовѣ, на Камѣ и въ другихъ районахъ Россіи); 24. Клея; 25. Кожевенной промышленности (въ Минскѣ и другихъ районахъ); 26. Крахмала; 27. Лампъ; 28. Льна (по экспорту «Двина»); 29. Лѣсопромышленниковъ (въ Гродненской губ. и другихъ районахъ Россіи); 30. Марганцевой руды; 31. Машинъ сельско-хозяйственныхъ; 32. Мебели изъ гнутаго дерева; 33. Мостостроительныхъ заводовъ; 34. Мукомоловъ (въ разныхъ районахъ Европейской Россіи, на Кавказѣ (Баку), въ Западной и Восточной Сибири); 35. Мѣди («Мѣдь»); 36. Мѣшковъ; 37. Въ нефтяной промышленности; 38. Нитокъ (Coats & Co); 39. Паровозовъ; 40. Пивоваровъ въ Москвѣ, Ригѣ, Томскѣ, и въ другихъ районахъ Россіи; 41. Платино-промышленниковъ; 42. Полотняныхъ пуговицъ; 43. Проволоки и проволочныхъ издѣлій (Проволока); 44. Резиновыхъ издѣлій (Треугольникъ); 45. Рельсъ; 46. Руды (Продарудъ); 47. Сахара-песка; 48. Сахара-рафинада; 49. Ситценабивныхъ фабрикъ (въ Московск., Владимир. и др. районахъ); 50. Соды; 51. Солепромышленниковъ (на Уралѣ, въ Баскунчакѣ, въ Крыму и др. районахъ); 52. Спирта денатурированнаго; 53. Спирта при поставкахъ казнѣ (такъ наз. Submissions-Kartelle); 54. Спичекъ; 55. Стеариновыхъ свѣчей; 56. Стекла; 57. Страховой синдикатъ; 58. Судовладѣльцевъ на Черномъ, Каспійскомъ, Балтійскомъ и другихъ моряхъ; 59. Судовладѣльцевъ Волжскихъ

Въ общемъ, по моимъ подсчетамъ число синдикатскихъ соглашеній сравнительно высокаго типа, о дѣятельности которыхъ имѣются свѣдѣнія, значительно превосходитъ 100. Кромѣ того, имѣется еще много *мѣстныхъ* соглашеній низшаго типа [1]).

Наиболѣе подробныя, хотя далеко не достовѣрныя свѣдѣнія имѣются по этому вопросу въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. По даннымъ послѣдняго американскаго ценза въ 1900 году въ этомъ государствѣ имѣлось 183 крупныя комбинаціи предпринимателей, въ рукахъ которыхъ находилось около 2150 заводовъ и фабрикъ. На долю этихъ комбинацій тогда уже приходилось отъ 25 до 30% всей стоимости производства Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ въ ихъ предпріятіяхъ работало около 20.600 высшихъ служащихъ и отъ 333.000 до 508.000 рабочихъ. Со времени основанія Морганомъ милліарднаго стального треста и цѣлаго ряда другихъ крупныхъ комбинацій экономическое и политическое значеніе трестовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, само собой разумѣется, еще больше возросло; это видно изъ того обстоятельства, что подъ контролемъ [2]) только пяти лицъ: J. Rockefeller'a, E. Harriman'a, J. Pierpont Morgan'a, W. Vardenbilt'a и G. Gould'a уже къ началу XX столѣтія находился капиталъ въ приблизительно 16 милліардовъ руб., т.-е. почти половина всѣхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ банкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ Соединенныхъ Штатовъ [3]).

судовладѣльцевъ на Иртышѣ, судовладѣльцевъ на Камѣ, судовладѣльцевъ на Днѣпрѣ, Окѣ, Москвѣ-рѣкѣ, на Амурѣ и т. д.; 60. Сульфата (глауберовой соли); 61. Серной кислоты; 62. Телеграфныхъ изоляторовъ; 63. Угля (Продуголь); 64. Уксуса; 65. Хлопководовъ (Туркестанъ); 66. Хлопчатобумажныхъ прядиленъ въ Москвѣ и другихъ районахъ; 67. Цементныхъ заводовъ въ Польшѣ, въ Харьковѣ и другихъ районахъ Россіи; 68. Чугуна спеціальнаго; 69. Чугунныхъ трубъ (Продамета); 70. Нѣкоторыхъ сортовъ шерстяныхъ издѣлій; 71. Электротехнической промышленности.

[1]) Въ средѣ булочниковъ, кондитеровъ, мясниковъ, колбасныхъ фабрикъ, рыбниковъ, сыроваровъ, огородниковъ, мучныхъ и керосиновыхъ торговцевъ, дровянниковъ, скотопромышленниковъ, типографовъ, владѣльцевъ аптекарскихъ складовъ и т. д. и т. д.

[2]) Т.-е. включая и средства союзныхъ предпріятій.

[3]) Ср. H. Macrosty, Trusts in Amerika, Archiv für Sociale Gesetzgebung, 17. Band, 1902, стр. 308.

Къ отраслямъ народнаго хозяйства Соед. Штатовъ, въ которыхъ всякаго рода комбинаціи предпринимателей играютъ особенно выдающуюся роль, принадлежитъ желѣзнодорожное дѣло, въ которомъ большинство теперешнихъ американскихъ милліардеровъ, принимая крупное участіе въ спекуляціяхъ желѣзнодорожными акціями, и нажило, собственно говоря, значительную часть своихъ огромныхъ капиталовъ.

Какъ это видно изъ сообщеній Джона Муди (Moody), почти 95% всѣхъ главныхъ желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя находились прежде въ рукахъ приблизительно 5.000 самостоятельныхъ компаній, находятся теперь въ рукахъ 6-ти группъ, сконцентрировавшихся вокругъ извѣстнѣйшихъ американскихъ милліардеровъ и финансистовъ

Центральное мѣсто по величинѣ капитала и длинѣ находящихся въ ея рукахъ линій принадлежало группѣ знаменитаго руководителя стального треста *Моргана*. Пользуясь поддержкой стоящихъ за его спиной банковъ, собирающихъ деньги довѣряющихъ этому геніальному аферисту свои сбереженія вкладчиковъ, Морганъ въ короткое время, съ 1897 по 1903 г., т.-е. въ теченіе 6-ти лѣтъ, успѣлъ увеличить находившуюся подъ его владычествомъ сѣть съ 15.200 до 47.200 миль, т.-е. больше чѣмъ въ 3 раза. Уже въ 1903 г. находившаяся въ его рукахъ желѣзнодорожная сѣть превосходила, слѣдовательно, почти въ $1^1/_2$ раза всю желѣзнодорожную сѣть Европейской Россіи, включая Финляндію, при чемъ капиталъ находившейся подъ владычествомъ Моргана желѣзнодорожной сѣти, по его номинальной цѣнности, исчислялся въ $4^1/_2$ милліарда руб. Къ 1903 г. Моргану удалось уже захватить въ свои руки приблизительно 225 мелкихъ и крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Въ 1910 же году подъ доминирующимъ вліяніемъ группы Моргана, или по крайней мѣрѣ, подъ частичнымъ контролемъ его, находилась $^1/_2$ всей желѣзнодорожной сѣти Соед. Штатовъ [1]).

[1]) Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 19 янв. 1910 г.

Группа Моргана находится въ очень близкихъ отношеніяхъ, на почвѣ *совмѣстнаго обладанія акціями* различныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, съ группами Вандербильта, захватившаго въ свои руки около 132 компаній, Гульда и Рокфеллера, захватившихъ въ свои руки около 109 компаній, пенсильванской группы, захватившей около 280 компаній, и т. д.

Благодаря этой *взаимной* заинтересованности отдѣльныхъ группъ въ дѣлахъ остальныхъ группъ [1]), всѣ онѣ вмѣстѣ *фактически* являются какъ бы одной громадной организаціей, капиталъ который по своей номинальной цѣнности уже въ 1903 г. достигалъ громадной цифры въ 18 милліардовъ рублей, при чемъ въ рукахъ этихъ шести группъ находилась желѣзнодорожная сѣть въ 164.600 миль, т.-е. сѣть, почти въ *пять* разъ превышавшая всю сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи.

Какъ быстро прогрессируетъ при этомъ захватъ американскими милліардерами и ихъ сподручниками желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ,—видно изъ слѣдующихъ данныхъ. А именно: съ 1897 по 1903 г., т.-е. въ теченіе всего шести лѣтъ, группа Вандербильта увеличила находившуюся въ ея рукахъ желѣзнодорожную сѣть на 30%, группа пенсильванской дороги—на 115%, группа Гульда и Рокфеллера—на 159%, группа Гарримана, Куна и Лэба—на 191% и группа Моргана—на 211%.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Вандербильты сильно заинтересованы въ крупной желѣзнодорожной компаніи Lehigh Valley Railroad, находящейся въ рукахъ Моргана и пенсильванской групы, а принадлежащая къ группѣ Вандербильта крупная желѣзнодорожная компанія Lake Shore Michigan Central Railway System владѣетъ главной частью капитала другой крупной желѣзнодорожной компаніи Reading Company System, находящейся въ рукахъ пенсильванской группы. Въ принадлежащей къ группѣ Моргана Northern Securities Company значительная часть акцій находилась, въ свою очередь, въ рукахъ группы Гарримана, Куна и Лэба, а крупная часть акцій другой, находящейся подъ владычествомъ Моргана желѣзнодорожной компаніи—Hocking Valley System, находилась въ рукахъ пенсильванской группы. Значительная часть акцій крупной желѣзнодорожной компаніи Kansas City Southern Railway, находившейся подъ контролемъ группы Гарримана, перешла, въ свою очередь, въ руки группы Гульда и Рокфеллера и т. д., такъ что каждая изъ этихъ большихъ группъ болѣе или менѣе заинтересована въ устраненіи грозящей какой-либо изъ этихъ группъ убытками конкуренціи.

Съ тѣхъ поръ особенно видную роль сталъ играть ставленникъ Рокфеллера Гарриманъ, такъ какъ къ началу 1909 г. въ его рукахъ или подъ его контролемъ находились слѣдующія крупныя желѣзнодорожныя комбинаціи:

Union Pacific	длиной	въ	5.916	миль
Southern Pacific	»	»	9.731	»
Illinois Central	»	»	4.378	»
New York Central	»	»	12.282	»
Atchison	»	»	9.350	»
St. Paul	»	»	8.687	»
North Western	»	»	7.623	»
Baltimore & Ohio	»	»	4.462	»
Delaware & Hudson	»	»	845	»
Georgia Central	»	»	1.914	»
Erie	»	»	2.571	»
		Итого	67.759	

Такимъ образомъ, въ рукахъ Гарримана находилась сѣть, длина которой была въ 2 раза больше желѣзнодорожной сѣти Россіи и равнялась почти $^1/_3$ желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ.

Опираясь, съ одной стороны, на Рокфеллера, а съ другой стороны, на банки, стоящіе за спиной Моргана, съ которымъ Гарриманъ прежде не разъ велъ ожесточенную борьбу, Эдвардъ Гарриманъ до самой своей смерти (лѣтомъ 1909 г.) лелеялъ планы создать крупную трансконтинентальную систему, при помощи которой онъ могъ бы сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Пользуясь своимъ могущественнымъ вліяніемъ на финансовомъ рынкѣ, поименованные выше желѣзнодорожные консерны стараются затруднить возникновеніе новой конкуренціи. Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно констатировать, что, тогда какъ съ 1830 по 1850 г. желѣзнодорожная сѣть Соединенныхъ Штатовъ ежегодно росла въ среднемъ приблизительно на 700 километровъ, съ 1850 по 1870 г.—на 3.600 кил., съ 1870 по 1890 г.—на 9.100 кил., т.-е. средній ежегод-

ный приростъ быстро увеличивался—съ 1890 по 1908 г. средній ежегодный приростъ равнялся всего 6.000 километрамъ.

Упомянутые выше лица: *Моріанъ, Джонъ и Вильямъ Рокфеллеры, В. и Ф. Вандербильты, Джорджъ Гульдъ, А. Кассатъ, Джемсъ Гиллъ, Эдвинъ Гаули, Роджерсъ, Августъ Бельмонтъ, Томасъ Райенъ*, и *В.* и *Дж. Муры*, стоятъ, однако, не только во главѣ желѣзнодорожнаго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ. Параллельно съ этимъ постепеннымъ захватомъ въ свои руки желѣзныхъ дорогъ, большинство этихъ милліардеровъ, и въ особенности Морганъ и Рокфеллеръ, старались стать и во главѣ важнѣйшихъ отраслей промышленности Соединенныхъ Штатовъ.

Рокфеллеръ при помощи стоящихъ за его спиной и собирающихъ для его спекуляцій деньги у публики банковъ, а именно: National City Bank, Hanover National Bank, Second National Bank и т. д., въ союзѣ съ нѣсколькими другими финансистами, захватилъ въ свои руки почти всю нефтяную промышленность, при чемъ въ рукахъ этого треста (Standard Oil Company) находилось уже въ 1903 г. около 400 предпріятій.

Въ 1906 г. изъ 26 милл. барилей очищеннаго керосина, добытаго въ Соед. Штатахъ, на долю Standard Oil Co приходилось 23 милл. барилей, т.-е. около 90%.

Отчетъ Interstate Commerce Commission о Standard Oil Co, напечатанный въ 1906 г., констатируетъ, что Стандартъ, въ цѣляхъ разоренія конкурентовъ, не переставалъ примѣнять свои старые пріемы: содержалъ цѣлую армію шпіоновъ среди служащихъ конкурентовъ, подкупалъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, въ результатѣ чего цистерны съ грузомъ конкурентовъ переводились на запасные пути, гдѣ пропадали по мѣсяцамъ и т. д. и т. д.

Когда Standard Oil Co уничтожала конкурентовъ, цѣна продуктовъ быстро повышалась. Такъ, напр., въ районахъ, гдѣ конкурренція была вытѣснена съ рынковъ, цѣна керосина поднялась въ теченіе 8 лѣтъ съ 1898 по 1906 г. *вдвое* [1]).

[1]) Ср. «Frankfurter Zeitung» отъ 30 ноября 1906 г.

Подъ контролемъ того же Рокфеллера и его сотрудниковъ состоитъ затѣмъ табачный трестъ, въ рукахъ котораго въ однихъ Соед. Штатахъ находится 86 громадныхъ компаній съ капиталомъ (акціонернымъ и облигаціоннымъ) приблизительно въ 900 милл. руб. [1]) Принимая же во вниманіе и предпріятія, находящіяся въ рукахъ или подъ контролемъ табачнаго треста въ другихъ странахъ, его капиталъ долженъ былъ превышать милліардъ рублей [2]).

Въ рукахъ Рокфеллера находятся затѣмъ трестъ плавильныхъ заводовъ, ледяной трестъ, трестъ заводовъ, выдѣлывающихъ химическія удобренія (American Agricultural Chemical Co), бумажный трестъ, компаніи, эксплуатирующіе Ніагарскій водопадъ, значительная часть заводовъ, выдѣлывающихъ скипидаръ, большинство акцій United Metals Selling Co и Amalgamated Copper Company, Corn Products Refining Co (съ капиталомъ въ 80 милл. долл.), новые конкуренты United Shoe Machinery Co и т. д.

---

[1]) Если вычесть цѣнность акцій, которыми взаимно обмѣнялись отдѣльныя входящія въ трестъ компаніи, то эта цифра понизится, правда, до 630 милл. рублей. Ср. Report of the Commissioner of Corporations on the Tobacco Industry Part I, стр. 19.

[2]) Какъ быстро табачный трестъ захватывалъ въ свои руки производство курительнаго, нюхательнаго и жевательнаго табака въ Соед. Штатахъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ офиціальнаго отчета бюро о корпораціяхъ. А именно, въ рукахъ треста и независѣвшихъ отъ треста предпріятій находились слѣдующія количества производства этихъ издѣлій:

	Предпріятія треста		Независимыя предпріятія	
	Число предпр.	ихъ произв. въ тысяч. фунтовъ.	Число предпр.	ихъ произв. въ тысяч. фунтовъ.
1897	11	60.768	1990	238.654
1900	33	185.600	2224	120.539
1906	50	310.325	2680	83.952

Такимъ образомъ, въ то время какъ въ теченіе 9 лѣтъ производство треста увеличилось больше, чѣмъ въ пять разъ, количество производства независимыхъ предпріятій уменьшилось почти въ 3 раза. При этомъ число самыхъ крупныхъ предпріятій, вырабатывавшихъ каждое свыше 5 милл. фунтовъ, увеличилось у треста съ 5 до 21, тогда какъ въ средѣ независимыхъ число такихъ предпріятій понизилось съ 7 въ 1897 до 2 въ 1906 г. Къ числу средствъ, къ которымъ охотно прибѣгалъ табачный трестъ для вытѣсненія своихъ конкуррентовъ, было пониженіе заработной платы. Послѣднее достигалось закрытіемъ фабрикъ въ сѣверныхъ частяхъ страны и переносомъ производства въ южные штаты, гдѣ имѣлся достаточный контингентъ дешевой рабочей силы въ лицѣ женщинъ и дѣтей. Ср цитируемый H. Levy (Kartell-Rundschau за 1910 г., стр. 842) трудъ M. Jacobstein'a, «The Tobacco Industry in the United States».

Подъ контролемъ Рокфеллера находится далѣе и одна изъ трехъ крупнѣйшихъ страховыхъ компаній Соединенныхъ Штатовъ—Mutual Life Insurance Company, доставляющая Рокфеллеру сотни милліоновъ наличныхъ средствъ для его спекуляцій.

Уже въ 1907 г. группа Standard Oil Co имѣла въ своихъ рукахъ значительное количество акцій всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній въ Соед. Штатахъ [1]). Владѣя на ряду съ этимъ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ акцій различныхъ желѣзныхъ дорогъ, примыкающихъ къ группамъ Мура, Гульда, своего ставленника Гарримана и т. д., Рокфеллеръ всегда оказывалъ громадное вліяніе на размѣры тарифныхъ ставокъ этихъ дорогъ; а именно—въ томъ направленіи, чтобы упрочить свою монополію, поскольку дѣло касается снабженія американскихъ и иностранныхъ рынковъ петролеумомъ и другими, выдѣлываемыми находящимися въ его рукахъ трестами, продуктами [2]).

Наряду съ этимъ въ рукахъ Рокфеллера и его сотрудниковъ находились телеграфный трестъ (Western Union Telegraph Company), создавшійся изъ 25 предпріятій съ капиталомъ приблизительно въ 275 милл. рублей, телефонный трестъ, объединившій 36 крупныхъ предпріятій съ капиталомъ приблизительно 1 милліардъ 100 милл. рублей [3]), и множество другихъ, созданныхъ на почвѣ концессій предпріятій въ родѣ: трамваевъ, городскихъ желѣзныхъ дорогъ, газовыхъ заводовъ, станцій, снабжающихъ населеніе электрическимъ освѣщеніемъ и электрической энергіей и т. д.

Это послѣднее явленіе особенно интересно въ виду того обстоятельства, что эти компаніи, пользуясь всякаго рода концессіями, а потому и болѣе или менѣе полной монополіей, приносятъ обыкновенно сравнительно высокіе и обезпеченные дивиденды. Этимъ умѣніемъ Рокфеллера

---

[1]) Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 23 февр. 1907 г.

[2]) Ср. Report of the Commissioner of Corporations on the Petroleum Industry, Part I, стр. 22 и слѣд.

[3]) По новѣйшимъ подсчетамъ (ср. Moody's Magazine, сент. 1909 года, стр. 174) общая капитализація всѣхъ предпріятій, входящихъ въ составъ телефоннаго треста или контролируемыхъ имъ, достигаетъ почти 2 милліардовъ рублей.

создавать прочныя монополіи и можно объяснить тотъ фактъ, что, тогда какъ биржевая цѣна акцій и облигацій находящагося въ рукахъ Моргана стального треста въ общемъ была значительно ниже номинальной цѣны ихъ, биржевая цѣна цѣнныхъ бумагъ руководимаго Рокфеллеромъ петролеумнаго треста превосходитъ въ нѣсколько разъ ихъ номинальную цѣну. А именно, подъ вліяніемъ выплачиваемыхъ петролеумнымъ трестомъ громадныхъ дивидендовъ (напримѣръ, въ 1899 г. 33%, въ 1900 г.—48%, въ 1901 г.—48%, [1]) въ 1902 г.—45%, въ 1903 г.—44%, въ 1904 г.—36%, съ 1905 по 1909 г. по 40%, общая биржевая цѣна его акціонернаго капитала, полученныя прибыли и выплаченныя дивиденды исчислялись слѣдующимъ образомъ [2]):

Годъ.	Акціонерн. капиталъ, номинал. велич.	Биржевая цѣна акцій.	Полученная прибыль.	Распредѣленный дивидендъ.
		Въ милл. долларовъ.		
1899	97,0	196,2	34,4	14,3
1900	97,4	205,5	55,5	46,7
1901	97,4	211.0	52,3	46,8
1902	97,4	231,8	64,6	43,9
1903	97,4	270,2	81,3	42,9
1904	98,3	297,5	61,6	35,2
1905	98,3	315,6	57,5	39,3
1906	98,3	359,4	83,1	39,3
		Итого	490,3	308.4

Съ 1899 по 1906 г. биржевая расцѣнка акцій Standard Oil Co увеличилась, слѣдовательно, *вдвое*, достигнувъ суммы въ 720 милл. рублей; послѣдняя же, въ свою очередь, почти въ 4 раза выше номинальной цѣны акцій треста. За время съ 1898 по конецъ 1909 г. Standard Oil Co выплатили при этомъ, въ видѣ дивидендовъ, около 950 милл. рублей, т.-е. суму, превышающую въ $4^1/_2$ раза номинальную цѣну акціонернаго капитала. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ въ ноябрѣ 1908 г. на судѣ, Рокфеллеръ призналъ, что ежегодная

[1]) Ср. по этому поводу мою статью «Общественные интересы и тресты» въ № 124 «Русскаго Слова» за 1908 г.

[2]) Ср. Kartell-Rundschau за 1907 г. стр. 814.

прибыль треста за послѣдніе годы достигала 160 милл. рублей, вся же чистая прибыль съ 1899 по 1907 г. равнялась 1 милліарду 150 милл. руб. [1]). Какъ быстро ростутъ доходы треста, видно изъ того факта, что съ 1882 по 1898 г., т.-е. въ $1^1/^2$ раза большій промежутокъ времени, трестъ выплатилъ въ видѣ дивиденда всего около 490 милл. руб. [2]).

Благодаря этому пристрастію Рокфеллера къ монополистическимъ предпріятіямъ, онъ давно уже сталъ помѣщать значительную часть своихъ превосходящихъ иногда, какъ утверждаютъ нѣкоторые американскіе авторы, 100 милліоновъ рублей въ годъ доходовъ, во всякаго рода концессіонированныя предпріятія, при чемъ особенной привязанностью Рокфеллера пользуются, предпріятія общественнаго характера въ Нью-Іоркѣ.

Въ союзѣ съ Гульдомъ и Райеномъ, Рокфеллеръ уже къ 1903 году захватилъ почти всѣ важнѣйшія компаніи, снабжавшія газомъ и электричествомъ Нью-Іоркъ и его предмѣстья, а затѣмъ и важнѣйшіе трамваи и городскія желѣзныя дороги, при чемъ капиталъ всѣхъ этихъ монополистическихъ предпріятій уже въ 1903 г. достигалъ 1,4 милліарда рублей. При этомъ Рокфеллеромъ примѣнялась слѣдующая система. Заполучивъ немного больше половины акцій различныхъ предпріятій, Рокфеллеръ, пользуясь затѣмъ всѣми ихъ средствами, постоянно пріобрѣталъ и основывалъ все новыя и новыя компаніи, захвативъ, подобно пауку, въ свою сѣть всѣ важнѣйшіе предпріятія общественнаго характера сначала въ Нью-Іоркѣ и его предмѣстьяхъ, въ Чикаго, а затѣмъ и во многихъ другихъ крупныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Что касается группы Моргана, то она, захватила при помощи стоящихъ за ея спиной крупныхъ банковъ: National Bank of Commerce, First National Bank, Chase

---

[1]) Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 21 ноября 1908 г.

[2]) Главнѣйшими акціонерами треста къ половинѣ послѣдняго десятилѣтія были: J. D. Rockefeller, владѣвшій 247.692 акціями (свыше 1/4 всего числа акцій), Charles H. Prutt—52.582 акціи, наслѣдники D. M. Harkness'a—42.000 акцій, Oliver H. Payne—40.000 акцій H. M. Flagler—30.500, наслѣдники O. Jennings'a—17.000, H. H. Rogers (вице-президентъ треста)—16.020 акцій. Такимъ образомъ въ рукахъ немногихъ переименованныхъ лицъ находилось около 1/2 всѣхъ акцій керосиноваго треста.

National Bank, Liberty National Bank и т. д., на ряду съ громадной частью желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ, *стальной трестъ*, *каучуковый трестъ*, значительную часть добычи мѣди и цемента, пароходный трестъ, генеральную электрическую компанію и т. д [1]).

Поскольку дѣло касается наиболѣе могущественнаго изъ руководимыхъ Морганомъ трестовъ—United States Steel Corporation, то его значеніе для народнаго хозяйства Соед. Штатовъ выясняется съ достаточной ясностью изъ слѣдующихъ цифръ, характеризующихъ размѣры производства, доходовъ и т. д. этого треста. Соотвѣтствующія цифры равнялись [2]).

Годы.	Чугунъ.	Коксъ.	Необраб. сталь.	Обработ. сталь	Рельсы.
			Въ тысячахъ тоннъ.		
1902	7.803	9.522	9.744	8.197	1.921
1903	7.123	8.658	9.168	7.636	1.934
1904	7.210	8.652	8.406	6.793	1.243
1905	9.941	12.243	11.995	8.226	1.727
1906	11.059	13.295	13.511	10.578	1.982
1907	10.632	12.374	13.100	10.377	1.734
1908	6.811	8.170	7.839	6.207	1.050
1909	11.437	13.590	13.355	9.860	1.719

Годы.	Цементъ (барилей).	Чистая прибыль.	Чистая прибыль на тонну стали.	Затрачено на новыя постройки и улучшенія.
			Въ долларахъ.	
1902	486.000	133,3 милл.	13,25	16,6 милл.
1903	644.000	109,2 »	11,20	31,0 »
1904	540.000	72,2 »	8,70	18,0 »
1905	1.735.000	119,8 »	10,45	24,4 »
1906	2.076.000	156,6 »	12.00	32,2 »
1907	2.130.000	161,0 »	12,61	67,0 »
1908	4.535.000	91,8 »	12,06	49,4 »
1909	5.786.000	131,5 »	10,75	33,7 »

[1]) Акціонерный и облигиціонный капиталъ этихъ трестовъ исчислялись по номинальной цѣнѣ: стального треста въ 3 милліарда рублей, пароходнаго треста (International Merc. Marine Co) въ 360 милл. р., генеральной электрической компаніи съ нѣсколькими союзными предпріятіями въ 170 милл. руб. (съ 1906 по 1909 г. послѣдній трестъ увеличилъ свой облиг. и акц. капиталы почти на 50%). Ср. Moody's Manual са 1910 г., стр. 2766 и 2715.

[2]) Ср. The real Strength of the Steel Trust, Moody's Magazine, іюль 1910 г., стр. 12.

По подсчетамъ профессора H. C. Emery стальной трестъ уже къ 1907 году захватилъ въ свои руки около 65% всего сбыта готовыхъ издѣлій изъ стали въ Соед. Штатахъ, причемъ его общій оборотъ по сбыту продуктовъ достигъ въ этомъ году сказочно высокой суммы, превысивъ 1 1/2 милліарда рублей.

Роль, которую игралъ къ 1910 г. Морганъ въ финансовыхъ сферахъ Соед. Штатовъ, иллюстрируется, между прочимъ, слѣдующими фактами. Подъ его доминирующимъ вліяніемъ находятся слѣдующіе банки и финансовыя корпораціи:

Національные банки.

	Капиталъ	Вклады.
Bank of Commerce . .	25 милл. долл.	145 милл. долл.
First National	10 » »	94 » »
Liberty	1 » »	19 » »

Финансовыя корпораціи (Trust Companies).

Astor	1 1/4 милл. долл.	13 милл. долл.
Bankers	3 » »	44 » »
Equitablle	3 » »	49 » »
Guaranty	2 » »	77 » »
Mercantile	2 » »	58 » »
New York	3 » »	51 » »
Standard	1 » »	15 » »

Только въ этихъ банкахъ имѣлось такимъ образомъ вкладовъ больше чѣмъ на 1,1 милліарда рублей. А между тѣмъ, Морганъ играетъ крупную роль и въ управленіи National City Bank, вклады котораго достигали въ это время суммы въ 375 милл. рублей, а затѣмъ и въ управленіи многихъ банковъ въ многочисленныхъ промышленныхъ центрахъ Помимо этого подъ его контролемъ находятся активы громадныхъ страховыхъ обществъ New York Life и Equitable, достигающіе 2 милліардовъ рублей [1]).

---

[1]) Размѣры вліянія Моргана на финансовыя сферы прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ. Округъ Dallas въ Техасѣ хотѣлъ сдѣлать облигаціонный заемъ въ 845.000 долларовъ и предложилъ выполненіе этой операціи банкамъ восточныхъ Штатовъ. Всѣ банки, однако, отказались отъ этого. Причины этого отказа вскорѣ выяснились изъ письма вице-президента страховой компаніи Equitable, находящейся подъ контролемъ

На ряду съ этимъ и группа Моргана, какъ и группа Рокфеллера, владѣла цѣлымъ рядомъ обладающихъ концессіями компаній, снабжавшихъ освѣщеніемъ, энергіей и т. д. цѣлый рядъ крупныхъ городовъ и промышленныхъ центровъ Соединенныхъ Штатовъ.

За послѣдніе годы группа Моргана стала играть крупную роль и въ другихъ государствахъ. Она захватила, напримѣръ, значительную часть добычи селитры въ Чили, сильно заинтересована въ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Китаѣ и, находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ громаднымъ германскимъ финансовымъ институтомъ—Dresdner Bank, оказываетъ воздѣйствіе и на германскую промышленность.

При этомъ здѣсь необходимо указать, вдобавокъ, на то обстоятельство, что уже къ концу 1903 года въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлось, по сообщеніямъ Moody, около 445 работавшихъ тамъ крупныхъ и болѣе мелкихъ трестообразныхъ организацій, номинальная цѣнность капитала которыхъ равнялась приблизительно 40 милліардамъ рублей, при чемъ въ рукахъ этихъ трестовъ находилось около 8.660 бывшихъ прежде самостоятельными, по большей части громадныхъ, предпріятій. [1])

Въ новѣйшее время процессъ централизаціи капитала сдѣлалъ дальнѣйшіе успѣхи. По офиціальнымъ подсчетамъ, за пятилѣтіе съ 1900 по 1905 г., производство Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на 30%, число же промышленныкъ предпріятій всего на 4,2%.

Моргана. Этотъ вицепрезидентъ, не стѣсняясь, писалъ, что законы Техаса о страховыхъ компаніяхъ настолько стѣснительны для послѣднихъ, что ни одинъ банкъ, несмотря на полную обезпеченность займа и крупную прибыль, которую можно получить при выпускѣ облигацій, не рѣшится пойти на это. (Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 19 янв. 1910 г.).

[1]) Изъ всей цѣнности производства страны на долю всякаго рода трестовъ и трестообразныхъ корпорацій уже въ 1900 году приходилось:

въ текстильной промышл. около	50%	всего производства
» производ. стеклян. издѣлій .	54%	» »
» бумажн. и печатн. пропзвод.	60%	» »
» производ. пищев. продукт. .	62%	» »
» » алкогол. напитк. .	72%	» »
» » метал., кромѣ жел. и стали	77%	» »
» химической промышл. . . .	81%	» »
» производствѣ желѣза и стали	84%	» »

Ср. K.-R. за 1909 г. стр. 292.

Почти въ половинѣ отраслей производства число предпріятій не увеличилось, или даже уменьшилось [1]).

За послѣдніе годы тресты стали захватывать въ свои руки и универсальные магазины. Такъ, напримѣръ, въ рукахъ извѣстнаго нью-іорскаго креза—Джона Клафлина имѣется около 20 громадныхъ универсальныхъ магазиновъ въ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ томъ числѣ въ Нью-Іоркѣ, Питсбургѣ, Миннеаполисѣ, Луисвиллѣ, Балтиморѣ, Буфалло, Цинцинати и т. д. [2]).

Въ новѣйшее время тресты снова часто стремятся увеличить область своего вліянія при помощи слѣдующаго средства. А именно—они искуственно увеличиваютъ число облигацій, владѣльцы которыхъ не имѣютъ права контроля надъ дѣятельностью предпріятія [3]). Благодаря этому тресты, затративъ сравнительно небольшія суммы на покупку большинства акцій, являются фактически хозяевами множества громаднѣйшихъ предпріятій [4]).

---

[1]) За это время закрылось, напримѣръ, около 300 сахаро-рафинадныхъ заводовъ, 300 кожевенныхъ заводовъ, 200 хлопчато-бумажныхъ прядилень. Число боенъ, табачныхъ и бумажныхъ фабрикъ не увеличилось. Несмотря на это, общая цѣнность производства этихъ отраслей промышленности увеличилась съ 1900 по 1905 г. на 3,4 милліарда долларовъ.

Въ 7 наиболѣе монополизированныхъ отрасляхъ промышленности, производствѣ: керосина, сахара, алкоголя, соли, табаку, желѣза и мяса, число предпріятій, равнявшееся въ 1900 году 3.450, понизилось въ 1905 г. до 2.990, т.-е. на 13%, тогда какъ общая цѣнность ихъ производства увеличилась съ 2.072 милл. долл. на 2.466 милл. долл., т.-е. на 16%. То же самое наблюдалось и въ отрасляхъ промышленности, занимающихся обработкой мѣди и каучука, въ которыхъ тресты контролировали отъ 50 до 75% производства. Въ 1900 году въ нихъ числилось 5.299 предпріятій, въ 1905 же году только 4.754, т.-е. уменьшеніе числа предпріятій на 10%, тогда какъ производство увеличилось на 33%. (Ср. Kartell-Rundschau 1907 г., кн. X, стр. 751 и Halle, Weltwirtschaft. Jahrgang 1907, III. Theil, стр. 58 и слѣд.

[2]) Ср. K.-R. 1908 г., стр. 961 и статью The United Drygoods Combination въ Moody's Magazine за 1909 г., стр. 92.

[3]) По новѣйшимъ даннымъ въ «Poor's Manual» капитализація всѣхъ желѣзнодорожныхъ компаній въ Соед. Штатахъ исчисляется, напр., въ 17.235 милл. долл. На акціи при этомъ приходилось 7.642 милл., на облигаціи 9.593 милл. долл. Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 2 іюня 1910 г.

[4]) Ср. K.-R. 1909 г., стр. 288. —Этотъ пріемъ, впрочемъ, не всегда удобенъ, въ особенности, когда тресту нежелательно какое бы то ни было вмѣшательство въ его дѣла со стороны судовъ и правительства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такое вмѣшательство особенно нежелательно, тресты стараются избѣгать выпуска слишкомъ значительнаго количества облигацій (bonds).

Объясняется это тѣмъ, что при выпускѣ облигацій, въ случаѣ, если бы трестъ не могъ уплатить слѣдуемыхъ по нимъ процентовъ, владѣльцы облигацій могли бы объявить его банкротомъ. При возможности такого исхода

Какіе успѣхи тресты дѣлаютъ, благодаря отчасти широкому примѣненію этого средства, видно изъ слѣдующаго перечня компаній, совсѣмъ поглощенныхъ, или поставленныхъ подъ контроль другихъ компаній. Въ своемъ Manual за 1906 г. Муди насчитываетъ около 4.600 такихъ компаній, въ томъ числѣ: 400 трамваевъ, 900 газовыхъ заводовъ и компаній электрическаго освѣщенія, 1.100 желѣзнодорожныхъ компаній, 100 компаній для водоснабженія, 150 телефонныхъ и телеграфныхъ, 1.600 промышленныхъ и иныхъ обществъ [1]).

Послѣдній кризисъ далъ дальнѣйшій сильный толчокъ концентраціи и централизаціи капитала. А именно, въ томъ отношеніи, что когда, вслѣдствіе паники, курсъ даже очень надежныхъ бумагъ сильно упалъ, Рокфеллеръ и Морганъ скупили по низкой цѣнѣ массу всевозможныхъ акцій, благодаря чему имъ удалось захватить въ свои руки контроль надъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ предпріятій, стоявшихъ до того внѣ сферы ихъ вліянія.

По новѣйшимъ подсчетамъ Муди [2]), капиталъ трестовъ и всякаго рода трестообразныхъ организацій къ 1 января 1908 года достигъ цифры въ 31,7 милліарда долл. (около 63 милліардовъ рублей).

Изъ этой суммы на жел. дороги приходилось приблизительно 12,9 милліарда долл., а на всякаго рода другіе тресты, пользующіеся концессіями, 2.599 предпріятій съ 7,8 милліарда долларовъ.

Внесенныхъ въ реестры промышленныхъ трестообразныхъ организацій числилось 458. Въ рукахъ ихъ находились 6.676 предпріятій съ капиталомъ приблизительно въ 11 милліардовъ долларовъ.

тресты предпочитаютъ замѣнять облигаціи привилегированными акціями, дающими ихъ владѣльцу 6 или 7%. Если бы трестъ не могъ временно платить процентовъ по такимъ привилегированнымъ акціямъ, то его нельзя объявить банкротомъ, какъ это возможно было бы въ томъ случаѣ, если бы онъ пересталъ платить проценты по своимъ облигаціямъ. Ср. Jenks, The Trust Problem, стр. 84.

[1]) Ср. Liefmann, Betheiligungs-und Finanzierungsgesellschaften, стр. 174.

[2]) Его трудъ: «The Truth about the Trusts», какъ и издаваемый имъ ежегодно «Manual», а затѣмъ и журналъ «Moody's Magazine», несмотря на тенденціозность, являются одними изъ лучшихъ сборниковъ сырого матеріала о трестахъ.

Среди нихъ имѣлось:

15 трестовъ съ капит. въ 100 милл. долл. и свыше
33 » » » » 50 до 100 милл. долл.
165 » » » » 10 » 50 » » [5]).

Чтобы оцѣнить значеніе приведенныхъ выше цифръ съ экономической точки зрѣнія, здѣсь достаточно указать на новѣйшіе результаты статистики Германіи о развитіи акціонернаго дѣла въ этой странѣ. А именно: въ 1909 г. въ Германской имперіи имѣлось всего 5.257 акціонерныхъ компаній съ номинальнымъ капиталомъ приблизительно въ 15,3 милліарда марокъ, т.-е. около 7 милліардовъ рублей.

Принимая во вниманіе, что въ рукахъ акціонерныхъ компаній находится, какъ извѣстно, почти вся крупная промышленность и значительная часть крупной торговли Германіи, мы легко поймемъ, сравнивая германскія цифры [1]) съ данными объ Америкѣ, значеніе американскихъ трестовъ для экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ, допуская даже для Америки разводненіе капитала наполовину или на $^2/_3$, мы должны будемъ прійти къ выводу, что во власти Рокфеллера, Моргана и ихъ союзниковъ Вандербильта, Гульда и т. д. находится капиталъ въ 3 или 4 раза превышающій капиталъ, помѣщенный во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ столь высоко развитой въ промышленномъ отношеніи страны, какъ Германія.

Для характеристики же соціальнаго значенія вызванной трестами централизаціи капитала цитированный нами выше Junge приводитъ слѣдующія, правда, по всей вѣроятности, нѣсколько преувеличенныя сравненія. Тогда какъ по даннымъ Шмоллера въ Германіи всего 2% (?) національнаго богатства находилось въ рукахъ высшихъ классовъ, 54% въ рукахъ среднихъ классовъ

---

[5]) Самыми значительными трестами являются: 1) United States Steel Corporation; 2) Standard Oil Co; 3) American Tobacco Co; 4) Amalgamated Copper Co; 5) American Smelting & Refining Co; 6) American Sugar Refining Co; 7) International Mercantile Marine Co; 8) Western Union Telegraph Co; 9) American Telephone and Telegraph Co.

[1]) При этомъ сравненіи не приняты во вниманіе всѣ крупныя желѣзныя дороги Германіи, такъ какъ онѣ находятся почти цѣликомъ въ рукахъ государства.

и 44% въ рукахъ низшихъ классовъ, по даннымъ 10-го ценза 20% національнаго богатства Соед. Штатовъ находилось въ рукахъ 0,3% всего населенія, нѣсколько больше половины въ рукахъ 9% населенія и меньше 3/10 всего національнаго богатства въ рукахъ остальныхъ 91% населенія. При этомъ для 1896 года сдѣланные подсчеты указывали на тотъ фактъ, что около 9/10 всего національнаго богатства Соед. Штатовъ находились въ рукахъ 1% всѣхъ семействъ. Сенаторъ же Ла Фолеттъ утверждалъ въ новѣйшее время, что почти вся крупная промышленность Соединенныхъ Штатовъ находится во власти меньше, чѣмъ 100 лицъ, во главѣ которыхъ стоятъ Рокфеллеръ и Морганъ [1]). Какъ растетъ въ новѣйшее время значеніе Моргана, видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго факта. Въ 1901 г. Морганъ состоялъ членомъ правленія въ 31 акціонерномъ предпріятіи, въ 1909 въ 59, George S. Baker, второй по своей роли персонатъ Морганівской группы, въ 57 противъ 30 въ 1901 г., а теперешній президентъ стального треста E. Gary въ 41 противъ 9 [2]).

Что созданное Морганомъ и Рокфеллеромъ кольцо, несмотря на происходящія между обѣими группами отъ времени до времени тренія и стычки, охватываетъ все тѣснѣе и тѣснѣе американскую промышленность, видно изъ того факта, что на ряду съ учащающимся совмѣстнымъ владѣніемъ множествомъ акцій различныхъ большихъ и малыхъ трестовъ, въ новѣйшее время изъ 24 директоровъ руководимаго Морганомъ стального треста цѣлыхъ 9 являются, собственно говоря, представителями петролеумнаго треста, т.-е. Рокфеллера.

Такое же далеко идущее сближеніе между Рокфеллеромъ и Морганомъ состоялось въ новѣйшее время и въ области желѣзнодорожнаго дѣла. А именно, стремясь заполучить въ свои руки желѣзнодорожныя линіи, ведущія отъ Нью-Іорка въ С.-Франциско и отъ Великихъ озеръ къ Мексиканскому заливу, петролеумный трестъ закупилъ, по сообщеніямъ «Frankfurter Zeitung», въ срав-

---

[1]) Ср. К.-R. за 1909 г., стр. 393—394.
[2]) Ср. «Frankf. Zeitung» отъ 19 января 1910 г.

нительно новѣйшее время большое число акцій состоящей въ близкихъ отношеніяхъ съ группой Моргана пенсильванской желѣзнодорожной группы, результатомъ чего было избраніе одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей петролеумнаго треста—Фрика—въ число директоровъ пенсильванской дороги.

На ряду съ этимъ петролеумный трестъ сталъ затрачивать за послѣдніе годы такія громадныя суммы на покупку акцій другихъ желѣзнодорожныхъ группъ, что, по подсчетамъ демократическаго кандидата на постъ губернатора Пенсильваніи—Emery, группа Рокфеллера уже лѣтомъ 1906 г. контролировала вложенный въ желѣзныя дороги (общаго и мѣстнаго значенія) капиталъ свыше *пяти* милліардовъ рублей. Весь же капиталъ, находившійся подъ контролемъ группы Рокфеллера, включая банки, промышленныя и торговыя предпріятія и т. д., равнялся приблизительно $10^1/_2$ милліардамъ рублей [1]), т.-е. охватывалъ около *одной пятой* всѣхъ помѣщенныхъ въ то время во всѣхъ американскихъ трестахъ капиталовъ. При этомъ не слѣдуетъ еще забывать того факта, что, опасаясь дальнѣйшаго возбужденія общественнаго мнѣнія противъ себя, какъ Рокфеллеръ, такъ и Морганъ, сплошь и рядомъ покупаютъ акціи различныхъ предпріятій *черезъ подставныхъ* лицъ, что значительно затрудняетъ установленіе точныхъ границъ находящихся подъ ихъ контролемъ капиталовъ.

При этомъ какъ во всѣхъ случаяхъ *совмѣстнаго* владѣнія акціями и облигаціями какихъ-либо предпріятій, такъ и въ другихъ случаяхъ, когда этого не наблюдается, группа Рокфеллера и Моргана стараются устранить, по возможности, всякую конкуренцію другъ съ другомъ, постепенно подготовляя такимъ образомъ созданіе полной общности интересовъ, т.-е., иными словами, сліяніе обѣихъ группъ въ одно цѣлое.

Когда совершится этотъ знаменательный фактъ, предугадать, понятно, трудно. Съ того момента, однако, когда этотъ кругъ замкнется, нельзя будетъ не признать обоснованности взглядовъ тѣхъ авторовъ, которые утверждаютъ, что люди, скупающіе цѣлыя сѣти желѣзныхъ дорогъ и торговые флоты, задающіеся цѣлью

снабжать всю страну, а иногда и полъ-міра сталью и желѣзомъ, керосиномъ, табакомъ, земледѣльческими машинами, мясомъ и т. д., – такіе люди не страдаютъ припадками сентиментальности, а имѣютъ крѣпкую совѣсть. Этимъ господамъ приходится тѣмъ менѣе призадумываться надъ тѣмъ, какъ использовать свое могущество, что наружную отвѣтственность за свои дѣйствія они всегда могутъ взвалить на терпѣливыя плечи своихъ служащихъ [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какъ общественное мнѣніе, такъ и правительства всѣхъ культурныхъ странъ удѣляютъ за послѣдніе годы столько вниманія прогрессу синдикатскаго движенія и попыткамъ его урегулированія въ томъ направленіи, чтобы, *сохранивъ положительныя стороны* этихъ организацій, ослабить по возможности его наиболѣе *вредныя проявленія*.

---

[1]) Ср. Вентигъ, Промышл. картели и законод. рекламентація ихъ, Русск. Эк. Обозр., дек. 1901 г., стр. 46.

Понятіе «непреодолимой силы» въ гражданскомъ правѣ.

Т. М. Яблочковъ.

Введеніе. Вопросъ о научной классификаціи существующихъ теорій. Господствующіе методы построенія понятія непреодолимой силы.

«Непреодолимая сила» есть одинъ изъ загадочныхъ институтовъ гражданскаго права. Съ нимъ оперируетъ законодатель въ разныхъ отдѣлахъ права, не связывая, однако, съ нимъ никакого опредѣленнаго содержанія. Замѣчательно, что сами редакторы закона обычно уклоняются разъяснить его смыслъ [1]). Они сознаютъ, что этотъ терминъ допускаетъ самое различное пониманіе, но въ тоже время не считаютъ возможнымъ устранить это выраженіе изъ системы гражданскаго права. Въ виду такого положенія вещей на науку права ложится отвѣтственная работа прійти на помощь судебной практикѣ, давъ ей руководящія начала для сужденія о наличности «непреодолимой силы».

Всѣ юристы согласны въ томъ, что понятіе «непреодолимой силы» есть видъ родового понятія «случая», противополагаемаго понятію вины. Но, что̀ такое «непреодолимая сила» (vis major)? Этотъ вопросъ разъединяетъ ученый міръ на массу теченій и направленій. Одни юристы опредѣляютъ «непреодолимую силу», какъ «такое вредоносное событіе, которое, не смотря на крайнюю старательность, не можетъ быть *субъективно* предотвращено, т. е. не можетъ быть предотвращено мѣрами и средствами даннаго предпріятія» [2]). Другіе же юристы

[1]) См. напр. скудныя и отрывочныя замѣчанія въ мотивахъ къ *Entw.* I, *Motiven*, т. I, стр. 317 сл., т. V, стр. 612.

[2]) *Goldschmidt*. «Das receptum nautarum, cauponum, stabulariorum». Zeitschrift für Handelsrecht, Bd. III, (1860) стр. 58 и сл; Его-же. Verantwortlichkeit des Schuldners für seine Gehilfen., ibid, Bd. XVI (1871), стр. 324 сл.

вносятъ въ это опредѣленіе поправку: непреодолимая сила есть *объективно* непредотвратимое вредоносное событіе [1]). Эти опредѣленія кладутъ начало двумъ большимъ теченіямъ въ научной литературѣ по вопросу о сущности «непреодолимой силы»: теоріямъ «субъективнымъ» и теоріямъ «объективнымъ».

Такова классификація теорій, принятая теперь наукой права. Въ самомъ дѣлѣ, эта группировка теорій стала, можно сказать, традиціонной у всѣхъ авторовъ, какъ отечественныхъ, такъ и западно-европейскихъ! Однако,— полагаемъ мы,—она покоится лишь на поверхностномъ признакѣ *субъективной* или *объективной* предвидимости и непреодолимости событія Это различіе нивеллируется на объединяющемъ ихъ основномъ отправномъ пунктѣ этихъ теорій: ученіе о *предотвратимости* изслѣдуемаго дѣянія, какъ необходимомъ и существенномъ реквизитѣ понятія «vis major». Идея «предотвратимости» необходимо связана съ предположеніемъ *предусмотрительности*, ибо первая безполезна безъ второй. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ объ объемѣ требуемой—in casu—«diligentia», а это изысканіе въ свою очередь возвращаетъ насъ къ принципу *виновной* отвѣтственности. Само ученіе о «непредотвратимости» событія, какъ признакѣ «непреодолимой силы», начинаетъ въ новѣйшей литературѣ подвергаться сомнѣнію. Нами лично оно рѣшительно отбрасывается, какъ ученіе совсѣмъ несостоятельное и съ теоретической и практической точекъ зрѣній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, рождается вопросъ о новой научной группировкѣ существующихъ теорій, покоющейся на болѣе глубокомъ признакѣ, чѣмъ моментъ субъективной или объективной непредотвратимости дѣянія. Лишь установивъ на прочныхъ основаніяхъ *методы* изслѣдованія, коими пользовались наши предшественники по работѣ и открывъ ихъ слабыя стороны, мы можемъ: 1-хъ, дать новую научную группировку существующихъ теорій, и 2-хъ, дать правильную конструкцію понятія «непреодолимой силы» (vis major).

---

[1]) *Exner*. Der Begriff der höheren Gewalt, стр. 6 сл.

***

Ученіе о «vis major» имѣетъ тотъ практическій интересъ, что въ нѣкоторыхъ видахъ гражданской отвѣтственности законодатель, исходя изъ тѣхъ или другихъ соображеній, повышаетъ отвѣтственность извѣстныхъ лицъ или предпріятій путемъ возложенія на послѣднихъ отвѣтственности не только за *вину* (culpa)—личную или помощниковъ и служащихъ,—но и за *случай* (casus). Единственнымъ «освобождающимъ основаніемъ» законъ допускаетъ въ этихъ видахъ отвѣтственности (кромѣ ссылки на собственную вину потерпѣвшаго) указаніе на «непреодолимую силу».

Такъ вотъ, два метода мыслимы при построеніи такого понятія «vis major». Мы можемъ разсматривать «vis major», какъ понятіе, которое должно быть построено апріорнымъ путемъ, внѣ зависимости его отъ основанія (ratio legis) повышенной отвѣтственности даннаго лица или предпріятія. Съ точки зрѣнія этого воззрѣнія, «vis major» есть кругъ такихъ событій, «quibus resisti non potest» (l. 18 pr. D. 13. 6) и въ этомъ ихъ свойствѣ они «a nullo praestantur» (l. 23 D. 50. 17). Найти критерій «неотразимости» есть задача изслѣдователя даннаго вопроса. Прилагая къ данному типу отвѣтственности выработанное, такъ сказать, «на сторонѣ» понятіе «vis major», мы и получаемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отвѣтъ на вопросъ: отвѣчаетъ ли или нѣтъ отвѣтчикъ за данный несчастный случай. Самъ размѣръ отвѣтственности лица или предпріятія зависитъ, такимъ образомъ, отъ объема вливаемаго въ понятіе «vis major» содержанія.

Мыслимо и другое построеніе. Мы можемъ приступить къ изысканію понятія «vis major», исходя отъ «ratio legis»: *за что*, по мысли законодателя, должно отвѣчать данное лицо или предпріятіе. Все, что остается за бортомъ этого «за что», есть «vis major». Здѣсь не готовая уже конструкція «vis major» вліяетъ на объемъ отвѣтственности, а наоборотъ, объемъ отвѣтственности вліяетъ на содержаніе, вливаемаго въ понятіе «vis major». «Vis major», такимъ образомъ, опредѣляется лишь послѣ

того, какъ установлены внѣшнія границы отвѣтственности даннаго типа отвѣтственнаго лица или предпріятія. Тотъ и другой методъ изслѣдованія находитъ своихъ представителей въ научной литературѣ. Постараемся сгруппировать наиболѣе извѣстныхъ авторовъ по выставленному нами признаку: методу изслѣдованія понятія «непреодолимой силы». Эта группировка и сопутствующая критика по существу представленныхъ теорій поможетъ намъ освѣтить изслѣдуемый нами вопросъ съ новой точки зрѣнія и дастъ намъ ниже матеріалъ для построенія нашей собственной теоріи «непреодолимой силы».

I.

Построеніе понятія непреодолимой силы на идеѣ необычности [или-чрезвычайности] явленія. Критика этой теоріи.

Первая конструкція такова: «vis major» есть единое понятіе, которое должно быть выработано теоретическимъ путемъ и затѣмъ примѣняемо во всѣхъ случаяхъ, когда о немъ упоминаетъ законодатель. «Непреодолимая сила» связана съ идеей «чрезвычайности», «необычайности» событія. Въ этомъ и лежитъ оправданіе освобожденія лицъ или предпріятій отъ отвѣтственности за эту категорію несчастій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ, исходя изъ тѣхъ или другихъ соображеній, возлагаетъ на нихъ безусловную отвѣтственность («omnimodo tenetur»).

Что же такое «необычайность», исключающая предвидимость событія, и какое значеніе она имѣетъ въ дѣлѣ установленія «непреодолимой силы»? Сильно представленная въ германскомъ юридическомъ мірѣ доктрина, въ лицѣ, напримѣръ, *Stintzing* [1]), *A. Knauer* [2]),

[1]) *Stintzing*. Ueber vis major. Arch. für civil. Praxis, Bd. 81, стр. 427 сл. Центръ тяжести онъ кладетъ въ непредвидимости вреда Съ предвидимымъ вредомъ предприниматель можетъ считаться и такъ или иначе обезпечить себя отъ него. Къ непредвидѣннымъ явленіямъ онъ не можетъ приспособиться: за нихъ поэтому онъ не отвѣчаетъ. Это—«vis major».

[2]) *Dr. jur. A. Knauer*. Die höhere Gewalt im Reichsrecht. Berlin. 1901, стр. 119: «Der Unternehmer nur bezüglich der *typischen*, mit gewisser Regelmässigkeit eintretenden Schadensursachen seine *wirtschaftlichen Berechnungen* anstellen kann, um im Einzelfall nicht durch unberechenbare Verluste in seiner ganzen Existenz bedroht zu sein».

Dr. Hermann Dungs [1]) и др., даетъ такое построеніе.

Непреодолимая сила есть все то, съ чѣмъ не можетъ напередъ считаться жел.-дорожный предприниматель и что онъ не можетъ принять въ кругъ хозяйственныхъ разсчетовъ. Онъ «причиняетъ» то, что входитъ такъ или иначе въ его волю. Но его воля не охватываетъ необычайныя, рѣдкія событія. Онъ отвѣчаетъ поэтому за всѣ случаи, которые вообще *предвидимы*, причиненъ ли убытокъ его дѣйствіями, или внѣшними отъ его воли каузально независимыми событіями.

Слѣды этой конструкціи мы находимъ и въ новѣйшей германской судебной практикѣ. Въ старой своей практикѣ Рейхсгерихтъ держался того воззрѣнія, что рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь то соображеніе—позволяли ли сложившіяся обстоятельства обязанному лицу (жел. дорогѣ) отвратить событіе при примѣненіи крайней осторожности и предусмотрительности [2]). Такимъ образомъ, Рейхсгерихтъ ставилъ «höhere Gewalt» въ связь съ идеей *крайней рачительности*: если случай не можетъ быть приписанъ погрѣшности противъ этого крайняго «предѣла виновности», то мы имѣемъ «höhere Gewalt», и желѣзная дорога свободна отъ отвѣтственности.

Такая конструкція не продержалась долго. Въ 1899 г. [R. G. 12 Juni 1899, Bd. 44 № 9] Рейхсгерихтъ имѣлъ сужденіе по такому дѣлу: 6-ти лѣтній мальчикъ попалъ на оживленной улицѣ подъ моторъ и лишился ноги. На искъ потерпѣвшаго Общ-во Трамваевъ предъявило возраженіе изъ § 1 R. H. G., указывая на «höhere Gewalt». Это возраженіе было отброшено во всѣхъ инстанціяхъ, при чемъ Рейхсгерихтъ разсуждалъ такъ. Понятіе «höhere Gewalt» предполагаетъ такого рода необычайное событіе, съ наступленіемъ котораго

---

1) *Dr. H. Dungs.* Gefährdehaftung. Gruch. Beit. 1910, стр. 540: «Die Haftung ist ausgeschlossen... wenn solche Unfälle bei derartigen Betrieben so selten sind, dass der Unternehmer mit ihrem Eintritte nicht zu rechnen brauchte».

2) R. G. 23 März 1888, Bd. 21, стр. 13 сл.; 143 сл. [здѣсь обзоръ прежней судебной практики]; см. въ особенности R. G. 23 Mai 1882, Eis. E. II, 291. *A. Schröder.* Die höhere Gewalt im intern. Eisenbahnverkehr. Bern. 1908, стр. 109—124.

нельзя считаться. Эксплоатація электрическихъ трамваевъ на улицахъ большого и богатаго движеніемъ города вноситъ публикѣ новую, доселѣ неизвѣстную опасность. Съ другой стороны, причинная связь между эксплоатаціей и несчастіемъ должна считаться тогда прерванной, когда несчастіе должно быть отнесено къ привхожденію событія, которое въ силу своей необычайности по человѣческому предусмотрѣнію не можетъ быть воспринято въ кругъ разсчета, наступленіе котораго по прежнему опыту не можетъ быть ожидаемо. Но безспорно то, что дѣти особенно часто становятся жертвами трамвайнаго движенія, ибо они меньше всего освоились со спеціальной опасностью новой тяги [1]). Посему здѣсь нѣтъ vis major.

Изъ этихъ разсужденій мы видимъ, что Рейхсгерихтъ не усматриваетъ vis major'а въ тѣхъ событіяхъ, которыя обычно повторяются съ извѣстной частостью въ данномъ промыслѣ. Если несчастный случай и не можетъ быть отвратимъ даже примѣненіемъ чрезвычайной заботливости, онъ все же не представляетъ «vis major», если онъ самъ, какъ таковой, долженъ быть отнесенъ къ связаннымъ съ отправленіемъ даннаго промысла опасностямъ и не шокируетъ наблюдателя, какъ явленіе необычное.

Мы думаемъ, что различіе въ указанныхъ построеніяхъ можетъ быть сведено къ слѣдующему: по старой практикѣ (Bd. 21), Рейхсгерихтъ центръ тяжести при сужденіи о наличности vis major клалъ въ *причинахъ* даннаго событія: онъ изслѣдовалъ, — могло ли быть отвращено это событіе примѣненіемъ крайней рачительности [«Aufwendung der äussersten Umsicht und Sorgfalt»], при утвердительномъ отвѣтѣ данное несчастіе приписывается погрѣшности противъ этой рачительности, какъ къ *причинѣ* событія. По новой практикѣ, теперь окончательно установившейся въ Германіи, центръ тяжести кладется не въ *причинахъ* несчастія, а въ самомъ *свойствѣ* несчастія; рѣшающее значеніе получаетъ то соображеніе: необычно ли изслѣдуемое событіе. Если Рейхс-

---

[1]) См. еще R. G. 11 Ian. 1909, Eis. E. XXV, стр. 396.

герихтъ и говоритъ объ «отнесеніи несчастія къ привхожденію необычайнаго событія», то все же онъ подчеркиваетъ значеніе этого событія, не какъ причины, а какъ момента, придающаго характеръ необычайности самому инкриминируемому явленію.

Не трудно подмѣтить логическій промахъ въ этой конструкціи. Коренная ошибка этихъ теорій (Stintzing, Knauer, Рейхсгерихта) заключается въ томъ, что они, говоря о «необычайныхъ событіяхъ», смѣшиваютъ два понятія, которыя надо разъединять и различать: *несчастіе* (damnum fatale) и *источникъ несчастія* (vis major). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіи ихъ теоріи они пріурочиваютъ «необычайность» то къ первому, то ко второму моменту [это смѣшеніе особенно ясно сказывается въ формулировкѣ, даваемой понятію «vis major» Рейхсгерихтомъ]. Отсюда—полная путаница понятій, какъ результатъ сбивчивости воззрѣній самихъ авторовъ! Вѣдь, болѣзни, смерть и т. п. представляютъ не «необычайныя», а—повседневныя явленія, и, однако, они могутъ представлять изъ себя при извѣстныхъ условіяхъ «vis major»! И законодатель, говоря о vis major, имѣетъ въ виду не свойство событія (несчастія), такъ такового, а особое свойство *причины*, породившей это событіе!

Свободны отъ упрека смѣшенія этихъ понятій другіе авторы, въ общемъ и цѣломъ оперирующіе съ «абстрактнымъ методомъ». «Необычайность», «чрезвычайность» они пріурочиваютъ не къ несчастію, а къ *силѣ*, породившей это несчастіе. Но и они строятъ единое понятіе vis major абстрактно, т. е. безъ связи этого понятія съ конкретнымъ правоотношеніемъ, ради котораго они предпринимаютъ свою работу.

«Vis major», съ точки зрѣнія этого воззрѣнія, есть фиксированный кругъ явленій, который вырабатывается апріорно, т. е. внѣ связи съ цѣлью данной усиленной отвѣтственности лица или предпріятія.

Къ этому направленію принадлежитъ швейцарскій юристъ *Dr. jur. J. Luchsinger*. Въ своей работѣ: «Das Verschuldungsprinzip in der Lehre von der Schadensersatzpflicht im römischen Rechte und die römische Vis major» [Zürich, 1909] авторъ исходитъ изъ того

наблюденія, что преторскій эдиктъ о «receptum» гласитъ категорически: «*omnimodo* tenetur» и лишь юристы—комментаторы (Labeo) впервые формулируютъ положеніе, что нѣтъ отвѣтственности за «vis major». Отсюда авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что изначала не было установлено отвѣтственности до предѣловъ vis major,—установлена была, именно, безусловная отвѣтственность содержателей гостинницъ и пр., которая *позднѣе* терпитъ ограниченіе черезъ «exceptio viris majoris», [«nisi si quid damno fatali contingit»] и съ тѣмъ обоснованіемъ, что отвѣтственность при наличности vis major была бы «iniqua» (l. 3 § 1 D. 4. 2: «non esse *iniquum* exceptionem ei dari»). Вотъ почему римскіе юристы и не даютъ намъ опредѣленія «vis major». Vis major оставалось для нихъ основаннымъ на *справедливости* исключеніемъ отвѣтственности (стр. 127 сл.). Кругъ событій, разсматриваемыхъ, какъ «vis major», былъ узко опредѣленъ («ein eng begrenzter ist») и охватывалъ лишь типы, описанные въ примѣрахъ, рядомъ съ которыми исключали отвѣтственность «vitium rei», самовина, самопричиненіе. Повидимому, римляне сами не отдавали себѣ отчета въ томъ, *почему* они считали *справедливымъ* придавать vis major освобождающее дѣйствіе (стр. 131). Повидимому, за vis major нѣтъ отвѣтственности потому, что необычайное событіе, которое для римлянъ было vis major, являлось, какъ *самостоятельная причина* наступившаго вреда, которая и прерывала причинную связь между дѣяніемъ и вредомъ [1]).

Такова теорія Luchsinger'a. Намъ кажутся очень сомнительными пріемы истолкованія этимъ авторомъ римскихъ текстовъ. Мы держимся того воззрѣнія, что, именно, изначала въ цѣляхъ законодателя лежало установить отвѣтственность, принципіально простирающуюся *до* предѣловъ vis major [Ср. l. 30 § 4 D. 19. 2: «sed extrariam vim... excipere voluise»]. Вѣдь, иначе «безусловная отвѣтственность» была бы не только «строгимъ», но и «безпощадно суровымъ» началомъ, которое вовсе

[1]) *Luchsinger*, o. c., 132:... «als ein alle Menschen gemeinsam treffendes, Gesetz und Regel durchbrechendes, als Eingriff einer höheren Macht hinzunehmendes Fatum»...

не оправдывалось бы «utilitate huius edicti», и шло бы въ разрѣзъ со всей системой права. Мы полагаемъ, что слово «iniquum» Лабеона можно толковать въ смыслѣ: «лежитъ внѣ цѣли закона», «не адэкватно съ волей законодателя» [1]) [2]).

Мы не останавливаемся болѣе подробно на возраженіяхъ, которыя поднимаются у насъ при чтеніи книги Luchsinger'a. Намъ важно было лишь отмѣтить основной методъ, которымъ пользуется авторъ при построеніи «vis major». Онъ, какъ мы видѣли, строитъ vis major не снизу, путемъ изслѣдованія основанія усиленной отвѣтственности лица, а—сверху, путемъ установленія того круга явленій, которымъ, какъ явленіемъ необычнымъ, была бы присуща особая сила «vis major».

На этой почвѣ стоитъ западно-европейская [3]) и русская [4])

---

[1]) И римскіе источники подтверждаютъ нашу мысль. См. напр. l. 26 § 6 D. 17,1. Юристъ говоритъ, что не все, что случится при исполненіи порученія (mandatum), напр. разбой, кораблекрушеніе и т. п. ложится на манданта: «nam haec magis *casibus* quam *mandato* imputari oportet».

[2]) Наконецъ, построеніе Luchsinger'a страдаетъ самопротиворѣчивостью. У него исходный пунктъ не согласуется съ выводами. Исходитъ онъ изъ того соображенія, что vis major обязанъ уваженію aequitas, т. е. *справедливому* ограниченію «безусловной отвѣтственности лица». А приходитъ къ тому выводу, что vis major есть все что не стоитъ въ *причинной связи* со сферой дѣйствія лица, ибо разъ лицо отвѣчаетъ внѣ вины, оно отвѣчаетъ на основаніи *каузальнаго* принципа, и vis major прерываетъ эту причинную связь между дѣяніемъ и вредомъ. Чему же вѣрить?! Есть ли «vis major» выраженіе принципа справедливости или принципа права?...

[3]) *Sourdat.* Traité général, II, стр. 248: «c'est un fait irrésistible, étranger à toute faute personnelle de la part du voiturier et que toute la prudence d'un homme soigneux n'aurait pu ni prévoir ni conjurer». *C. Baldi.* Responsabilità civile. Torino, 1908, стр. 227:... «è necessario provare... che fu nell' impossibilità di prevenire, evitare od attenuare gli effetti dell'avvenimento»;— для швейцарской юриспруденціи: *Dr. J. Wachtel,* Kommentar, 1909, стр. 212: «unter höhern Gewalt sind alle von aussen kommenden Ereignisse, die nach menschlicher Einsicht nicht vorauszusehen und deren Eintritt und Wirkungen durch Vorkehrungen, welche zu dem durch sie zu erreichendem Erfolge nach der Verkehrsanschauung in vernüntftigem Verhältnisse stehen, nicht abgewendet werden können, zu verstehen».—*R. G.* Bd. 64, стр. 405: «und es hat daher als höhere Gewalt zu gelten, wenn die schädigende Einwirkung auch durch die äusserste, nach den gegebenen Umständen gebotene Vorsicht, durch alle vernünftigerweise dem Betriebsunternehmer zuzuweisenden Vorkehrungen nicht zu vermeiden war». См. еще O. L. G. Köln, 22 Ian. 1910, Eis. E. XXVII (1910), 1 Heft, № 17; R. G. 24 Nov. 1906 Eis. E. XXIV (1908), 18—20.

[4]) К. Р. 1887/69: «владѣльцы жел. дорогъ... освобождаются отъ отвѣтственности за ущербъ и вредъ какому либо лицу или имуществу только тогда, когда случившееся несчастіе произошло отъ такихъ причинъ, которыхъ *нельзя было предотвратить* никакими мѣрами предусмотрительности или осторожности». Ср. К. Р. 1894/87; 1907/1:... «убытокъ или несчастіе, проистекающіе отъ сего неисполненія, не могли быть предотвращены, несмотря на принятіе ею всѣхъ тѣхъ мѣръ и способовъ, которыми обязано располагать въ данное время исправное транспортное предпріятіе».

судебная практика и господствующія теоріи въ русской юридической литературѣ [1]).

Всѣ перечисленные юристы въ основаніе своихъ построеній кладутъ *объективное* свойство явленій и подъ понятіе непреодолимой силы подводятъ лишь особаго рода событія, отличающіяся отъ обыкновенныхъ несчастій посредствомъ извѣстныхъ внѣшнихъ, объективныхъ признаковъ. Они только замѣняютъ понятіе «необычайности» понятіемъ «чрезвычайности», т. е. на мѣсто рѣдкости явленія ставятъ его *непредвидимость*, вслѣдствіе быстроты его наступленія. Весь споръ среди представителей этого научнаго направленія свелся къ банальной контроверзѣ о «субъективности» или «объективности» непредотвратимости и непредвидимости событія. Эта контроверза до сихъ поръ раздѣляетъ литературу на два приблизительно равныхъ по силѣ лагеря. А между тѣмъ, эта контроверза, по нашему мнѣнію, безплодна [2]), ибо конечный выводъ этой теоріи покоится на заблужденіи!

Масса явленій можетъ быть *предвидѣна* [наприм., штурмъ на морѣ, сдвиженіе скалъ, нашествіе непріятельскаго войска по объявленіи войны] и все же безспорно представляется, какъ «vis major»!

---

[1]) Субъективныя теоріи: *А. Гордонъ*, Ж. Гр. и Уг. Пр. 1887 кн. 2, стр. 53. Онъ опредѣляетъ «непреодолимую силу», какъ такое чрезвычайное, непредвидѣнное внѣшнее событіе, наступленіе и вредныя послѣдствія котораго не могли быть предотвращены самыми крайними мѣрами предосторожности, обусловливаемыми данными обстоятельствами; *Л. Петровъ*. Вѣстникъ права, 1900, № 10, стр. 110; *Э. Э. Пировичъ*. Ж. М. Ю. 1894/5, № 5, стр. 35.—Объективныя теоріи: *Ф. Осецкій*, ук. соч. 262: «непреодолимая сила, это—объективно непредотвратимое чрезвычайное и причиняющее личный или имущественный вредъ событіе»; *Г. Ф. Шершеневичъ*. Учебникъ русскаго гражд. права. Казань, 1905 г., стр. 571; *И. Земцовъ*. Vis major. Ж. Гр. и Уг. Пр. 1891, кн. 4, стр. 3; *В. И. Литвиновъ-Фалинскій*. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ (Изд. 5), Спб. 1910, стр. 187, 189.

[2]) Не спасаетъ эту теорію и замѣна «непредотвратимости» понятіемъ «непреодолимости» («unüberwindlich»). Терминъ «непреодолимость» указываетъ прямо на *субъективный* масштабъ, ибо то, что въ одномъ случаѣ «непреодолимо», то въ другомъ случаѣ не является таковымъ, напр. разбойное нападеніе на атлета или на одинокую дѣвушку. Съ точки зрѣнія воззрѣній оборота, все то *непреодолимо*, что не можетъ быть *предотвращено* черезъ обычную заботливость. Поэтому несостоятельно различеніе понятій: «непреодолимость» и «непредотвратимость». Какъ можетъ событіе разсматриваться, какъ явленіе «непреодолимое», разъ оно могло быть «отвращено»?!

Казалось бы одного этого возраженія достаточно, чтобы обличить полную несостоятельность конечныхъ выводовъ критикуемаго нами направленія.

Однако, сила традиціи такова, что и въ XX вѣкѣ эта теорія завоевываетъ все новыхъ и новыхъ адептовъ не только среди теоретиковъ и практиковъ, но и среди законодателей! Укажемъ на редакторовъ нашего отечественнаго Проекта Гражданскаго Уложенія.

Свои воззрѣнія на этотъ вопросъ редакторы Проекта высказываютъ много разъ и въ выраженіяхъ настолько категоричныхъ, что не оставляютъ мѣста для сомнѣній, касательно принятой ими позиціи. Объяснительная Записка къ ст. 1087 (т. V. стр. 591—592) говоритъ: «подъ *непреодолимой силою* разумѣются такія проявленія силъ природы и такія дѣянія третьихъ лицъ (не принадлежащихъ къ составу служащихъ), которыя какъ сами по себѣ, такъ и въ своихъ послѣдствіяхъ, не могли быть ни предотвращены, ни преодолѣны, хотя бы были приняты всякія возможныя и необходимыя при данныхъ обстоятельствахъ мѣры предосторожности»... «Вообще нельзя требовать для освобожденія предпринимателя отъ отвѣтственности, чтобы дѣйствіе природы или дѣяніе третьихъ лицъ было безусловно не предотвратимо, но достаточно, если то или другое событіе не могло быть предотвращено при тѣхъ средствахъ, которыми собственникъ предпріятія долженъ былъ обладать при разумномъ веденіи своего дѣла». *Объясн. Зап.* къ ст, 1065 (т. V, стр. 453): «вредъ признается послѣдствіемъ непреодолимой силы (ст. 683 т. X ч. I), когда онъ произошелъ отъ такихъ причинъ, которыхъ нельзя было *предотвратить никакими* мѣрами предусмотрительности или осторожности. (К. Р. 1887 № 69). Поэтому непреодолимая сила, подобно физическому принужденію, всегда и безусловно устраняетъ отвѣтственность за вредъ, хотя бы наступленіе дѣйствія этой силы даже *предвидѣлось* (наприм., нашествіе непріятельскаго войска по объявленіи войны), такъ что такое событіе можетъ быть и не случайнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова»...

Объяснительная Записка къ ст. 474 (т. II. стр. 495—496): «общее выраженіе «непреодолимая сила»... обнимаетъ собою вышеприведенныя событія, а именно главнымъ образомъ *непредотвратимыя явленія природы*»... «...Существенное понятіе «непреодолимой силы» заключается въ томъ, что событіе (явленія природы и дѣянія постороннихъ лицъ), причинившее вредъ, и самый вредъ *не могли быть предотвращены* всѣми возможными и необходимыми при данныхъ обстоятельствахъ мѣрами предосторожности. Но наличность простого *факта непредотвратимости* событія (наприм., бури, урагана, лѣсного пожара и т. п.) не составляетъ достаточнаго основанія къ освобожденію лица отъ отвѣтственности за вредъ, если въ мѣстѣ съ тѣмъ не установлено, что это лицо *не могло своевременно и предвидѣть* означеннаго событія и вообще не допустило какой либо *вины съ своей стороны*». ...«Для признанія событія непреодолимою силою не требуется, чтобы оно не могло быть предотвращено никакими человѣческими силами, но достаточно, если событіе или его послѣдствіе (вредъ) не могло быть устранено силами даннаго лица, такъ что «непреодолимая сила» (физическое принужденіе) подобно «случаю», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, также является *понятіемъ относительнымъ*»...

Такова теорія редакторовъ Проекта Гражданскаго Уложенія. Несостоятельность ея бросается въ глаза.

Въ самомъ дѣлѣ, какое поразительное противорѣчіе опредѣлять, съ одной стороны, vis major, какъ «*непредотвратимый или неизбѣжный случай*», а, съ другой стороны, признавать допустимымъ наличность *вины* въ неотвращеніи этого случая!

Правда, редакторы желаютъ спастись отъ такого противорѣчія указаніемъ на *относительность* понятія непреодолимости (т. II, стр. 496), но это указаніе приводитъ ихъ къ явно непріемлемому выводу.

Разъ мы ставимъ понятіе непреодолимой силы въ связь съ вопросомъ о субъективной предотвратимости несчастія, мы приходимъ къ опредѣленію просто *виновнаго* событія. Хозяинъ предпріятія не обладалъ тѣми средствами отвращенія несчастія, коими онъ долженъ былъ

обладать; значитъ, онъ велъ свои дѣла неразумно, небрежно. Гдѣ же здѣсь мѣсто «непреодолимой силѣ»?!

Редакторы Проекта муссируютъ элементъ «чрезвычайности», «нечаянности» явленія [т. II, 496; т. V, 454]. Эта «чрезвычайность» событія дѣлаетъ то, что само событіе, именуемое «непреодолимой силой», является событіемъ *непредотвратимымъ*.

Съ точки зрѣнія этой конструкціи, понятія *вины* и *чрезвычайности* сливаются въ одно понятіе «непреодолимой силы». Нѣтъ чистаго понятія «vis major»,—есть «*провиненный* vis major».

Несостоятельность такого построенія бросается въ глаза!

Казалось бы, что все критикуемое нами построеніе стройно въ отдѣльныхъ частяхъ, и конечные выводы являются логическими послѣдствіями изъ предпосылокъ. Однако, конечные выводы насъ не удовлетворяютъ, а потому тѣ методологическіе пріемы, которые привели къ этимъ выводамъ, возбуждаютъ сомнѣнія въ ихъ правильности. Это побуждаетъ насъ объявить безплодными всѣ попытки построить апріорнымъ путемъ понятіе «vis major», и, такимъ образомъ, отвергнуть теорію, пользующуюся такимъ почетомъ на Западѣ и безусловнымъ авторитетомъ въ Россіи.

Обратимся теперь къ второму изъ указанныхъ нами выше направленій въ литературѣ.

II.

Построеніе понятія непреодолимой силы на почвѣ изысканія rationis legis, усиливающаго отвѣтственность данной категоріи лицъ или предпріятій.

Другая конструкція такова: «непреодолимая сила» не есть самостоятельное готовое понятіе. «Непреодолимая сила» охватываетъ всѣ тѣ случаи, которые остаются за бортомъ отвѣтственныхъ случаевъ. Намъ надо сначала выяснить «ratio legis»: *почему* данное лицо или предпріятіе отвѣчаетъ въ повышенномъ размѣрѣ? Vis major есть то явленіе, которое по спеціальнымъ

соображеніямъ законодателя не должно быть вмѣнено въ отвѣтственность лицу. Вся проблема, такимъ образомъ, сводится не къ уясненію теоретической сущности vis major, а къ уясненію соотвѣтствующей ratio legis, побудившей законодателя повысить отвѣтственность лица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, «vis major» отнюдь не представляется, какъ единое понятіе, примѣнимое ко всѣмъ случаямъ повышенной отвѣтственности. Наоборотъ: мы для каждаго вида повышенной отвѣтственности должны, въ уваженіе особой «ratio legis», вырабатывать особую «vis major», и, такимъ образомъ, мы получаемъ столько отдѣльныхъ «непреодолимыхъ силъ» сколько въ данной законодательной системѣ встрѣчается случаевъ отвѣтственности до предѣловъ «непреодолимой силы».

Всѣ почти представители этого направленія въ основу своихъ изысканій rationis legis кладутъ изслѣдованіе римскихъ источниковъ. Одни изъ нихъ (Volkmar, H. Fischer, Stucki и др.)—съ тою практической цѣлью, чтобы съ ихъ помощью выработать [на основаніи преторскаго эдикта о receptum] понятіе vis major, годное и для современнаго права [1]), другіе [Unger и др.]—съ цѣлью обоснованія римскими источниками тѣхъ положеній, къ которымъ они пришли изъ изученія современнаго права [2]).

Въ этомъ направленіи мы можемъ различить три теченія: 1) субъективныя теоріи, ставящія понятіе «непреодолимой силы» въ связь съ идеей крайней рачительности, 2) объективныя теоріи, строящія понятіе «непреодолимой силы» на противоположеніи «эксплоатаціонныхъ» и «внѣ-эксплоатаціонныхъ» несчастій, 3) теоріи, ставящія понятіе vis major въ связь съ идеей «custodia».

Разсмотримъ каждую изъ этихъ конструкцій отдѣльно и выяснимъ ихъ слабыя стороны.

---

[1]) *H. Stucki.* Ueber den Begriff der höheren Gewalt. (Bern. 1888), стр. 13; «содержаніе современнаго понятія сообразуется съ содержаніемъ правоваго понятія римлянъ».

[2]) Вѣрно замѣчаетъ *Ф. Осецкій*, о. с. 243: «найти подтвержденіе своего ученія въ римскомъ правѣ, значитъ обезпечить за собою успѣхъ въ Германіи, а затѣмъ и въ остальномъ ученомъ мірѣ».

I. Субъективныя теоріи, ставящія понятіе vis major въ связь съ идеей крайней рачительности. Критика.

Къ представителямъ субъективныхъ теорій мы причисляемъ Goldschmidt'a, Dernburg'a и Eger'a.

Goldschmidt опирается на римскіе источники и изучаетъ «ratio legis», давшее жизнь понятію vis major впервые въ области преторскаго эдикта о «receptum».

Вотъ вкратцѣ его ходъ мыслей [1]). До изданія эдикта господствовалъ общій обычай оборота, въ силу котораго nautae, caupones и т. п. брали на себя особымъ обезпечительнымъ обѣщаніемъ (Garantieversprechen) передъ ихъ кліентами болѣе усиленную отвѣтственность.

Преторскій эдиктъ оперся на этотъ обычай, установивъ полную дѣйствительность такого безформеннаго односторонняго волеизъявленія и объемъ принимаемаго имъ обязательства [2]). «Recipere» понималось, какъ фактическій, безформенный актъ принятія, включающій въ себѣ и молчаливое обѣщаніе гарантіи. «Объемъ отвѣтственности опредѣляется судомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по здравому усмотрѣнію и въ уваженіе основной идеи нашего института и цѣли усиленной отвѣтственности. Все что лежитъ по ту сторону отвѣтственности («nur was darüber hinaus liegt») есть неотвѣтственный случай, т. е. vis major въ смыслѣ нашего ученія» [ibid., стр. 115].

Посему въ теоріи receptum'a vis major есть всякое событіе, которое не подпадаетъ подъ положеніе 1 [безусловная отвѣтственность за вину служащихъ, гостей и пассажировъ] и подъ положеніе 2 [отвѣтственность за furtum и damnum отъ третьихъ лицъ, поскольку реципіентъ не могъ воспрепятствовать поврежденіе черезъ «Sorgsamste Obhut»] [3]).

---

[1]) *Goldschmidt.* Zeit. für Handelsrecht, III, §§ 7, 9, 11.

[2]) *Goldschmidt,* o. c. 334: «Настоящую сущность receptum надо усмотрѣть въ первоначально положительномъ, а позднѣе предполагающимся обѣщаніи гарантіи».

[3]) *Goldschmidt,* o. c. 95.

Въ другомъ своемъ трудѣ [Zeit. f. H. R. XVI, стр. 328 сл.] Goldschmidt выражается такъ: «къ отвѣтчику не примѣняется повышенный масштабъ рачительности, по содержанію котораго опредѣлялась бы его обязанность, но на него возлагается договоромъ или закономъ отвѣтственность за извѣстныя «an sich» неотвѣтственные случаи,—частью безусловно, частью при томъ условіи, что они не являются совершенно *непотвратимыми* черезъ тѣ мѣры, которыя при конкретныхъ обстоятельствахъ разумно предписывались бы для отвращенія соотвѣтствующей опасности. Иначе говоря, объемъ обязанности въ такихъ исключительныхъ случаяхъ опредѣляется не по абстрактному масштабу рачительности, напр. по «diligentia» все предусматривающаго человѣка, а по содержанію конкретной воли сторонъ или закона, которая извѣстныя въ данномъ случаѣ дѣйствительно или презумптивно невиновныя событія (Zufall) беретъ въ кругъ отвѣтственныхъ случаевъ. Для этого неотвѣтственнаго случая въ источникахъ употребляются выраженія: vis major, damnum fatale и т. д. Но, именно, потому, что область не отвѣтственнаго случая можетъ быть отграничена отъ области отвѣтственнаго случая не абстрактно, а конкретно для отдѣльнаго правоваго института или правоваго отношенія и *не можетъ существовать какого либо объективнаго и повсюду равнаго понятія «высшей силы»*.

Такова теорія Гольдшмидта. Ошибка Гольдшмидта та, что l. 1—3, l. 5 § 1 D. 4—9, онъ счелъ за исчерпывающее и принципіальное установленіе объема отвѣтственности за receptum. Онъ думалъ путемъ голаго перечисленія исчерпать идею и основаніе отвѣтственности и путемъ исключенія изъ этого объема прійти къ опредѣленію «vis major». На самомъ же дѣлѣ *идею*, receptum'а Гольдшмидтъ намъ не даетъ. Онъ не столько объясняетъ, сколько описываетъ исторію receptum'а. И помимо того, что его историческія гипотезы сами по себѣ сомнительны [и не встрѣтили одобренія въ ученой литературѣ!], онѣ не даютъ идеи, указывающей на *объемъ* отвѣтственности реципіента. По мысли Гольдшмидта, въ эдиктѣ стоятъ рядомъ двѣ различныя вещи: отвѣт-

ственность за чужую вину и отвѣтственность за свою вину [1]).

Оба обязательства стоятъ рядомъ безъ органической связи другъ съ другомъ. Ихъ не связываетъ одна какая либо общая идея. Вотъ почему, методъ—въ сущности правильный,—коимъ пользуется Гольдшмидтъ, не могъ дать надежнаго и прочнаго вывода. «Vis major есть все что превышаетъ законныя границы отвѣтственности». Но разъ эти законныя границы отвѣтственности авторомъ не опредѣлены, понятіе vis major остается лишеннымъ опредѣленности и точности, а это лишаетъ всю конструкцію, предложенную авторомъ научной цѣнности!

Тѣмъ же методомъ, какъ и Гольдшмидтъ оперируютъ и *Dernburg* [2]) и *Eger* [3]). И тотъ и другой ученый подходитъ къ построенію vis major черезъ предварительное выясненіе ratio legis, устанавливающаго усиленную отвѣтственность предпріятія. Они, однако, впали въ ту же ошибку, какъ и ихъ предшественникъ Гольдшмидтъ. Они ставятъ понятіе «непреодолимой

---

[1]) Отвѣтственность за «custodia» (=«Anwendung aller Sorgfalt») въ его формулировкѣ (положеніе 2-ое) ведетъ къ *виновной* отвѣтственности. Противъ этого вывода протестуетъ, впрочемъ, самъ Гольдшмидтъ. Bd. XVI, стр. 328.

[2]) *Dernburg*. Lehrbuch des preus. Priv. R. II, § 69, стр. 158—160; Zeit. f. d. priv. und öff. R. XI (1884), стр. 344 сл.; Pandekten, II, § 39, стр. 108—109; Bürg. R. II, 1 Abt., § 69, стр. 148.—Авторъ исходитъ изъ того соображенія, что повышенная отвѣтственность возложена лишь на промышленныхъ предпринимателей. Кто заключаетъ контрактъ, исполняетъ свою обязанность, если онъ въ данномъ случаѣ примѣняетъ всю осторожность заботливаго человѣка. Кто отправляетъ промыселъ перевозчика или хозяина гостинницы, или эксплоатируетъ жел. дорогу, тотъ обязанъ къ большому. Онъ долженъ непрерывно заботиться о наиболѣе надежномъ оборудованіи предпріятія, что бы оградить отъ убытковъ, какъ тѣхъ, которые вступаютъ съ нимъ въ договорныя отношенія, такъ и третьихъ лицъ, если онъ могъ предвидѣть разумнымъ образомъ этотъ убытокъ и отвратить его цѣлесообразными мѣрами. *Vis major есть то, что превышаетъ человѣческую силу.* Подъ послѣдней надо понимать то что по праву можетъ быть потребовано отъ развитія человѣческой силы. Это по общему правилу—diligentia. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ это есть «Veranstaltung tunlichst das Publikum sichernder Anlagen».

[3]) *Eger*. R. H. G., (6 изд.) стр. 129 сл. Исходя отъ идеи «Betriebsgefahr», какъ основанія усиленной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, онъ заставляетъ желѣзную дорогу отвѣчать: 1) безусловно за «innere Zufall» (правильное функціонированіе всѣхъ органовъ и всего ж.-д. состава), 2) условно за «äussere Zufall» (дѣйствія третьихъ лицъ и событія природы, поскольку эти явленія могутъ быть отвращены или обезврежены цѣлесообразными и требуемыми обстоятельствами мѣрами осторожности); См. ту же конструкцію при прямой ссылки на *Eger'a*: O. L. G. Cöln, 22 Ian. 1910, Eis. E. XXVII (1910), 1 Heft, № 17.

силы» въ связь съ повышенной обязанностью предпріятія, и, такимъ образомъ, приходятъ или къ отождествленію «непреодолимой силы» со «случаемъ» или же къ принципу вины [1]).

Они упустили изъ виду, что выраженія «vis *major*», «*maior* casus» указываютъ на то, что здѣсь включено нѣчто бо́льшее, чѣмъ отсутствіе вины, чѣмъ простой «casus». Отвѣтственность за «receptum» есть не только болѣе строгая отвѣтственность, но и отвѣтственность, покоящаяся на совсѣмъ другихъ принципахъ, чѣмъ отвѣтственность за «diligentia diligentissimi». Не приняли названные юристы во вниманіе и то, что, исходя изъ принципа *вины*, нельзя строить понятіе «непреодолимой силы», ибо «непреодолимая сила» есть подвидъ понятія *случая* въ широкомъ смыслѣ этого слова, а съ точки зрѣнія принципа вины, конечно, немыслимо различать отдѣльные виды «случая»!

II. Объективныя теоріи, строящія понятіе vis major на противоположеніи «эксплоатаціонныхъ» и «внѣэксплоатаціонныхъ» несчастій. Критика.

Потребности многихъ отраслей хозяйственнаго оборота нашего времени выдвинули *объективную отвѣтственность* извѣстныхъ *опасныхъ* предпріятій на базѣ профессіональнаго риска и вмѣстѣ съ тѣмъ—различеніе случаевъ на внутренніе и внѣшніе: случаи эксплоатаціи и случаи внѣ-эксплоатаціи. Романистическія изслѣдованія Гольдшмидта, не давая объективнаго критерія для юридическаго обоснованія указаннаго различія, не могли удовлетворить запросовъ современнаго оборота.

---

[1]) Конструкція Эгера не можетъ насъ удовлетворить, т. к. она не даетъ рѣшительно никакого объективнаго признака для понятія «höhere Gewalt». Конструкція Дернбурга не означаетъ ничего большаго, какъ для отдѣльныхъ призваній спеціализированную *заботливость* рачительнаго представителя даннаго призванія, которая обязываетъ къ надлежащему безопасному оборудованію предпріятія. Но кто упуститъ эту обязанность, отвѣчаетъ не только, какъ думаетъ Дернбургъ, вслѣдствіе несовершенства оборудованія («wegen der Unvollkommenheit seiner Veranstaltungen»), но вслѣдствіе *пренебреженія заботливости* рачительнаго хозяина гостиницы, перевозчика, корабельщика, желѣзно-дорожнаго предпринимателя и т. д., даже если въ данномъ конкретномъ случаѣ ему кромѣ того нельзя сдѣлать никакого упрека.

Честь покрыть этотъ пробѣлъ несомнѣнно принадлежитъ *Exner'y*. Его изслѣдованіе скоро вытѣснило популярную теорію Гольдшмидта и предопредѣлило путь, по которому пошли за нимъ цѣлые ряды ученыхъ.

Экснеръ [Der Begriff der höheren Gewalt. 1883] посвящаетъ римскому праву относительно ограниченную часть своей работы [хотя исходнымъ пунктомъ и беретъ слова эдикта], и свою теорію онъ выводитъ изъ отношеній современныхъ крупныхъ предпріятій [1]).

Прежде всего, Экснеръ ищетъ принципъ отвѣтственности за «receptum» и находитъ его въ «Beweisnotlage», въ которомъ находится, какъ истецъ, потерпѣвшій передъ повредителемъ, т. е. передъ nautae, caupones и т. п. и въ особенности—передъ современными крупными промышленными предпріятіями. Авторъ принимаетъ «ratio legis» намѣреніе претора черезъ введеніе «receptum» устранить въ интересахъ оборота обычное стѣсненное положеніе потерпѣвшаго, касательно доказательства вины на сторонѣ предпринимателя, [«weil er keinen Einblick in dessen Betrieb hat»] и сдѣлать это въ ущербъ реципіента. Однимъ переложеніемъ onus probandi здѣсь не помочь дѣлу. Здѣсь умѣстно бороться съ выгодной позиціей [«Beweisübermacht»] повредителя путемъ «законнаго элиминированія вопроса о винѣ» [стр. 70, прим. 48]. Поэтому, строгая отвѣтственность должна терпѣть исключеніе, если in casu нѣтъ на лицо этого «Beweisnotstand». Иначе говоря, vis major—на лицо, тогда, когда «der kasuelle Charakter des Unfalls prima facie evident ist» (стр. 55) [2]). А это имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, 1-хъ, которые возникли *внѣ* круга дѣйствія [«ausserhalb» понимается авторомъ въ чисто мѣстномъ значеніи] отвѣтственнаго транспортнаго предпринимателя и причинили вредъ черезъ свое воздѣйствіе извнѣ внутрь этого предпріятія, и 2-хъ, которые по способу и силѣ (Wucht)

---

[1]) Свое отношеніе къ римскому праву Экснеръ опредѣляетъ такъ: «Corpus juris передалъ намъ въ этомъ пунктѣ правовую мысль, но отнюдь не оформленное правовое понятіе. Развить послѣднее изъ перваго есть наша задача» (о. с., стр. 54).

[2]) *Exner*, o. c. 55: «Liquidität des Sachverhaltens zugunsten des Rezipienten ist das Prinzip der auf «höhere Gewalt» sich stützenden Einrede».

ихъ проявленія очевидно превышаютъ встрѣчаемые при нормальномъ теченіи жизни случаи [стр. 63—86].

Такимъ образомъ, vis major есть явленіе *необычное* и *явное*, которое выступаетъ съ *чрезвычайной силой* (Wucht), такъ что возможность *отвращенія* его prima facie является исключенной. Само же явленіе должно вторгаться въ эксплоатацію *извнѣ* (какъ молнія, и прочія элементарныя силы природы), а не корениться «innerhalb des Betriebes». Авторъ даетъ такой примѣръ: поѣздъ сходитъ съ рельсъ отъ того, что машинистъ убитъ молніей, и паровозъ лишается руководителя. Здѣсь—vis major, ибо молнія имѣетъ свое происхожденіе *внѣ* эксплоатаціи и вторгается въ нее *извнѣ* (von aussen). Но если машинистъ умираетъ отъ разрыва сердца, здѣсь нѣтъ «vis major»; ибо вредоносное явленіе имѣло своимъ источникомъ самого машиниста, т. е. коренилось «innerhalb des Eisenbahnbetriebes».

Такова знаменитая теорія Экснера. Какъ видимъ, Экснеръ пользуется такимъ методомъ: онъ строитъ понятіе vis major на основѣ ratio legis. Но съ его разсужденіями мы все же согласиться не можемъ. Авторъ очевидно строитъ всю свою теорію на ложномъ основаніи, т. к. «Beweisnotstand» вовсе не былъ рѣшающимъ для введенія «receptum» [1]).

Не можемъ согласиться и съ конечными выводами его теоріи. Въ основѣ теоріи Экснера лежитъ скрытый принципъ вины, ибо онъ пытается примирить отвѣтственность изъ «receptum» съ общегражданскимъ принципомъ отвѣтственности [2]). Весь вопросъ о «vis major» низводится имъ къ чисто подготовительному вопросу о правѣ доказательства; но разрѣшеніе этого вопроса, конечно, не затрагиваетъ общіе принципы отвѣтственно-

---

[1]) Въ римскомъ правѣ и при remissio mercedis и въ другихъ случаяхъ отвѣтственность повышалась до предѣловъ «vis major» и, однако, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о «Beweisnotstand». Что касается «receptum» то ratio legis намъ даетъ l. 1 § 1, l. 3 § 1 D. 4. 9. Въ l. 9 § 4 D. 19, 2, l. 6 C. 4, 24 мы находимъ указанія на то, что «Beweisnotstand» не былъ рѣшающимъ въ вопросѣ о существѣ vis major.

[2]) *Exner*, o. c. 80: «man sieht, der allgemeine Satz, dass jedermann die Folgen seines Verschuldens zu verantworten habe, lässt sich auch in unseren besonderen Fällen gegenüber dem Frachtführer sehr wohl durchführen».

сти, а потому и не можетъ служить базой для построенія понятія vis major!

Объясненіе и обоснованіе понятія «vis major» Экснеромъ не нашли сочувствія въ литературѣ. Но конечные выводы его теоріи получили одобреніе, не только въ доктринѣ, но и въ германской юриспруденціи. Экснеръ справедливо считается родоначальникомъ теоріи, которая подъ именемъ *объективной* теоріи противополагается нынѣ *субъективной* теоріи Гольдшмидта.

Представители объективной теоріи [1]) понимаютъ vis major, какъ «vis extraria», въ чисто мѣстномъ значеніи [«ein von aussen kommendes Ereignis»], т. е. vis должна безусловно возникнуть *внѣ* предпріятія и лишь въ ея дальнѣйшемъ теченіи должна оказать свое дѣйствіе внутри предпріятія. Въ этомъ смыслѣ событіе, именуемое vis major, есть сила *объективная непредотвратимая*, т. е. непредотвратимая не только силами даннаго предпріятія, но вообще никакимъ мыслимымъ сопротивленіемъ.

И съ такой формулировкой понятія «vis major» мы не можемъ согласиться. Мы рѣшительно протестуемъ противъ внесенія *непредотвратимости* въ опредѣленіе понятія vis major [2]).

---

[1]) *Hafner*. Ueber den Begriff der vis major (1886), стр. 65; *Hölder*. Ueber vis major. Krit. Viertelj. XXVI (1884), стр. 535. Изъ старой литературы см. *Glück*. Ausführliche Erläuterungen. Teil. VI (1800), § 490, стр. 120; *Mommsen*. Die Unmöglichkeit der Leistung (1853), § 22, стр. 253; *Puchta*. Pandekten, § 314, стр. 481.—Другую формулировку конструкціи Экснера даетъ *R. Müller-Erzbach*. Gefährdungshaftung und Gefahrtragung. Arch. f. civ. Pr. 106 (1910), стр. 415, 417. Онъ строитъ понятіе vis major съ точки зрѣнія идеи «Gefahrtragung», подъ каковой онъ понимаетъ возможность «die Gefahr zu beherrschen». Vis major есть все то, что не можетъ быть вмѣнено съ точки зрѣнія «Gefärdungshaftung»: «Es ist überall das nach wirtschaftlichen Grundsätzen noch Ausführbare als die Grenze dessen anzusehen, was von einem Unfernehmer bei der Bekämqfung der den exqonterten Interessen drohenden Gefahren verlangt werden kann» (стр. 415).

[2]) Повидимому, на такую постановку вопроса оказало рѣшающее вліяніе выраженіе римскихъ юристовъ: «vis major, *cui humana infirmitas resistere non potest*» (l. 1 § 4 D. 44, 7). Такая конструкція неправильна, съ точки зрѣнія ученія самихъ римскихъ юристовъ. На самомъ дѣлѣ, римскіе юристы пытались этими внѣшними формулами создать лишь тѣнь соотвѣтствія ученія о vis major съ принципомъ вины. Они пользуются этими выраженіями и тогда, когда приводимые ими примѣры показываютъ, что въ дѣлѣ установленія vis major вовсе не важна отвратимость или неотвратимость явленія, и что часто даже безусловно неотвратимый случай можетъ быть разсматриваемъ не какъ vis major, а какъ простой *casus* (ср.

Во-1-хъ, развѣ есть абсолютно непреодолимыя явленія? «Latrones», «hostes», «praedones» могутъ быть укрощены силою оружія, «vis fluminis,—aequarum, maris» можетъ быть обезврежена дамбами. Во-2-хъ, многое нельзя предотвратить при отправленіи промысла и все же не есть «vis major». Напр., стрѣлочникъ теряетъ глазъ отъ искры, вылетѣвшей изъ проходящаго поѣзда. Можно ли утверждать, что дымъ, вырывающійся изъ локомотива и застилающій глаза желѣзно-дорожнаго служащаго, можетъ быть устраненъ? Германскій Рейхсгерихтъ отвѣтилъ—нѣтъ, и все же не призналъ наличности vis major (R. G., Bd. II, стр. 147).

Еще примѣръ. Рѣзкій свистокъ паровоза пугаетъ лошадей, они понесли и причинили вредъ. Рейхсгерихтъ не призналъ здѣсь «höhere Gewalt», хотя не можетъ быть и рѣчи о предотвратимости этого свиста. [R. G. 21 Apr. 1910, Eis. E. XXVII (1910), 1 Heft, № 49].

Или такой случай: вагоновожатый электрическаго трамвая, видя несущійся автомобиль, остановилъ трамвай. Автомобиль врѣзался въ средній вагонъ. Случай былъ непредотвратимъ, съ точки зрѣнія трамвайной эксплоатаціи, однако Рейхсгерихтъ отвергъ здѣсь наличность «höhere Gewalt» [R. G. 4 Febr. 1911, D. I. Z. 15 April 1911, стр. 595].

Такимъ образомъ, критерій *непредотвратимости* совсѣмъ не пригоденъ въ дѣлѣ выработки понятія vis major. Это чувствуетъ самъ Экснеръ, который привноситъ сюда еще формальный признакъ: «prima facie непредотвратимо все, что съ непреодолимой силой вторгается *извнѣ* въ предпріятіе, какъ чрезвычайное событіе. И, наоборотъ, prima facie предотвратимо то что возникло *внутри* предпріятія».

Эта теорія не находитъ себѣ подтвержденія въ источникахъ [1]). Она и логически необоснована. Возни-

напр. l. 15 § 2, D. 19, 2), и, обратно, отвратимый случай, напр. «fugae servorum» («qui custodiri non solent» l. 18 pr. D. 13, 6), причисляется къ «casus, quibus resisti non potest».

[1]) Римскіе источники ничего не знаютъ о различеніи *внутри* и *внѣ* предпріятія. Два мѣста, гдѣ упоминается внѣшнее происхожденіе случая [l. 24 § 3 D. 39, 2; l. 30 § 4 D. 19, 2] не указываютъ на это, какъ на существенный моментъ vis major. См. *K. Brunner*. Die Haftung nach bürg. R. und die höhere Gewalt. Bonn. 1904, стр. 78—80.

кается вопросъ: почему границы между «vis major» и «casus» надо опредѣлять по такому случайному моменту, какъ *мѣсто* возникновенія причины явленія? Указаніе Экснера на то, что всѣ несчастія, возникающія *внутри* предпріятія, prima facie отвратимы, не всегда оправдывается. Представимъ себѣ тотъ же случай со стрѣлочникомъ, потерявшимъ глазъ отъ искры паровоза. Случай этотъ непредотвратимъ,- съ этимъ были согласны обѣ стороны и судъ,—а все же онъ имѣетъ свое происхожденіе «внутри предпріятія». Такимъ образомъ, указанный признакъ (мѣсто возникновенія причины явленія) не идетъ всегда рука въ руку съ моментомъ непредотвратимости. Несостоятельно класть какое либо значеніе и въ «необычности» явленія [«ob der fragliche Unfall im gewöhnlichen Leben zu gewärtigen war oder nicht»]. Нападеніе, напр., разбойниковъ въ данной мѣстности и въ данную эпоху можетъ представиться, какъ явленіе не только не неожиданное, а, наоборотъ, ожидаемое и предвидимое, и все же является «vis major»!

III. Теоріи, ставящія понятіе vis major въ связь съ идеей custodia. Критика.

На ряду съ традиціонно противополагаемыми субъективными и объективными теоріями въ новѣйшей литературѣ выростаетъ третье направленіе, ставящее понятіе «vis major» въ тѣсную связь съ идеей «custodia».

Главнѣйшими представителями этого направленія являются: *Windscheid* [1]), *Biermann* [2]), *Baron* [3]) и *Bruck-*

---

[1]) *Windscheid.* Lehrbuch, II, § 384, стр. 399—400.

[2]) *Biermann.* Verhandlungen des 22 Deutschen Iuristentages. Bd. IV (1893), стр. 39—44, 57—64.

[3]) *Baron.* «Diligentia exactissima» въ Arch. f. civ. Pr. 52 (1869), стр. 44—96; его же: «Die Haftung bis zur höheren Gewalt», Arch.—Pr. Bd. 78 (1892), стр. 204 сл.; Pandekten (9 изд.) § 237, стр. 422. Авторъ настаиваетъ на томъ, что реципіентъ по источникамъ отвѣчаетъ безъ соображенія вины «custodiae nomine» и приходитъ къ выводу, что т. к. «custodia adversus vim, cui resisti non possit» не помогаетъ, къ vis major надо причислить все «was nach den Verkehrsbegriffen als unüberwindlich zu gelten habe» (стр. 294). Авторъ полагаетъ, что «custodia» была лишь юридическимъ «Denkform» для введенія отвѣтственности за *чужую вину*, и затѣмъ римскіе юристы изъ этой «Denkform» должны были сдѣлать выводъ объ отвѣтственности за случай («niederen Zufall»). «Unüberwindliche Zufall» остается за бортомъ этихъ отвѣтственныхъ случаевъ и есть vis major. «Die Unüberwindlichkeit

ner [1]). Эта теорія все болѣе и болѣе упрачивается въ литературѣ вопроса и вскорѣ, быть можетъ, даже будетъ считаться господствующей, хотя толкованія источниковъ, предложенныя перечисленными мною учеными, не удовлетворили юридическую мысль XX вѣка, и въ новѣйшее время возбужденъ интересъ къ пересмотру и болѣе детальному изслѣдованію римскихъ источниковъ въ указанномъ направленіи.

Изъ новѣйшихъ представителей этого направленія мы можемъ указать на русскаго ученаго проф. *Е. Пассекъ*. Онъ также ставитъ понятія «vis major» и «custodia» въ взаимную связь, но его методологическіе пріемы и конечные выводы и вообще общій характеръ работы отличаетъ его трудъ отъ трудовъ его предшественниковъ. Въ своемъ широко задуманномъ, но не оконченномъ, изслѣдованіи: «Понятіе непреодолимой силы (vis major) въ гражданскомъ правѣ» [Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1901, № 4; 1903, № 2 и 3] проф. Пассекъ анализируетъ всѣ договорныя отношенія, въ коихъ установлена повышенная отвѣтственность должниковъ, именно отвѣтственность и за «custodia», что означаетъ отвѣтственность до предѣловъ «vis major».

Авторъ на первомъ планѣ ставитъ себѣ задачей собрать тексты, указывающіе на повышенную отвѣтственность должника [2]). Затѣмъ, онъ устанавливаетъ

---

ist nicht subjectiv zu fassen» (стр. 294).—Теорія Baron'a встрѣтила меньше всего сочувствія въ литературѣ. Скрытымъ образомъ она ведетъ къ установленію случаевъ, граничащихъ съ culpa levissima. Это сознаетъ, но не желаетъ признать самъ авторъ. Arch. Bd. 52, стр. 45; Bd. 78, стр. 206.

[1]) *Brückner*. Die custodia nebst ihrer Beziehung zur vis major. München, 1889, § 32, стр. 254 сл., § 33, стр. 282 сл. И въ опредѣленіи содержанія понятія custodia и въ опредѣленіи области примѣненія этого понятія, Брукнеръ даетъ другіе признаки, чѣмъ Баронъ. Онъ причисляетъ къ vis major всѣ несчастія, противъ которыхъ по общему опыту нѣтъ никакихъ цѣлесообразныхъ средствъ отвращенія, или вслѣдствіе силы или вслѣдствіе внезапности, съ которой они наступили. Custodia онъ конструируетъ, какъ «Garantiecustodia». См. въ особенности §§ 16, 17, стр. 134—163.

[2]) Г. Пассекъ (стр. 11) начинаетъ свое изслѣдованіе съ эдикта de recepto, о коемъ выражается такъ: «такъ какъ общій признакъ (безусловная отвѣтственность и за вину и за случай) настолько простъ, что никакихъ затрудненій при его примѣненіи, очевидно, возникать не можетъ, то и степень ясности всей нормы стоитъ въ прямой зависимости отъ второй ея половины, отъ опредѣленія понятія damnum fatale или vis major. Вся задача сводится, слѣдовательно, къ отысканію точнаго критерія, на осно-

содержаніе этой отвѣтственности. И, наконецъ, замѣчая противорѣчія въ источникахъ, разсматриваетъ и тѣ тексты, въ коихъ *повышенная* отвѣтственность должника уживается съ отвѣтственностью, базированной на принципѣ *легкой вины* (коммодатарія, залогодержателя, арендатора и т. д.). Авторъ пытается устранить эти противорѣчія въ одной части текстовъ историческимъ толкованіемъ; въ другой части—такимъ разсужденіемъ: «если окажется возможнымъ опредѣлить, къ чему, именно, сводится область непреодолимой силы и если окажется, что область эта включаетъ въ себѣ безусловную отвѣтственность лишь за точно опредѣленныя событія, то не трудно представить себѣ, что въ остальномъ кругѣ лежащихъ на должникѣ обязанностей отъ него и не требуется большаго чѣмъ «рачительность хорошаго домохозяина» (diligentia diligentis). При этихъ условіяхъ отвѣтственность до границъ непреодолимой силы можетъ, очевидно, существовать въ одномъ и томъ же юридическомъ отношеніи рядомъ съ отвѣтственностью за легкую вину» (стр 133).

Правильны ли методологическіе пріемы автора? Намъ думается, что—*нѣтъ!* Авторъ полагаетъ, что логически можно примирить начало *вины* съ началомъ повышенной отвѣтственности *до vis major*.

Непреодолимая сила—де—есть кругъ событій, за который отвѣчаетъ должникъ на ряду съ общимъ принципомъ вины. Это—логически несостоятельное утвержденіе! Если бы лицо отвѣчало за *вину+vis major* (=кругъ точно опредѣленныхъ событій), то, пожалуй, не было бы противорѣчія говорить о совмѣстной отвѣтственности за то и другое. Но коммодатарій и др. отвѣчаютъ за вину+*до* границъ vis major! Иначе говоря, эти должники отвѣчаютъ за вину+за кругъ точно опредѣленныхъ событій, не квалифицируемыхъ самимъ же г. Пассекомъ

ваніи котораго данное событіе могло бы быть отнесено либо къ группѣ, такъ сказать, простыхъ случаевъ, либо къ группѣ тѣхъ, которые должны быть подведены подъ понятіе damnum fatale или vis major».—Безусловную отвѣтственность nautarum авторъ ставитъ въ непосредственную и тѣснѣйшую связь съ понятіемъ custodia (стр. 35). Такимъ путемъ авторъ обѣщаетъ дать представленіе о матеріальномъ содержаніи понятія непреодолимой силы (стр. 106).

за vis major (furtum, rapina и т. д.). Поэтому, вопросъ о существѣ vis major остается открытымъ, [1]) и указанное противорѣчіе неустраненнымъ.

Съ первыхъ же страницъ изслѣдованія г. Пассека надо было предвидѣть, что опредѣленія vis major онъ не дастъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ нигдѣ не даетъ попытки углубиться въ «ratio legis» повышенной отвѣтственности. Онъ лишь выясняетъ кругъ тѣхъ происшествій, за которыя отвѣчаетъ тотъ или другой отвѣтчикъ [2]).

Выводы автора сводятся къ слѣдующему. Отвѣтственность до предѣловъ vis major нельзя конструировать, какъ отвѣтственность за любой случай утраты или поврежденія вещи. По своему содержанію она есть отвѣтственность за custodia, т. е. безусловная отвѣтственность за опредѣленныя событія, именно: за furtum, rapina, pauperies, fugae servorum qui custodiri solent [damnum iniuria datum сюда не входитъ!] [3]) (стр. 105, 224, 149—150, 162, 238). Это, именно, имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе обязательства сводится къ возвращенію должникомъ полученной имъ отъ кредитора индивидуальной вещи (стр. 224, 239).

Итакъ, авторъ, какъ мы видимъ, выясняетъ: *когда* лицо отвѣчаетъ за custodia и *за что* отвѣчаетъ лицо, отвѣчающее въ томъ или другомъ правоотношеніи за custodia. Но что такое *custodia?* Что такое *vis major?* На эти вопросы въ трудѣ Пассека отвѣта мы не находимъ...

Болѣе богатую въ отношеніи выводовъ попытку выяснить понятіе vis major на идеѣ custodia даетъ ори-

---

[1]) Это долженъ признать въ результатѣ долгихъ разсужденій (стр. 133—159) самъ авторъ. Стр. 159: «Если же это такъ и если коммодаторъ дѣйствительно не отвѣчаетъ безусловно даже и по этимъ искамъ, то всѣ доказательства его отвѣтственности до границъ непреодолимой силы сводятся къ выраженіямъ общаго характера, не дающимъ возможности опредѣлить ближайшимъ образомъ содержаніе такой отвѣтственности, а, слѣдовательно, и содержанія понятія непреодолимой силы».

[2]) При этомъ авторъ пользуется главнымъ образомъ такимъ методологическимъ пріемомъ: онъ выясняетъ—имѣетъ ли самъ отвѣтчикъ личные или вещные иски къ правонарушителю (повредителю, похитителю и т. д.). Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ есть указатель интереса, лежащаго въ основаніи иска: именно, его личная отвѣтственность передъ *его* кредиторомъ.

[3]) Лишь nautae, caupones, stabularii отвѣчаютъ безусловно и за *damnum* (стр. 162 прим.).

гинальное сочиненіе *K. Brunner'a* [ук. соч., стр. 49—52, 61—75].

Бруннеръ въ основу своихъ построеній кладетъ преторскій эдиктъ о receptum. Мотивомъ повышенной отвѣтственности nautarum и т. д. является особое отношеніе довѣрья [l. 1 § 1 D 4, 9: «quia necesse est plerumque fidem eorum sequi et res custodiae eorum committere»] между «recipienti» и «recepti». Эти послѣдніе по необходимости довѣряютъ себя и свои вещи «custodia» содержателей гостинницъ и т. п. Поэтому «nautae» etc. отвѣчаютъ такъ, какъ будто они молчаливо приняли гарантію «custodia» и въ этомъ лежитъ сущность отвѣтственности вплоть до «vis major». Всѣ тѣ, которые отвѣчаютъ до предѣловъ «vis major», «custodiae nomine tenentur» (l. 5 pr. D. 4,9), т. е. vis major опредѣляется границами возможности небезрезультатной «custodia». Въ этихъ случаяхъ, лицо отвѣчаетъ за все, что оно могло обезвредить черезъ личную охрану или черезъ постановку сторожа.

Эта «custodiae praestatio» дѣйствительно есть нѣчто другое, чѣмъ отвѣтственность за diligentia boni patris familias. Важно то, могло ли обязанное къ «custodia» лицо при нормальныхъ условіяхъ оказать *безъ особаго приготовленія* сопротивленіе *внезапно* проявленной противъ него силѣ. То что такая «custodia» фактически вообще не можетъ быть проведена и истребована отъ лица указываетъ на то, что основой отвѣтственности не является здѣсь culpa. «Custodiae praestatio» есть лишь юридическая форма мышленія, которая облегчала римлянамъ ввести въ право отвѣтственность до предѣловъ vis major. Напр., кто либо кладетъ камень на рельсы. Поѣздъ еще—не въ виду. Но камень продолжаетъ лежать и налетѣвшій поѣздъ сходитъ съ рельсъ. Здѣсь нѣтъ—vis major. Ибо камень могъ быть легко устраненъ человѣческимъ вмѣшательствомъ до прихода поѣзда. И не имѣетъ значенія то, что желѣзная дорога тщательно исполнила свою обязанность общей охраны пути черезъ сторожей и стрѣлочниковъ. Но если преступникъ кидаетъ камень въ поѣздъ такъ поздно, что несчастіе

безусловно не могло быть устранено,—мы имѣемъ vis major [1]).

Такова теорія Бруннера. Заслуга Бруннера заключается въ томъ, что онъ доказалъ то положеніе, что, какъ субъективная, такъ и объективная теоріи неизбѣжно ведутъ къ просто *виновной* отвѣтственности, ибо всѣ онѣ касательно требуемаго сопротивленія событію принимаютъ въ разсчетъ не коротко опредѣляемый [непосредственно передъ вторженіемъ силы], а неопредѣленный промежутокъ времени, а потому онѣ должны были вернуться къ вопросу, могло ли данное событіе быть предотвращено или нѣтъ. И такъ какъ онѣ обсуждаютъ эту предотвратимость, то по «предвидимости событія», то по «ожидаемости отъ предпріятія цѣлесообразныхъ мѣръ охраны», онѣ возвращаются къ отвѣтственности изъ *вины*, ибо «vis major» ставятъ въ связь съ идеей, лежащей на предпринимателѣ, какъ таковомъ («mit Rücksicht auf seinen Betrieb»), заботливости.

Надо признать за Бруннеромъ ту заслугу, что онъ поставилъ изученіе спорнаго вопроса въ связь съ бытовыми условіями эпохи и доказалъ неоспоримо, что рѣшающее для введенія «receptum» значеніе имѣло не «Beweisnotstand», какъ думали раньше [Exner], а то, что «necesse est plerumque eorum fidem sequi et res custodiae eorum committere» [l. 1 § 1 D. 4. 9]. Съ точки зрѣнія этого историческаго происхожденія receptum'a, методъ автора при отысканіи vis major, какъ внѣшней границы отвѣтственности предпринимателя (l. 3 § 1 D. 4. 9) подкупаетъ насъ своей обоснованностью.

И все же мы полагаемъ, что «custodia», какъ ее понимаетъ авторъ, безконечно съуживаетъ понятіе vis major и ведетъ къ чрезмѣрному расширенію отвѣт-

---

[1]) Еще примѣръ. Машинистъ поражается ударомъ или молніей, предположимъ, вмѣстѣ съ истопникомъ. Здѣсь нѣтъ—«внутренняго» случая. Но для жел. дороги здѣсь нѣтъ «vis major», даже если черезъ это поѣздъ потерпитъ крушеніе. Ибо несчастіе могло быть снова обезврежено черезъ вмѣшательство человѣка, если бы таковой находился на машинѣ. Что такового на машинѣ не было, не можетъ быть вмѣнено въ вину желѣзной дорогѣ, но она все же отвѣчаетъ, ибо *для нея* въ данномъ случаѣ нѣтъ vis major.

ственности реципіента! Многое, весьма многое можетъ быть отвращено черезъ во́ время принятую «custodia», но все же быть «vis major»! Примѣръ самого же автора (стр. 89): пассажиръ отдалъ въ багажъ бомбу, которая и взрывается. Авторъ говоритъ, что здѣсь—vis major. Почему?! Развѣ несчастіе не могло быть предупреждено (хотя бы въ нашемъ мышленіи) надлежащей и своевременной «custodia»? Если ударитъ молнія въ машиниста и истопника, не можетъ быть рѣчи о даже мыслимой «custodia», по одной простой причинѣ: мѣры осторожности противъ такихъ неожиданныхъ явленій, какъ «vis major» выходятъ за предѣлы технической «custodia», ибо «custodia» предполагаетъ, что наступленіе самого явленія ex ante было предвидимо настолько заблаговременно, что можно было бы приложить безъ приготовленія соотвѣтствующія мѣры охраны. Но о какихъ мѣрахъ охраны можетъ итти рѣчь, когда мчится поѣздъ въ открытомъ полѣ? Правда, авторъ говоритъ, что не важно, выполнимъ ли вообще соотвѣтствующій надзоръ [«gerade darin liegt eben die Haftung über culpa hinaus»!]. Но, съ другой стороны, у автора «custodia» не есть только «юридическая форма мышленія». Онъ вливаетъ въ этотъ терминъ строго опредѣленное содержаніе. Custodia есть «воспрепятствованіе явленію безъ особыхъ приготовленій» (стр. 69). «Vis major опредѣляется границами возможности *не безрезультатной* custódia» (стр. 61). И вотъ, если мы спросимъ: мыслимы ли въ разбираемомъ казусѣ безъ особыхъ приготовленій небезрезультатныя мѣры отвращенія несчастія, мы не можемъ прійти къ другому, какъ къ отрицательному отвѣту. Мы лично предполагаемъ, что въ приведенномъ примѣрѣ (пораженіе машиниста ударомъ молніи) на лицо—vis major. Таково твердое мнѣніе и западноевропейской юриспруденціи (*Eger*, R. H. G., стр. 122).

Лишаетъ практической цѣнности конструкцію Бруннера и то соображеніе, что она непріемлема для разрѣшенія вопросовъ, рождаемыхъ современнымъ жел. дорожнымъ правомъ. Ученіе объ отвѣтственности предпринимателя за личный вредъ, причиненный при жел. дорожной эксплоатаціи, получило въ современномъ

правѣ особое развитіе. При настоящихъ бытовыхъ условіяхъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія опасаться «nisi hoc esset statutum, materia daretur cum furibus adversos eos, quos recipiunt coeundi» (l. 1 § 1 D. 4. 9). Не тѣ—слава Богу—теперь нравы и не тѣ бытовыя условія! [1]).

Принципъ желѣзно-дорожной отвѣтственности обязанъ, какъ мы неоднократно указывали, идеѣ, родившейся подъ впечатлѣніемъ той *опасности*, которая создана для всѣхъ окружающихъ ростомъ примѣненія силы пара въ XIX вѣкѣ. Гражданская отвѣтственность жел. дор. предпринимателей стала сознаваться, какъ плата—не за получаемыя выгоды [по принципу «cuius commodum, eius periculum»], нѣтъ!—а за саму профессіональную *дѣятельность* лица.

Не трудно понять, что этотъ «ratio legis» не совпадаетъ съ «ratio legis» преторскаго эдикта. Вотъ почему, конструкція Бруннера лишена для насъ практической цѣнности.

III.

Выводы. Наша теорія.

Мы изложили выше два направленія въ литературѣ по вопросу о существѣ «vis major». Представители одного направленія исходятъ изъ идеи, что vis major есть «Божья сила»»: «θεοῦ βία». Представители другого направленія исходятъ изъ идеи, что vis major есть все, что остается за бортомъ отвѣтственныхъ случаевъ, опредѣляемыхъ «ratione legis».

---

[1]) *Motive* [Zu B.G.B., II, стр. 585. Ср. Denkschrift, стр. 91], устанавливая институтъ «receptum», выставляютъ основаніемъ отвѣтственности хозяина гостинницы по § 701 B.G.B. не опасность «cum furibus coeundi», а болѣе современныя и болѣе понятныя для насъ соображенія «Beweisnotstand», или «Haftung für die speziellen Betriebsgefahren» [*Mot.* I, стр. 317 сл.; II, стр. 585]. Ср. къ этому вопросу *Weinand.* Die höhere Gewalt im neueren Reichsrecht (1897), стр. 13—24.

Этотъ авторъ не разсматриваетъ понятіе vis major въ современномъ и въ римскомъ правѣ, какъ единое понятіе, но признаетъ, что имперское законодательство хотѣло рецепировать римское понятіе. Однако, авторъ настаиваетъ на томъ, что вслѣдствіе совсѣмъ различныхъ бытовыхъ условій, римское понятіе «vis major» не можетъ быть для насъ авторитетнымъ.

Вся задача изслѣдователя, съ точки зрѣнія послѣдняго воззрѣнія, сводится къ установленію этой ratio legis. Какъ мы видѣли, всѣ изслѣдователи этого вопроса не могли насъ удовлетворить, такъ какъ они не умѣли правильно установить этотъ ratio legis, или же не точно опредѣляли сущность того отношенія, которое связуетъ отдѣльные случаи съ ratio legis.

Первое же изъ указанныхъ направленій покоится на роковомъ заблужденіи. Представители этого направленія полагали, что vis major есть единое, готовое и законченное понятіе, которое можетъ быть выяснено изъ самого себя.

Этому воззрѣнію мы противополагаемъ наше воззрѣніе, которое мы считаемъ единственно правильнымъ. Мы настаиваемъ на томъ, что строить понятіе vis major надо негативнымъ путемъ: путемъ исключенія. Мы устанавливаемъ: *за что́* отвѣчаетъ данное лицо или предпріятіе. *Все, что не связано причинной связью съ этимъ основаніемъ усиленной отвѣтственности, есть vis major.* Посему, мы должны отказаться отъ того, что бы заранѣе установить a priori перечень случаевъ, которые были бы всегда и во всѣхъ случаяхъ «vis major». Въ одномъ и томъ же законодательствѣ въ одну и ту же эпоху можетъ уживаться нѣсколько «непреодолимыхъ силъ», изъ которыхъ каждое имѣетъ свое особое содержаніе: все зависитъ отъ мѣры отвѣтственности и цѣли повышенной отвѣтственности, которую преслѣдовалъ законодатель, устанавливая данный видъ отвѣтственности!

Вотъ почему, повсюду, гдѣ лицо отвѣчаетъ внѣ вины, но эта усиленная отвѣтственность не вытекаетъ изъ опредѣленной ratio legis, въ томъ смыслѣ, что законъ боролся бы съ точно опредѣленнымъ типомъ явленій, стоящихъ въ причинной связи со сферой дѣйствія отдѣльнаго лица,—мы имѣемъ не «vis major» въ техническомъ смыслѣ этого слова, а—широкое понятіе «*casus*», охватывающее всѣ случаи, постигшіе предметъ обязательства, независимо отъ причины ихъ происхожденія [1]).

---

[1]) Вспомнимъ, напр., отвѣтственность должника «in mora». «Mora obligatio perpetuatur» и должникъ отвѣчаетъ «sine dolo malo et culpa» (l. 15 § 3 D. 6. 1). Онъ отвѣчаетъ и за casus («несетъ рискъ гибели

Съ точки зрѣнія нашей теоріи, нельзя и говорить объ историческомъ развитіи понятія vis major. Въ литературѣ вопроса сдѣлалось банальнымъ указаніе на то, что vis major, какъ юридическое понятіе, мѣняется въ своемъ составѣ съ поступательнымъ ростомъ завоеваній техники: ибо то, что напр. римляне считали за «θεοῦ βία» является для насъ не таинственной «божьей силой», а—установленной наукой физики силой природы [«wir haben den Blitz gezähmt»: *Exner*]; поэтому-де-римская конструкція vis major непригодна для современныхъ условій жизни. Съ этими разсужденіями мы не можемъ согласиться. Если vis major есть явленіе не «непреодолимое», а такое, которое стоитъ внѣ причинной связи со сферой эксплоатаціи, то развѣ имѣетъ какое либо значеніе, что силы природы нами не разсматриваются болѣе за таинственную «θεοῦ βία»?! Вѣдь, прервать причинную связь можетъ и не сила природы! При сужденіи о vis major мы пользуемся не естественно физическими понятіями, а понятіями и воззрѣніями оборота!

Иллюстрируемъ нашу мысль примѣрами. Возьмемъ два вида каузальной отвѣтственности. Держатель животнаго обязанъ возмѣстить ущербъ причиненный животнымъ потерпѣвшему (§ 833 B. G. B. § 1385 Code Civil) Владѣлецъ желѣзно-дорожнаго предпріятія обязанъ вознаградить каждаго потерпѣвшаго за вредъ и убытки, причиненные при эксплоатаціи желѣзной дороги (§ 1 R. H. G., ст. 683 т. X ч. 1). Тотъ и другой отвѣтчикъ

предмета»). Но что такое въ данномъ случаѣ «casus»? Мы не имѣемъ никакого основанія ограничивать отвѣтственность такого должника, выкидывая изъ этого понятія «vis major». Такое ограниченіе было бы совсѣмъ произвольнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе случаи мы должны были бы выкинуть, какъ случаи «vis major?! Это понятіе здѣсь не даетъ себя построить, т. к. для этого нѣтъ базы. Vis major связано съ идеей противоположенія извѣстнаго круга событій объективному основанію каузальной отвѣтственности. Vis major есть все, что не связано причинной связью съ ratio legis. О такой «причинной связи» не можетъ быть и рѣчи въ ученіи о mora. Вѣдь, оправданіе повышенной отвѣтственности должника «in mora» то, что «si ei restituisset, dixtraxisset et pretium esset lucratus» (l. 15 § 3 D. 6. 1). На этой почвѣ строить противоположеніе «vis major» объективному каузальному основанію отвѣтственности невозможно. Вотъ почему, должникъ отвѣтитъ строже, чѣмъ «nautae, caupones, stabularii» за «receptum». Не потому, что онъ отвѣтилъ бы за «vis major въ техническомъ смыслѣ этого слова, а потому, что «рискъ гибели вещи» падаетъ всецѣло на него!

освобождаются отъ отвѣтственности, если докажутъ, что несчастіе случилось или по собственной винѣ потерпѣвшаго, или по *непреодолимой силѣ*. Оба они, какъ видимъ, отвѣчаютъ *внѣ вины*; ихъ отвѣтственность покоится на принципѣ *причиненія* Но, вникая глубже въ основаніе отвѣтственности, мы констатируемъ, что база отвѣтственности *держателя животнаго* шире, чѣмъ база отвѣтственности *жел. дороги*.

Устанавливая строгую отвѣтственность держателя животнаго, законодатель исходилъ изъ того соображенія, что держатель животнаго создаетъ для всѣхъ окружающихъ состояніе опасности, т. е. то состояніе, которое въ извѣстной степени благопріятствуетъ наступленію вреда, и способно вообще создавать его. Устанавливая положительной нормой отвѣтственность его на основѣ «Gefährdungsprinzip», законодатель все же предполагаетъ естественную типическую причинную связь, а не сцѣпленіе ненормальныхъ, исключительныхъ событій. Посему онъ освобождаетъ держателя животнаго отъ отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ физически происходитъ отъ животнаго, но лежитъ *внѣ общаго предвидѣнія* рачительнѣйшаго и опасливаго добраго хозяина [1]). Для оправданія отвѣтственности съ т. з. «Gefährdungsprinzip» для насъ достаточно, чтобы возможно было предусмотрѣть послѣдствія, какъ *общую возможность* [2]), хотя бы въ конкретномъ случаѣ держатель животнаго абсолютно не могъ предвидѣть, что данное событіе, какъ оно конкретно наступило, должно было имѣть мѣсто [3]).

---

[1]) *Schmoller*. Ueber den K.Z.H. beim Tierschaden. Arch. f. civil. Pr. 98 (1906), стр. 40—47; *Hoffer*. Grund und Grenze der Haftung des Tierhalters (1903), стр. 44—63; *Litten*. Die Ersatzpflicht des Tierhalters (1905), стр. 94—95; *Niemeyer*. Die Haftung, 66—68; *R. G.* 6 Febr. 1902, Bd. 50, стр. 180; 26 Febr. 1903, Bd. 54, стр. 74.

[2]) Этимъ самымъ отличается «Gefährdungsprinzip» отъ принципа вины. Хотя оба эти принципа имѣютъ два общихъ признака: 1) созданіе опасности правамъ третьихъ лицъ, 2) общее предвидѣніе возможности наступленія убытка,—между ними лежитъ глубокая пропасть. Для наличности *вины* надо большее, чѣмъ *общую* предвидимость возможности событія, надо —предвидѣніе, именно, конкретнаго случая и наступленія его въ конкретной обстановкѣ.

[3]) Напр. *A* спуститъ съ цѣпи собаку, принадлежащую *B*.—Собака укуситъ прохожаго. Отвѣтственность *B*—внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ

Вотъ почему, держатель животнаго отвѣтитъ за каждое дѣйствіе животнаго, даже въ томъ случаѣ, если причиной движенія животнаго была вина третьяго лица. Наоборотъ, держатель животнаго не отвѣтитъ за «vis major», т. е. за тѣ событія, которыя *вообще* непредвидимы, въ указанномъ выше смыслѣ. Это различеніе между вообще предвидимыми и вообще непредвидимыми опасностями представляетъ въ области отвѣтственности за животныхъ границу между обосновывающимъ отвѣтственность *случаемъ* и снимающей отвѣтственность *высшей силой*[1]).

На болѣе узкой базѣ построена отвѣтственность *владѣльцевъ жел. дор. предпріятій.*

Въ нашей монографіи: «Смѣшанная вина и ст. 683 т. X ч. I» (Ярославль. 1910) мы доказали, что отвѣтственность жел. дор. предпринимателя есть *законная* отвѣтственность, основанная на идеѣ *профессіональнаго риска.* Повышенная мѣра отвѣтственности на сторонѣ предпринимателя соотвѣтствуетъ интенсивности связанной съ жел. дор. эксплоатаціей опасности и довѣрію, съ которымъ публика обязана представлять себя ускользающему отъ ея контроля оборудованію и распорядку жел. дор. управленія[2]). Жел. дорожный предприниматель отвѣчаетъ не потому, что онъ *провинилъ* или *могъ провинить* убытокъ, а потому, что онъ *объективно причинилъ* его.

Въ этой идеѣ, какъ она ни проста, кроется все разрѣшеніе проблемы о существѣ «vis major». Настоятельныя потребности оборота выставляютъ идею про-

---

всякій держатель животнаго, онъ долженъ считаться съ мыслимой возможностью, что собака будетъ освобождена, и что она укуситъ. Эта *общая предвидимость*—на лицо. Но въ тоже время, онъ—*внѣ вины*; онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, посадивъ собаку на цѣпь. Предвидѣнія,—того, именно, предвидѣнія конкретныхъ послѣдующихъ событій, которое мы разумѣемъ, говоря о вмѣненіи результата,—у него не было, а потому съ т. з. принципа *вины*, онъ былъ бы свободенъ отъ отвѣтственности! *Dernburg* Bürg. R. II, § 396, стр. 647; *Plank*, II, стр. 618; *Linckelmann.* Die Schadensersatzpflicht. (Berlin. 1898), стр. 87; *Oertmann.* Das Recht der Schuldv. (Berlin, 1906), 570; *Piper.* Verursachen und Verschulden (1902), стр. 32.

[1]) *v. Schey.* Gutachten. II, 46; *Unger.* Handeln auf eigene Gefahr, 33—34; *Windscheid*, II, стр. 578; *Endemann*, Schuldv. § 115, sub 3, стр. 648; *M. Rümelin.* Zufall, стр. 27.

[2]) Ср. Allg. Motiven zum R.H.G. [Eger. R H.G., стр. XVI].

фессіональнаго риска, т. е. отвѣтственность предпринимателя за всякій убытокъ, вызванный опасностью промысла. Тамъ гдѣ несчастіе не стоитъ въ *причинной связи* съ опасностью промысла, нѣтъ мѣста профессіональному риску: предприниматель свободенъ отъ обязанности вознагражденія [1]). Здѣсь — vis major [2]). Такимъ образомъ, важенъ не мѣстный признакъ:— коренится ли несчастіе *въ* предпріятіи или *внѣ* его, а каузальный моментъ: стоитъ ли несчастье въ *причинной связи* съ предпріятіемъ. Въ казусѣ съ машинистомъ, умершимъ отъ разрыва сердца, надо спросить: стоитъ ли разрывъ сердца въ каузальной связи съ эксплоатаціей желѣзной дороги [напр. вслѣдствіе переутомленія машиниста жел. дор. службой] или нѣтъ. Если выяснится, что такой связи нѣтъ, то, хотя явленіе и родилось «im Inneren des Betriebes», оно должно быть разсматриваемо, подобно дѣйствію землетрясенія, какъ «vis major». И солнечный ударъ или ударъ молніи въ жел. дор. служащаго не могутъ быть разсматриваемы, какъ «vis major», если эти силы стоятъ въ причинной связи съ условіями дѣятельности въ данной эксплоатаціи. Напр. мѣсто, на которомъ работалъ рабочій, отличалось повышенной опасностью къ ударамъ молніи [3]).

---

[1]) Вотъ почему, основа отвѣтственности ж. дороги очень узкая, и отвѣтственность ихъ отпадаетъ всякій разъ, какъ несчастіе не обязано силамъ эксплоатаціи, какъ своей причинѣ. Напр., несчастіе вызвано третьими лицами, ж. д. эксплоатаціи не причастными.

[2]) Къ нашей конструкціи приближаются: *Unger*, o. c. Iher. Iahrb. XXX. (1891), стр. 409—417. Онъ исключаетъ изъ vis major тѣ несчастія, которыя «aus der eigenen Schuld des Betriebes entstehen», т. е. «reine Betriebsgefahren», и причисляетъ къ vis major лишь событія «die von aussen her störend auf den Bahnbetrieb einwirken». Къ аналогичнымъ результатамъ приходитъ *Dr. E. Volkmar.* Vis major und Betriebsgefahr. Berlin, 1900 [Rechts—und Staatswissenschaftliche Studien, Heft IX], стр. 56. Авторъ центръ тяжести кладетъ на изслѣдованіе римскихъ источниковъ и проводитъ интересную параллель съ отвѣтственностью по «cautio damni infecti», a⁰ e recepto по римс. праву (стр. 58—77). Ср. еще *Schey.* Gutachten über die Frage ..etc. [Verhandlungen des 22 deutschen Iuristentags.] Bd. II (1892), стр. 62; *Rümelin.* Arch.—Prax. Bd. 90, стр. 202: «Denn dadurch, dass ein Erfolg mit einer vis major in Verbindung gebracht wird, lehnt man eben den Z. H. mit einem bestimmten menschlichen Verhalten ab».—*R. Merkel.* Kollision der rechtm. Interessen, стр. 205.

[3]) Такова и практика германскаго Страхового Присутствія [Unfallversicherungsamtes]—См. у *Dr. C. Kaufmann.* Handbuch der Unfallverletzungen. (Stuttgart. 1893), стр. 34—36.

Итакъ, всѣ несчастія, стоящія въ *объективной причинной связи* съ эксплоатаціей [«Eigenart des Betriebes»], суть «отвѣтственные случаи» [1]). И, наоборотъ, тѣ несчастія «quae non ex re ipsa oriuntur» обязаны явленіямъ «vis major». Непредвидимость, необычность, неотвратимость явленія не играютъ никакой роли въ установленіи «vis major». Точно также не имѣетъ значенія и то, гдѣ родилась причина явленія—*въ* или *внѣ* сферы эксплоатаціи.

Вотъ почему, «extraria vis» должна быть понята не въ спеціальномъ мѣстномъ значеніи возникновенія силы. Важно не мѣсто ея зарожденія, а то—была ли она *дѣйствительная* причина несчастія: «vis extrinsecus» или «vitia quae ex ipsa re oriuntur».—Въ послѣднемъ случаѣ несчастіе лежитъ обоснованнымъ въ своемъ возникновеніи въ техническихъ потребностяхъ эксплоатаціи, въ своеобразіи отправленія послѣдней, и за него отвѣчаетъ предприниматель, даже если онъ сдѣлалъ все мыслимое въ человѣческихъ силахъ для совершенства своей эксплоатаціи. Въ первомъ случаѣ несчастіе лежитъ внѣ причинной связи съ эксплоатаціей и образуетъ «vis major».

Тѣмъ самымъ мы отвергаемъ установившуюся въ наукѣ права и въ судебной практикѣ—западно-европейской и русской—понятіе «виновнаго vis major». Мы, съ одной стороны, возводимъ само явленіе, характеризуемое, какъ «vis major», на степень *самостоятельной причины* явленія; а, съ другой стороны, мы признаемъ самостоятельное каузальное значеніе за такой дѣятельностью (или упущеніемъ), которая обязана небреженію требуемой въ оборотѣ заботливости. Въ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ квалифицированную каузальность *неосторожнаго дѣянія:* вѣдь, послѣднее можетъ охватывать не только рядовыя явленія повседневной жизни, но и случаи «непреодолимой силы»!.

Разъ мы не сливаемъ *вину* лица (culpa) и *высшую силу* (vis major), то мы должны признать въ несчастіи

---

[1]) Надо имѣть въ виду, что наличность этой причинной связи не обусловлена тѣмъ, что «своеобразіе промысла» было *исключительной* причиной несчастія. Достаточно, что черезъ нее было бы положено *одно* изъ условій, къ которому можно отнести убытокъ.

не одну причину (виновный vis major), а двѣ причины (vis major, вина). А это приводитъ насъ въ вопросѣ объ отвѣтственности желѣзной дороги къ такому построенію. Мы должны различать вопросъ о наличности «vis major» отъ вопроса объ отвѣтственности. Надо сначала рѣшить вопросъ: имѣло ли событіе, квалифицированное, какъ «vis major», вредоносныя послѣдствія? И затѣмъ—могло ли это событіе или вредоносныя послѣдствія его быть отвращены отвѣтчикомъ?

Такимъ образомъ, вина получаетъ самостоятельное значеніе *рядомъ* съ «непреодолимой силой». И это побуждаетъ насъ поднять вопросъ—такъ тщательно провентилированный въ западно-европейской литературѣ—о *формахъ взаимнаго отношенія* этихъ факторовъ несчастья.

Мы различаемъ четыре формы.

Во-первыхъ, *вина+vis major* могутъ въ своей совокупности образовать *причину* несчастья.

Напр. жел. дорога виновна въ просрочкѣ въ перевозкѣ груза. Послѣ прибытія грузъ гибнетъ отъ воздѣйствія непреодолимой силы [похищенъ во время ж. д. забастовки и мятежа въ г. Москвѣ]. Здѣсь гибель груза обязана: 1) несвоевременному исполненію договора перевозки (вина)+2) разграбленію его во время народныхъ волненій (vis major) [1]).

Во-вторыхъ, вина (упущеніе) прерываетъ причинную связь между *vis major* и *вредомъ* [2]).

Напр., корабль потерпѣлъ штурмъ, далъ течь. Вмѣсто того, что бы уйти въ гавань, капитанъ пускается въ открытое море и топитъ корабль. Здѣсь корабль погибъ не отъ штурма. Причинная связь прервана черезъ *вину* капитана, которая съ юридической точки зрѣнія и принимается въ соображеніе не *рядомъ* съ vis major, а *исключительно* сама по себѣ.

---

[1]) К. Р. 1907/1 разрѣшилъ вопросъ объ отвѣтственности жел. дороги въ утвердительномъ смыслѣ.

[2]) L. 24 §§ 5, 11 D. 39, 2. Фундаментъ дома подмывается наводненіемъ, а затѣмъ «aedificium vitiosum» рушится благодаря упущенію въ ремонтѣ. Отвѣтственность по damnum infectum наступаетъ.

Въ-третьихъ, болѣе сильная каузальность *вины* поглощаетъ менѣе сильную каузальность «vis major» [1]).

L. 24 § 9 D. 39, 2. Штурмъ опрокидываетъ домъ или дерево, но «vetustate arborum hoc fiebat...» или «ita vitiosae... aedes fuerint, ut qualibet vel minima tempestate ruerint» l. 24 § 10 D. h. t.).

Въ-четвертыхъ, вина направлена на неотвращеніе или на созданіе самого «vis major» [2]).

L. 1 § 4 D. 44, 7: «sed in *majoribus casibus*. si *culpa* eius interveniat, tenetur» [3]). Напр., перевозчикъ, предвидѣвшій сильный штурмъ, могъ избѣгнуть его, зайдя въ портъ, но не дѣлаетъ этого и топитъ корабль. Отвѣтственность въ этихъ случаяхъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ.

§ 2 I. 3, 14: «sed propter majorem vim majoresve casus non tenetur, si modo non huius culpa is casus intervenerit».

Послѣдняя форма виновности заслуживаетъ особеннаго интереса съ нашей стороны [4]). Какъ мы указали выше, господствующая доктрина сливаетъ *вину* и *vis major* въ одно понятіе «непреодолимая сила», каковымъ выраженіемъ она и опредѣляетъ «vis major». Мы утверждаемъ, что это понятіе есть лишь сокращенное выраженіе для двухъ идей: «vis major» освобождаетъ отвѣтчика лишь при томъ условіи, что нѣтъ *вины* на его сторонѣ. Этотъ выводъ мы считаемъ очень важнымъ.

---

[1]) И обратно: «vis major» можетъ поглотить каузальность вины. Ср. l. 24 §§ 3—4 D. 39, 2: «quo enim tam firmum aedificium est, ut fluminis aut maris aut tempestatis aut ruinae incendii aut terrae motus vim sustinere possit»?

[2]) Въ данномъ казусѣ лицо взяло на подержаніе серебряную посуду для угощенія пріятелей; но беретъ ее съ собою въ путешествіе, и благодаря vis major [naufragium, praedonum incursus] утрачиваетъ ее въ дорогѣ. Онъ отвѣчаетъ—*Dr. E. Volkmar*, o. c. 31—32 объясняетъ этотъ текстъ съ точки зрѣнія «condictio furtiva».

[3]) Ср. l. 21 D. 3, 5; см. еще противоположеніе «fortuitus casus»—«culpa» въ l. 9 § 3; l. 30 § 4 D. 19, 2; l. 23 D. 50, 17. «Casus non praestet, quibus resisti non possit», но привходящая сюда «culpa praestanda est» (l. 18 pr. D. 13, 6); l. 3 § 1 D. 4, 9: «damnum fatale»—culpa. L. 1 § 4 D. 44, 7; l. 11 § 1 D. 19, 2.

[4]) *Exner*, o. c. 572; Baron, o. c. Arch.—Prax. 78, 285; *Fischer*, Vis major. Iher. Iahrb. XXXVII, 266, 292 [у него собранъ богатый матеріалъ по римскому праву] допускаютъ, что рядомъ съ *casus* и *vis major* можетъ течь *culpa*. Противъ этого толкованія источниковъ: *E. Volkmar*, o. c. стр. 30—40.

Благодаря все растущей техникѣ, многія вредоносныя послѣдствія «высшей силы» могутъ быть избѣгнуты: противъ удара молніей—изобрѣтены громоотводы, противъ сдвиженія скалъ—шуцмауеры и т. д.

Но развѣ это уполномочиваетъ насъ сказать, что, разъ эти послѣдствія предотвратимы, то мы не имѣемъ и «высшей силы»? «*Высшая сила*»—сама по себѣ, а предотвратимость, какъ указатель *вины*—сама по себѣ!

Иллюстрируемъ нашу мысль примѣромъ. Стачка жел. дор. служащихъ остановила движеніе по жел. дорогамъ. Есть ли эта стачка «vis major»? Сенатъ говоритъ—да, если жел. дорога докажетъ, что благодаря стачкѣ убытокъ или несчастіе, проистекающій отъ неисполненія ея обязанности транспортного предпріятія, не могли быть предотвращены (К. Р. 1907 № 1).

Мы утверждаемъ, что эти моменты надо раздѣлить. Во-первыхъ, стихійныя явленія общественной жизни, какъ массовыя стачки и забастовки, обязанныя общимъ волненіямъ въ государствѣ, должны быть, наравнѣ съ стихійными силами природы, квалифицированы, какъ «непреодолимая сила». Желѣзная дорога можетъ предотвратить вредоносныя *послѣдствія* этого событія, напр., наймомъ новыхъ служащихъ на мѣсто выбывшихъ и т. д., но это не мѣшаетъ тому, что само явленіе (причина) было непреодолимой силой [1]).

Съ другой стороны, желѣзная дорога освобождается отъ отвѣтственности лишь при томъ условіи, что она *не виновна* въ неотвращеніи вредоносныхъ послѣдствій «непреодолимой силы». Иначе, мы имѣемъ съ ея стороны *неосторожное* дѣяніе, которому присуща *квалифицирующая* каузальность. Сама «квалификація» каузальности заключается, повторяемъ, въ томъ, что она относится не къ рядовымъ явленіямъ повседневной жизни, а къ внѣшнему случаю [2]).

---

[1]) Въ случаѣ стачки рабочихъ, обязанной общимъ волненіемъ въ государствѣ, первичной причиной нарушенія правильнаго отправленія промысла должно считать эти явленія общественной жизни, а не саму стачку, какъ таковую.

[2]) Ср. ст. 619 и 642 т. X. ч. I. Какъ добросовѣстный, такъ и недобросовѣстный владѣльцы отвѣчаютъ за скотъ павшій во время эпизоотической болѣзни, если будетъ доказано, что имъ не были приняты для предохра-

Далѣе. На ряду съ *виною*, въ новѣйшей законодательной практикѣ, какъ извѣстно, получаетъ все большее и большее признаніе принципъ *профессіональнаго риска*, какъ основа гражд. отвѣтственности. Въ особо опасныхъ предпріятіяхъ (фабричнозаводскихъ, жел. дорож.) законодатель считаетъ справедливымъ привлечь къ отвѣтственности владѣльцевъ ихъ за всѣ несчастія, случившіяся при эксплоатаціи этихъ предпріятій, внѣ всякой идеи [реальной или презюмированной] вины ихъ. «*Опасность промысла*» [Betriebsgefahr] возводится на степень самостоятельнаго каузальнаго момента и особой базы отвѣтственности.

Такъ вотъ, мы, признавая «опасность промысла» въ качествѣ самостоятельнаго каузальнаго момента, должны признать, что не только «квалифицированная каузальность» *неосторожнаго дѣянія* (culpa), но и «квалифицированная каузальность» *опасности промысла* можетъ относиться до *vis major*. Само событіе, взятое отдѣльно, можетъ само по себѣ представиться, какъ vis major.

Но созданное явленіе можетъ принадлежать къ такому *типу явленій*, что съ нимъ въ данномъ промыслѣ можно считаться по обычному ходу вещей: оно не необычно, не исключительно.

Напр. 6-ти лѣтній мальчикъ попадаетъ подъ моторъ на оживленной улицѣ богатаго движеніемъ города и получаетъ увѣчье [1]).

Мы полагаемъ, что въ данной категоріи случаевъ (напр. 2-хъ лѣтній ребенокъ слѣпо бросается подъ

ненія его отъ заразы предохранительныя мѣры предосторожности. Эпизоотическія болѣзни могутъ при извѣстныхъ условіяхъ быть *vis major*, и все же къ этой vis major можетъ относиться вина отвѣтчика.

[1]) Германскій Рейхсгерихтъ отрицаетъ здѣсь «höhere Gewalt». *R. G. 12 Juni 1899, Bd. 44, № 9.* Понятіе «höhere Gewalt» предполагаетъ такого рода необычное событіе, съ наступленіемъ котораго нельзя считаться. Эксплоатація электрическихъ трамваевъ на улицахъ большого и богатаго движеніемъ города вноситъ публикѣ новую доселѣ неизвѣстную опасность. Съ другой стороны, причинная связь между эксплоатаціею и несчастьемъ можетъ считаться тогда прерванной, когда несчастье можетъ быть отнесено къ привхожденію событія, которое въ силу своей необычайности по человѣческому предусмотрѣнію не можетъ быть воспринято въ кругъ разсчета, наступленіе котораго по прежнему опыту не можетъ быть ожидаемо. Но безспорно то, что дѣти особенно часто становятся жертвами трамвайнаго движенія, ибо они меньше всего освоились со спеціальной опасностью новой тяги.

поѣздъ) мы имѣемъ «vis major» (höhere Gewalt), но, на ряду съ этимъ, мы имѣемъ самостоятельный каузальный моментъ: «присущую желѣзно-дорожному движенію опасность промысла». И эта «квалифицированная каузальность» оправдывается здѣсь тѣмъ, что явленіе (увѣчіе малолѣтнихъ на оживленной улицѣ богатаго движеніемъ города) само по себѣ не необычно, оно не шокируетъ наблюдателя, какъ исключительное событіе: оно обязано присущей жел.-дорожной эксплоатаціи опасности.

Еще примѣръ. Необычайно сильный туманъ создалъ скользкость рельсъ; этимъ затруднена остановка поѣзда. Здѣсь—vis major [1]). Но на ряду съ этимъ—и каузальное содѣйствіе «опасности промысла». Здѣсь силы природы послужили причиной явленія, которое, само по себѣ, представляетъ *случающееся и въ обычномъ теченіи вещей* воздѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ на жел.-дорожную эксплоатацію.

Моментъ обычности и неисключительности не устанавливаетъ здѣсь *причинной связи* между несчастнымъ случаемъ и эксплоатаціей: соотвѣтствующее явленіе квалифицируется нами, какъ vis major. Но, въ тоже время, эта обычность и неисключительность указываетъ на то, что «Betriebsgefahr» проявилъ свое дѣйствіе и къ явленію vis major. Въ самомъ дѣлѣ, конкретное явленіе, чтобы быть «отвѣтственнымъ случаемъ», должно стоять въ такой причинной связи съ «своеобразіемъ предпріятія» что оно обязано послѣднему, какъ своей причинѣ. Если данное конкретное явленіе не отвѣчаетъ этому условію, оно—vis major. Но оно въ тоже время, какъ *типъ* извѣстнаго рода явленій, можетъ быть обычнымъ въ сферѣ желѣзно-дорожной эксплоатаціи и потому стоять въ общей причинной связи съ опаностью промысла.

Этотъ выводъ вполнѣ логиченъ. Если *вина* можетъ относиться къ случаямъ vis major, то почему «*опасность промысла*» не можетъ имѣть этой силы?

---

[1]) R. G. 22 Mai 1885 Eis. E IV, 285; 1 Iuni 1885, ibid. IV, 287, отрицаетъ здѣсь наличность высшей силы.

Развѣ принципъ вины и профессіональный рискъ не равноправные факторы отвѣтственности? [1]).

Посмотримъ теперь, находитъ ли наше построеніе понятія непреодолимой силы опору въ дѣйствующемъ русскомъ положительномъ правѣ.

Наши гражданскіе законы противополагаютъ *вину* понятію о *случаѣ*. «Случай» есть дѣяніе, учиненное не только безъ намѣренія, но и безъ всякаго со стороны учинившаго оное неосторожности (ст. 647 т. X ч. 1).

Говоря о неосторожности или небрежности лица, законъ предполагаетъ такое стеченіе обстоятельствъ, которое позволяло «въ естественномъ порядкѣ вещей» «предвидѣть и предотвратить» вредъ (ст. 619 т. X ч. 1).

Однако, относительность этихъ понятій (предвидимость, предотвратимость) дѣлаетъ то, что часто отвѣтчикъ можетъ ссылаться на подобнаго рода стеченіе обстоятельствъ, и—тогда даже, когда, справедливость, казалось бы, требовала именно, повышенную заботливость съ его стороны, и когда, съ другой стороны, споръ съ такимъ отвѣтчикомъ былъ бы особенно труденъ потерпѣвшему контрагенту, въ виду самостоятельности занимаемой послѣднимъ позиціи. Въ этихъ отношеніяхъ законъ *для огражденія интересовъ потерпѣвшаго* считаетъ нужнымъ, *оставаясь на почвѣ принципа вины*, опредѣлить кругъ тѣхъ внѣшнихъ событій, которыя устраняютъ отвѣтственность за неисполненіе договора или требованія закона, или, вѣрнѣе сказать, указать тѣ событія, которыя снимаютъ съ отвѣтчика упрекъ въ виновномъ неисполненіи обязанности. Въ этихъ право-

---

[1]) Наша конструкція даетъ тѣ же выводы, что и практика германскаго Рейхсгерихта. Но она болѣе правильна съ теоретической точки зрѣнія, чѣмъ конструкція Рейхсгерихта. А если бы мы сочли нужнымъ отвергнуть самостоятельную квалифицированную каузальность «опасности промысла» (какъ это имѣетъ мѣсто въ русской ж.-д. судебной практикѣ), то мы должны были бы признать въ этой категоріи случаевъ исключительную наличность vis major и освободить жел. дорогу отъ отвѣтственности. Вотъ почему, мы полагаемъ, что наша конструкція особенно пригодна въ русской ж.-д. судебной практикѣ. Она дала бы здѣсь и новые и справедливые выводы.

отношеніяхъ законъ и *не задается цѣлью повысить отвѣтственность должника до предѣловъ vis major.*

Онъ желаетъ лишь намѣтить тѣ внѣшнія событія, доказать которыя вообще болѣе легко, и наличность которыхъ безспорнѣе всего доказываетъ невиновность отвѣтчика.

Поэтому, было бы грубой ошибкой привлекать эти тексты, [какъ то дѣлаютъ редакторы Проекта Гражд. Уложенія, т. II, стр. 494 сл., т. V, стр. 453 сл.], къ уясненію сущности понятія vis major по дѣйствующему законодательству.

Такъ, это имѣетъ мѣсто въ ст: 633, 684 [1]), 1689, 2105, 2106 т. X ч. I [2]), ст. 216, 218 Пол. о Каз. Подр. и Постав. [3]), ст. 2 Общ. Уст. Рос. ж. д. [4]), ст. 529, 779 Уст. Торг. (изд. 1903 г.) [5]) ст. 47 Уст. Кред. (Разд. III) [6]), ст. 49 т. XII Пол. о наймѣ [7]).

---

[1]) Замѣтимъ, что слова ст. 684: «или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить» вовсе не имѣютъ въ виду vis major, какъ это думаетъ русская доктрина и судебная практика! Было бы странно, если законодатель говорилъ: «лицо отвѣчаетъ только за *вину*, если только будетъ доказано, что не было непреодолимой силы». [Замѣтимъ еще, что также ст. 619 и 647 т. X, ч. I. ставятъ вопросъ о *непредотвратимости*, какъ признакѣ *случая*, а не vis major!]. Этого не понимаютъ редакторы Проекта Гр. Улож., которые въ ст. 1065 (ст. 1036 изд. 1903 г.) устанавливаютъ принципъ *вины*, какъ основы общегражданской отвѣтственности, а въ ст. 1068 (=ст. 1039 изд. 1903 г.) особо оговариваются: «причинившій вредъ не подлежитъ отвѣтственности, если онъ совершилъ дѣяніе, вслѣдствіе воздѣйствія *непреодолимой силы*»...(!!).

[2]) Статьи эти навѣяны боязнью законодателя, что тысячи оговорокъ, коими можетъ оправдаться контрагентъ по запродажной и сохранной записямъ, нарушатъ интересы обманутаго другого контрагента.

[3]) Статьи эти имѣютъ въ виду сохранить наиболѣе энергичнымъ способомъ важные интересы казны отъ всякихъ неожиданностей.

[4]) Ст. 2 говоритъ о томъ, когда жел. дорога имѣетъ право отказать въ принятіи къ перевозкѣ пассажировъ, багажъ или грузъ.

[5]) Ст. 779: «Складъ отвѣтствуетъ за утрату или поврежденіе принятаго имъ на храненіе товара, если не докажетъ, что они *не могутъ быть предотвращены средствами склада* и произошли *отъ непреодолимой силы*». (sic!). Здѣсь особенно ясно, что «непреодолимая сила» понимается въ смыслѣ круга событій, явно и безспорно снимающихъ со склада упрекъ въ неотвращеніи вреда средствами склада.

[6]) Ст. 47 также говоритъ о «гибельныхъ случаяхъ», какъ *доказательствѣ события*. Она, именно, говоритъ о порядкѣ возобновленія утраченныхъ государственныхъ непрерывно доходныхъ билетовъ: ...«Если же таковой билетъ истребленъ будетъ пожаромъ, наводненіемъ, кораблекрушеніемъ, или другимъ гибельнымъ случаемъ, то, *по представленіи о томъ ясныхъ доказательствъ*, Комиссія»...

[7]) Ст. 49 перечисляетъ «уважительныя причины» несвоевременнаго прибытія на работу сельскаго рабочаго.

Во всѣхъ этихъ текстахъ рѣчь идетъ о «непреодолимыхъ *препятствіяхъ*», а не о непреодолимой *силѣ*, въ техническомъ смыслѣ «vis major». Говорится о «нечаянности», «чрезвычайности», и внесеніе этихъ признаковъ можетъ быть оправдано тѣмъ, что въ соотвѣтствующихъ статьяхъ рѣчь идетъ объ отвѣтственности за *неисполненіе договоровъ* и здѣсь привнесеніе субъективныхъ моментовъ оправдывается характеромъ обязательства (ср. К. Р. 1907/76).

Лишь въ очень немногихъ текстахъ мы находимъ повышеніе отвѣтственности должника *до предѣловъ vis major*, и только эти тексты должны быть привлекаемы нами для опредѣленія понятія «непреодолимой силы» по русскому праву. Мы имѣемъ въ виду ст. 92, 96, 102 Общ. Уст. Росс. жел. дорогъ и ст. 683 т. X ч. 1 и законы о профессіональномъ рискѣ: зак. 2 іюня 1903 г. и др. [1]).

И вотъ, изслѣдованіе этого матеріала убѣждаетъ насъ въ томъ, что нашъ русскій законодатель стоитъ всецѣло на той точкѣ зрѣнія, которую мы защищаемъ.

Въ старой редакціи ст. 683 т. X ч. I (изд. 1857 г.) не содержится указанія на непреодолимую силу, какъ на факторъ, снимающій отвѣтственность съ жел. дороги. Это указаніе было излишне, такъ какъ вся отвѣтственность жел. дороги была основана на *принципѣ вины*. Жел. дорога отвѣчала за «каждое случившееся на жел. дорогѣ несчастіе, когда оно произошло отъ причинъ, предусмотрѣнныхъ при отправленіи или движеніи поѣзда, но не отвращенныхъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ, или, когда оно вообще могло быть предусмотрѣно, но оставлено безъ вниманія». Отсюда—логическій выводъ: жел. дорога не отвѣчаетъ, «когда случившееся на жел. дорогѣ несчастіе произошло отъ такихъ причинъ, которыхъ нельзя было предотвратить никакими мѣрами предусмотрительности и осторожности».

---

[1]) Законъ 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи за увѣчіе и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ частныхъ и общественныхъ. Ср. еще законы о вознагражденіи за увѣчье и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ казенныхъ управленій: 9 іюня 1904 г., 6 іюня 1905 г., 19 декабря 1905 г., 6 марта 1906 г. и 19 апрѣля 1906 г.

Въ этомъ построеніи, очевидно нѣтъ мѣста «непреодолимой силѣ». Жел дорога не отвѣчала за меньшее (casus), зачѣмъ же указывать на бо́льшее?!..

На другихъ началахъ построена ст. 683 т. X ч. I по закону 25-го января 1878 г. (т. X ч. I, по прод. 1879 г.). Въ Государственномъ Совѣтѣ, обсуждавшемъ соотвѣтствующій законопроектъ, было «признано удобнѣйшимъ» исправность бывшаго въ поѣздѣ подвижного состава не показывать въ числѣ причинъ, устраняющихъ обязанности предпринимателя вознаграждать потерпѣвшихъ вредъ при эксплоатаціи жел. дороги [1]).

Принципъ *вины*, какъ основа гражданской отвѣтственности жел дороги, былъ замѣненъ принципомъ *причиненія*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляется кругъ отвѣтственныхъ случаевъ и кругъ причинъ, снимающихъ отвѣтственность съ жел. дороги. Жел. дорога отвѣчаетъ за вредъ и убытки, «*причиненные эксплоатаціею* жел. дор. сообщеній», и не отвѣчаетъ за вредъ и убытки, причиненные не эксплоатаціею, а или 1) *непреодолимой силою* или 2) виной потерпѣвшаго [2]).

Иначе говоря, непреодолимая сила есть все то, что не стоитъ въ объективной *причинной связи* съ силами жел.-дорожной эксплоатаціи. Этотъ выводъ диктуется самимъ ratione legis, лежащимъ въ основѣ ст. 683 т. X ч. I.

Усиленная отвѣтственность желѣзной дороги обязана повышенной опасности, угрожающей жел.-дор. эксплоатаціей всѣмъ, имѣющимъ нужду войти съ нею въ соприкосновеніе (профессіональный рискъ),—за бортомъ отвѣтственныхъ случаевъ останутся всѣ несчастія, не входящія въ рамки этого профессіональнаго риска. Посему, указаніе на непреодолимую силу, какъ на снимающую отвѣтственность причину, можно сказать,

---

1) См. наше изслѣдованіе: «Смѣшанная вина и ст. 683 т. X. ч. 1» [Ярославль, 1910], стр. 22.

2) Ст. 683 т. X ч. 1 говоритъ: «причиненныхъ *при* эксплоатаціи». Ст. 92 Общ. Уст. ж. д. говоритъ: «причиненныхъ *эксплоатаціею* ж. дорогъ». Ст. 683 т. X ч. 1 допускаетъ lapsus, говоря объ освобождающихъ основаніяхъ: a) *не по винѣ* управленія... b) вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы. Ст. 96 и 102 Уст. ж. д. говорятъ болѣе точно: 1) *по винѣ* потерпѣвшаго, 2) отъ непреодолимой силы. См. наше изслѣдованіе, ук. соч. стр. 38—57.

содержится дважды въ ст. 683 т. X ч. I. Одинъ разъ—молчаливо оно предполагается въ п. 1 ст. 683, гдѣ устанавливается принципъ, на которомъ основана отвѣтственность желѣзной дороги (принципъ *причиненія* несчастія *эксплоатаціей*). Другой разъ—verbis expressis въ п. 2, гдѣ законъ повторяется въ цѣляхъ большей ясности. П. 2 говоритъ не больше того, что скрыто въ п. 1: законъ не примѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда причина несчастнаго случая лежитъ внѣ профессіональнаго риска жел.-дор. предпринимателя.

Блестящее подтвержденіе этому утвержденію мы находимъ въ ст. 1 и 2 Закона 2 іюня 1903 года «о вознагражденіи за увѣчье и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ частныхъ и общественныхъ».

Ст. 1 гласитъ:

«При несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской горной и горнозаводской промышленности владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 2—53 сего приложенія, рабочихъ, безъ различія ихъ пола и возраста, за утрату долѣе, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, *причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ*»...

Ст. 2 гласитъ:

«Владѣлецъ предпріятія освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ».

Въ основѣ ст. 1, устанавливающей отвѣтственность владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, положенъ принципъ *профессіональнаго риска*. Владѣлецъ промышленнаго предпріятія отвѣчаетъ за всѣ несчастные случаи, которые вызваны причинами, предусмотрѣнными въ ст. 1 и не отвѣчаетъ за тѣ несчастные случаи, которые лежатъ внѣ профессіональнаго риска предпринимателя. Онъ отвѣчаетъ за тѣлесныя поврежденія, «*причиненныя рабочему работами по производству предпріятія или*

происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ». Онъ не отвѣчаетъ [«освобождается», какъ неточно говоритъ ст. 2, желая сообразоваться съ редакціей ст. 683 т. X ч. I], если докажетъ, что причиной несчастнаго случая были такія то формы виновности на сторонѣ потерпѣвшаго. Указаніе на послѣднее было необходимо, ибо иначе на судебную практику была бы переложена работа, которая должна быть произведена законодателемъ: разграниченіе формъ виновности потерпѣвшаго, поглощаемыхъ понятіемъ профессіональнаго риска [легкая вина, тяжелая вина] и выходящихъ изъ рамокъ профессіональнаго риска (злой умыселъ; тяжелая вина, не оправдываемая условіями производства).

Наоборотъ, что касается *непреодолимой силы*, то законодатель не счелъ даже нужнымъ verbis expressis оговариваться о ней въ ст. 2, и не потому, что непреодолимая сила входила бы въ профессіональный рискъ, или не потому что она не входила бы въ это понятіе, но законодатель допустилъ пробѣлъ, редактируя ст. 2, а—потому, что указаніе на vis major, какъ на обстоятельство, снимающее съ патрона отвѣтственность, содержится «implicitement» уже въ ст. 1 этого закона, въ которой говорится, что тѣлесное поврежденіе должно быть «причинено работами или произойти вслѣдствіе работъ». «Нѣтъ, повидимому,—говоритъ Государственный Совѣтъ—надобности и особо оговаривать въ законѣ случаи освобожденія предпринимателей отъ обязанности уплачивать вознагражденіе за увѣчіе рабочихъ... при воздѣйствіи стихійныхъ силъ». Въ самомъ дѣлѣ, «если вліяніе непреодолимой силы проявилось вслѣдствіе работъ, то несчастный случай, отъ сего происходящій, подойдетъ подъ указанное выше опредѣленіе, если же стихійныя силы дѣйствовали внѣ всякой зависимости отъ работъ предпріятія, то, безъ сомнѣнія, не можетъ быть и рѣчи о вознагражденіи за увѣчіе, получаемое имъ отъ такого несчастнаго случая»[1]).

---

[1]) Цитирую по работѣ сенатора бар. *А. М. Нолькенъ*, Законы о вознагражденіи за увѣчье и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ. Спб. 1911, стр, 70. См. еще *В. П. Литвиновъ-Фалинскій*, Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, (Спб. 1910), стр. 101—104.

И въ объяснительной запискѣ Министерства Финансовъ (стр. 141 и 142) положительно сказано: «въ виду этого и принимая во вниманіе то обстоятельство, что обязанность доставлять вознагражденіе потерпѣвшимъ рабочимъ опредѣлена въ проектѣ закона прямымъ указаніемъ на случаи, происшедшіе... вслѣдствіе производства рабочими работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, врядъ ли представлялось бы необходимымъ еще особое указаніе на то, что случаи, происшедшіе не... вслѣдствіе производства рабочими работъ, къ числу которыхъ относятся и случаи, вызванные проявленіемъ стихійныхъ силъ, не влекутъ за собою обязанности предпринимателей вознаграждать потерпѣвшихъ рабочихъ» [1]).

Мы можемъ привѣтствовать то радостное явленіе, что, наконецъ то въ XX вѣкѣ русскимъ юридическимъ міромъ усвоена правильная концепція понятія «vis major», но мы не можемъ не отмѣтить того, что починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ не доктринѣ, а законодателю. Не теоретики — юристы указали законодателю правильную формулировку понятій «профессіональнаго риска» и «непреодолимой силы» и ихъ взаимнаго отношенія [2]), а законодатель самъ безъ помощи русскихъ ученыхъ силъ дошелъ «своимъ умомъ» до правильной конструкціи и далъ матеріалъ для построенія юристамъ — комментаторамъ [3]).

Въ нашей русской литературѣ, на сколько намъ извѣстно, впервые на почвѣ толкованія закона 2 іюня 1903 года [4]) разрабатывается понятіе непреодолимой силы при помощи тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которые мы защищаемъ въ настоящей статьѣ, какъ единственно правильные.

Моментъ «*непреодолимости*», ставшій банальнымъ во всѣхъ господствующихъ опредѣленіяхъ понятія vis

---

1) Бар. *А. М. Нолькенъ*. Ук. соч., стр. 70, прим. 44.

2) См. нашу работу «*Смѣшанная вина и ст. 683 т. X ч. I*», стр. 5 и сл., passim.

3) См. цитированный трудъ бар. *А. М. Нолькенъ*, стр. 69 и сл.; *В. П. Литвиновъ-Фалинскій*, Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Спб. 1910, стр. 101 сл.

4) На почвѣ толкованія *ст. 683 т. X ч. I* см. цитированную нашу работу, стр. 162—174.

major, выбрасывается за бортъ. Если бы мы пожелали настаивать на томъ, что vis major есть проявленіе высшей силы, какъ явленія, характеризуемаго непреодолимостью его, то «всѣ несчастные случаи, кои не могли быть предотвращены, не вошли бы въ категорію тѣхъ, за которые устанавливается отвѣтственность, хотя бы причины ихъ лежали въ самомъ производствѣ и изъ него проистекали. Благодаря этому, понятіе высшей силы мало чѣмъ отличалось бы отъ простой случайности, которую нельзя было преодолѣть, а изъ предѣловъ отвѣтственности предпринимателей были бы исключены всѣ тѣ случаи, кои не могли быть предотвращены, несмотря на принятіе возможныхъ мѣръ предосторожности» [1]).

Къ такого рода сліянію понятія *непреодолимой силы* и понятія *случайности* ведетъ настоящая судебная практика по примѣненію ст. 683 т. X ч. I, которая признаетъ непреодолимую силу повсюду, гдѣ несчастіе обязано причинѣ «*которую нельзя было предотвратить никакими мѣрами предусмотрительности или осторожности*» (К. Р. 1887/69; 1893/87).

Такое распространительное толкованіе словъ ст. 683: «вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы» обязано тому, что наша судебная практика не усвоила себѣ сущности принципа *профессіональнаго риска* [2]), изъ котораго и должно выводиться понятіе «vis major».

Можно надѣяться, что новое теченіе, которое пробивается на базѣ толкованія закона 2 іюня 1903 года, окрѣпнетъ и завоюетъ сознаніе юристовъ-практиковъ, и тогда будетъ устранена та прискорбная и ничѣмъ не оправдываемая несогласованность между судебной практикой по примѣненію ст. 683 т. X ч. I и судебной практикой по примѣненію закона 2 іюня 1903 года. Оба закона построены на одной идеѣ профессіональнаго риска и потому mutatis mutandis понятіе vis major должно быть *одно* въ той и другой области.

---

[1]) Объясн. Зап. М. Ф. стр. 142 сл. [Цитирую по *Литвиновъ-Фалинскому*, ук. соч., стр. 103—104].

[2]) См. нашу цитиров. работу, стр. 38—57, 108—154.

Выше мы установили то положеніе, что не только *вина*, но и *опасность промысла* [какъ основа профессіональнаго риска] можетъ относиться до vis major. Въ обоихъ случаяхъ отвѣтственность наступитъ, хотя непосредственной причиной, создавшей несчастье, была «непреодолимая сила». Для отпаденія отвѣтственности надо, что бы непреодолимая сила была не только непосредственной, но и *единственной* причиной несчастія. Если несчастіе вызвано и «опасностью промысла» и «непреодолимой силой», въ какомъ бы сочетаніи эти основанія отвѣтственности ни сплетались бы другъ съ другомъ,—отвѣтственность наступитъ въ силу ст. 1 закона 2 іюня 1903 года!

Приведу въ качествѣ авторитета мнѣніе барона *А. М. Нолькенъ* [ук. соч., стр. 72—73]. «Совокупное дѣйствіе внѣшней силы и условій производства работъ не можетъ сложить съ предпринимателя отвѣтственности по закону 2 іюня 1903 г. Если рабочій по условіямъ и обстановкѣ производства работъ подвергается опасности разрушительнаго воздѣйствія на его здоровье и жизнь внѣшней силы, то совершенно независимо отъ того, приняты ли были владѣльцемъ предпріятія мѣры для огражденія рабочаго отъ такой опасности, и вообще могъ ли онъ принимать какія либо въ семъ отношеніи мѣры,—опасность эта подлежитъ учету со стороны предпринимателя, и онъ долженъ отвѣчать за послѣдствія этой опасности по началу профессіональнаго риска. Въ частности опасность отъ огня свойственна всякому промышленному производству—даже такому, которое дѣйствуетъ не при посредствѣ паровой или электрической силы—въ силу одного того обстоятельства, что работа производится въ закрытомъ помѣщеніи и при участіи многихъ людей. Поэтому по какой бы то ни было причинѣ ни возникъ пожаръ въ промышленномъ заведеніи, то пожаръ самъ по себѣ, если онъ является причиною несчастій съ рабочими, никакъ не можетъ служить основаніемъ для освобожденія владѣльца предпріятія отъ отвѣтственности по закону 2 іюня 1903 г., если имѣются на лицо остальныя условія для возникновенія такой отвѣтственности».

Эта конструкція начинаетъ рецепироваться и новѣйшей судебной практикой. Такъ, Прав. Сенатъ въ К. Р. 1909 № 59 высказалъ: основаніемъ отвѣтственности владѣльца фабрично-заводскаго предпріятія служитъ не вина хозяина предпріятія, а профессіональный рискъ, создаваемый работами по производству предпріятія. Государственный Совѣтъ (отчетъ за 1902—3 гг.) прямо призналъ, что предприниматель долженъ нести отвѣтственность и тогда, когда несчастный случай произошелъ отъ непреодолимой силы природы; необходимо только, что бы вліяніе этой силы проявлялось вслѣдствіе работъ, а не стояло внѣ всякой зависимости отъ работъ предпріятія.

Мы можемъ, такимъ образомъ, на основаніи вышеизложеннаго утверждать, что наша конструкція «vis major» во всѣхъ своихъ деталяхъ находитъ опору въ дѣйствующихъ русскихъ законахъ.

Къ вопросу о принципахъ бракоразводнаго церковнаго законодательства.

В. Н. Мышцына.

Вопросъ о разводѣ лицъ православнаго исповѣданія составляетъ больное мѣсто въ нашемъ законодательствѣ. За государствомъ нельзя не признать права регламентировать вопросъ о разводѣ, руководясь прежде всего интересами государственными. Однако въ силу историческаго хода вещей наше гражданское право вынуждено получать директивы въ этой области отъ православнаго церковнаго права. И хотя неудовлетворительность церковныхъ бракоразводныхъ нормъ стала въ настоящее время общепризнанной, ихъ несоотвѣтствіе нуждамъ времени очевиднымъ, тѣмъ не менѣе наша законодательная власть связана ими по рукамъ и не можетъ проявить въ этомъ дѣлѣ собственной иниціативы. Она должна терпѣливо ждать необходимыхъ реформъ отвнѣ и соблюдать въ этомъ отношеніи всяческую «осторожность». Ни о чемъ такъ много не заботились составители устава уголовнаго судопроизводства и проекта новаго гражданскаго уложенія, какъ именно о «необходимости въ особенной осторожности» при обсужденіи мѣръ, касающихся церковнаго законодательства [1]).

Но положеніе дѣла въ высшей степени осложняется тѣмъ, что само наше церковное право въ вопросѣ о разводѣ зашло прямо въ тупикъ, изъ котораго повидимому нѣтъ возможности выбраться, не пожертвовавъ отчасти или догматикой или каноникой. Мы увидимъ это ниже, когда познакомимся съ догматическими и

---

[1]) Мотивы къ ст. 1016 Уст. Угол. Судопр. Изд. госуд. канцеляріи. Проектъ гражданскаго уложенія, кн. 2, т. 1.

каноническими конструкціями, лежащими въ основѣ дѣйствующаго бракоразводнаго законодательства. Но и теперь можно уже отмѣтить, въ чемъ заключается главное затрудненіе для нашей церковной власти въ данномъ вопросѣ. Наша церковная власть сознала необходимость реформированія брачнаго права въ сторону расширенія свободы развода и уже приступила къ работамъ по составленію проекта положенія о поводахъ къ разводу. Но въ осуществленіи своего намѣренія она столкнулась съ принципіальными взглядами нашей догматики и каноники, по которымъ бракъ есть таинство, связывающее супруговъ нерасторжимыми узами и въ то же время неизгладимое по своему дѣйствію, и, какъ такое, можетъ быть расторгнуто по двумъ лишь основаніямъ, указаннымъ въ Новомъ Завѣтѣ и канонахъ: по причинѣ смерти одного изъ супруговъ (или по обстоятельствамъ адекватнымъ смерти) и по прелюбодѣянію супруга. Въ остальныхъ случаяхъ таинство и благодать, даруемая въ немъ, сохраняютъ свою силу, и потому разводъ недопустимъ. При такихъ воззрѣніяхъ на бракъ и разводъ, выступить за предѣлы каноническихъ основаній къ разводу значило бы повидимому отступить отъ догматическаго принципа нерасторжимости христіанскаго брака, отъ догматическаго ученія о таинствѣ бракосочетанія. Примирить удовлетворительнымъ способомъ положенный въ основу нашей каноники догматическій принципъ съ правомъ церкви заново реформировать законодательство о разводѣ, введши въ него новыя основанія къ разводу, нашей церковной власти до сихъ поръ не удалось. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи Особымъ Совѣщаніемъ при Св. Синодѣ, работавшимъ съ 1907 по 1909 г., нисколько не устранили затрудненія. Проф. Суворовъ въ концѣ концовъ долженъ былъ придти къ слѣдующему печальному выводу. «Почва, на которой стоитъ проектъ, пишетъ онъ, не отличается опредѣленностью и устойчивостью настолько, чтобы на ней можно было возводить зданіе матеріальнаго и тѣмъ болѣе процессуальнаго бракоразводнаго права. Ни церковное ученіе о бракѣ, какъ таинствѣ, ни каноны

восточной церкви не могутъ послужить основой для такого бракоразводнаго права, которое удовлетворяло бы потребностямъ и нуждамъ современной жизни» [1]). Итакъ наше гражданское право о разводѣ сковано церковнымъ, а послѣднее не менѣе сковано положеннымъ въ его основу догматическимъ принципомъ.

Есть ли выходъ изъ того тупика, въ который зашло наше церковное, а вслѣдъ за нимъ и гражданское право? Я полагаю, что такой выходъ, отвѣчающій требованіямъ и науки и жизни, есть. Но чтобы уяснить себѣ его, мы должны сначала констатировать очевидную непослѣдовательность въ той догматико-канонической конструкціи, которая лежитъ въ основѣ нашего дѣйствующаго бракоразводнаго законодательства.

Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ трудовъ [2]) проф. Павловъ пришелъ къ слѣдующему выводу: «между догматическимъ и каноническимъ ученіемъ нашей церкви о формѣ таинства брака въ настоящее время оказывается важное и глубокое несогласіе». Въ то время какъ по современной догматикѣ христіанскій бракъ становится таинствомъ чрезъ церковное благословеніе, по каноникѣ сакраментальный характеръ брака не зависитъ безусловно отъ церковнаго обряда бракосочетанія, какъ необходимой формы этого таинства, а сообщается браку взаимнымъ согласіемъ самихъ сочетавающихся лицъ, будетъ ли это согласіе выражено ими въ церкви, при обрядѣ бракосочетанія, или внѣ церкви и безъ обряда [3]). Такой именно взглядъ на бракъ лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ статей нашего брачнаго права. Такъ по 79 ст. (X, ч. 1, изд. 1900 г.) при обращеніи супруга въ христіанскую вѣру его бракъ съ некрещенной женой остается въ силѣ и безъ утвержденія его вѣнчаніемъ по правиламъ православной вѣры. Точно такъ же остается въ силѣ прежній бракъ супруговъ нехристіанъ, перешедшихъ въ православную вѣру (ст. 84). Подъ статьей 79

---

[1]) Замѣчанія на «проектъ положенія о поводахъ къ разводу», 1908, стр. 48—49.

[2]) 50-ая глава кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права, 1887 г. стр. 55.

[3]) ibid. стр. 55—56.

стоитъ ссылка на указъ Св. Синода отъ 25 апрѣля 1729 г. за № 5400, гдѣ прямо сказано, что при обращеніи обоихъ супруговъ (калмыковъ) въ христіанство «бракосочетаемаго вѣнчанія имъ не чинить, но велѣть имъ жить въ томъ супружествѣ невозбранно». Но замѣчательно, что церковное вѣнчаніе считается обязательнымъ, если новокрещенный имѣлъ нѣсколько женъ (ст. 82). Очевидно многоженство не считается дѣйствительнымъ бракомъ, и потому бракъ заключается вновь. Такимъ образомъ по ст. 79 и 84 бракъ, совершенный безъ церковнаго вѣнчанія, признается истиннымъ христіанскимъ бракомъ: церковное благословеніе не считается безусловно необходимой формой христіанскаго брака. Правда, богословы стараются обойти этотъ выводъ тѣмъ соображеніемъ, что вступающіе въ христіанство супруги въ таинствѣ крещенія получаютъ благодать, освящающую ихъ брачный союзъ. Но это соображеніе вводитъ въ ученіе о таинствѣ крещенія новый элементъ, какого не знаетъ догматика. Притомъ, если признать за крещеніемъ такое дѣйствіе, если видѣть въ немъ источникъ благодатныхъ даровъ не только къ святой жизни, но и къ освященію брачнаго союза, то естественно слѣдуетъ придти къ выводу, что для всѣхъ крестившихся церковное вѣнчаніе излишне. Конечно богословы скажутъ, что крещеніе имѣетъ такое дѣйствіе лишь въ отношеніи къ наличнымъ, а не будущимъ бракамъ. Однако наше церковное право стоитъ на иной точкѣ зрѣнія. Дѣло въ томъ, что церковное вѣнчаніе не совершается не только надъ крестившимися супругами, но и надъ супругами, перешедшими въ православіе изъ такого христіанскаго исповѣданія, въ которомъ крещеніе совершается правильно, а бракъ не признается таинствомъ. Здѣсь бракъ заключается уже послѣ крещенія, и хотя надъ нимъ не совершается таинство вѣнчанія, онъ тѣмъ не менѣе признается христіанскимъ бракомъ и въ случаѣ расторженія подсуденъ духовному суду православной церкви [1]). Та же

---

[1]) Цир. ук. Св. Синода 15 іюня 1887 г. № 13; Дѣло Св. Синода 27 сент. 1850 г., № 349.

точка зрѣнія на бракъ выражена и въ указѣ Св. Синода 9 сентября 1796 г., допускающемъ возможность для особъ императорскаго дома совершать браки чрезъ повѣренныхъ на томъ основаніи, что «и обрученіе и браковѣнчаніе, по разуму благочестивой христіанской вѣры, имѣетъ свое основаніе во взаимномъ бракосочетавающихся согласіи». Этотъ указъ процитованъ подъ 31 ст. Свода гражданскихъ законовъ, очевидно какъ дополненіе къ ней. Этого же взгляда, что главное существо таинства брака заключается не въ вѣнчаніи, а въ согласіи брачущихся, Св. Синодъ держался и въ своей прежней практикѣ. Такъ въ протоколахъ Синода 25 августа 1798 г. излагается слѣдующее: «бракъ, вѣнчанный безъ дозволенія приходскаго священника, безъ обыска, обрученія и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, но записанный въ метрическія книги и совершенный по взаимному согласію сочетавшихся, отъ котораго всего болѣе зависитъ и таинство браковѣнчанія, признанъ дѣйствительнымъ, такъ какъ несоблюденіе порядка совершенія къ брачущимся не относится, а состоитъ во всемъ виною вѣнчавшій священникъ» [1]). Указанное несогласіе между нашимъ брачнымъ правомъ и современнымъ догматическимъ ученіемъ церкви не случайно. Оно имѣетъ свою причину въ томъ, что источникомъ нашего законодательства о бракѣ служили отчасти иныя догматическія воззрѣнія, отличныя отъ тѣхъ, которыя установлены въ нашихъ теперешнихъ догматикахъ. Какъ извѣстно, въ 17 вѣкѣ подъ вліяніемъ католическихъ воззрѣній у насъ стало распространяться ученіе, что форму таинства брака составляетъ не благословеніе священника, а слова брачующихся, выражающія ихъ внутреннее согласіе. Это воззрѣніе было принято въ катихизисъ Лаврентія Зизанія, въ требникъ Петра Могилы, а оттуда въ 50 главу Кормчей. Въ послѣдней мы читаемъ такое опредѣленіе таинства брака: «вещь сія тайны есть мужъ и жена... Форма, сіе есть образъ или совершеніе ея, суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереомъ

---

[1]) Горчаковъ. О тайнѣ супружества, 1880 г., стр. 334, прим. 2.

извѣщающая». Въ 17 гл. 4 грани Градскаго закона это опредѣленіе поясняется такими словами: «Бракъ не тѣмъ составляется, еже спати мужеви съ женою, но брачнымъ совѣщаніемъ ихъ». Такимъ образомъ по мысли Кормчей бракъ совершается не іереемъ, а самими брачующимися, а благословеніе священника признается лишь одной изъ необходимыхъ принадлежностей законнаго христіанскаго брака. Хотя въ 18 столѣтіи вслѣдъ за «Православнымъ Богословіемъ» Ѳеофана Прокоповича въ нашихъ догматикахъ устанавливаются воззрѣнія, что формой брака служатъ молитвы, возносимыя священникомъ, и совершителемъ брака—священникъ, однако и въ послѣдующее время Синодъ продолжалъ иногда держаться прежнихъ воззрѣній на бракъ. Это видно изъ двухъ трактатовъ, приготовленныхъ въ Синодѣ между 1765 и 1787 г. «для публикаціи въ народъ» [1]). Эти же взгляды, теперешней догматикой отвергнутые, лежатъ въ основѣ вышеуказанныхъ положеній нашего брачнаго права. Это несогласіе догматики и каноники, можетъ быть, должно было бы обращать на себя вниманіе скорѣе догматиста, чѣмъ канониста, если бы теперешнее догматическое ученіе о таинствѣ брака не нашло себѣ выраженія въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего законодательства, какъ увидимъ ниже. Такимъ образомъ рѣчь идетъ о несогласіи каноники не только съ догматикой, но и съ собой.

Но есть другое, еще болѣе важное несогласіе между нашимъ положительнымъ брачнымъ правомъ и догматическимъ ученіемъ о бракѣ, какъ оно формулируется нашими догматистами и какъ отчасти фиксировано въ нашемъ законодательствѣ. До сихъ поръ на это несогласіе, насколько мнѣ извѣстно, не было обращено вниманіе канонистовъ, а между тѣмъ оно имѣетъ громадное практическое значеніе. Несогласіе это заключается въ слѣдующемъ. По догматическому ученію таинство брака сообщаетъ брачному союзу характеръ нерасторжимости. Въ таинствѣ брака Самъ Богъ соединяетъ супруговъ. Но что Богъ сочеталъ, того человѣкъ

[1]) См. ихъ изданіе у профессора Павлова цит. соч. стр. 344—406.

разлучить не можетъ. Благодать, даруемая въ таинствѣ брака, связываетъ супруговъ нерасторжими узами. «Благодать, говоритъ преосвящ. Макарій, скрѣпляетъ союзъ двухъ лицъ узами нерасторжимыми, ибо нерасторжимъ и вѣченъ союзъ Христа съ церковью» [1]). По словамъ преосв. Сильвестра, бракъ установленъ «съ цѣлью духовно-благодатнаго и нерасторжимаго скрѣпленія взаимнаго брачнаго союза» [2]). Такимъ образомъ нерасторжимость христіанскаго брака представляется свойствомъ таинства, слѣдствіемъ благодати, имѣетъ догматическій характеръ. Этотъ догматическій принципъ нерасторжимости христіанскаго брака положенъ въ основу и нашего брачнаго права. Исходя изъ этой идеи нерасторжимости христіанскаго брака, какъ таинства, русское церковное право, а вслѣдъ за нимъ гражданское уложеніе, во-первыхъ, признаютъ дѣла по расторженію браковъ подсудными суду духовному и, во-вторыхъ, стараются установить основанія къ разводу, не выходя изъ предѣловъ новозавѣтныхъ и строго-каноническихъ опредѣленій и тѣмъ самымъ въ высшей степени затрудняя разводъ.

Какъ извѣстно, у насъ не разъ возникалъ вопросъ и дѣлались попытки хотя отчасти передать бракоразводный процессъ въ вѣдѣніе свѣтскаго суда. Но всѣ онѣ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Синодъ и его представители ревниво оберегали церковную юрисдикцію по расторженію браковъ, всегда и неизмѣнно ссылаясь на то, что бракъ есть таинство, связывающее нерасторжимыми узами супруговъ, и что поэтому расторгнуть бракъ можетъ лишь та власть, которая совершаетъ его. При разсмотрѣніи правилъ о разводѣ, внесенныхъ въ проектъ гражданскаго уложенія въ 1809 г., оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. Голицинъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: «такъ какъ бракъ есть таинство нашей церкви, то существующія правила, коими руководствуются при расторженіи его,

---

[1]) Прав. догмат. Богословіе. Т. V, § 233.
[2]) Опытъ Прав. догмат. Богословія. Т. IV, стр. 493.

должны быть древнія и духовныя, равно какъ и для отлученія отъ прочихъ таинствъ. Для уразумѣнія сего нужно обратиться къ первымъ вѣкамъ христіанства, какія церковь принимала причины для разводовъ брачныхъ» [1]). При составленіи устава уголовнаго судопроизводства была повторена попытка сузить права церковнаго суда въ дѣлахъ о разводѣ по прелюбодѣянію. По проекту устава жалобы супруга на оскорбленіе святости брака прелюбодѣяніемъ должны приноситься обязательно уголовному суду, и только тогда, когда уголовный судъ дастъ обвинительный приговоръ, оскорбленный могъ вчинять искъ о разводѣ въ судѣ церковномъ, при чемъ приговоръ уголовнаго суда долженъ служить для церковнаго суда несомнѣнымъ доказательствомъ совершенія прелюбодѣянія. Но этотъ проектъ не былъ принятъ вслѣдствіе протеста Синода, въ которомъ между прочимъ писалось: «всякая законодательная мѣра, къ какому бы предмету духовнаго суда и управленія она не относилась, должна быть согласна по духу и сущности съ древними вселенскими постановленіями церкви» [2]). Въ 1870 году Высочайше утвержденный комитетъ по преобразованію духовно-учебной части предложилъ Синоду передать свѣтскому суду лишь самое изслѣдованіе факта прелюбодѣянія, какъ законнаго повода къ разводу, и постановленіе о наличности этого факта. Но большинство епископовъ и духовныхъ консисторій отнеслось отрицательно къ проекту, считая недостаточнымъ такое изслѣдованіе факта для цѣли расторженія брака, какъ церковнаго таинства. Въ отзывѣ одного преосвященнаго между прочимъ говорилось: «Предположеніе... изъять изъ вѣдомства духовнаго суда всѣ дѣла касательно браковъ и подчинить ихъ суду свѣтскому съ точки зрѣнія церковнаго догмата о таинствахъ и каноническаго права никакъ не можетъ быть допущено. Бракъ есть одно изъ таинствъ св. православной церкви... Добровольный сердечный союзъ брачущихся церковь скрѣпляетъ совершеніемъ таинства

---

[1]) Арх. Госуд. Сов. т. IV, ч. I. Журналъ Департамента законовъ стр. 31.
[2]) Судебный Уставъ, изд. Госуд. канц. 1866 г. стр. 369—372.

бракосочетанія... При такомъ положеніи дѣла, расторженіе брака помимо церкви и суда ея... было бы очевиднымъ нарушеніемъ правъ церкви, оскорбленіемъ таинства, ею совершеннаго» [1]). Когда проектъ комитета снова въ 1876 г. былъ предложенъ Синоду особымъ совѣщаніемъ, учрежденнымъ Государемъ Императоромъ, то Синодъ не нашелъ возможнымъ принять его въ виду высказаннаго нѣкоторыми членами Синода мнѣнія, что «доколѣ бракъ признается таинствомъ церковнымъ, соединяющимъ брачущихся въ одну плоть (Матѳ. XIX, 5) на всю жизнь, при твердой вѣрѣ, что еже Богъ сочета человѣкъ да не разлучаетъ (ст. 6), дотолѣ дѣла о расторженіи браковъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства суда духовнаго и переданы въ вѣдомство суда свѣтскаго» [2]). Итакъ главнымъ мотивомъ въ пользу духовной подсудности бракоразводныхъ дѣлъ обычно является понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ. Исходя изъ этого понятія полагаютъ, что бракъ, какъ таинство, можетъ быть совершаемъ и расторгаемъ только церковною властью, такъ какъ только она одна можетъ или уничтожить дѣйствіе таинства или опредѣлить, прекратилось его дѣйствіе или нѣтъ. Послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ передача бракоразводныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе суда свѣтскаго стала казаться до такой степени неосуществимой, что и составители проекта новаго гражданскаго уложенія не нашли въ себѣ рѣшимости отказаться отъ существующаго порядка. Въ 160 ст. проекта по прежнему утверждается подсудность бракоразводныхъ дѣлъ духовному суду, хотя по 174 ст. установленіе факта прелюбодѣянія подлежитъ гражданскому суду [3]).

Понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ, связывающемъ супруговъ нерасторжимыми узами, служило руководя-

---

[1]) Мнѣнія епархіал. архіереевъ т. I, стр. 313 и д. См. Церк. Вѣстникъ 1901 г. № 26.

[2]) См. Церк. Вѣстникъ 1901 г. № 25.

[3]) Нѣкоторые юристы находятъ въ этихъ статьяхъ проекта непослѣдовательность и даже противорѣчіе (см. Боровиковскій въ Журналѣ Мин. Юст. 1892, № 8, стр. 24; Добровольскій, бракъ и разводъ, стр. 233—234). Но этотъ упрекъ не основателенъ, если имѣть въ виду, что составители проекта строго различали два акта, съ одной стороны установленіе факта прелюбодѣянія и съ другой—актъ расторженія брака, какъ таинства.

щимъ принципомъ и при установленіи поводовъ къ разводу въ нашемъ законодательствѣ. Бракъ, какъ таинство, нерасторжимъ. Онъ прекращаетъ свое бытіе по двумъ причинамъ, указаннымъ въ Новомъ Завѣтѣ, именно: по смерти одного изъ супруговъ или по обстоятельствамъ, адекватнымъ смерти, и по причинѣ прелюбодѣянія. Въ прочихъ случаяхъ бракъ сохраняетъ свою силу таинства и потому не можетъ быть расторгаемъ.

Итакъ какъ въ нашей догматикѣ, такъ и въ нашемъ положительномъ брачномъ правѣ нерасторжимость христіанскаго брака понимается, какъ свойство таинства, какъ результатъ дѣйствія благодати. Удержалась ли на этой точкѣ зрѣнія наша каноника?

Мы увидимъ сейчасъ, что догматическій принципъ нерасторжимости христіанскаго брака, т. е. принципъ нерасторжимости брака, какъ таинства, связывающаго нерасторжимыми узами брачущихся, въ нашемъ церковномъ и гражданскомъ правѣ существенно нарушенъ. Посмотримъ на дѣло ближе. Наше догматическое богословіе утверждаетъ, что благодать, преподаваемая въ таинствахъ, неуничтожаема, неизгладима. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ Посланіемъ Восточныхъ Патріарховъ оно признаетъ, напримѣръ, что «крещеніе полагаетъ на каждаго неизгладимую печать, которая остается на крестившемся всегда, хотя бы онъ послѣ крещенія надѣлалъ тысячу грѣховъ или даже отрекся отъ самой вѣры» [1]). Таково же и дѣйствіе другихъ таинствъ. Оно не можетъ быть прекратимо никакими преступленіями принявшаго благодать таинства. Если бы признать возможность прекращенія дѣйствія таинства, то слѣдовало бы утверждать, что носители іерархическихъ должностей могутъ лишаться благодати священства за свои грѣхи, что православная догматика рѣшительно отрицаетъ, такъ какъ это утвержденіе послѣдовательно приводитъ къ сомнѣнію въ самомъ существованіи истинной іерархіи. Послѣдовательность требуетъ, чтобы такое же дѣйствіе было признано и за таинствомъ брака. Но

---

[1]) Преосв. Макарія догмат. Богосл. т. IV, стр. 119.

если такъ, если благодать, даруемая въ таинствѣ брака, неизгладима, и если эта благодать связываетъ супруговъ нерасторжимыми узами, то отсюда прямой логическій выводъ — полная недопустимость развода. При продолжающемся дѣйствіи благодати, разводъ и вступленіе въ новый бракъ были бы недозволительной дигаміей. Чтобы оправдать съ этой точки зрѣнія разводъ, надо допустить, что какія либо преступленія, наприм., прелюбодѣяніе, прекращаютъ дѣйствіе благодати таинства брака. Но православная догматика рѣшительно отрицаетъ мнѣніе, будто сила и дѣйственность таинства зависитъ отъ расположенія лицъ, ихъ пріемлющихъ [1]). Итакъ догматически понятый принципъ нерасторжимости брака неминуемо приводитъ къ полному отрицанію допустимости развода. И если наше церковное и гражданское право признаетъ, что бракъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть расторгнутъ, то оно или стоитъ въ противорѣчіи съ догматическимъ ученіемъ о неизгладимости благодати, даруемой въ таинствахъ или отрицаетъ догматическое пониманіе нерасторжимости брака. Въ томъ и другомъ случаѣ очевидно противорѣчіе между нашей догматикой и нашей каноникой.

Но допустимъ, что таинство брака въ отличіе отъ прочихъ таинствъ имѣетъ ту особенность, что дѣйствіе благодати этого таинства можетъ быть прекращаемо. Возникаетъ вопросъ, въ силу какихъ причинъ происходитъ это? Думать, что благодать, преподаваемая въ таинствѣ брака, уничтожается церковною властью, разумѣется нельзя. Церковь не можетъ сама уничтожать дѣйствіе благодати. Если бы самое расторженіе брака церковною властью уничтожало благодать, то церковь ни въ какомъ случаѣ не допускала бы разводовъ. Остается признать, что дѣйствіе таинства брака уничтожается преступленіемъ супруговъ, именно прелюбодѣяніемъ. Такъ обыкновенно и полагаютъ православные богословы и канонисты [2]). Но не говоря уже о томъ, что въ та-

---

[1]) Преосв. Макарій, догмат. Богосл. т. V, стр. 61.

[2]) Арх. Михаилъ въ Толковомъ Евангеліи, I, стр. 345. Іоаннъ, еп. Смоленскій въ Прав. Обозрѣніи, 1859, III, стр. 328. Проф. Глубоковскій: «всякій πορνεύων тѣмъ самымъ уничтожаетъ брачный союзъ, умираетъ для него

комъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ: допущеніе, что супружеская измѣна расторгаетъ бракъ, не равносильно ли признанію, что грѣхи послѣ крещенія, напр. отпаденіе отъ вѣры, прекращаютъ дѣйствіе благодати крещенія [1]), что преступленія іерархическихъ лицъ лишаютъ ихъ благодати священства,—наше каноническое право и наше положительное брачное право рѣшительно отрицаютъ эту точку зрѣнія. На самомъ дѣлѣ, если бы фактъ прелюбодѣянія самъ по себѣ разрушалъ существо брака и прекращалъ дѣйствіе благодати, а церковная власть лишь констатировала бы своимъ судомъ то и другое, то разводъ по причинѣ прелюбодѣянія былъ бы не только дозволительнымъ, но и обязательнымъ. Въ случаѣ установленности факта прелюбодѣянія бракъ всецѣло прекращалъ бы свое бытіе, и при желаніи супруговъ продолжать брачную жизнь они должны были бы снова просить церковнаго благословенія. Но хотя въ древней церкви иногда высказывался взглядъ, что мужъ долженъ прекратить сожитіе съ своей невѣрной женой, такъ какъ прилѣпляющійся къ блудницѣ самъ становится нечистымъ [2]), однако церковь отвергла это мнѣніе. Слѣдуя словамъ апостола: «женѣ не разводиться съ мужемъ: если же разведется, то должна оставаться безбрачною или примириться съ мужемъ своимъ (1 Кор. VII, 10—11), церковь всегда внушала невинному супругу примириться съ виновнымъ и продолжать брачную жизнь безъ повторенія вѣнчанія. Очевидно въ глазахъ церкви прелюбодѣяніе само по себѣ не разрушало еще брака. Бракъ, какъ таинство, и послѣ него оставался въ силѣ и сохранялъ

и освобождаетъ невиннаго для новаго супружества» (Христ. чт. 1895, I, стр. 22); «πορνεία дѣлаетъ расторженіе брака неотвратимымъ» (стр. 25); «прелюбодѣяніе упраздняетъ супружество» (стр. 26). Проф. Красноженъ: Прелюбодѣяніемъ «союзъ брачный внутренно, такъ сказать, самъ собою разрушается, вслѣдствіе того, что супруги не сдержали даннаго или обѣщанія—сожительствовать исключительно другъ съ другомъ во всю жизнь» (О разводѣ въ Россіи, 1899, стр. 5—6). Страховъ: «прелюбодѣяніе есть такое событіе, которое уже безвозвратно и неисправимо разрываетъ то единство, какое должны представлять супруги и слѣдовательно существеннымъ образомъ ведетъ къ законному расторженію брака» (Христ. ученіе о бракѣ и противники этого ученія, 1895, стр. 106) и т. д.

[1]) Ср. Завьяловъ въ Странникѣ, 1891, стр. 253.

[2]) Апост. постан. V, с. 16. Тертулліанъ—Migne, lat. S. II, 442—443 Бл. Іеронимъ—Migne, lat. S. XXII, 691—692 и др.

свое благодатное дѣйствіе. Да и догматика православная утверждаетъ, что «даже и въ семъ случаѣ (т. е. въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ) союзъ супруговъ можетъ сохраняться въ силѣ чрезъ ихъ примиреніе и оставаться нерасторжимымъ» [1]). Такимъ образомъ почти общепринятое среди православныхъ богослововъ мнѣніе, будто прелюбодѣяніе само по себѣ разрушаетъ бракъ и уничтожаетъ благодать таинства, слѣдуетъ признать неосновательнымъ, какъ несогласное съ каноникой и даже догматикой. Нѣкоторые наши богословы ищутъ выхода изъ указаннаго затрудненія въ томъ, что подъ прелюбодѣяніемъ разумѣютъ застарѣлую и закоснѣлую преступность въ нарушеніи супружеской вѣрности, такъ сказать хроническое прелюбодѣяніе, не оставляющее никакой надежды на исправленіе виновнаго супруга и устраняющее его навсегда отъ соучастія въ божественной благодати [2]). Но во-первыхъ, церковное право никогда не ставило непремѣннымъ условіемъ расторженія брака повторяемость прелюбодѣянія, и во-вторыхъ трудно представить себѣ такую супружескую невѣрность, которая не оставляла бы никакой надежды на исправленіе виновнаго супруга. И при длительномъ нарушеніи супружеской вѣрности церковь всегда считала своею обязанностью обращаться къ супругамъ съ словомъ примиренія. Такимъ образомъ мысль, что прелюбодѣяніе само по себѣ разрушаетъ благодать, даруемую въ таинствѣ брака, и уничтожаетъ самый бракъ, должна быть отвергнута. Но если бы и была принята эта мысль, она мало помогла бы дѣлу. Дѣло въ томъ, что наша церковь допускаетъ разводъ еще по другимъ причинамъ, въ которыхъ никакъ нельзя усматривать преступленія, разрушающаго благодать таинства, таковы: безвѣстное отсутствіе, лишеніе правъ состоянія, неспособность къ супружескому сожитію. Съ другой стороны едва ли кто рѣшится утверждать, что безвѣстное отсутствіе и лишеніе правъ адекватны смерти и подобно смерти уничтожаютъ дѣйствіе благодати. Сверхъ

---

[1]) Преосв. Макарій, Догмат. Богосл. т. V, стр. 25.
[2]) Проф. Глубоковскій, Христ. чт. 1895, I, стр. 53.

того не слѣдуетъ забывать, что указанныя причины сами по себѣ не влекутъ за собой обязательнаго расторженія брака. Должно быть на лицо твердое желаніе страдающей стороны, чтобы онѣ приводили къ разводу. Если супругъ желаетъ продолжать бракъ съ лишеннымъ правъ, импотентнымъ или находящимся въ безвѣстномъ отсутствіи, бракъ остается въ силѣ; если же не желаетъ, бракъ расторгается. На это необходимое условіе расторженія брака есть прямое указаніе даже въ канонахъ. Такъ по 93 пр. Трулльскаго собора вернувшійся изъ безвѣстной отлучки мужъ имѣетъ право продолжать брачный союзъ съ своей женой по вступленіи ея въ новый бракъ, «аще восхощетъ». Такимъ образомъ при догматическомъ пониманіи нерасторжимости брака дѣйствіе связывающей благодати зависитъ отъ воли одного изъ супруговъ, страдающей стороны. А между тѣмъ наша догматика, повторяю, рѣшительно отвергаетъ взглядъ, будто сила и дѣйственность таинствъ зависитъ отъ расположенія лицъ, ихъ пріемлющихъ [1]). Итакъ нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять таинство брака изъ числа прочихъ таинствъ и утверждать, что догматическое ученіе о неизгладимости благодати на таинство брака не распространяется Если таинство брака имѣетъ свойство связывать супруговъ нерасторжимымъ союзомъ, то въ силу догматическаго ученія о неизгладимости благодати расторженіе брака совершенно недопустимо. А между тѣмъ наше положительное право допускаетъ разводъ.

Подведемъ итоги сказанному. Наши догматическія системы утверждаютъ, что чрезъ благодать, подаваемую въ таинствѣ брака, брачный союзъ скрѣпляется въ союзъ нерасторжимый. Онѣ усвояютъ слѣдовательно браку свойство догматической нерасторжимости. Какъ мы видѣли, эта догматическая конструкція сказалась отчасти въ нашемъ церковномъ и гражданскомъ правѣ, именно въ установленіи церковной юрисдикціи по бракоразводнымъ дѣламъ и въ крайнемъ ограниченіи свободы развода. Но въ другой довольно значительной

---

[1]) Преосв. Макарія Догмат. Богословіе, т. V, стр. 61.

части нашего церковнаго и гражданскаго бракоразводнаго законодательства заключается совершенно иная конструкція. Бракъ признается расторжимымъ догматически. Не только брачный союзъ можетъ быть расторгнутъ, но на мѣсто его можетъ быть заключенъ съ церковнаго благословенія новый бракъ, который является такимъ же таинствомъ какъ первый. Наша догматика признаетъ бракъ нерасторжимымъ, древняя и русская каноника—расторжимымъ. На одинъ и тотъ же вопросъ догматика отвѣчаетъ: нѣтъ, каноника: да. Вотъ то существенное несогласіе между современной нашей догматикой и каноникой, которое завело въ тупикъ наше церковное право и сковало наше гражданское законодательство, препятствуя ему правильно развиваться согласно съ нуждами времени. Догматическій принципъ нерасторжимости брака, какъ таинства, нарушенный уже въ нашемъ положительномъ брачномъ правѣ, механизировалъ наше законодательство о разводѣ въ извѣстной стадіи развитія и отрѣзалъ путь къ его дальнѣйшему движенію.

Само собою понятно, что указанное противорѣчіе въ нашемъ бракоразводномъ законодательствѣ нетерпимо. Оно такъ или иначе должно быть устранено не только потому, что закрываетъ пути ко всякой разумной реформѣ въ области брачнаго права, но и потому, что въ дѣйствующемъ законодательствѣ безусловно недопустимо противорѣчіе въ самыхъ его основныхъ принципахъ, логическая несообразность, нарушеніе основныхъ законовъ логики, закона тожества.

Какимъ же путемъ можетъ быть устранено отмѣченное мною противорѣчіе? Повидимому здѣсь возможны лишь два выхода: или вмѣстѣ съ протестантами слѣдуетъ допускать разводъ и отрицать таинство брака, или вмѣстѣ съ католиками необходимо признавать таинство брака и отрицать допустимость развода. Однако для устраненія указаннаго противорѣчія нѣтъ необходимости въ столь коренной ломкѣ нашей догматики и нашей каноники. Есть еще третій выходъ изъ затрудненія, въ существенномъ не нарушающій ни право-

славной догматики, ни православной каноники. Онъ заключается въ слѣдующемъ.

Нерасторжимость христіанскаго брака слѣдуетъ понимать не догматически, не какъ свойство самаго таинства брака, не какъ дѣйствіе благодати, даруемой въ этомъ таинствѣ и неизгладимо сохраняющейся въ супругахъ, а этически, какъ нравственное требованіе, какъ нравственный идеалъ, обязательный для всѣхъ и особенно для христіанъ. Благодать таинства брака не имѣетъ свойства такъ сказать механически связывать два существа въ нерасторжимое единство; нерасторжимость супружескаго союза является лишь нравственнымъ велѣніемъ, евангельскою заповѣдью. При первомъ пониманіи принципа нерасторжимости христіанскій бракъ не можетъ быть расторгаемъ въ силу самой природы таинства, во второмъ онъ можетъ, но не долженъ быть расторгаемъ. При нашемъ пониманіи принципа нерасторжимости христіанскаго брака совершенно устраняется указанное противорѣчіе между догматикой и каноникой. Если бы бракъ былъ догматически нерасторжимъ, то есть, если бы само таинство связывало нерасторжимыми узами супруговъ, то невозможна была бы и каноническая его нерасторжимость. Разъ дѣйствіе таинства неизгладимо, то разводъ, прекращающій или только констатирующій прекращеніе дѣйствія благодати, ни въ какомъ случаѣ недопустимъ и немыслимъ. Въ такомъ случаѣ возможно было бы лишь фактическое разлученіе супруговъ, допускаемое католическою церковью, безъ уничтоженія самого брака. Если же мы признаемъ, что нерасторжимость брака является не свойствомъ таинства, не аттрибутомъ благодати, не догматомъ, не допускающимъ исключенія, а нравственнымъ закономъ, нравственнымъ идеальнымъ требованіемъ, отъ котораго возможны уклоненія по человѣческой немощи, то противорѣчіе само собой устраняется. Какъ скоро нерасторжимость брачнаго союза не стоитъ въ неразрывной связи съ таинствомъ, догматическому ученію о таинствѣ брака нисколько не противорѣчитъ допустимость разводовъ.

Представленная мной интерпретація принципа нерасторжимости христіанскаго брака не есть лишь плодъ

логической работы, поставившей себѣ задачу во что бы то ни стало устранить указанное выше противорѣчіе. Она оправдывается всей исторіей православнаго церковнаго права. На точкѣ зрѣнія этой интерпретаціи стояла древняя церковь и въ сущности продолжаетъ стоять русская церковь. Вотъ тѣ основанія, которыя даютъ, какъ мнѣ кажется, право утверждать это.

1. 8 правило Неокесарійскаго собора категорически требуетъ развода (ὀφείλει ἀπολῦσαι) клирика съ его преступной женой, угрожая ему запрещеніемъ за непослушаніе, т. е. за примиреніе съ преступной. Если стоять на догматической точкѣ зрѣнія, то непонятно, почему примиреніе супруговъ въ данномъ случаѣ не сохраняетъ въ силѣ брака. Почему одно и то же преступленіе въ одномъ случаѣ уничтожаетъ благодать, въ другомъ случаѣ не уничтожаетъ? Напротивъ это различіе совершенно понятно, если мы признаемъ, что церковь стояла въ данномъ случаѣ на почвѣ нравственныхъ принциповъ, предъявляя къ клирикамъ болѣе строгія нравственныя требованія, чѣмъ къ мірянамъ.

2. Взглядъ древней и восточной церкви на второй и третій браки также показываетъ, что нерасторжимость брака понимается ею не въ догматическомъ, а скорѣе въ этическомъ смыслѣ. Если бы таинство дѣйствіемъ благодати связывало супруговъ въ союзъ нерасторжимый, то по смерти одного супруга оставшійся въ живыхъ или совсѣмъ не могъ бы вступать въ новый бракъ, какъ обязанный таинствомъ, или вступалъ бы въ бракъ безъ всякаго противодѣйствія со стороны церкви, какъ не связанный дѣйствіемъ благодати. Средины здѣсь не могло быть. А между тѣмъ церковь, хотя и допускаетъ вторые и третьи браки, однако относится къ нимъ явно неблагосклонно и неодобрительно, особенно къ третьему браку, называя его нечистотой [1]). Она лишаетъ второбрачныхъ права на по-

---

[1]) Ср. Апост. Постановленія, кн. III, гл. 2: «вы должны знать, что единобрачіе, бывающее по закону, правильно, какъ согласное съ волей Божіей; второбрачіе послѣ обѣта беззаконно—не само по себѣ, а вслѣдствіе невѣрности, троебрачіе—знакъ невоздержанія; сверхъ же третьяго брака явный блудъ и очевидное любострастіе».

лученіе священнаго сана (17 ап. пр.; 12 пр. Василія В.), налагаетъ на второбрачныхъ (19 пр. Анк. с.; 1 пр. Лаод. соб.), особенно на троебрачныхъ (3 пр. Неокес. с., 1 пр. Василія В.) очистительную эпитимію и т. д. Четвертый же бракъ запрещается безусловно. Отсюда можно заключать, что церковь смотрѣла на повторные браки не съ догматической, а моральной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія ихъ сравнительной нравственной чистоты. Она въ данномъ случаѣ очевидно исходила изъ того взгляда, что идеаломъ истинно-христіанской супружеской любви должна быть такая любовь къ дорогому лицу, которая не прекращается и послѣ смерти его, которая остается вѣрною разъ даннымъ обѣтамъ въ теченіе всей жизни, что только такая супружеская любовь является истиннымъ подобіемъ любви Христа и церкви [1]). Но такъ какъ не всѣ способны на такую идеальную супружескую любовь, то церковь сочла возможнымъ изъ снисхожденія къ людямъ допустить второй и третій браки, предпочитая придти на помощь естественной слабости людей, чѣмъ подвергнуть ихъ искушенію. Однимъ словомъ церковь стояла и продолжала стоять на почвѣ нравственныхъ мотивовъ, а не догматическихъ принциповъ. Замѣчательно, что на Западѣ, гдѣ установлена была догматическая нерасторжимость брака, начиная съ Іеронима [2]) и Августина [3]) свобода вступать въ новое супружество по смерти одного супруга не подлежала ограниченію.

3. Въ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ ап. Павелъ запрещаетъ христіанамъ оставлять своихъ женъ и мужей, принадлежащихъ къ языческой вѣрѣ, если послѣдніе пожелаютъ продолжать бракъ. Такъ поступаетъ церковь до сихъ поръ. Такимъ образомъ начало нерасторжимости брака распространяется и на бракъ, не получившій освященія въ церкви. Ясно, что нерасторжимость

---

[1]) Въ житіи блаженной Макрины, написанномъ Григоріемъ Нисскимъ, разсказывается, что она по смерти жениха не хотѣла вступать въ бракъ, находя неприличнымъ измѣнить своему первому выбору, такъ какъ бракъ, какъ рожденіе и смерть, по естеству—одинъ, притомъ умершій ея женихъ живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія. Migne, gr. XLVI, 964.

[2]) Migne, lat. XXII, 508.

[3]) Migne, lat. XL, 439—440.

здѣсь понимается не въ догматическомъ, а этическомъ смыслѣ, не какъ свойство таинства брака, а какъ нравственный законъ.

4. Апостолъ отъ лица Господа даетъ повелѣніе: «женѣ не разводиться съ мужемъ; если же разведется, то должно оставаться безбрачною или примиряться съ мужемъ своимъ и мужу не оставлять жены своей (1 Кор. 7, 10—11). Однако православная церковь, отступая отъ словъ апостола, позволяетъ вступать въ бракъ и разведеннымъ. Такое отступленіе отъ апостольскаго наставленія возможно лишь при мысли, что нерасторжимость брака есть не безусловное свойство таинства брака, присущее самой природѣ таинства, а нравственное требованіе, которое изъ снисхожденія къ человѣческой слабости, изъ цѣлей воспитанія, можно и понизить, чтобы избѣжать бо́льшаго зла.

5. Когда фарисеи обратились ко Христу съ вопросомъ, по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею, Онъ сказалъ: «не читали ли вы, что Сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ и сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью (Быт. 2, 24). Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а съ начала не было такъ» (Мате. XIX, 3—8). Изъ хода рѣчи Христа ясно, что нерасторжимость брака установлена была еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, самымъ фактомъ созданія мужчины и женщины. Но если принципъ нерасторжимости брака былъ данъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда не существовало христіанскаго таинства, и Христосъ лишь возстановилъ этотъ принципъ, то очевидно онъ былъ понятъ Имъ не догматически, а какъ нравственный идеалъ, не связанный обязательно съ таинствомъ брака и по жестокосердію людей допускающій отступленія.

6. Столь же ясно противъ догматическаго пониманія нерасторжимости брака говоритъ ученіе Христа о разводѣ Слова Христа, приведенныя у ев. Матѳея, именно:

«кто разводится съ женою своею кромѣ вины любодѣянія (παρεκτὸς λόγου πορνείας), тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать» (μοιχᾶσθαι V, 32) и «кто развелся бы женою своею не по причинѣ любодѣянія (ἐπὶ πορνείᾳ) и женился бы на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ» (μοιχᾶται—XIX, 9[1]), какъ извѣстно, толкуются различно. Православные богословы большею частью понимаютъ ихъ въ смыслѣ дозволенія развода по причинѣ прелюбодѣянія, напротивъ католическіе богословы видятъ въ нихъ безусловное осужденіе развода, подъ πορνεία разумѣя или любодѣяніе (а не прелюбодѣяніе) жены до брака, дѣлающее бракъ недѣйствительнымъ, или распутство мужа, разводящагося съ женой [1]). Справедливость требуетъ согласиться съ тѣмъ. что ни одно изъ этихъ толкованій нельзя принять съ полною увѣренностью. За каждое изъ нихъ есть не мало доводовъ pro и contra. Въ частности за католическую интерпретацію всегда сильно будетъ говорить текстъ Марка и Луки, ученіе ап. Павла о разводѣ и филологія, именно общепринятое во времена Христа различеніе терминовъ πορνεία и μοιχεία [2]), такъ и то соображеніе, что если бы Христосъ дозволилъ разводъ по причинѣ прелюбодѣянія, Онъ внесъ бы тѣмъ самымъ совершенно необычный въ Его устахъ компромиссъ въ свое идеальное нравственное ученіе и въ сущности ничего не сказалъ бы новаго сравнительно съ послѣдователями раввина Шаммаи, дозволявшаго разводъ только по причинѣ прелюбодѣянія. При такихъ обстоятельствахъ канонистъ не можетъ базировать въ своихъ сужденіяхъ на какомъ либо изъ этихъ толкованій. Но есть ли разница между этими толкованіями для нашего вопроса? Мы увидимъ сейчасъ, что ея нѣтъ. И въ томъ и другомъ пониманіи словъ Христа одинаково выражается та идея, что не-

[1]) Такое объясненіе евангельскаго текста иногда встрѣчается и у православныхъ богослововъ. См. напримѣръ—Завьяловъ, О бракѣ и разводѣ (Странникъ 1891 г., II стр. 502—514).

[2]) Πορνεία—простой блудъ, т. е. незаконное сожитіе съ незамужней женщиной; μοιχεία—прелюбодѣяніе замужней женщины. По римскому и византійскому законодательству прелюбодѣяніемъ въ женѣ считалось всякое нарушеніе супружеской вѣрности, а въ мужѣ лишь сожитіе съ замужней женщиной (Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche, 1865, S. 580—581).

расторжимость брака есть нравственный идеалъ, нравственное требованіе—законъ.

Скажемъ сначала о православной интерпретаціи. Христосъ устанавливаетъ принципъ нерасторжимости брака и въ то же время допускаетъ разводъ по причинѣ прелюбодѣянія. Сохраняется ли въ силѣ этотъ принципъ? Если понимать его догматически, въ смыслѣ неизгладимости таинства, то принципъ нарушается: въ нѣкоторыхъ случаяхъ таинственная сила благодати прекращаетъ свое дѣйствіе, и человѣкъ можетъ разлучать то, что сочеталъ Богъ. Въ словахъ Христа, такимъ образомъ, нельзя не видѣть нѣкотораго противорѣчія, такъ какъ въ догматикѣ исключенія невозможны. Но такого противорѣчія не окажется въ нихъ. если понимать нерасторжимость брака какъ нравственный идеалъ, безусловно обязательный для всѣхъ. Утверждая однако этотъ идеалъ, Христосъ изъ снисхожденія къ слабости человѣческой допускаетъ нѣкоторое отступленіе отъ идеала. Несмотря на эту уступку, идеалъ сохраняетъ свою силу. Далѣе. Если нерасторжимость брака понимать догматически, то не легко объяснить, почему Христосъ допустилъ это именно исключеніе. Объяснять это исключеніе тѣмъ, что прелюбодѣяніе само по себѣ разрушаетъ существо брака, какъ мы уже видѣли, нельзя. Бракъ по ученію и практикѣ церкви продолжаетъ имѣть силу и послѣ нарушенія супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ, если между ними происходитъ примиреніе. Притомъ такое объясненіе предполагаетъ односторонній взглядъ на бракъ, какъ на сожитіе исключительно плотское и потому разрушаемое лишь плотскимъ преступленіемъ. Но бракъ есть и духовный союзъ. Почему же онъ можетъ быть разрушенъ только физическимъ дѣйствіемъ? Почему не можетъ разрушать брака напримѣръ чувство ненависти, покушеніе супруга на жизнь другого супруга? Наконецъ мало понятно, почему Христосъ, не дѣлавшій большого различія между прелюбодѣяніемъ, какъ фактомъ, и прелюбодѣяніемъ, какъ помысломъ, такъ рѣзко разграничиваетъ въ этомъ случаѣ два вида блуда? Всѣ эти недоумѣнія находятъ свое объясненіе, если мы признаемъ, что Христосъ, указавъ совершенный образецъ

истиннаго брака, по своему милосердію, снисходя къ духовной немощи современниковъ, испытывавшихъ его вопросомъ, дозволилъ разводъ въ случаѣ супружеской невѣрности жены, именно потому, что въ глазахъ людей того времени это былъ наиболѣе тяжелый случай, съ которымъ не могло примириться естественное человѣческое чувство. Это объясненіе станетъ еще болѣе естественнымъ, если мы припомнимъ, что во времена Христа вопросъ о разводѣ былъ предметомъ спора между раввинами. Въ то время какъ послѣдователи раввина Шаммаи допускали разводъ лишь въ случаѣ супружеской измѣны жены, послѣдователи раввина Гиллела считали допустимымъ разводъ по субъективнымъ причинамъ, по усмотрѣнію мужа [1]). Вотъ почему на вопросъ фарисеевъ, по всякой ли винѣ человѣку позволительно разводиться съ женою своей, вопросъ, подсказанный споромъ между шаммаитами и гиллелитами, Христосъ высказалъ мысль, что если, снисходя къ человѣческой немощи, допускать разводъ, то только по причинѣ прелюбодѣянія. Дѣлая исключеніе изъ своего принципа, Христосъ приноравливался такимъ образомъ къ своимъ слушателямъ. Можно разумѣется безъ конца спорить о смыслѣ словъ Христа, но для насъ самое важное то, что православная церковь такъ именно понимаетъ ихъ. Она внушаетъ супругамъ продолжать брачный союзъ даже и послѣ допущенной однимъ изъ супруговъ супружеской измѣны. Слѣдовательно она предпочитаетъ и при нарушеніи супружеской вѣрности продолженіе брака, признаетъ совершенный бракъ нерасторжимымъ даже и въ этихъ случаяхъ и лишь изъ снисхожденія къ слабости людей разрѣшаетъ разводъ [2]).

---

[1]) Шамман понималъ выраженіе (debar ervah) во Втор. 24, 1 (она не найдетъ благоволенія въ глазахъ его, ибо находитъ что либо позорное (debar ervah) въ смыслѣ указанія на прелюбодѣяніе: напротивъ Гиллелъ вмѣсто *ибо* читалъ *или* и признавалъ двѣ причины развода—позоръ (прелюбодѣяніе) и вообще неугодность.

[2]) Вотъ почему большая часть церковныхъ писателей обычно внушаетъ не расторгать супружескаго союза даже и тогда, когда есть основательная «законная» причина къ сему, показывая тѣмъ, что христіанскій идеалъ составляетъ абсолютная нерасторжимость брака. (Григ. Назіанзинъ—Migne, gr. ser XXXVI, 292; Іоан. Златоустъ—Migne. gr. ser. XLVIII, 552; Іеронимъ, Migne. lat. XXVI, 140 и др.)

Если теперь признать, что слова Христа безусловно запрещаютъ разводъ, то православная каноника, допускающая разводъ, очевидно понимаетъ это запрещеніе какъ евангельскую заповѣдь, параллельную другимъ нравственнымъ заповѣдямъ, изложеннымъ въ нагорной бесѣдѣ, какъ нравственный идеалъ, который долженъ быть цѣлью человѣческаго совершенствованія, но осуществленія котораго церковь не можетъ требовать принудительнымъ путемъ, не сообразуясь съ слабостью человѣческой природы, однимъ словомъ, что нерасторжимость брака есть не природное свойство самаго таинства брака, а нравственный законъ. Уже самое содержаніе евангельскаго изреченія: «кто оставитъ жену свою кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать», ясно показываетъ, что это нравоучительное правило, а не догматическое опредѣленіе. Непозволительно оставлять жену потому, что это оставленіе влечетъ за собой нравственное зло, поскольку толкаетъ оставленную на прелюбодѣяніе. Точно также выраженіе «человѣкъ да не разлучаетъ» означаетъ наставленіе или велѣніе, но не порядокъ божественнаго промышленія, отъ человѣческой воли независимый.

8. Обрученіе не только въ законахъ, но и въ канонахъ въ отношеніи къ нерасторжимости нерѣдко приравнивалось къ браку. Обрученіемъ такъ же какъ и бракосочетаніемъ завязывалась нерасторжимая связь, и нарушеніе вѣрности невѣстою жениху столь же строго осуждалось церковью, какъ и нарушеніе женою вѣрности мужу. По 98 прав. Трулльскаго собора взявшій въ брачное сожитіе женщину, другому обрученную, при жизни обрученника подлежитъ винѣ прелюбодѣянія. По 11 пр. Анкирскаго собора дѣвы, обрученныя и похищенныя иными, должны быть возвращаемы обрученникамъ даже въ томъ случаѣ, если надъ ними совершено насиліе (ср. прав. Вас. В. 22). Если въ отношеніи нерасторжимости обрученіе приравнивалось канонами къ бракосочетанію, то очевидно по взгляду древней церкви принципъ нерасторжимости не связанъ

самъ по себѣ съ таинствомъ брака, а слѣдовательно имѣетъ не догматическій, а этическій смыслъ.

9. Древніе церковные писатели не ставили нерасторжимости христіанскаго брака въ связь съ догматической сущностью таинства браковѣнчанія, но смотрѣли на нее обыкновенно какъ на нравственный законъ, данный Богомъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ и возстановленный Христомъ. Въ какомъ духѣ церковные писатели разсуждали о нерасторжимости брака, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Аѳинагоръ, чрезвычайно послѣдовательно проводившій принципъ нерасторжимости брака, видѣлъ основанія ея не въ таинствѣ, а въ заповѣди Божіей и въ самомъ существѣ брачнаго союза, какъ физическаго общенія мужа и жены. «Отступающій отъ первой жены, если даже она умерла, есть прикровенный прелюбодѣй какъ потому, что онъ преступаетъ слово Божіе, поелику вначалѣ Богъ сотворилъ одного мужа и одну жену, такъ и потому, что разлучаетъ плоть отъ плоти въ ихъ единеніи при сліяніи въ плотскомъ общеніи» [1]). Оригенъ говоритъ: «нѣкоторые предстоятели церкви позволяютъ женѣ посягать при живомъ мужѣ—вопреки писанію... однако не вполнѣ неразумно, ибо справедливо даютъ такое снисхожденіе для устраненія худшихъ золъ». Напомнивъ о дозволеніи Христа расторгать бракъ лишь по прелюбодѣянію, Оригенъ продолжаетъ: «можетъ быть кто-нибудь спроситъ: воспрещается ли этимъ отпускать жену помимо захвата ея въ прелюбодѣяніи, напримѣръ, за приготовленіе ядовъ или умерщвленіе родившагося у нея дитяти въ отсутствіе мужа или за какое иное убійство? Въ обоихъ случаяхъ это представляется неумѣстнымъ, но не знаю, дѣйствительно ли это нелѣпо, ибо кажется неразумнымъ сносить такіе грѣхи, которые хуже любодѣянія и прелюбодѣянія; впрочемъ и поступать противъ наставленія Спасителя едва ли кто сочтетъ благочестивымъ» [2]). Какъ видно отсюда, разсуждая о нерасторжимости брака, Оригенъ стоитъ на почвѣ не

---

[1]) Migne, gr. ser. VI, 1140.
[2]) Migne, gr. ser. XIII, 1245, 1248—9.

догматическаго ученія, а нравственнаго закона. То же слѣдуетъ сказать и о громадномъ большинствѣ церковныхъ писателей. Астерій, епископъ Амасійскій, доказывая, что прелюбодѣяніе является основаніемъ, расторгающимъ бракъ, говоритъ: «Вѣдь бракъ заключается по двумъ причинамъ,—ради любви и чадородія, но ни одна изъ нихъ не сохраняется съ прелюбодѣяніемъ: поелику любви нѣтъ, если благорасположеніе склоняется къ другому, а равно уничтожается и благо чадородія, когда происходитъ смѣшеніе дѣтей» [1]). Іеронимъ писалъ: «одно любодѣяніе способно препобѣждать расположеніе мужа и жены» [2]). Вотъ причина допустимости развода по прелюбодѣянію. Но Іеронимъ считалъ нравственнымъ идеаломъ полную нерасторжимость брака, разводъ же нѣкоторой уступкой. Онъ пишетъ пресвитеру Аманду: «Доколѣ живъ мужъ, хотя бы прелюбодѣй, содомитъ, до крайности порочный, и хотя бы онъ былъ оставленъ женой за эти преступленія, все-таки онъ считается ея мужемъ и ей нельзя взять другого» [3]). Епифаній во второй книгѣ «Противъ ересей» говоритъ: «Народу по причинѣ его немощи можно позволять, чтобы онъ сочетавался и со второй по смерти первой, если не въ состояніи удовольствоваться одной супругой. Имѣющій одну пребываетъ въ великой похвалѣ и чести и у всѣхъ членовъ церковнаго чина; а не могущій ограничиться одной, коль скоро она умретъ или будетъ отлучена по какому-нибудь поводу, напримѣръ по любодѣянію, прелюбодѣянію или вообще по винѣ тяжкой, и сочетавающійся съ другою женою или жена со вторымъ мужемъ ни божественнымъ словомъ не осуждается, ни отъ церкви и жизни не отлучается, но терпится по снисхожденію» [4]). Іоаннъ Златоустъ въ LXII бесѣдѣ на ев. Матѳея пишетъ: «Итакъ какъ образомъ творенія, такъ и опредѣленіемъ закона Іисусъ Христосъ показалъ, что мужъ съ женою должны соединиться навсегда и никогда не разлучаться. . Мужъ и жена уже

---

[1]) Migne, gr. ser. XL, 237.
[2]) Migne, lat. ser. XXVI, 135.
[3]) Migne, lat. ser. XXII, 562.
[4]) Migne, gr. ser. XLI, 1024—1025.

не двое, но одна плоть. Слѣдовательно какъ разсѣкать плоть есть дѣло беззаконное, такъ противно закону и разлучаться съ женою. И на семъ еще не остановился Господь, но въ подтвержденіе сего указалъ на Бога сими словами; что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ, показывая, что это дѣло противно какъ природѣ, такъ и закону: природѣ, поелику разсѣкается одна и та же плоть,—закону поелику, человѣкъ покушается раздѣлить то, что Богъ соединилъ и не велѣлъ раздѣлять» [1]). Св. Златоустъ признаетъ, что таинство брака содѣйствуетъ укрѣпленію супружескаго союза. Въ бесѣдѣ на XXV гл. Бытія онъ пишетъ: священники скрѣпляютъ брачный союзъ благословеніями и молитвами, да усугубится любовь жениха, да возрастетъ скромность невѣсты, и все да устроится такъ, чтобы жили пріятно». Но какъ видно изъ этихъ словъ, дѣйствіе благодати, даруемой въ таинствѣ брака, заключается, по мнѣнію Златоуста, не въ механическомъ соединеніи двухъ существъ въ союзъ нерасторжимый, а въ воздѣйствіи на нравственныя качества, на нравственное настроеніе супруговъ. Мысль, что нерасторжимость брака стоитъ въ прямой связи съ самымъ таинствомъ браковѣнчанія, встрѣчается лишь у немногихъ западныхъ церковныхъ писателей. Такъ Августинъ пишетъ: «вѣрующимъ супругамъ подается не только сила чадородія..., но и всѣ дары и преимущества таинства брака, посему то апостолъ и говоритъ: мужья любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь... Это таинство дѣлаетъ то, что мужъ и жена, вступившіе въ бракъ, во все время ихъ жизни должны пребывать неразлучными и отнюдь не оставлять другъ друга, кромѣ случая прелюбодѣянія. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: достоинство брака у народа Божія состоитъ еще въ святости таинства, по которой даже разлучающейся разводомъ нельзя сочетаваться съ другимъ, пока мужъ живъ» [2]). Въ этомъ мнѣніи западнаго отца церкви нельзя не видѣть зачатка католическихъ воззрѣній на бракъ.

[1]) Migne, gr. ser. LVIII, 597.
[2]) De bono coniugii c. 24.

10. Во всемъ церковномъ законодательствѣ каноническаго характера, въ правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и отцовъ церкви нѣтъ никакихъ указаній на отношеніе развода къ дѣйствію благодати таинства брака, нѣтъ даже намековъ на то, что разводъ такъ или иначе затрогиваетъ догматическую сторону брака. Брачный разводъ повсюду разсматривается независимо отъ вопроса о бракѣ, какъ таинствѣ, и о благодати этого таинства, исключительно съ точки зрѣнія евангельской заповѣди и отчасти существующихъ обычаевъ. Между прочимъ по нѣкоторымъ канонамъ права мужа и жены на разводъ и вступленіе въ новый бракъ представляются весьма различными. Мужъ, покинутый женою хотя бы и по винѣ его прелюбодѣянія, достоинъ снихожденія, если вступаетъ въ сожитіе съ другой женщиной. Напротивъ жена не имѣетъ права оставить своего мужа виновнаго въ нарушеніи супружеской вѣрности и вступить въ новый бракъ (9 пр. Вас. Вел., ср. 21 пр. его же). Конечно такое различіе въ правахъ мужа и жены на разводъ было бы немыслимо, если бы каноны стояли въ этомъ случаѣ на догматической точкѣ зрѣнія, на точкѣ зрѣнія догматическаго пониманія нерасторжимости брака, какъ таинства. Въ нѣкоторыхъ канонахъ (9, 21 и 36 пр. Вас. Вел., 87 и 93 пр. Трулльскаго собора) есть прямое указаніе на «снисхожденіе» («достоинъ снисхожденія») и на «обычай», какъ основанія къ отступленію отъ нормы. Разумѣется то и другое могло имѣть мѣсто въ примѣненіи не догматическаго, а нравственнаго принципа. Если бы разводъ стоялъ въ безусловной связи съ дѣйствіемъ таинства брака, то никакіе обычаи, никакіе мотивы снисхожденія не могли бы обусловливать собою сохраненіе или уничтоженіе благодати.

11. Каноническое законодательство о разводѣ не стояло такъ сказать на мертвой точкѣ, чего слѣдовало бы ожидать при догматическомъ пониманіи нерасторжимости христіанскаго брака, но развивалось и измѣнялось сообразно съ духомъ и потребностями времени. Въ первыя времена, когда среди христіанъ господствовали строгіе нравы, церковь стремилась выполнить

цѣликомъ идеалъ, данный Христомъ: разводъ повидимому совсѣмъ не имѣлъ въ ней мѣста; по крайней мѣрѣ до половины 2 вѣка источники не говорятъ о случаяхъ развода. Церковные писатели этого времени рѣшительно осуждаютъ разводъ, а тѣмъ болѣе бракъ разведенныхъ. Аѳинагоръ, напримѣръ, полагалъ, что даже смерть одного изъ супруговъ не расторгаетъ брака. Прелюбодѣяніе обычно влекло за собой тогда примѣненіе покаянной дисциплины, а не разводъ, какъ это видно изъ «Пастыря» Ерма [1]. Но съ порчею нравовъ среди христіанъ церковь пошла на уступки, дозволивъ сначала разводъ по прелюбодѣянію, безъ права однако, какъ видно изъ Апологіи Іустина [2]), вступленія разведенныхъ во второй бракъ. Но скоро церковь увидѣла себя вынужденной расширить рамки развода. Довольно робкіе шаги на этомъ пути мы встрѣчаемъ у церковныхъ учителей довольно древняго времени, пытавшихся оправдать и другіе поводы къ разводу. Тертулліанъ, напримѣръ, говорилъ: «Христосъ не дозволилъ разводиться по произволу... Слѣдовательно Іисусъ Христосъ не вовсе запретилъ разводъ, а именно въ этомъ случаѣ и стало быть что не запретилъ безусловно, то дозволилъ для тѣхъ случаевъ, гдѣ нѣтъ указанной недостаточной причины» (quod non prohibuit in totum, permisit alias, ubi causa cessat, ob quam prohibuit) [3]). Соборъ Эльвирскій (8 и 10 пр.) направляетъ свои правила противъ разводовъ произвольныхъ (nulla praecedente causa), тѣмъ самымъ какъ бы признавая возможность развода по основательнымъ причинамъ. Трулльскій соборъ (93 пр.) вслѣдъ за Вас. Вел. (36 пр.) допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ разводъ по безвѣстному отсутствію супруга. Мало-по-малу сначала косвенно, а затѣмъ и прямо дается разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ разведеннымъ. Если соборъ Карѳагенскій въ 115 прав. безусловно запрещаетъ вступленіе въ бракъ разведеннымъ, по крайней мѣрѣ виновному супругу, то Арелатскій соборъ въ 10 правилѣ говоритъ:

---

[1]) Запов. IV.
[2]) 1 Апол., XV.
[3]) Migne, lat. ser. II, 442.

«относительно мужей молодыхъ, которыхъ жены впали въ прелюбодѣяніе, собору желательно, чтобы они по возможности (quantum possit) не вступали въ новое супружество при жизни отвергнутыхъ ими ихъ прелюбодѣйныхъ женъ». Василій Великій въ 9 прав. говоритъ: «не знаю, можетъ ли быть прямо названа прелюбодѣйцей живущая съ мужемъ, оставленнымъ женою; здѣсь обвиненіе падаетъ на оставившую мужа». Онъ считаетъ достойными снисхожденія оставленныхъ супруговъ въ случаѣ ихъ брака, слагая вину на оставившихъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ и Трулльскій соборъ въ 87 правилѣ. Эволюція въ каноническомъ законодательствѣ о разводѣ шла такъ далеко, что въ правилахъ Василія В. нашла свое примѣненіе даже римская идея мужней власти (manus mariti). Своимъ 9 прав. санкціонируя существующій обычай въ церковной практикѣ, Василій В. съ одной стороны не дозволяетъ женѣ разводиться съ мужемъ, даже нарушившимъ супружескую вѣрность, а съ другой стороны считаетъ достойнымъ снисхожденія мужа, вступившаго въ новый бракъ при жизни первой жены, если послѣдняя оставила его хотя бы по причинѣ его прелюбодѣянія [1]). Русская церковь пошла еще дальше, съ согласія восточныхъ патріарховъ, дозволивъ вступленіе въ новый бракъ и виновному въ прелюбодѣяніи супругу. Указанная эволюція каноническаго бракоразводнаго законодательства показываетъ, что нерасторжимость брака не ставилась церковью въ прямую связь съ таинствомъ. Если бы при разводѣ рѣчь шла о прекращеніи благодати, даруемой въ таинствѣ брака, то основанія для развода были бы механизиро-

---

[1]) Правило гласитъ: «о женахъ находимъ много строгихъ изреченій. Апостолъ глаголетъ: яко прилѣпляйся сквернодѣйцѣ, едино тѣло есть... и паки: держай прелюбодѣйцу, безуменъ и нечистъ (Притч. 18, 23). Женамъ же обычай (συνήθεια) повелѣваетъ удерживать мужей своихъ, хотя они прелюбодѣйствуютъ и въ блудѣ суть (μοιχεύοντας καὶ ἐν πορνείας ὄντας). Посему не знаю, можетъ ли прямо прелюбодѣйцей нарещися живущая съ мужемъ, оставленнымъ своею женою, ибо здѣсь обвиненіе падаетъ на оставившую мужа, по какой причинѣ она отступила отъ брака... Аще же и потому, яко мужъ ея живетъ въ блудѣ... но и отъ невѣрнаго мужа не повелѣно разлучатися женѣ, а пребывати съ нимъ по неизвѣстности, что послѣдуетъ. Что бо вѣси жено, аще мужа спасеши? Посему жена, оставившая мужа, есть прелюбодѣйца, аще перешла къ другому мужу; а мужъ оставленный достоинъ снисхожденія и сожительствующая съ нимъ не осуждается».

ваны разъ навсегда. Во всякомъ случаѣ каноническія опредѣленія не допускали бы ни новыхъ основаній къ разводу сверхъ указаннаго въ Новомъ Завѣтѣ, ни отступленій отъ евангельскаго принципа равенства мужа и жены въ сторону греко-римскаго права.

12. Еще съ большею убѣдительностью за этическое пониманіе принципа нерасторжимости брака говоритъ отношеніе древней церкви къ бракоразводному законодательству византійскихъ императоровъ. Какъ извѣстно, византійское законодательство о разводѣ представляетъ собою попытку сліянія христіанскихъ воззрѣній на бракъ и римскаго брачнаго права. Оно допускаетъ значительную свободу развода по сравненію съ каноническимъ законодательствомъ церкви. Уже Константинъ Великій закономъ 331 г., стремясь ограничить произволъ въ разводѣ по римскому праву подъ вліяніемъ христіанскаго взгляда на бракъ, установилъ, что жена можетъ искать развода, если мужъ виновенъ въ убійствѣ, отравленіи, колдовствѣ (dissolator); мужъ посылаетъ разводъ женѣ, виновной въ прелюбодѣяніи, отравительствѣ и сводничествѣ. Вскорѣ затѣмъ была прибавлена еще одна причина для развода по иску жены, именно 4-лѣтнее безвѣстное отсутствіе мужа на войнѣ. Конституція Ѳеодосія II и Валентиніана прибавила новые поводы къ разводу (всего до 15 поводовъ для мужа и 13 — для жены). Юстиніанъ сократилъ количество поводовъ къ разводу; но оно все же было значительнымъ. По знаменитой 117 новеллѣ для мужа указаны слѣдующія основанія для развода съ женою: 1) укрывательство государственныхъ преступниковъ, 2) доказанное прелюбодѣяніе, 3) злоумышленіе на жизнь мужа или укрывательство злоумышленія другихъ лицъ на него, 4) участіе въ пирушкахъ и мытье въ банѣ съ посторонними мужчинами противъ воли мужа, проживаніе противъ воли мужа внѣ его дома и дома ея родителей, посѣщеніе зрѣлищъ безъ вѣдома и воли мужа. Для жены установлены слѣдующія основанія къ разводу: 1) активное или пассивное участіе мужа въ государственномъ преступленіи, 2) посягательство на жизнь жены или сокрытіе его, 3) посягательство на цѣломудріе жены,

4) недоказанное обвиненіе жены въ прелюбодѣяніи, 5) содержаніе мужемъ постоянной любовницы. Таковы поводы къ разводу ex causa justa. Разводъ bona gratia дозволяется по слѣдующимъ причинамъ: супружеское безсиліе, поступленіе въ монастырь, безвѣстное отсутствіе мужа и нахожденіе въ плѣну. Юстиніанъ исключилъ изъ числа поводовъ къ разводу взаимное соглашеніе (συναίνεσις). Но преемникъ Юстиніана Юстинъ II призналъ его основаніемъ къ разводу. Левъ Исаврянинъ и Константинъ Копронимъ въ своей Эклогѣ, изданной въ 740 году, сдѣлали попытку провести въ бракоразводномъ законодательствѣ болѣе или менѣе строго церковный взглядъ на бракъ и разводъ. Въ 12 главѣ 2-го титула Эклоги императоры писали: «Премудрость Бога Творца и Создателя всего поучаетъ о нерасторжимомъ единеніи лицъ, сожительствующихъ въ бракѣ о Господѣ. Онъ, приведшій человѣка изъ небытія въ бытіе, восхотѣлъ не одинаковымъ способомъ создать и жену, хотя и могъ, но создалъ ее изъ мужа, чтобы посредствомъ явнаго соединенія одной и той же плоти въ двухъ лицахъ узаконить нерасторжимость брачнаго сожитія. Посему Господь не удалилъ отъ мужа жену, когда она, по внушенію змія, первая предложила ему горькій плодъ, и не разлучилъ мужа, когда онъ вмѣстѣ съ женою совершилъ нарушеніе Господней заповѣди, но грѣхъ наказалъ, сожитія же не расторгъ. И мы, слѣдуя и повинуясь этому ясному законоположенію, подтвержденному также и словомъ Создателя по поводу обращеннаго къ нему вопроса фарисеевъ: «по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею»?—сказавшаго въ отвѣтъ: «что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ, развѣ словесе прелюбодѣйна» (Матѳ. XIX, 3, 4, 6, 9; Марк. X, 2, 9),—и мы, вѣрные и послушные не желаемъ узаконить что-либо другое сверхъ этого»[1]). Эклога допускаетъ разводъ въ слѣдующихъ случаяхъ: если жена совершаетъ прелюбодѣяніе, злоумышляетъ на жизнь мужа или не сообщаетъ о злоумышленіи другихъ, и наконецъ

[1]) Ecloga Leonis et Constantini, ed. Zachariae 1852, p. 20.

больна проказой; и если мужъ неспособенъ къ супружескому сожитію, злоумышляетъ на жизнь жены или скрываетъ злоумышленія другихъ и боленъ проказой [1]). Но эти узаконенія Эклоги повидимому мало примѣнялись въ церковной практикѣ даже въ періодъ иконоборчества [2]). По крайней мѣрѣ изъ новеллы императоровъ Льва IV и Константина VI (776—780) видно [3]), что на практикѣ продолжалъ примѣняться законъ императора Юстина II-го. Съ возстановленіемъ же иконопочитанія и послѣ торжества православія (843 г.) Эклога потеряла значеніе дѣйствующаго права. Ея мѣсто заняло Юстиніаново бракоразводное законодательство. Прохиронъ Василія Македонянина, Эпанагога и Базилики съ незначительными варіаціями возстановляютъ бракоразводное законодательство Юстиніана. Какъ же церковь относилась къ этому гражданскому бракоразводному законодательству?

Она не считала его своимъ и всегда проводила грань между собственнымъ церковнымъ, т. е. каноническимъ законодательствомъ, стоявшимъ болѣе или менѣе на почвѣ евангельской,—и законодательствомъ императоровъ. Въ лицѣ іерарховъ она подчеркивала иногда какъ разницу между этими законодательствами, такъ и несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ элементовъ гражданскаго права духу христіанства, напримѣръ болѣе снисходительное отношеніе закона къ мужу, чѣмъ къ женѣ. Признавая существенную разницу между своими собственными правилами и гражданскими, церковь тѣмъ не менѣе не усматривала въ послѣднихъ посягательства на ея собственное право, противорѣчія ея принципамъ, но молчаливо соглашалась съ свѣтскими законами, признавала ихъ легальность. Это предполагается само собой. Вмѣстѣ съ Чижманомъ [4]) съ увѣренностью можно сказать, что если бы законодательство Юстиніана и его преемниковъ по сознанію церкви стояло въ противорѣчіи съ церковной дисциплиной своего времени, если бы церковь абсолютно

---

[1]) Ecloga Leonis et Constantini. Ed. Zachariae 1852 p. 21.
[2]) Ср. Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche; s. 105.
[3]) Zachariae, Ius graeco-romanum. III, 49—55.
[4]) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche. S. 114.

не допускала другихъ поводовъ къ разводу, кромѣ указанныхъ въ канонахъ, то ни Юстиніанъ, ни его преемники не рѣшились бы на изданіе собственнаго бракоразводнаго законодательства. За это ручается ихъ уваженіе къ канонамъ, ихъ опасеніе вступить въ конфликтъ съ церковью и ихъ принципіальный взглядъ на отношеніе свѣтскихъ законовъ къ каноническимъ правиламъ. Въ Византіи было установлено, что церковные каноны должны служить основой для законовъ гражданскихъ по вопросамъ церковнымъ. Въ 83 новеллѣ Юстиніана высказывается принципъ, что свѣтскіе законы должны слѣдовать церковнымъ канонамъ (*κανόνας, οἷς καὶ οἱ ἡμέτεροι κατακολουθεῖν οὐκ ἀπαξιοῦσι νόμοι* [1]). Въ 131 новеллѣ выражается мысль, что императорскіе законы не могутъ постановлять ничего такого, что стояло бы въ противорѣчіи съ догматическими опредѣленіями соборовъ [2]). Отсюда законы, стоящіе въ противорѣчіи съ канонами, съ точки зрѣнія византійскаго права признавались недѣйствительными. Эта мысль выражается въ кодексѣ Юстиніана [3]) и въ номоканонѣ Фотія. Во второй главѣ перваго титула составитель номоканона говоритъ: каноны имѣютъ силу какъ законы, но законы слѣдуютъ канонамъ, и прагматическія санкціи, противорѣчащія канонамъ, недѣйствительны» [4]). При такихъ принципіальныхъ воззрѣніяхъ на отношеніе свѣтскихъ законовъ къ канонамъ византійское бракоразводное законодательство не имѣло бы мѣста, если бы современное православіе считало его противорѣчащимъ церковнымъ принципамъ. Съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что духовенство не молчало бы и поспѣшило бы протестовать, если бы законодательство императора прямо шло въ разрѣзъ съ принципіальными взглядами церкви. Однако этого не случилось. «Ни одинъ соборъ, никакой патріархъ, никакой епископъ Востока, говоритъ Чижманъ, не выражалъ жалобъ по поводу гражданскихъ законовъ и не просилъ ихъ отмѣны. Ни

---

[1]) Iustiniani novellae. Ed. Zachariae. 1881. Pars II, p. 48.
[2]) Ibid, Pars II, p. 267.
[3]) Cod. Iust. Lib. I, t. III, 44; t. II, 12. Изд. P. Krueger, 1877.
[4]) Номоканонъ Фотія. Переводъ проф. Нарбекова, 1899, стр. 47.

папа Вигилій, ни патріархъ Меннасъ не выступали въ 541 г. противъ изданія 117 новеллы. И послѣдующіе константинопольскіе патріархи не заявляли никакого протеста противъ возстановленія Юстиніанова законодательства въ Прохиронѣ, Базиликахъ и въ другихъ законодательныхъ актахъ. Константина Великаго, Ѳеодосія II и Юстиніана соборы, созванные ими, аттестовали какъ благочестивыхъ царей [1]). Этого мало. Въ восточной церкви сложилось убѣжденіе, что законы гражданскіе, установлявшіе новые поводы къ разводу, являлись естественнымъ восполненіемъ и развитіемъ каноновъ. Вотъ почему законодательство императоровъ вносилось въ каноническіе сборники на ряду съ канонами для руководства въ церковной практикѣ (номоканонъ въ 50 и 14 титуловъ); вотъ почему когда бракоразводныя дѣла отошли въ вѣдѣніе духовнаго суда, церковный судъ руководился не только канонами, но и законами императоровъ. Синодальныя рѣшенія обычно утверждались на основаніи каноновъ и государственныхъ законовъ. Обычная формула этихъ рѣшеній такова: ἡμεῖς δὲ τὰς νομικάς τε καὶ κανονικὰς ἀναπτύξαντες δέλτους, ἐκ τῆς αὐτῶν περιλίψεως ταῦτα ἀποκρινόμεθα [2]). Изъ этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ Чижманъ дѣлаетъ слѣдующій совершенно правильный выводъ. Церковь отчасти слѣдовала взгляду римскаго права, по которому бракъ можетъ быть прекращаемъ ранѣе своего естественнаго конца. Это прекращеніе брака есть только нежелательная возможность, которая вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ можетъ превратиться въ необходимость. Пожизненное общеніе мужа и жены всегда остается идеаломъ, который признается и церковью и государствомъ, и который поддерживается ими чрезъ возможное ограниченіе основаній къ расторженію брака. Если законъ устанавливалъ такія основанія, то они были не отрицаніемъ принципа нерасторжимости брака, а лишь приспособленіемъ къ человѣческой слабости. Они суть лишь исключенія, не уничтожающія

---

[1]) Zhishman. Das Eherecht der orientalischen Kirche, S. 114.
[2]) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche, S. 189.

самого правила. Но и какъ исключенія, они не должны быть отвергаемы, поскольку имѣютъ цѣлью уничтожить бо́льшее зло [1]). Очень ясно выражено отношеніе церкви къ государственному законодательству въ словахъ болгарскаго архіепископа Дмитрія Хоматіана. «Божественный евангельскій законъ опредѣлилъ только одну причину для развода—прелюбодѣяніе (*πορνεία*). Но когда церковное общество умножилось и возросло, когда жизнь создала рядъ неожиданныхъ перемѣнъ, а въ общественныхъ отношеніяхъ возникли безпорядочность и непостоянство, тогда нестроенія проникли и въ семью, обратили брачныя узы въ тяжелое и невыносимое иго и стали вызывать потребность въ освобожденіи отъ него. Для семейной жизни, этого очага истинной нравственности, возникли различныя опасности, которыя грозили скверною и поношеніемъ и для непорочной невѣсты Христовой—церкви. Съ цѣлью устранить эти опасности, воспитать и укрѣпить среди христіанъ добрые обычаи и стремленія, возвысить семейную жизнь и приблизить ее къ христіанскому идеалу, обезпечить нравственное совершенствованіе церковнаго общества,—благочестивые христіанскіе цари, во главѣ съ Юстиніаномъ *съ согласія и одобренія святыхъ отцовъ церкви*, и издали рядъ дополнительныхъ законовъ о поводахъ къ разводу. Основнымъ мотивомъ такой законодательной дѣятельности была *экономія* (*οἰκονομία*), т. е. снисхожденіе къ немощамъ человѣческимъ, въ виду необходимости, для устраненія бо́льшихъ опасностей, во имя высшаго моральнаго и церковнаго блага. И церковь, руководясь тѣмъ же принципомъ экономіи, приняла законы василевсовъ о поводахъ къ разводу, признала ихъ въ достоинствѣ законовъ церковныхъ и примѣняла въ своей практикѣ на ряду и совмѣстно съ постановленіями спеціально-церковнаго происхожденія» [2]). Итакъ церковь признавала за государствомъ право самостоятельно регламентировать разводъ, и это государственное

---

[1]) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche, S. 114—115.

[2]) Pitra, Analecta sacra et class. Spicilegio Solesmensi parata, t. VII, 87—89. Въ переводѣ проф. Соколова (Христ. Чтен. 1910 г. декабрь 1489—1490). Переводъ провѣренъ авторомъ.

законодательство она нисколько не считала противорѣчащимъ принципамъ каноническаго права. Такое отношеніе церкви къ императорскимъ законамъ о разводѣ ясно показываетъ, что въ вопросѣ о разводѣ она стояла не на догматической, а этической точкѣ зрѣнія, признавая нерасторжимость христіанскаго брака нравственнымъ идеаломъ, который осуществляется лишь отчасти, а не свойствомъ самаго таинства брака, не обязательнымъ слѣдствіемъ дѣйствія благодати, даруемой въ таинствѣ брака, не догматомъ, не допускающимъ компромиссовъ. Если бы церковь ставила въ безусловную связь нерасторжимость супружескаго союза съ свойствомъ самаго таинства брака, то она не допустила бы того, чтобы во-первыхъ свѣтская власть опредѣляла случаи, прекращающіе дѣйствіе благодати, и чтобы во-вторыхъ вводимы были новыя основанія къ разводу сверхъ опредѣленныхъ самою церковью. Замѣчательно, что и наша практика нѣсколько расширила количество поводовъ къ разводу, допуская въ нѣкоторыхъ случаяхъ испрашиваніе особаго Высочайшаго разрѣшенія [1]). Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что и русская церковь стоитъ на той же этической точкѣ зрѣнія.

13. Въ древней церкви бракоразводныя дѣла не подлежали духовному суду. Церковная юрисдикція по бракоразводнымъ дѣламъ устанавливается лишь въ X—XI в. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ актъ расторженія брака былъ частнымъ актомъ (διαίσιον, ἀποστάσιον), совершавшимся помимо судебнаго рѣшенія. Бракъ могъ расторгаться по основаніямъ, указаннымъ въ законѣ, и безъ достаточныхъ основаній. Въ первомъ случаѣ требовались извѣстныя формальности, не связанныя однако съ судебнымъ процессомъ (напримѣръ, свидѣтели, извѣстная форма объявленія о разводѣ). Если основанія къ расторженію брака носили преступный характеръ, то разводу обыкновенно предшествовало обвиненіе одного супруга другимъ въ какомъ либо преступленіи. Это обвиненіе разсматривалось въ свѣтскомъ судѣ и

---

[1]) Журналы и протоколы засѣданій Высочайше учрежд. Предсоборнаго Присутствія, т. IV, стр. 97.

вызывало извѣстныя невыгодныя послѣдствія для лица, подавшаго поводъ къ разводу. При разводѣ безъ достаточныхъ основаній оставленный супругъ имѣлъ право возбудить судебное дѣло о противозаконномъ расторженіи брака. Но и въ этомъ случаѣ судъ налагалъ лишь наказаніе на виновнаго въ разводѣ супруга, самый же разводъ оставался въ силѣ [1]). Лишь въ IX и X в. наблюдается тенденція всѣ нравственно-религіозныя отношенія, какъ напримѣръ вопросы о препятствіяхъ къ браку, вступленіи въ бракъ и разводѣ, разсматривать какъ чисто церковныя и утверждать, что они не подлежатъ свѣтскому суду [2]). Это отчасти сказалось въ Эпанагогѣ (III, 11). Въ X в. судныя дѣла о бракахъ восходятъ часто на разрѣшеніе патріаршаго синода [3]). Однако еще въ XI в. бракоразводныя дѣла попрежнему продолжали разбираться и въ свѣтскихъ судахъ. Это ясно видно прежде всего изъ дошедшаго до насъ отъ первой половины XI в. и извѣстнаго подъ именемъ Πεῖρα сборника судебныхъ рѣшеній Евстафія, римскаго патриція. Въ этомъ сборникѣ содержатся между прочимъ судебныя рѣшенія, касающіяся разводовъ. Вотъ нѣкоторые примѣры. Мужъ, нашедшій жену свою во время брачныхъ торжествъ обезчещенной, намѣревался изгнать ее. По жалобѣ жены свѣтскій судья Евстаѳій Ромей постановилъ такое рѣшеніе. Если бы мужъ въ день свадьбы, убѣдившись въ растлѣніи жены, прекратилъ съ ней общеніе и достовѣрно засвидѣтельствовалъ бы о виновности жены, то необходимо было бы расторгнуть бракъ (λύεσθαι τὸν γάμον). Но такъ какъ онъ въ свое время умолчалъ о растлѣніи жены, то не имѣлъ права изгонять ее. На вопросъ своего ученика, встрѣчались ли въ судебной практикѣ случаи развода по причинѣ добрачнаго нецѣломудрія жены, судья сказалъ, что подобныя дѣла не поступали на разсмотрѣніе суда [4]). Мужъ, обручившись съ семилѣтней дѣвицей и по истеченіи нѣкотораго времени

---

[1]) Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 1892. S. 77.
[2]) Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. S. 383.
[3]) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche. S. 189.
[4]) Πεῖρα, XLIX, 5, p. 226. Zachariae, Ius graeco-romanum. Pars 1.

повѣнчанный съ ней, растлилъ ее, употребивши насиліе. Судья расторгъ бракъ (ἔλυσε τὸν γάμον) на основаніи одного узаконенія Базиликъ [1]). Въ другомъ случаѣ судья расторгъ бракъ (καταλυθῆναι τὸν γάμον) на основаніи того, что жена вступила въ бракъ, не имѣя узаконеннаго для этого возраста т. е. 12 лѣтъ [2]). Кромѣ рѣшеній конкретныхъ случаевъ сборникъ Πεῖρα даетъ весьма много важныхъ практическихъ указаній и теоретическихъ разъясненій, касающихся бракоразводнаго законодательства и процесса. Все это указываетъ на то, что не только судебная практика разводовъ, но и теоретическая разработка связанныхъ съ нею вопросовъ въ первой половинѣ XI в. находились въ вѣдѣніи свѣтскаго суда. Наконецъ, въ началѣ XI в. Дмитрій Синкеллъ, митрополитъ кизическій, возражая свѣтскому судьѣ, доказывавшему недозволенность брака въ трехродномъ свойствѣ, говоритъ, что, когда онъ въ теченіе 17 лѣтъ состоялъ на службѣ при квесторѣ Мистикѣ, многія дѣла такого рода разбирались въ квесторіи какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ и никогда не воспрещался бракъ въ означенной степени свойства [3]). Церковная юрисдикція по бракоразводнымъ дѣламъ рѣшительно была установлена закономъ императора Алексѣя Комнена 1086 г., въ силу котораго всѣ дѣла духовнаго характера (ψυχικά), въ томъ числѣ и брачныя, были отданы въ вѣдѣніе духовныхъ судовъ (παρὰ τῶν ἀρχιεπισκόπων καὶ ἐπισκόπων [4]). Но даже и послѣ изданія этого закона свѣтскіе судьи продолжали иногда отправлять юрисдикцію по бракоразводнымъ дѣламъ наряду съ церковными [5]). Итакъ до IX вѣка расторженія браковъ не входили въ область церковной юрисдикціи. Они были или частными юридическими актами, совершавшимися помимо вліянія государства и церкви, или позднѣе подлежали вѣдѣнію свѣтскаго суда. Свѣтская юрисдикція по дѣламъ о разводѣ продолжала

---

1) Πεῖρα XLIX, 22, p. 229—230.
2) Πεῖρα XLIX, 12, p. 227.
3) Zhishman, s. 323–324.
4) Zachariae, Ius graeco—romanum, pars III, coll. IV, nov. 27.
5) Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 1892, p. 383–384.

существовать на ряду съ церковной по крайней мѣрѣ до половины XI в. Противъ того и другого порядка вещей церковь не протестовала, находила ихъ не противорѣчащими началамъ каноническаго права и принципамъ своей догматики. Этотъ фактъ ясно говоритъ за правильность нашего основного положенія, что нерасторжимость христіанскаго брака есть не догматъ, а этическій принципъ. Если бы древняя церковь считала нерасторжимость брака результатомъ связывающаго дѣйствія благодати, а въ разводѣ видѣла уничтоженіе благодати, то она не могла бы съ спокойной совѣстью расторженіе брака предоставлять волѣ самихъ брачущихся или рѣшенію свѣтскаго суда безъ участія церковной власти. Признавая за государствомъ право самостоятельно регламентировать поводы къ разводу и право юрисдикціи по бракоразводнымъ дѣламъ, церковь тѣмъ самымъ показывала, что она не ставитъ юридическаго акта расторженія брака въ прямую связь съ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ благодати, а считаетъ его нежелательнымъ, но вынужденнымъ уклоненіемъ отъ христіанскаго нравственнаго принципа.

13. Къ указаннымъ доводамъ можно прибавить и то (объ этомъ слѣдовало бы сказать ранѣе), что каноны восточной церкви допускали въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановленіе брака разведенныхъ. Такъ по 93 пр. Трулльскаго собора, если жена солдата по причинѣ долговременнаго его отсутствія, въ предположеніи, что мужъ ея умеръ, сочетается бракомъ съ другимъ мужемъ, то первый ея мужъ по возвращеніи своемъ можетъ опять взять жену свою, «если захочетъ» (εἰ προαιρεῖται). Такимъ образомъ уже расторгнутый по законному основанію бракъ можетъ быть возстановленъ въ случаѣ желанія мужа безъ повторенія вѣнчанія. Что браковѣнчаніе въ данномъ случаѣ не должно было повторяться, ясно изъ того, что для возстановленія брака достаточно желаніе одного мужа, независимо отъ согласія жены. Этотъ канонъ очевидно предполагаетъ, что расторженіе брака не влечетъ за собой уничтоженія благодати и есть явленіе не догматической, а этической природы. Если бы разводъ уничтожалъ благодать таинства брака, то ра-

сторгнутый уже бракъ не могъ бы быть возстановленъ безъ новаго церковнаго благословенія.

Всѣ вышеприведенные доводы, мнѣ кажется, даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что нерасторжимость христіанскаго брака по пониманію древней вселенской и православной церкви есть не свойство таинства брака, а нравственное требованіе, нравственный идеалъ, имѣющій еще дохристіанское происхожденіе. Этотъ выводъ не производитъ существеннаго измѣненія въ догматическомъ ученіи православной церкви. Остается въ силѣ православное ученіе о бракѣ, какъ таинствѣ, о благодати и ея неизгладимости; но благодать, даруемая въ таинствѣ брака, по изложенному взгляду не имѣетъ приписываемаго ей нѣкоторыми современными догматическими системами свойства какъ бы механически связывать два существа въ союзъ нерасторжимый. Я считаю совершенно правильною мысль, высказанную въ Церковномъ Вѣстникѣ за 1901 г. въ № 30 (стр. 945): «Проникая трезвою мыслію въ глубину вопроса, нельзя не признать поспѣшнымъ заключеніе, будто расторженіемъ брака, словомъ разводъ, уничтожается таинство, совершаемое церковью и состоящее въ сообщеніи особой благодати сочетавающимся. Если бы въ самомъ дѣлѣ расторженіемъ брака, разводомъ, разрушалось таинство церкви, разрушалась благодатная стихія, присущая сему таинству; то надо думать, что ни церковь въ своихъ канонахъ, ни государство въ своемъ законодательствѣ не допускали бы и мысли о расторженіи брака, по причинѣ невозможности уничтоженія какого бы ни было таинства. Если церковь допускаетъ, хотя бы изъ снисхожденія къ человѣческой слабости, расторженіе брака,—то тѣмъ самымъ она обязываетъ смотрѣть на дѣло и взирать на предметъ иначе. Таинственная сущность брака, дѣйствительно, связывается съ тѣмъ благословеніемъ, которое преподается церковью чрезъ браковѣнчаніе. Но эта сущность никоимъ образомъ не можетъ быть отожествляема съ брачнымъ сожительствомъ, а потому и прекращеніе сего сожитія нельзя принимать за уничтоженіе таинства». Слѣдуетъ замѣтить, что по признанію самихъ православныхъ богослововъ ученіе о бракѣ,

какъ таинствѣ, въ православныхъ догматикахъ не вполнѣ ясно и полно раскрыто [1]). И если мы сравнимъ наиболѣе авторитетныя русскія системы догматическихъ ученій, то увидимъ въ нихъ замѣтную разницу. Въ то время, какъ Догматическое Богословіе преосвящ. Макарія говоритъ о скрѣпленіи брачнаго союза благодатію въ союзъ нерасторжимый, Катехизисъ митроп. Филарета, имѣющій у насъ еще болѣе авторитетное значеніе, такъ опредѣляетъ таинство брака (стр. 74 по изд. 1886 г.): «бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ предъ священникомъ и церковью обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной ихъ супружеской вѣрности, благословляется ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью, и испрашивается имъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей». Катехизисъ ничего не говоритъ о свойствахъ благодати скрѣплять брачный союзъ нерасторжимыми узами. Слѣдовательно вышеприведенный взглядъ нѣкоторыхъ догматистовъ не выражаетъ общепринятаго ученія даже современной русской церкви. Такимъ образомъ высказанное мной пониманіе принципа нерасторжимости христіанскаго брака не вноситъ существенныхъ измѣненій въ установившееся въ русской церкви догматическое ученіе о бракѣ.

Если наше пониманіе принципа нерасторжимости брака правильно, то оно должно имѣть весьма важное значеніе для бракоразводнаго законодательства. Оно рѣшительно мѣняетъ постановку вопроса о разводѣ лицъ православнаго исповѣданія. Если нерасторжимость христіанскаго брака не стоитъ въ связи съ таинствомъ браковѣнчанія, то въ вопросѣ о расторженіи брака догматическая сторона брака не играетъ роли. Вопросъ вращается внѣ сферы догматики, ученія о таинствѣ и благодати, исключительно въ области христіанской морали. Допустимъ ли разводъ и если допустимъ, то по какимъ основаніямъ эти вопросы должны рѣшаться

---

[1]) См. напр. Глубоковскій. Христ. Чтен. 1895, 1, 25.

церковью съ точки зрѣнія нравственнаго христіанскаго ученія, безъ отношенія къ догматикѣ.

Едва ли надо доказывать, что нравственный евангельскій принципъ, нравственно-идеальное требованіе нерасторжимости брака не можетъ быть содержаніемъ юридическихъ нормъ, адекватнымъ съ ними. Положительныя начала христіанской нравственности не могутъ быть во всей своей неприкосновенности фиксированы въ свѣтскомъ правѣ. Нравственныя идеальныя требованія не считаются ни съ субъективными особенностями лицъ, ни съ случайными условіями, въ которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ, ни съ фактическими слабостями человѣческой природы. Напротивъ юридическій законъ, говоритъ апостолъ, данъ не для праведниковъ; онъ имѣетъ въ виду тѣхъ, чья воля наклонна къ нарушенію нравственныхъ принциповъ. Отсюда онъ естественно понижаетъ требованія морали, предъявляетъ minimum нравственныхъ требованій, карая лишь болѣе крупныя проявленія безнравственности. Право, какъ выразился одинъ писатель [1]), это своего рода медицина, которая не можетъ предлагать нормальную пищу больнымъ. Къ тому же превращеніе требованій христіанской морали въ государственные обязательные законы было бы противно духу христіанской нравственности, не допускающей по самой своей природѣ того внѣшняго принужденія, которымъ гарантируется выполненіе свѣтскихъ юридическихъ нормъ. Церковь, допуская принужденіе психическое въ видѣ лишенія извѣстныхъ своихъ благъ, не терпитъ насилія матерьяльнаго, принужденія физическаго. Она не можетъ желать и того, чтобы какая либо другая сторонняя сила велѣнія церкви превращала въ принудительный законъ, она не можетъ желать, чтобы государство возводило на степень внѣшняго юридическаго велѣнія то, что должно быть дѣломъ вѣры и нравственнаго внутренняго настроенія. Это принужденіе было бы насиліемъ надъ самою церковью.

---

[1]) В. В. Розановъ, Семейный вопросъ въ Россіи, т. I стр. 1: «законъ долженъ подумать о соціальной гигіенѣ... Здѣсь всеобщая норма становится непримѣнима: какъ вы будете пичкать больного тѣмъ, что нужно для здороваго»?

Въ частности, возлагая на себя задачу охраненія въ неприкосновенности христіанскаго идеала нерасторжимости брака, государство занималось бы не своимъ дѣломъ, вступало бы въ чуждую ему сферу и оказывало бы церкви дурную услугу. Принудительная поддержка брака, лишеннаго этическаго содержанія, не можетъ имѣть нравственнаго значенія и не нужна церкви, такъ какъ внутреннюю сущность брака она замѣняетъ внѣшней формой. Насильственное закрѣпощеніе личности въ этомъ случаѣ можетъ быть даже опасно и толкать ее на еще большее зло.

Если нравственный идеалъ нерасторжимости брака цѣликомъ не можетъ быть содержаніемъ свѣтскаго брачнаго права, если брачное право должно быть лишь относительнымъ примѣненіемъ этого принципа къ условіямъ времени, то необходимо одно изъ двухъ: или сама церковь, снисходя къ человѣческой слабости, должна допустить въ извѣстныхъ случаяхъ въ качествѣ уклоненія отъ идеала, въ видѣ нѣкотораго несовершенства, расторженіе брака, не ограничиваясь древними каноническими опредѣленіями, исходя изъ соображеній о нуждахъ времени; или оставаясь въ своихъ опредѣленіяхъ на точкѣ зрѣнія нравственнаго идеала, она должна предоставить регламентацію развода государству.

То и другое нисколько не противорѣчитъ началамъ церковнаго права, какъ скоро нерасторжимость христіанскаго брака не стоитъ въ прямой связи съ таинствомъ браковѣнчанія, и имѣетъ, какъ мы видѣли, прецеденты въ исторіи древней восточной церкви, право которой имѣетъ для нашей церкви руководственное значеніе.

Каноны древней церкви были не простыми логическими выводами изъ установленныхъ въ христіанствѣ догматическихъ и этическихъ началъ, а лишь примѣненіями этихъ началъ къ условіямъ различнаго времени и мѣста. Вотъ почему различія въ характерѣ времени, націи, нравовъ и особенности политическаго устройства страны всегда оказывали большое вліяніе на образованіе каноническаго права, вслѣдствіе чего въ исторіи каноновъ мы наблюдаемъ постоянную эволюцію. Одни ка-

ноны замѣняются и отмѣняются другими канонами или оставляются практикой послѣдующаго времени, какъ непримѣнимые. Что для насъ особенно важно въ настоящемъ случаѣ, будучи приспособленіями къ потребностямъ своего времени, каноны носили иногда признаки нѣкотораго несовершенства, являясь какъ бы уклоненіемъ отъ идеальнаго порядка вещей, уступкой человѣческой слабости. Такіе, напримѣръ, каноны, какъ 11 пр. Трул. собора, запрещающее христіанамъ вступать въ общеніе съ іудеями, 31 пр. Карѳагенскаго собора, не дозволяющее епископу и клирику дарить изъ своихъ вещей неправославнымъ христіанамъ, 12 пр. Трулльскаго собора, возбраняющее брачное сожитіе для епископовъ только потому, что оно производитъ «претыканіе» среди вѣрующихъ, благодаря ихъ предразсудкамъ; всѣ эти и подобные каноны были нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ евангельскаго идеала любви и христіанскаго воззрѣнія на бракъ, вызваннымъ слабостями современниковъ. Трулльскій соборъ, дѣлая вышеуказанную уступку, вопреки 5 апостольскому правилу, запрещавшему клирикамъ отпускать своихъ женъ подъ видомъ благочестія, оговаривается, что онъ дѣлаетъ это «ради малодушнаго помысла и еще чуждыхъ и неблагоустроенныхъ нравовъ» своихъ современниковъ. Въ силу этого принципа приспособленія и снисхожденія церковь допускала разводъ, причемъ въ своей регламентаціи его обычно примѣнялась къ потребностямъ извѣстнаго времени. Какъ мы видѣли, древняя церковь не держалась твердо и послѣдовательно какого нибудь опредѣленнаго правила въ вопросѣ о разводѣ, но замѣтно ослабляла свои требованія, когда видѣла ихъ непримѣнимость къ жизни. Такимъ образомъ и принципы каноническаго права и исторія вполнѣ допускаютъ, чтобы русская церковь въ настоящемъ случаѣ, не останавливаясь на буквѣ древнихъ каноновъ, регламентировала расторженіе брака сообразно съ потребностями времени. Достоинство церковныхъ правилъ заключается не столько въ вѣрности древнимъ канонамъ, сколько въ соотвѣтствіи нуждамъ времени. Извѣстный знатокъ исторіи древней церкви профессоръ Болотовъ писалъ: «Думаю, что нѣтъ боль-

шей несправедливости, какъ репристинація формъ давнопрошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ. утратившихъ всякую соль и силу, (напр пресловутое выборное начало), и та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами,—и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за собой даже ни единаго прецедента».

Впрочемъ, древняя церковь соблюдала въ этомъ случаѣ извѣстную границу. Допуская уступку человѣческой слабости, она все же старалась держаться возможно ближе къ идеалу, начертанному въ евангеліи. Однако это не значило, что церковь внѣ предѣловъ своихъ каноновъ переставала считаться съ потребностями своихъ немощныхъ членовъ. Она шла имъ навстрѣчу, но инымъ уже способомъ. Какъ скоро она видѣла, что ея бракоразводныя правила не удовлетворяли духу времени, она, не желая собственной властью слишкомъ расширять границы дозволеннаго развода, предоставляла государству регламентировать его, и хотя сознавала разницу между каноническими опредѣленіями и государственнымъ законодательствомъ, тѣмъ не менѣе молчаливо соглашалась на послѣднее, видя въ немъ воспитательное средство, въ конечной своей цѣли ведущее къ тому же евангельскому идеалу. Церковь признала внесенные государствомъ въ евангельскій идеалъ компромиссы на томъ же самомъ основаніи, на какомъ она допускаетъ всѣ этическіе компромиссы въ государствѣ, напримѣръ, различные виды нарушенія евангельской заповѣди о непротивленіи злу.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этическаго, а не догматическаго пониманія принципа нерасторжимости христіанскаго брака должна быть безразличная подсудность бракоразводныхъ дѣлъ какъ духовному, такъ и свѣтскому суду. Обыкновенно говорятъ, что расторгнуть бракъ можетъ лишь та власть, которая заключаетъ его, т. е. духовная. При догматической интерпретаціи принципа нерасторжимости это заключеніе справедливо. Противъ него не можетъ говорить то соображеніе, что при расторженіи брака не совершается никакого священнодѣй-

ствія [1]). Такового и не можетъ быть въ томъ случаѣ, если церковь своимъ актомъ или прекращаетъ или констатируетъ только прекращеніе благодати. Даже то обстоятельство, что лишь гражданскій судъ признается компетентнымъ устанавливать наличность основанія къ разводу, не даетъ права отрицать необходимость церковной санкціи, разъ рѣчь идетъ о прекращеніи благодати. Но какъ скоро самый актъ расторженія брака не стоитъ въ неизбѣжной связи съ дѣйствіемъ благодати, то такой актъ можетъ быть одинаково совершенъ, какъ церковною такъ и гражданскою властью. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что основаніемъ для церковной юрисдикціи бракоразводныхъ дѣлъ служитъ не ученіе о бракѣ какъ таинствѣ, а мысль, что нерасторжимость брака стоитъ въ существенной связи съ таинствомъ брака, что разводъ есть уничтоженіе благодати. Съ отрицаніемъ этой связи необходимость въ церковной юрисдикціи падаетъ. Расторженіе брака становится явленіемъ этическаго порядка, и потому оно одинаково можетъ быть судимо какъ церковною, такъ и свѣтскою властью. Какъ мы видѣли, исторія вполнѣ оправдываетъ такую точку зрѣнія. До IX и X вѣка расторженіе брака сначала было частнымъ актомъ, позднѣе дѣломъ свѣтскаго суда. Противъ того и другого церковь въ свое время не протестовала.

Подведу итоги сказанному.

Въ основѣ нашего дѣйствующаго бракоразводнаго законодательства лежатъ два противорѣчащихъ принципа, двѣ противоположныхъ конструкціи. По одной бракъ считается догматически нерасторжимымъ, по другой онъ догматически расторжимъ. Это противорѣчіе, сковавшее наше церковное и гражданское право въ вопросѣ о разводѣ, можетъ быть устранено лишь

---

[1]) Боровиковскій (Бракъ и разводъ по проекту гражданскаго уложенія. Журналъ министерства юстиціи, 1902 г. № 8, стр. 27): «Въ заключеніи брака по религіозному обряду участіе духовенства необходимо, ибо должно быть совершено установленное священнодѣйствіе. Разводъ же не сопровождается никакимъ священнодѣйствіемъ; нынѣ онъ совершается въ видѣ письменнаго рѣшенія духовнаго суда... Поэтому въ участіи духовной власти въ разводѣ нѣтъ необходимости, которая вытекала бы изъ самаго существа развода».

въ томъ случаѣ, если принципъ нерасторжимости христіанскаго брака будетъ понятъ не въ смыслѣ догматическомъ, какъ свойство таинства, результатъ дѣйствія благодати, какъ догматъ,—а этически, какъ нравственный идеалъ, требованіе, аналогичное другимъ нравственнымъ евангельскимъ требованіямъ. Такая интерпретація оправдывается многочисленными фактами изъ исторіи православнаго церковнаго права. Вмѣстѣ съ такимъ пониманіемъ нерасторжимости брака вопросъ о разводѣ переходитъ изъ области догматики въ область христіанской этики. Но такъ какъ христіанскій идеалъ въ полной своей мѣрѣ не можетъ и не долженъ быть предметомъ принудительныхъ юридическихъ нормъ, то для законодателя является необходимость въ приспособленіи его къ нуждамъ времени и въ извѣстныхъ уступкахъ. Съ точки зрѣнія принциповъ каноническаго права безразлично, кто возьметъ на себя созданіе бракоразводнаго законодательства: сама церковь или государство. То и другое имѣетъ прецеденты и въ древней церкви. Необходимо лишь признать, что и для самой церкви, если она беретъ на себя задачу регламентировать разводъ, не обязательны новозавѣтныя и каноническія опредѣленія. Она должна въ такомъ случаѣ исходить не только изъ христіанскаго принципа нерасторжимости брака, но изъ соображеній о потребностяхъ времени. Если же она хочетъ остаться на почвѣ евангельскаго идеала, то должна предоставить созданіе нормъ, регулирующихъ разводъ, государству. Равнымъ образомъ ни принципамъ каноническаго права, ни лежащимъ въ основѣ его догматическимъ основоположеніямъ нисколько не противорѣчитъ свѣтская подсудность бракоразводныхъ дѣлъ.

Ярославскій Губернскій Комитетъ 1858—1859 г.г. и составленный имъ проектъ положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

(По архивнымъ матерьяламъ).

В. Н. Ширяева.

Вниманіе изслѣдователей крестьянской реформы до сихъ поръ сосредоточивалось по преимуществу на работахъ Главнаго Комитета и образованныхъ при немъ редакціонныхъ комиссій. Періодъ работъ, предшествовавшихъ открытію Главнаго Комитета, въ такъ называемомъ Секретномъ Комитетѣ, равно какъ прохожденіе выработаннаго Главнымъ Комитетомъ проекта положенія въ Государственномъ Совѣтѣ до сихъ поръ не могли быть изучены главнымъ образомъ вслѣдствіе недоступности архивныхъ матерьяловъ.

Не обращалось надлежащаго вниманія и на работы мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ, онѣ въ большинствѣ случаевъ оставались въ тѣни.

Въ литературѣ по крестьянскому вопросу, когда заходила рѣчь о губернскихъ комитетахъ, обыкновенно дѣлались указанія на дѣятельность тверского комитета, руководимаго Унковскимъ, и калужскаго комитета, находившагося подъ благотворнымъ вліяніемъ тогдашняго калужскаго губернатора Арцимовича, какъ на дѣятельность наиболѣе прогрессивную, проникнутую истиннымъ пониманіемъ духа времени и требованій жизни.

Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ самостоятельной разработкѣ, на сколько мнѣ извѣстно, подверглась лишь дѣятельность нижегородскаго губернскаго комитета [1]), такъ какъ сводная работа А. А. Корнилова,

[1]) См. Труды нижегородской архив. комиссіи, т. III).

«Губернскіе Комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.» [1]), дающая общій очеркъ ихъ трудовъ, не основана, по признанію самого автора, на непосредственномъ изученіи журналовъ губернскихъ комитетовъ.

Между тѣмъ обширныя подготовительныя работы Губернскихъ Комитетовъ заслуживали бы иного къ себѣ отношенія.

Крестьянскій вопросъ привлекалъ къ себѣ серьезное вниманіе правительства, какъ извѣстно, съ самаго начала 19-го вѣка, но до 1861 г. онъ не получалъ разрѣшенія. Гдѣ кроется причина безплодности правительственныхъ начинаній до царствованія Императора Александра II и сравнительнаго успѣха ихъ въ это царствованіе?

Можетъ быть ее слѣдуетъ искать въ различіи тѣхъ путей, которыми правительство подходило къ намѣченной цѣли въ томъ и другомъ случаяхъ.

До эпохи царствованія Александра II обсужденіе крестьянскаго вопроса не выходило изъ стѣнъ петербургскихъ канцелярій. Общественное мнѣніе было слабо представлено нѣсколькими голосами, сдавленными тисками цензуры Николаевскаго царствованія. Обращать на это мнѣніе вниманіе, а тѣмъ болѣе искать въ немъ опоры для своихъ начинаній было въ ту эпоху, какъ говорили въ старину, «не за обычай».

Императоръ Александръ II оставляетъ проторенный канцелярскій путь подготовки реформы, обращается къ общественнымъ кругамъ, затрагиваемымъ реформою, и въ нихъ пытается искать поддержки предпринятому дѣлу. Образованіе Губернскихъ Комитетовъ изъ выборныхъ представителей дворянства для выработки мѣръ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ было первой попыткой, послѣ почти вѣкового перерыва, прислушаться къ голосу мѣстныхъ людей при разрѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни.

---

[1]) См. Рус. Богат. 1904 г.

Шагъ былъ сдѣланъ рискованный, но оказался вѣрнымъ и привелъ правительство къ желаемой цѣли.

Крестьянская реформа была проведена при содѣйствіи общественныхъ силъ, помогавшихъ правительству отыскивать наиболѣе пріемлемый способъ для примиренія противоположныхъ интересовъ.

Безъ этого содѣйствія все дѣло освобожденія могло бы долго стоять на мертвой точкѣ.

Извѣстны слова Императора Николая Павловича въ отвѣтъ на предложеніе побудить помѣщиковъ къ заключенію сдѣлокъ на началахъ указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный—сказалъ Государь,—но на такую мѣру никогда не рѣшусь и на то, чтобы приказывать помѣщикамъ заключать договоры, это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли и только опытъ укажетъ, въ какой мѣрѣ можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному» [1]).

Въ виду этого работы Губернскихъ Комитетовъ, подготовившія тотъ матеріялъ, съ которымъ впослѣдствіи пришлось имѣть дѣло центральнымъ правительственнымъ органамъ, и заложившія краеугольные камни будущаго крестьянскаго строя, пріобрѣтаютъ особый интересъ.

Нужно думать, что въ проектахъ мѣстныхъ комитетовъ правительство нашло почву для окончательной выработки своихъ положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта.

Поэтому, думается мнѣ, для всесторонняго изученія крестьянской реформы необходимо обратиться къ изученію работъ губернскихъ комитетовъ.

Плодомъ такого изслѣдованія будетъ, несомнѣнно, нѣкоторая «переоцѣнка цѣнностей», но зато установится болѣе правильный взглядъ на значеніе различныхъ моментовъ реформы и вліяніе на ходъ ея отдѣльныхъ личностей; будетъ такимъ образомъ достигнута большая историческая правда.

---

1) Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, II, стр. 62.

Если указанныя соображенія могутъ служить принципіальнымъ оправданіемъ изученія работъ губернскихъ комитетовъ, то въ частности дѣятельность Ярославскаго губернскаго комитета заслуживаетъ вниманія не только потому, что выработанный комитетомъ проектъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ на высотѣ требованій своего времени, но также и потому, что эта дѣятельность имѣла довольно типичный характеръ и знакомясь съ ней, мы можемъ познакомиться съ картиною работъ большинства губернскихъ комитетовъ.

I.

Впечатлѣніе, произведенное на мѣстное общество опубликованіемъ Высочайшихъ рескриптовъ на имя Назимова и гр. Игнатьева. Отношеніе къ проектируемой реформѣ мѣстнаго дворянства. Подготовка открытія дѣятельности мѣстнаго губернскаго комитета. Выборы членовъ комитета, члены комитета по назначенію отъ правительства. Порядокъ занятій комитета. Характеръ засѣданій комитета. Протестъ 71 дворянъ противъ постановленія комитета объ отмѣнѣ барщины. Участіе членовъ Ярославскаго губернскаго комитета въ представленіи всеподданнѣйшаго адреса.

Долгій скрытый періодъ подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, выражавшихся въ изданіи отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, какъ напр. указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, или въ формѣ различныхъ комитетовъ, завершился извѣстнымъ обращеніемъ Императора Александра II къ московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу»,—сказалъ Государь и этими немногими словами подчеркнулъ настоятельную неотложность для государства дѣла крестьянскаго освобожденія. Государь просилъ предводителей московскаго дворянства: «обдумать, какъ привести все это въ исполненіе» и передать эти слова дворянамъ «для соображенія».

Съ этого момента крестьянское дѣло получаетъ оффиціальный ходъ въ правительственныхъ кругахъ.

Главными этапами въ движеніи этого дѣла, какъ извѣстно, явились рескрипты на имя генералъ-губернатора литовскихъ губерній Назимова 20 ноября

1857 г. и на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева 5 декабря 1857 г.

Копіи обоихъ этихъ рескриптовъ, равно какъ и сопровождавшихъ ихъ отношеній Министра Внутреннихъ Дѣлъ, были немедленно препровождены губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства всѣхъ губерній: «для свѣдѣній и соображеній на случай, если-бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное-же желаніе».

Получивъ эти рескрипты, Военный губернаторъ г. Ярославля и Ярославскій гражданскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ А. П. Бутурлинъ имѣлъ, по поводу затронутыхъ въ рескриптахъ Назимову вопросовъ, личную бесѣду съ губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Бемомъ, который, какъ это видно изъ конфиденціальнаго донесенія Бутурлина отъ 3 декабря 1857 г., выразилъ надежду, что Ярославское дворянство пойдетъ на-встрѣчу желаніямъ правительства въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, и обѣщалъ кромѣ того на 8 декабря созвать совѣщаніе уѣздныхъ предводителей дворянства.

Между тѣмъ правительство не ограничилось разсылкой рескриптовъ. Уже 8 декабря 1857 г. циркулярно сообщалось губернаторамъ: «что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта поселянъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, писалъ, что «нѣкоторыя мѣстныя начальства доводятъ до его свѣдѣнія о разныхъ неблагопріятныхъ толкованіяхъ, разсѣваемыхъ между народомъ относительно измѣненія существующаго порядка во владѣніи помѣщичьими крестьянами».—«Вы имѣете теперь средство— писалъ министръ — отражать толки, несогласные съ видами правительствъ и вразумлять недоумѣвающихъ». Тотъ-же циркуляръ возлагалъ на губернаторовъ обязанность бдительно слѣдить за распростанителями ложныхъ извѣстій и въ нужныхъ случаяхъ принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ,

а равнымъ образомъ обращать особое вниманіе на то, «чтобы крестьяне не выходили изъ должнаго повиновенія помѣщикамъ, а этимъ послѣднимъ постоянно внушать, что лишь отъ взаимнаго исполненія обязанностей зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ и общаго спокойствія».

Открыто заявляя о своихъ намѣреніяхъ, правительство въ то-же время весьма сильно интересовалось впечатлѣніемъ, какое произвели на мѣстное общество предпринятыя имъ мѣры. Уже 10 декабря 1857 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ циркулярнымъ конфиденціальнымъ письмомъ запрашивалъ губернаторовъ объ этомъ впечатлѣніи и просилъ ихъ «самымъ откровеннымъ образомъ сообщать ему о томъ, частными письмами, въ собственныя руки». Но при этомъ дѣлалась оговорка: «что-бы быть безпристрастнымъ зрителемъ и наблюдателемъ за ходомъ сего дѣла»—говорилось въ письмѣ, — «Вамъ не слѣдуетъ употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, кои положительно Вамъ мною указаны».

Изъ отвѣта ярославскаго губернатора на этотъ запросъ мы имѣемъ возможность ознакомиться съ настроеніемъ тогдашняго ярославскаго общества и отношеніемъ его къ намѣченной реформѣ. 19 декабря 1857 г. ярославскій губернаторъ доносилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, «что съ тѣхъ поръ, какъ въ кругу дворянъ и помѣщиковъ ярославской губ. сдѣлалось уже болѣе или менѣе извѣстнымъ содержаніе Высочайшихъ рескриптовъ... освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости сдѣлалось предметомъ постоянныхъ и неумолкаемыхъ разговоровъ помѣщиковъ. Они, по получаемымъ мною частнымъ свѣдѣніямъ и доходящимъ слухамъ, находятся въ нѣкоторомъ тревожномъ состояніи и выражаютъ опасенія, если и къ Ярославской губерніи будутъ примѣнены тѣже начала, на основаніи коихъ предположено совершить это дѣло въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, характеръ того края и Ярославской губ. совершенно противоположны: тамъ земли много и она составляетъ источникъ благосостоянія при отсутствіи промы-

шленной дѣятельности; здѣсь, напротивъ, ощущается недостатокъ въ землѣ, она слабо вознаграждаетъ рабочій трудъ и народъ большею частью промышленный, ищущій средства къ жизни на сторонѣ. По сему, если на такихъ началахъ совершится здѣсь освобожденіе крестьянъ, то большая часть ихъ оставитъ землю помѣщика и удалится, а выкупъ земли усадебной доставитъ весьма незначительное вознагражденіе послѣднему, и онъ неминуемо придетъ въ раззореніе и бѣдность.

Между крестьянами все совершенно спокойно и они, зная о готовящемся, хотя немного и при томъ осторожно толкуютъ объ этомъ, но не скрываютъ нетерпѣнія и увѣренности въ прекращеніи крѣпостного права своего и ожидаютъ этого весьма скоро: недалѣе новаго года».

Таково было настроеніе ярославскаго общества наканунѣ великой реформы, по оффиціальному отзыву. Въ запискахъ Я. А. Соловьева[1]) приведены нѣкоторые отзывы губернаторовъ и губернскихъ предводителей. Общій тонъ ихъ былъ мало утѣшителенъ. «Полнаго, безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта».

Такимъ образомъ отзывъ ярославскаго губернатора не представлялъ чего либо исключительнаго и носилъ еще менѣе тревожный характеръ сравнительно съ другими, какъ напр. Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго, Орловскаго и друг.

Въ дополненіе къ приведенной оффиціальной характеристикѣ общественнаго настроенія можно еще привести два документа, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько мѣстная администрація внимательно слѣдила за всякаго рода толками и слухами, обращавшимися въ обществѣ.

24 декабря 1857 г. ярославскій губернаторъ писалъ Романово-Борисоглѣбскому городничему:

«Дошло до свѣдѣнія моего, что проживающій въ

---

[1]) Рус. Стар. 1886 г., кн. 4, стр. 738.

Романово-Борисоглѣбскѣ купецъ Классенъ, имѣя по промыслу своему постоянныя сношенія съ простолюдинами, дозволяетъ себѣ весьма часто въ разговорахъ съ ними превратно толковать о разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и мѣрахъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ принимаемыхъ, и тѣмъ поселяетъ въ нихъ ошибочныя и неправильныя понятія.

Поручаю Вашему Сіятельству, призвавъ къ себѣ Классена, строго внушить ему отъ имени моего, чтобы онъ разъ навсегда воздержался отъ излишней болтовни и не входилъ-бы въ сужденія о дѣлахъ, которыя къ нему, какъ къ купцу, вовсе не относятся и что въ противномъ случаѣ я вызову его въ Ярославль и приму въ отношеніи къ нему строгія мѣры обузданія».

Примѣру высшихъ чиновъ слѣдовали и низшіе органы администраціи; они также ревниво слѣдили за настроеніемъ, какъ это можно заключить изъ сохранившагося въ дѣлахъ комитета рапорта ярославскому губернатору угличскаго городничаго: «Узналъ я—пишетъ городничій—что сего декабря 18 числа въ вечеру были у управляющаго угличскимъ акцизнымъ откупнымъ комиссіонерствомъ г. уѣздный судья Кропотовъ и непремѣнный засѣдатель Сукинъ и купецъ Михайло Ивановъ Чистяковъ; сей послѣдній говорилъ тамъ, что помѣщичьимъ крестьянамъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дана свобода. Въ слѣдствіе чего я призывалъ купца Чистякова, который на спросъ отвѣтилъ, что онъ дѣйствительно говорилъ, что въ четырехъ польскихъ губерніяхъ дана свобода помѣщичьимъ крестьянамъ, а съ новаго года будетъ дана таковая-же свобода помѣщичьимъ крестьянамъ и въ Петербургской губ. и все это онъ яко-бы слышалъ 18 сего декабря отъ городского головы Сургина, который говорилъ, что о семъ напечатано и въ вѣдомостяхъ; почему мною купцу Чистякову сдѣлано внушеніе, что-бы онъ подобныхъ слуховъ не смѣлъ разглашать, о чемъ Вашему Превосходительству долгомъ поставляю донести по нарочной эстафетѣ». 20 декабря 1857 г.

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ ярославскимъ губернаторомъ было предписано городскому головѣ Сургину

и купцу Н. И. Чистякову немедленно явиться къ губернатору для личныхъ объясненій.

Таковы тѣ немногія, имѣющіяся въ дѣлѣ Губернскаго Комитета, данныя, по которымъ приходится судить о впечатлѣніи, произведенномъ на общество рѣшеніемъ правительства приступить къ освобожденію крестьянъ. Повидимому, извѣстіе это глубоко всколыхнуло населеніе, вызвало много разговоровъ и еще больше слуховъ, побуждавшихъ администрацію принимать по отношенію къ ихъ авторамъ «мѣры обузданія».

Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ для ближайшаго опредѣленія настроенія крестьянства, кромѣ того отзыва, который содержится въ конфиденціальномъ письмѣ ярославскаго губернатора.

Что-же касается отношенія дворянства къ поставленной на очередь реформѣ, то для его оцѣнки имѣются данныя въ видѣ довольно обширной переписки Губернскаго Предводителя дворянства и Начальника губерніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Какъ уже выше было указано, по поводу опубликованнаго рескрипта генералъ-губернатору литовскихъ губерній, губернскій предводитель дворянства обѣщалъ начальнику губерніи устроить совѣщаеніе уѣздныхъ предводителей дворянства. Совѣщаніе это дѣйствительно состоялось и пришло къ слѣдующему выводу: «хотя бытъ помѣщичьихъ крестьянъ настоящаго времени въ дѣйствительности весьма далеко не тотъ, какимъ привыкли его представлять незнакомые съ сущностью отношеній помѣщика къ крестьянамъ своимъ, однако крѣпостное право, какъ созданное на противоестественномъ основаніи, ибо связывая волю человѣка препятствуетъ развитію его умственныхъ способностей,—есть учрежденіе несовременное съ понятіями теперешняго поколѣнія, но интересы помѣщика и принадлежащихъ ему крестьянъ такъ тѣсно связаны между собою, что отдѣлить одинъ отъ другихъ, безъ ущерба для которой нибудь стороны, невозможно. Поэтому, несмотря на готовность дворянъ принести посильную жертву крестьянамъ, въ видахъ государственнаго преуспѣянія, неминуемо имѣющаго послѣдовать затѣмъ,

идея изъятія изъ зависимости крестьянъ неосуществлялась по непріисканію способовъ: съ возможно меньшею потерею для личныхъ интересовъ исполнить это».

Совѣщаніе представителей дворянства 8 декабря 1857 г. ограничилось главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ принципіальной стороны вопроса и выясненіемъ своего отношенія къ предполагаемому освобожденію крестьянъ.

Первые практическіе шаги къ осуществленію намѣченнаго правительствомъ плана реформы были предприняты нѣсколько позднѣе, на съѣздѣ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ 22-го января 1858 г., когда было рѣшено: 1) «предоставить право г.г. уѣзднымъ предводителямъ войти въ сношенія съ г.г. дворянами ярославской губерніи, владѣющими поземельной съ крестьянами собственностью, согласны-ли они улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя, сообразуясь съ мѣстными условіями губерніи, признаны будутъ дворянствомъ наиболѣе приличными для нашей губерніи», и 2) «по полученіи согласія г.г. дворянъ—войти отъ лица г.г. предводителей и депутатовъ съ представленіемъ къ г-ну Министру Внутреннихъ Дѣлъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на открытіе комитета, съ предоставленіемъ ему права свободнаго обсужденія самыхъ основаній, которыя должны служить къ составленію проекта правилъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, не стѣсняясь правилами и срокомъ для другихъ губерній изданными».

Такой исходъ совѣщанія, какъ можно было заранѣе предполагать, не удовлетворилъ правительство. Предлагаемый дворянами путь, помимо промедленія, заключалъ еще принципіальное отрицаніе выработанныхъ правительствомъ основныхъ началъ реформы и желаніе быть свободными и въ этомъ отношеніи.

Вполнѣ понятно, что отвѣтъ на это постановленіе ярославскаго дворянства получился довольно рѣшительный. 7 февраля 1858 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, между прочимъ, писалъ: «...я считаю своею обязанностью замѣтить, что собраніе ярославскихъ предводителей и депутатовъ дворянства присвоило не принадлежащее ему право. Правительство вовсе не требуетъ согласія

или несогласія дворянъ той или другой губерніи по устройству крестьянскаго быта, а ожидаетъ отъ нихъ единственно только изъявленія желанія заняться этимъ дѣломъ». Далѣе въ отвѣтѣ Министра указывалось, что «основанія Его Величествомъ утвержденныя, не подлежатъ сужденію, такъ какъ комитетамъ, учреждаемымъ въ губерніяхъ, предоставляется лишь разсуждать о порядкѣ, и изыскать лучшія и удобнѣйшія средства, которыми, смотря по различію мѣстныхъ обстоятельствъ, положенію каждой губерніи, роду занятій и промысламъ жителей оной, можно достигнуть цѣли въ главныхъ основаніяхъ указываемыхъ. Что-же касается до срока, назначеннаго для дѣйствій губернскихъ комитетовъ, то Его Величество, принявъ во вниманіе, что 6-ти мѣсячный срокъ положенъ съ тою именно цѣлью, дабы важному дѣлу объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ дать скорѣйшее движеніе,—изволилъ повелѣть оставить сей срокъ неизмѣннымъ».

Не смотря на такое отрицательное отношеніе правительства къ плану работъ, намѣченному ярославскимъ дворянствомъ на совѣщаніи 22-го января, предположенія дворянства были отчасти осуществлены и уѣздные предводители дворянства вошли въ письменныя сношенія съ помѣщиками своихъ уѣздовъ о желаніи ихъ приступить къ улучшенію быта крестьянъ.

На новомъ съѣздѣ уѣздныхъ предводителей, имѣвшемъ мѣсто 4-го марта 1858 г., выяснилось, что «отъ проживающихъ въ губерніи дворянъ почти отъ всѣхъ изъявлена совершенная готовность приступить къ сему важному дѣлу; отъ отсутствующихъ же т. е. непроживающихъ въ губерніи—по краткости времени мало получено отвѣтовъ». Среди не проживающихъ въ губерніи дворянъ были наиболѣе крупные землевладѣльцы, не включеніе ихъ въ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе приступить къ улучшенію быта крестьянъ, было признано неудобнымъ, такъ какъ списокъ этотъ долженъ былъ быть поднесенъ Государю Императору. Въ виду этого предводители сочли нужнымъ еще нѣсколько отсрочить представленіе и войти съ нимъ послѣ новаго съѣзда по тому-же предмету.

Такимъ образомъ окончательное рѣшеніе, котораго съ нетерпѣніемъ ожидало правительство, снова откладывалось на неопредѣленное время и потому Министръ Внутреннихъ Дѣлъ счелъ нужнымъ побудить Ярославскихъ дворянъ. 26-го марта онъ писалъ, ярославскому губернатору: «я нахожу, что дальнѣйшее промедленіе въ подобномъ всеподданнѣйшемъ представленіи, не требующемъ особыхъ соображеній, было-бы неблаговидно, тѣмъ болѣе, что отзывы отъ дворянъ, проживающихъ въ губерніи, получены».

Но еще до полученія такого внушенія губернскій предводитель пригласилъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ на 22 апрѣля въ Ярославль «для составленія представленія объ испрошеніи у Его Императорскаго Величества соизволенія на открытіе въ Ярославской губ. комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ». Устроить съѣздъ ранѣе этого числа, онъ не имѣлъ возможности «по случаю наступившей въ непродолжительномъ времени послѣ 4 марта весенней бездорожицы, препятствовавшей по проселочнымъ трактамъ всякому сообщенію».

По поводу этихъ оправданій губернскаго предводителя губернаторомъ было отправлено въ министерство конфиденціальное представленіе, вскрывающее до извѣстной степени истинныя причины промедленія и въ тоже время рисующее общее положеніе дѣла, почему я и позволю привести его въ полномъ видѣ: «хотя по мнѣнію моему — пишетъ губернаторъ — приведенныя губернскимъ предводителемъ дворянства причины (весенняя распутица) весьма не удовлетворительны, однако самая цѣль ожидаемаго собранія уѣздныхъ предводителей обнадеживаетъ меня, что при постоянныхъ и неослабныхъ моихъ усиліяхъ дѣйствовать на убѣжденія здѣшнихъ дворянъ посредствомъ разъясненія столь важнаго и столь трудно уразумѣваемаго дѣла цѣль эта, по всей вѣроятности, будетъ достигнута. При семъ не смѣю скрывать передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, что положеніе мое въ этомъ дѣлѣ отъ начала его по настоящее время было весьма затруднительно, какъ вслѣдствіе безпечнаго и незаботливаго характера здѣш-

нихъ дворянъ, такъ и вслѣдствіе исключительнаго положенія въ отношеніи къ нимъ нынѣшняго ихъ губернскаго предводителя, который, не владѣя въ ярославской губерніи населеннымъ имѣніемъ и состоя у дворянъ, какъ-бы на жалованьи,—(получая отъ нихъ на непредвидѣнные расходы въ годъ по 10 тыс. р. сер., понынѣ еще неуплаченные,)—не имѣетъ въ семъ дѣлѣ надлежащаго у нихъ довѣрія и не могъ дѣйствовать съ энергіей, свойственной только не зависимому отъ всѣхъ вліяній лицу. По этой причинѣ, не взирая на самыя благонамѣреннѣйшія чувства нынѣшняго ярославскаго губернскаго предводителя, на самую усерднѣйшую его преданность благимъ видамъ правительства и искреннее желаніе привести ихъ въ исполненіе, старанія и содѣйствіе имъ оказываемыя въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ, по сіе время далеко не отвѣчали ни его усиліямъ, ни моимъ надеждамъ. Представляя вышесказанное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, долгомъ считаю присовокупить, что вслѣдствіе безпрерывныхъ моихъ совѣщаній и внушеній губернскій предводитель дворянства рѣшился дѣйствовать въ семъ дѣлѣ настойчиво и неотступно и тѣмъ подаетъ полную надежду, что предположенное имъ рѣшеніе будетъ принято ярославскимъ дворянствомъ во время съѣзда, назначеннаго на 22 число сего апрѣля»... (17 апрѣля 1858 г.).

Надежды и ожиданія Бутурлина наконецъ увѣнчались успѣхомъ: 22 апрѣля 1858 г. состоялось съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое постановленіе: «...повергнуть Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее прошеніе удостоить дворянство ярославской губерніи—преисполненное всегда не поколебимой преданности престолу и отечеству—Высочайшимъ соизволеніемъ на открытіе комитета, для составленія проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Высочайшее разрѣшеніе не замедлило послѣдовать; уже 3-го мая на имя начальника ярославской губерніи былъ данъ рескриптъ о разрѣшеніи дворянству ярославской губерніи приступить къ составленію проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщи-

чьихъ крестьянъ. Содержаніе рескрипта и сопровождавшихъ его дополнительныхъ разъясненій Министра было совершенно тождественно съ содержаніемъ такихъ же актовъ, данныхъ другимъ губернаторамъ.

21-го мая 1858 г. состоялось собраніе уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства для выслушанія Высочайшаго рескрипта. Воля собранія вылилась на этотъ разъ въ слѣдующую форму:

«...Соображая, что въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ присутствіе помѣщиковъ въ усадьбахъ своихъ необходимѣе всего для наблюденія за ходомъ сельскихъ работъ, слѣдовательно отвлеченіе ихъ въ это время отъ занятій могло-бы разстроить на цѣлый годъ хозяйственные ихъ интересы, пригласить г.г. дворянъ къ открытію въ г. Ярославлѣ чрезвычайнаго губернскаго собранія на 16 августа т. е. по окончаніи самыхъ нужнѣйшихъ по хозяйству работъ».

Такова продолжительная исторія открытія ярославскаго губернскаго комитета. Она не представляетъ чего-либо исключительнаго, сравнительно съ порядкомъ возникновенія другихъ комитетовъ; всюду предварительные переговоры и сношенія отняли значительный періодъ времени.

Дворянство не особенно спѣшило и, главное, не желало себя стѣснять ни сроками, ни рамками работъ. Его останавливала главнымъ образомъ матерьяльная сторона реформъ т. е. ожидаемыя помѣщиками неизбѣжныя имущественныя потери. Напротивъ, вопросъ о прекращеніи личной зависимости, повидимому, никакихъ сомнѣній не возбуждалъ, такъ какъ уже первое совѣщаніе предводителей и депутатовъ въ декабрѣ 1857 г. признало крѣпостное право учрежденіемъ не современнымъ. Дворянству нужно было отыскать наиболѣе удобопріемлемый путь, который обезпечивалъ бы крѣпостнымъ свободу и въ тоже время не былъ убыточенъ для помѣщиковъ. Трудность отысканія этого пути и заставляла предводителей и депутатовъ дворянства настаивать на необходимости «обвѣщенія» всѣхъ дворянъ, чтобы всѣмъ имъ дать возможность высказаться по выдвинутому на очередь вопросу.

На призывъ правительства, какъ извѣстно, отозвалось первымъ Нижегородское дворянство, которое еще 17-го декабря 1857 г. представило адресъ съ выраженіемъ единодушнаго желанія «принести Его Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству угодно будетъ указать». 24-го декабря уже послѣдовалъ отвѣтный рескриптъ на имя нижегородскаго губернатора, въ которомъ отмѣчалась эта поспѣшная готовность способствовать предпринятой реформѣ.

Вторымъ, послѣ конфиденціальныхъ указаній на неприличіе дальнѣйшаго молчанія, отозвалось московское дворянство, которое въ адресѣ отъ 7 января 1858 г. просило соизволенія на открытіе комитета «для составленія правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны обще-полезными и удобными для мѣстности московской губерніи».

Эта послѣдняя оговорка московскаго дворянства, сходная съ первоначальнымъ рѣшеніемъ и ярославскаго дворянства, произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Въ отвѣтномъ рескриптѣ—16 января—было особо оговорено, «что-бы проектъ былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, кои указаны уже дворянству другихъ губерній [1]). Очевидно, что это именно мѣсто рескрипта московскому дворянству имѣлъ въ виду Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской въ своемъ отвѣтѣ отъ 7 февраля 1858 г. по поводу предположенія ярославскаго дворянства о свободномъ обсужденіи самыхъ основаній проекта объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вслѣдъ за московскимъ стали поступать адресы и другихъ губерній [2]).

---

[1]) Первоначальное постановленіе г.г. уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства Московской губ. было составлено безъ этой оговорки, но его отказались подписать изъ 20 лицъ бывшихъ на собраніи 4 предводителя и 3 депутата. Объ этомъ разногласіи было доведено до свѣдѣнія Московскаго генералъ-губернатора, который призналъ причины, заставившія 7 человѣкъ отказаться отъ подписи, «заслуживающими уваженія и вполнѣ основательными», вслѣдствіе чего было созвано новое собраніе, которое и дополнило свое первоначальное постановленіе указанной выше оговоркой.

[2]) Отвѣтные на нихъ рескрипты слѣдовали въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: 9 марта были даны рескрипты по Саратовской, Самарской, Симбирской, Кіевской, Волынской и Подольской губ.; 16 марта—по Твер-

По полученіи Высочайшихъ рескриптовъ дворянства, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Ярославской губ., далеко не тотчасъ приступало къ выборамъ и комитеты открывались обыкновенно лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя (2—6 мѣс.).

Выборы въ ярославскій губернскій комитетъ происходили въ августѣ мѣсяцѣ [1]).

Со стороны администраціи выборы не встрѣтили никакихъ препятствій и въ дѣлахъ губернскаго комитета сохранился лишь одинъ протестъ по поводу исхода выборовъ, заявленный любимскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Боборыкинымъ. Онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ выборовъ по Любимскому уѣзду на томъ основаніи, что при выборахъ не были соблюдены всѣ требуемыя закономъ формальности, но дѣйствительной причиной, побудившей Боборыкина заявить свой протестъ, было, повидимому, признаніе избранныхъ лицъ совершенно не подходящими для участія въ работахъ комитета. «Избранные по ввѣренному мнѣ уѣзду депутаты—откровенно признавался Боборыкинъ—ни по способностямъ, ни по опытности не могутъ оправдать высокаго своего предназначенія». Въ выборѣ ихъ онъ усматриваетъ «тайную интригу мелкопомѣстныхъ и желаніе вредить въ этомъ святомъ дѣлѣ».

Ходатайство Боборыкина однако не было уважено и избраный составъ комитета подвергся измѣненію впослѣдствіи, благодаря причинамъ случайнаго характера.

ской и Орловской губ.; 1 апрѣля—по Астраханской, Казанской, Костромской, Новгородской и Рязанской губ.; 5 апрѣля—по Екатеринославской, Пензенской, Полтавской, Тамбовской и Харьковской губ.; 20 апрѣля—по Воронежской и Курской губ.; 3 мая—по Витебской, Вологодской, Могилевской, Псковской, Тульской и Ярославской губ.; 10 мая—по Таврической и Херсонской губ.; 28 мая—по Смоленской губ.; 5 іюня—по Бессарабской области; 8 іюня—по Владимирской губ.; 24 іюня—по Калужской и 6 іюля—по Оренбургской губ.

[1]) Избранными оказались: отъ *Ярославскаго у.*—Я. Н. Дружининъ и Д. А. Варенцовъ; отъ *Ростовскаго у.*—Вл. Н. Хомутовъ и С. И. Леонтьевъ; отъ *Угличскаго у.*—П. В. Псомасъ и И. В. Перхуровъ; отъ *Рыбинскаго у.*—А. С. Хомутовъ и А. В. Костылевъ; отъ *Мышкинскаго у.*—Р. А. Башмаковъ и Д. И. Ниловъ; отъ *Мологскаго у.*—Н. А. Чистяковъ и Н. А. Глѣбовъ; отъ *Пошехонскаго у.*—И. П. Баркъ-Петровскій и К. А. Черносвитовъ; отъ *Любимскаго у.*—Н. Н. Болотовъ и А. Г. Передковъ; отъ *Даниловскаго у.*—П. Н. Добровинъ и П. И. Кругликовъ; отъ *Р.-Борисоглѣбскаго у.*—Д. В. Васильевъ и А. П. Рыкачевъ. Во время занятій комитета членъ отъ Мологскаго у. Н. А. Глѣбовъ по болѣзни отказался и его мѣсто заступилъ кандидатъ Н. С. Кругликовъ.

Этотъ фактъ подтверждаетъ существующій взглядъ, что выборы въ комитеты происходили совершенно свободно, безъ всякаго правительственнаго давленія. Администрація ограничивалась лишь контролемъ за законностью выборовъ.

Въ составъ комитетовъ, кромѣ выбранныхъ дворянствомъ членовъ, входили еще два члена отъ правительства, назначаемые губернаторомъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ Въ ярославскомъ комитетѣ такими членами были: Г. С. Хомутовъ и П. Г. Высоцкій

Пополненіе состава комитетовъ лицами, назначенными правительствомъ, было встрѣчено дворянствомъ съ неудовольствіемъ; въ этомъ усматривалось недовѣріе правительства къ дворянству. Въ оправданіе этой мѣры указывалось на то, что крестьяне не имѣютъ своихъ представителей въ комитетахъ и потому правительство, довѣрившее обсужденіе даннаго дѣла исключительно представителямъ дворянства, предоставило себѣ назначеніемъ этихъ двухъ членовъ хоть отчасти замѣнить представительство крестьянскихъ интересовъ [1]).

Не вездѣ выборъ членовъ отъ правительства былъ удаченъ. Во многихъ губернскихъ комитетахъ эти члены поддерживали мнѣнія, шедшія въ разрѣзъ съ видами правительства Разумѣется, успѣшность выбора зависѣла въ значительной мѣрѣ отъ самихъ начальниковъ губерній. Отзывы-же современниковъ о составѣ этихъ послѣднихъ были не особенно благопріятны [2]).

---

[1]) Корниловъ, Рус. Бог. 1904 г. II, стр. 231.

[2]) Пересматривая именной списокъ этихъ важныхъ должностныхъ лицъ,—писалъ авторъ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостной зависимости въ Россіи»—г. Хрущовъ можно утвердительно и по строгой совѣсти сказать, что въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія; изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12 по сомнительной честности и совершенной не способности, изъ остальныхъ 21-го—десять могутъ быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могутъ быть названы образцовыми: самарскій—Гротъ и калужскій—Арцимовичъ (т. II, стр. 461). Я. А. Соловьевъ къ числу хорошихъ губернаторовъ относитъ нижегородскаго А. Н. Муравьева и оренбургскаго—Е. И. Барановскаго. Кромѣ того доброжелательно относились къ реформѣ, хотя и не отличались энергіей, по словамъ Соловьева, казанскій—Козлининовъ, владимирскій—Теличеевъ, тверской—гр. Барановъ и таврическій—Жуковскій (См. Зап. Соловьева, Р. Ст., 1882 г., стр. 136).

Я не знаю, къ какой категоріи относили они ярославскаго губернатора А. П. Бутурлина, но если судить по матерьяламъ, сохранившимся въ дѣлахъ комитета, то слѣдуетъ признать, что его отношеніе къ крестьянской реформѣ было вполнѣ благожелательно. Онъ прилагалъ, повидимому, немало старанія къ скорѣйшему открытію комитета, побуждалъ къ ускоренію его работъ и въ своемъ препроводительномъ отзывѣ о выработанномъ комитетомъ проектѣ нашелъ нужнымъ подчеркнуть то, что представлялось ему невыгоднымъ для интересовъ крестьянства.

Равнымъ образомъ и назначенные Бутурлинымъ члены комитета гг. Хомутовъ и Высоцкій были сторонниками реформы. При разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ они не всегда соглашались между собой и разошлись кореннымъ образомъ по вопросу о выкупѣ полевыхъ угодій: Хомутовъ примкнулъ здѣсь къ большинству комитета, а Высоцкій остался съ меньшинствомъ [1]).

Засѣданія комитета открылись 1 октября, но затѣмъ съ 5 октября и по 15 ноября члены комитета были заняты собираніемъ свѣдѣній на мѣстахъ въ виду того, что помѣщики прислали очень мало отвѣтовъ на разосланные имъ запросы, а присланныя свѣдѣнія не отличались точностью. Только съ 15 ноября начались правильныя занятія комитета и продолжались они до 1 апрѣля 1859 г., когда комитетъ былъ закрытъ.

Порядокъ занятій комитета былъ подробно регламентированъ [2]) и находился подъ контролемъ администраціи, которая получала періодически вѣдомости о ходѣ работъ и разрѣшала всѣ недоумѣнія, возникавшія

---

[1]) Въ заключительномъ засѣданіи комитета нѣкоторые члены выражали Бутурлину горячую благодарность за назначеніе Хомутова и Высоцкаго въ составъ комитета, такъ какъ «ихъ общему содѣйствію комитетъ обязанъ благопріятнымъ окончаніемъ своихъ занятій». Это послѣднее заявленіе, занесенное въ протоколъ отъ 1 апрѣля 1859 г., встрѣтило возраженіе со стороны девяти членовъ комитета, находившихъ неосновательнымъ такое выдѣленіе двухъ членовъ, изъ всего состава комитета.

[2]) Въ составѣ комитета была образована редакціонная комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: Чистякова, Васильева, Хомутова (Рыб. у.) и Псомасъ. Правителемъ дѣлъ комитета былъ приглашенъ проф. Демидовскаго Лицея Гладковъ.

въ комитетѣ. Такъ напр. въ нашемъ комитетѣ, по иниціативѣ Черносвитова, былъ поднятъ вопросъ о допущеніи въ засѣданія комитета посѣтителей-дворянъ «въ качествѣ зрителей». Мотивировалъ свое предложеніе Черносвитовъ тѣмъ, что занятія комитета «не должны быть тайной отъ того образованнаго сословія, интересы котораго и составляютъ главнѣйшій предметъ разсужденій комитета» [1]).

Подобныя-же предложенія вносились и въ другія комитеты въ надеждѣ, что присутствіе дворянъ сдержитъ наиболѣе либеральныхъ или, какъ тогда называли «красныхъ», членовъ комитета. Въ ярославскомъ комитетѣ это предложеніе было встрѣчено единодушно и противъ него высказались только два члена отъ правительства. Были выработаны подробныя условія для посѣщенія засѣданій, но осуществить этой мѣры не пришлось въ виду несогласія на нее со стороны губернатора и послѣдовавшаго затѣмъ разъясненія министра [2]).

Засѣданія комитета протекали въ общемъ болѣе и или менѣе мирно, споры и столкновенія, вызываемыя разногласіемъ, не выходили за границы обычныхъ, встрѣчающихся при каждомъ коллегіальномъ обсужденіи дѣлъ, и во всякомъ случаѣ не достигали тѣхъ трагическихъ предѣловъ, когда, какъ это имѣло мѣсто въ другихъ комитетахъ, часть членовъ считала для себя невозможнымъ оставаться долѣе въ составѣ комитета и заявляла о выходѣ. Въ ярославскомъ комитетѣ члены горячо спорили, часто одинъ и тотъ-же вопросъ подвергался

---

[1]) Жур. зас. ком. 15 декабря 1858 г.

[2]) 25 декабря 1858 года губернаторъ представилъ министру постановленіе комитета о допущеніи зрителей въ его засѣданія и изложилъ мотивы, по которымъ онъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ этимъ постановленіемъ, какъ-то: несоотвѣтствіе указаніямъ о составѣ комитетовъ и общему духу нашихъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ конфиденціальномъ письмѣ министру, губернаторъ, указывая на возможность безпорядковъ отъ присутствія посторонникъ и вмѣшательства ихъ въ пренія, просилъ министра поддержать его авторитетъ въ этомъ вопросѣ. Министръ не только согласился съ губернаторомъ въ этомъ вопросѣ, но и выразилъ ему благодарность за это распоряженіе (3 января 1859 г. № 22), а черезъ два дня было сдѣлано общее распоряженіе о недопущеніи посторонникъ зрителей въ засѣданія комитетовъ (Цирк. Министра Вн. Дѣлъ 5 января 1859 г. № 1).

пересмотру, пренія отъ этого затягивались, но зато вопросъ получалъ всестороннее освѣщеніе и дѣло отъ этого, можетъ быть, только выигрывало [1]).

Къ сожалѣнію, самый характеръ преній, имѣвшихъ мѣсто въ комитетѣ, можетъ быть уловленъ только относительно засѣданій комитета въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, когда велась подробная запись всего сказаннаго. Потомъ, въ виду того, что веденіе такихъ подробныхъ протоколовъ оказалось крайне затруднительнымъ и отнимало много времени на чтеніе ихъ и исправленіе, было рѣшено ограничиваться сухой записью поставленнаго на обсужденіе вопроса и вынесеннаго рѣшенія. Лицамъ-же, несогласнымъ съ состоявшимся рѣшеніемъ, было предоставлено право прилагать свои подробно мотивированныя мнѣнія къ журналу. Такой порядокъ въ значительной мѣрѣ упростилъ трудъ по составленію журналовъ, но зато они совершенно утратили всю свою непосредственность и колоритъ. Въ подробныхъ журналахъ сохранялась въ полной неприкосновенности своеобразіе и оригинальность всѣхъ доводовъ и соображеній.

Отстаивая, напр. необходимость изданія спеціальныхъ правилъ для огражденія интересовъ помѣщиковъ, членъ комитета Глѣбовъ говорилъ: «Въ этомъ случаѣ я самъ могу служить примѣромъ, какъ постоянная жертва любви ближняго къ чужой собственности» [2]).

Членъ комитета Хомутовъ, производя расчеты стоимости выкупа личности, указываетъ, что «за десятину

---

[1]) О характерѣ занятій комитета можетъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующая переписка между губернаторомъ и предсѣдателемъ комитета: губернаторъ обращаетъ вниманіе предсѣдателя на медленный ходъ работъ и проситъ его принять мѣры къ ускоренію ихъ: въ теченіе 26 засѣданій сдѣлано менѣе половины того, что требуется сдѣлать въ остальные два мѣсяца (4 февраля 1859 г.).

Предсѣдатель комитета объясняетъ такое замедленіе «существомъ самой работы и затрудненіями, встрѣчаемыми при разрѣшеніи вопросовъ, нынѣ имъ разсматриваемыхъ... тѣ отдѣлы программы, рѣшеніе которыхъ не представляло особенныхъ трудностей, были опредѣлены въ самое непродолжительное время, а именно I, II, III главы были окончены въ 4 засѣданія, но вопросы, входящіе въ главу четвертую, совсѣмъ другого свойства, по роду отношеній, которыя въ ней должны быть опредѣлены. При обсужденіи ихъ комитетъ былъ приведенъ къ продолжительнымъ преніямъ, которыя уже само собою задерживали ходъ дѣла, но безъ которыхъ между тѣмъ не могутъ быть разрѣшены разсматриваемые вопросы, почему гл. 2-я окончена была только въ 11 засѣданій».

[2]) Жур. 8 декабря 1858 г.

пользованія крестьянинъ обязанъ обработывать десятину владѣльцу. Это—говорилъ онъ,—1) освящено обычаемъ, 2) постановленіемъ временъ Ярослава Владимировича, 3) въ 1500 г. встрѣчается въ новгородскихъ переписяхъ, 4) на этомъ условіи селились крестьяне до прикрѣпленія ихъ къ землѣ, и 5) въ настоящее время половничество, освященное существующими законами, имѣетъ полную жизнь на сѣверѣ Россіи»[1]).

Если-бы журналы комитета за все время его дѣятельности велись съ такой полнотой, то намъ нетрудно было-бы представить себѣ образъ каждаго изъ членовъ комитета. Но для упрощенія дѣлопроизводства языкъ и образы живой рѣчи смѣнились сухими формами канцелярскихъ записей, за которыми съ большимъ трудомъ можно уловить біеніе живой жизни.

Впрочемъ, особо острыхъ столкновеній и не было. Не было, повидимому, среди членовъ комитета и особо яркихъ политическихъ окрасокъ. Въ запискѣ, поданной Государю въ концѣ 1859 г., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, разбирая личный составъ комитетовъ, замѣтилъ, что изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ было всего 1377, «едва-ли одна десятая доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно подчинялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ». Изслѣдователь работъ губернскихъ комитетовъ Корниловъ сомнѣвается въ справедливости этого отзыва[2]).

Мнѣ кажется, что по отношенію къ членамъ ярославскаго комитета этотъ отзывъ также страдаетъ преувеличеніемъ. Въ составѣ его не было, какъ я сказалъ, людей съ выдающейся индивидуальностью и авторитетомъ—героевъ, которые вели-бы за собой толпу, но съ другой стороны не было и толпы, безучастно слѣдующей ва вожаками. Въ протоколахъ остались слѣды непосредственнаго участія въ преніяхъ почти всѣхъ членовъ комитета; журналы засѣданій изобилуютъ приложеніями особыхъ мнѣній; голоса, при различныхъ бал-

---

[1]) Жур. 19 января 1859 г.
[2]) См. Р. Б. 1904 г., II, стр. 231.

лотировкахъ распредѣлялись весьма разнообразно и только по одному изъ главныхъ вопросовъ—о выкупѣ полевыхъ угодій—образовалось опредѣленное большинство (12 чел.) которое и провело въ Главный Комитетъ двухъ своихъ членовъ: Васильева и Дубровина.

Но это большинство всетаки не настолько рѣзко обособилось отъ меньшинства, что-бы за этимъ послѣднмъ было признано право отправки самостоятельнаго депутата. По крайней мѣрѣ возбужденное по этому вопросу ходатайство было отклонено [1]).

Для характеристики дѣятельности комитета и доказательствомъ большей или меньшей солидарности его членовъ можетъ служить протестъ противъ принятыхъ комитетомъ рѣшеній, заявленный 70-ю дворянами, во главѣ съ ярославскимъ уѣзднымъ предводителемъ г. Перепелкинымъ. Исторія эта оставила въ дѣлахъ комитета слѣдующіе слѣды:

16-го марта 1859 г. членъ комитета отъ правительства Хомутовъ донесъ губернатору, что онъ долженъ былъ оставить засѣданіе комитета въ виду того, «что предсѣдателемъ комитета было предложено письмо ярославскаго уѣзднаго предводителя дворянства... за подписомъ 71 чел. относительно нѣкоторыхъ постановленій комитета съ просьбой подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію», противъ чего Хомутовъ протестовалъ, считая, «что предложеніе такого рода, подписанное такимъ большимъ числомъ дворянъ, несогласно съ существующими узаконеніями и во всякомъ случаѣ не подлежитъ разсмотрѣнію комитета». Съ большею подробностью дѣло изложено въ письмѣ предсѣдателя комитета къ губернатору. Предсѣдатель комитета сообщаетъ, что «6-го числа марта онъ получилъ «мнѣніе» отъ г. ярославскаго уѣзднаго предводителя дворянства за подписью его и 70 дворянъ ярославской губерніи, въ которомъ содержатся «совѣты и увѣщанія, отно-

---

[1]) Отказъ былъ мотивированъ тѣмъ соображеніемъ, что вызываются въ Петербургъ особые члены отъ тѣхъ только меньшинствъ дворянскихъ комитетовъ, которые составили полные проекты или по всѣмъ главамъ или по всѣмъ предметамъ, опредѣляющіе отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, со своей особой редакціей.

сящіяся судя по прибавленію, сдѣланному въ концѣ онаго, къ дѣйствіямъ ярославскаго губернскаго комитета объ улучшеніи быта крестьянъ касательно принятаго имъ рѣшенія отмѣнить обязательный трудъ и замѣнить его денежной повинностью». Предсѣдатель оставилъ это «мнѣніе» безъ движенія, полагая, что дѣло тѣмъ кончится. Но вопреки ожиданіямъ ярославскій уѣздный предводитель дворянства не удовольствовался однимъ представленіемъ «мнѣнія» и продолжалъ настаивать на обсужденіи его въ комитетѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ настоятельныхъ просьбъ предсѣдатель комитета наконецъ уступилъ и предъявилъ комитету все дѣло. Комитетъ однако не счелъ себя вправѣ обсуждать этотъ предметъ.

Губернатора заинтересовали слѣдующіе вопросы: «какимъ путемъ это мнѣніе выразилось на бумагѣ, былъ-ли для этого особый съѣздъ и собраніе ихъ и въ такомъ случаѣ когда, на какомъ основаніи и съ чьего разрѣшенія; если-же подписи къ мнѣнію собирались порознь, то кѣмъ именно, гдѣ, по чьему распоряженію и отъ кого бумага эта пошла по рукамъ, а равно по какому случаю г. Перепелкинъ не какъ дворянинъ только, но какъ ярославскій уѣздный предводитель дворянства сталъ въ дѣлѣ этомъ во главѣ дворянъ разныхъ уѣздовъ».

Запрошенный обо всемъ этомъ, черезъ губернскаго предводителя дворянства, Перепелкинъ далъ пространный отвѣтъ (26 марта 1859 г.), въ коемъ объяснялъ, что причиной, побудившей его передать «мнѣніе дворянъ», было полное согласіе съ нимъ, и признаніе его полезнымъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ и что этой же причиной слѣдуетъ объяснить присоединеніе подписей многихъ дворянъ. Мнѣніе это было передано губернскому предводителю не въ видахъ протеста противъ дѣйствій комитета, которыя вообще малоизвѣстны дворянамъ, но какъ представителю дворянства губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ недоумѣніе, «что семейное дворянское дѣло можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ и чтобы мнѣніе многихъ дворянъ вмѣсто внимательнаго обсужденія подало поводъ къ

подобнымъ запросамъ». Онъ по прежнему настаиваетъ, чтобы мнѣніе это было принято во вниманіе комитетомъ и представлено на разсмотрѣніе высшаго правительства, такъ какъ оно «нисколько не противорѣчитъ Высочайшему рескрипту, милостиво вызывающему все ярославское дворянство къ улучшенію въ дѣлѣ столь важномъ, справедливомъ и столь близкомъ сочувствію каждаго дворянина, ибо всѣ дворяне искренно желаютъ исполнить благодѣтельную для нихъ волю монарха и истинно улучшить бытъ крестьянъ, не нарушая поспѣшностью нынѣ существующаго хозяйственнаго устройства».

По основанному на опытѣ убѣжденію лицъ, подписавшихъ «мнѣніе», «скорое замѣненіе работы повсюду оброкомъ, можетъ повести не къ улучшенію быта крестьянъ, а къ упадку земледѣлія въ губерніи», и потому онъ, Перепелкинъ, какъ представитель дворянства своего уѣзда считалъ своимъ долгомъ представить мнѣніе г.г. дворянъ на усмотрѣніе членовъ комитета, избранныхъ тѣми-же дворянами. Въ заключеніе своего объясненія онъ снова просилъ «предложить комитету желаніе дворянъ, тѣмъ болѣе, что, о томъ же ходатайствуетъ предводитель дворянства Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, а весьма многіе дворяне выражаютъ свое полное сочувствіе къ поданному мнѣнію», желаютъ присоединить къ нему подписи «съ нетерпѣніемъ ожидаютъ положительныхъ извѣстій объ исходѣ этого дѣла».

Все это дѣло, черезъ губернатора, было доведено до свѣдѣнія министра, съ просьбой «для поддержанія, какъ власти губернатора, такъ и достоинства комитета, а равно и для примѣра на будущее время не оставить безъ должнаго взысканія съ лицъ, участвующихъ въ этомъ дѣлѣ и преимущественно съ Перепелкина». Министръ Внутреннихъ Дѣлъ со своей стороны счелъ нужнымъ представить протестъ ярославскихъ дворянъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, по разсмотрѣніи въ которомъ и состоялось Высочайшее повелѣніе «оставить его безъ послѣдствій, а пред-

водителю дворянства Перепелкину сдѣлать замѣчаніе за неумѣстное его вмѣшательство въ дѣла комитета».

Такъ печально закончилась эта попытка протеста противъ работъ комитета. Протестъ былъ направленъ противъ рѣшенія, принятаго комитетомъ съ большимъ единодушіемъ, и также единодушно была отвергнута эта попытка опорочить работу комитета. Члены комитета дѣйствовали въ этомъ случаѣ съ большой солидарностью [1]).

Мнѣніе 70 дворянъ было единодушно отвергнуто комитетомъ, какъ носившее характеръ незаконнаго вмѣшательства въ дѣла комитета. но въ бумагахъ послѣдняго сохранилось не мало мнѣній отдѣльныхъ лицъ, издагавшихъ ихъ взгляды на предстоящую реформу. Кромѣ того, въ дѣлахъ комитета сохранились записки дворянъ другихъ губерніи, какъ напр. мнѣніе дворянства Воронежской губ., постановленіе собранія губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства Могилевской губ., мнѣніе московскаго дворянства, мнѣніе Унковскаго и друг. Хотя въ протоколахъ засѣданій комитета и нѣтъ опредѣленныхъ ссылокъ на эти документы, тѣмъ не менѣе нахожденіе ихъ въ дѣлахъ комитета свидѣтельствуетъ, что комитетъ работалъ не изолированно, но имѣлъ связи и съ другими комитетами...

Чтобы закончить повѣсть о дѣятельности ярославскаго губернскаго комитета, нужно остановиться еще на одномъ событіи, которое, хотя и произошло послѣ закрытія комитета, но касается непосредственно двухъ его членовъ: гвардіи ротмистра Демосфена Васильевича Васильева (Р.-Борисоглѣбскаго у.) и кол. регистратора Павла Николаевича Дубровина (Даниловскаго у.), избранныхъ отъ ярославскаго комитета въ Петербургъ

---

[1]) Помимо открыто заявленнаго протеста Перепелкина, дворяне Романово-Борисоглѣбскаго у. черезъ своего предводителя обращались къ членамъ комитета отъ Р.-Борисоглѣбскаго у. и просили ихъ «оградить права помѣщиковъ на обязательный трудъ». но комитетъ отклонилъ пересмотръ своего рѣшенія. (См. Журн. 19 марта 1859 г.). Подобная же исторія разыгралась, какъ извѣстно, въ Тверской губ., гдѣ съ цѣлью произвести давленіе на комитетъ точно также были составлены протесты противъ постановленій, принятыхъ комитетомъ, подписанные дворянами Ржевскаго и Вышневолоцкаго уѣздовъ (См. Корниловъ, Рус. Бог. 1904 г., II, стр. 237.

для представленія необходимыхъ объясненій въ редакціонной комиссіи.

По сообщенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ярославскому губернатору отъ 14 ноября 1859 г.:

«Члены ярославскаго дворянскаго комитета Васильевъ и Дубровинъ, вмѣстѣ съ тремя членами другихъ дворянскихъ комитетовъ (Хрущевымъ, Шретеромъ и Унковскимъ) дозволили себѣ въ представленномъ Государю Императору адресѣ, за общимъ ихъ подписаніемъ (въ копіи у сего прилагаемомъ, собственно для вашего свѣдѣнія), неумѣстное ходатайство объ измѣненіи существующаго порядка администраціи, суда и цензуры, тогда какъ предметы сіи вовсе не входили въ кругъ занятій ни губернскихъ комитетовъ, ни членовъ оныхъ вызванныхъ въ Петербургъ.

Государь Императоръ, въ засѣданіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, бывшемъ 5 сего ноября, въ присутствіи Его Величества, по разсмотрѣніи означеннаго всеподданнѣйшаго прошенія, Высочайше соизволилъ повелѣть: членамъ ярославскаго дворянскаго комитета Васильеву и Дубровину и членамъ другихъ комитетовъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ ними прошеніе, сдѣлать черезъ мѣстныхъ начальниковъ губерній, замѣчаніе за такія неправильныя и неумѣстныя ихъ домогательства, разъяснивъ имъ, что они не имѣли права подавать прошеніе за общимъ подписаніемъ»...

Во исполненіе этого предписанія, губернаторъ Бутурлинъ, изложивъ содержаніе предложенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ заключеніе «имѣлъ честь» просить Васильева и Дубровина увѣдомить его о полученіи отношеній. Отправленныя въ Петербургъ «замѣчанія» (20-го ноября) уже не застали нашихъ депутатовъ въ столицѣ, такъ какъ они поспѣшили выѣхать въ Ярославль, гдѣ имъ и были вручены конверты съ губернаторскимъ замѣчаніемъ.

14-го ноября Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ ярославскаго губернатора о постигшей ярославскихъ депутатовъ карѣ, а 17 онъ уже спѣшилъ сообщить губернатору, что, согласно увѣдомленію предсѣдателя редакціонныхъ комиссій отъ 13-го ноября, «члены отъ

ярославскаго комитета Васильевъ и Дубровинъ представили отвѣты на всѣ предложенные имъ, во исполненіе Высочайше данной 2-го августа инструкціи, вопросы, равно какъ имѣли личныя объясненія въ общемъ присутствіи редакціонныхъ комиссій и такимъ образомъ окончили порученныя имъ занятія. Вслѣдствіе этого, г.г. Васильеву и Дубровину, было сообщено, что за окончаніемъ возложеннаго на нихъ порученія, дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ для нихъ не обязательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о прекращеніи имъ съ 10-го минувшаго октября—(срокъ, къ которому Высочайше повелѣно было представить требуемые отвѣты) содержанія, если таковое было имъ назначено».

Такова внѣшняя исторія Ярославскаго Губернскаго Комитета. Она не богата выдающимися событіями, но можетъ быть вслѣдствіе своей будничности, лишенной яркихъ красокъ, она и заслуживаетъ вниманія, какъ типичная картина. Но, конечно, важна не столько эта внѣшняя сторона дѣятельности, а ея внутреннее содержаніе, результатъ дѣятельности. Къ разсмотрѣнію его теперь и слѣдуетъ обратиться.

II.

Положеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Заключенія уѣздныхъ совѣщаній Ярославской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Программа занятій комитета Выработанныя ярославскимъ комитетомъ предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ: 1) дарованіе крестьянамъ личныхъ и имущественныхъ правъ; значеніе этого предположенія; 2) земельное устройство крестьянъ: усадебная осѣдлость, условія ея выкупа; надѣлъ крестьянамъ полевыхъ угодій, размѣръ надѣловъ; повинности крестьянъ за отводимую въ надѣлъ землю, предложеніе большинства членовъ комитета объ обязательномъ выкупѣ полевыхъ угодій; возраженія противъ этого предположенія; 3) устройство дворовыхъ людей; 4) устройство сельскихъ обществъ; допущеніе начала всесословности въ волостное управленіе и 5) вотчинная власть помѣщиковъ. Историческая оцѣнка предположеній комитета.

Положеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ промышленныхъ губерніяхъ сѣверной половины Россіи было нѣсколько иное, сравнительно съ губерніями черноземной полосы. Въ 50-хъ г.г. по свидѣтельству Самарина, Черкасскаго, Кошелева и др. въ черноземъ-

ныхъ губерніяхъ земля ненаселенная очень часто цѣнилась выше, чѣмъ одинаковая съ ней по качеству земля, населенная крестьянами. Въ Тульской губерніи, напримѣръ, еще въ 40-хъ г.г. многіе помѣщики перестали дорожить крѣпостнымъ правомъ и заботились лишь о томъ, чтобы сохранить за собою, по выраженію кн. Черкасскаго, положеніе «монополистовъ цѣннаго товара чернозема». Въ Тамбовской губ., въ періодъ образованія губернскихъ комитетовъ, помѣщики находили для себя безусловно выгоднымъ безземельное освобожденіе крестьянъ и сознавались, что они очень рады освободиться отъ крѣпостныхъ крестьянъ, лишь-бы осталась при нихъ вся земля [1]).

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились нечерноземныя промышленныя губерніи, какъ Ярославская, Тверская, Костромская и др. Здѣсь главную цѣнность имѣній составляла не земля, вслѣдствіе ея сравнительной скудости, а сами крестьяне, ихъ личный трудъ, въ виду тѣхъ значительныхъ доходовъ, которые получались помѣщиками отъ отхожихъ промысловъ и заработковъ крестьянъ; для помѣщиковъ этихъ губерній прекращеніе крѣпостныхъ отношеній было неизбѣжно связано съ потерей главной и значительной части ихъ доходовъ, поэтому и взглядъ ихъ на освобожденіе крестьянъ былъ иной, чѣмъ у помѣщиковъ черноземной полосы. Безземельное освобожденіе было для нихъ совсѣмъ невыгодно. При безземельномъ освобожденіи они имѣли основаніе опасаться, что ихъ бывшіе крѣпостные разбредутся и бросятъ окончательно земледѣліе, а они сами останутся съ безплодными и бездоходными землями, которыя некому будетъ обрабатывать. Поэтому они были болѣе всего заинтересованы въ полученіи достаточнаго вознагражденія за потерю того дохода, который они получали при крѣпостномъ правѣ отъ неземледѣльческихъ заработковъ и промысловъ ихъ крестьянъ.

Кромѣ того, имъ важно было получить это вознагражденіе единовременно, при самой отмѣнѣ крѣпост-

---

[1]) См. Корниловъ—Крестьянская реформа, стр. 37—38.

ного права, чтобы такимъ путемъ имѣть въ рукахъ необходимый капиталъ для веденія хозяйства на остающихся у нихъ земляхъ [1]).

Свои взгляды на предстоящую реформу дворяне Ярославской губ. подробно изложили на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ открытію дѣйствій комитета.

Въ представленномъ вмѣстѣ съ проектомъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ «Сводѣ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства» съ полнымъ единодушіемъ отмѣчается, что «помѣщичьи крестьяне Ярославской губ. находятся противъ другихъ въ исключительномъ положеніи, извлекая для себя выгоды преимущественно изъ промысловъ, производимыхъ большею частью по разнымъ губерніямъ»; что «главная цѣнность имѣній... заключается въ промысловой силѣ крестьянъ, обезпечивающей помѣщику положительный доходъ съ имѣнія... почему (послѣдніе) и ожидаютъ справедливаго обезпеченія помѣщичьихъ интересовъ—соразмѣрнымъ вознагражденіемъ за самую личность крестьянъ»; что «отстраненіе (т. е. освобожденіе) промышленныхъ силъ, съ надѣломъ усадебной осѣдлостью, которую крестьяне должны пріобрѣсти выкупомъ въ положенный срокъ... дворяне полагаютъ невозможнымъ безъ содѣйствія правительства, потому что цѣнность отчуждаемой земли должна будетъ равняться цѣнности почти всего имѣнія, которую крестьяне не въ состояніи будутъ уплатить одновременно съ платою оброка и выкупной суммы... За отдѣломъ (т. е. выдѣленіемъ) усадебной земли, въ которой крестьяне (собственно) только (и) имѣютъ необходимую надобность, они не будутъ имѣть надобности нанимать у помѣщика остальную землю, слѣд. дворяне, оставшись безъ промышленныхъ силъ и обязательнаго труда, вмѣстѣ съ тѣмъ останутся и безъ капитала, употребленнаго на покупку имѣній и безъ доходовъ съ онаго».

Въ виду этихъ соображеній дворяне угличскаго, любимскаго и даниловскаго уѣздовъ просили о вознагражденіи за отчуждаемыхъ изъ крѣпостного ихъ вла-

---

[1]) См. Корниловъ, ук. соч. стр. 38—39.

дѣнія крестьянъ и усадебную землю денежнымъ капиталомъ, который бы обезпечилъ имъ тотъ доходъ, котораго помѣщики лишаются. Такіе же взгляды высказывали и дворяне Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда; они также выражали опасеніе, что съ освобожденіемъ крестьянъ вмѣстѣ съ усадебной осѣдлостью утратится цѣнность остальныхъ помѣщичьихъ земель, «черезъ что нынѣ существующій порядокъ хозяйства и нераздѣльное съ онымъ земледѣліе совершенно уничтожится».

Настаивая на необходимости вознагражденія за личность крестьянина, дворяне желали ограничить понятіе осѣдлости, подлежащей выкупу, лишь выкупомъ «строеній, скота и всей движимости крестьянскаго быта» и исключали изъ него «землю подъ строеніями и огородами находящуюся». Вся земля должна оставаться въ полной собственности помѣщиковъ, крестьянамъ-же можетъ быть предоставлено только пользованіе какъ усадебною землей, такъ и полевыми угодьями за исполненіе повинностей или уплату оброка и государственныхъ податей. Нѣсколько дальше шли дворяне Ярославскаго и Ростовскаго у.у., которые выразили готовность предоставить крестьянамъ на выкупъ и усадебныя земли.

Такъ помѣстное дворянство Ярославской губерніи рисовало себѣ грядущую реформу. Приведенныя сужденія показываютъ, какъ далеко взгляды дворянства отстояли отъ пожеланій передовыхъ слоевъ общества и даже отъ основныхъ началъ реформы, намѣченныхъ самимъ правительствомъ. Разошелся съ этими взглядами и самъ губернскій комитетъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ. Такого рода расхожденіе не составляло впрочемъ какой-либо исключительной особенности Ярославской губ., оно наблюдалось и въ другихъ мѣстахъ, и могло быть объяснено тѣмъ, что въ составъ уѣздныхъ совѣщаній входили наиболѣе отсталые и наименѣе культурные элементы помѣщичьей среды, мало податливые на освободительные замыслы правительства. Мысль объ устройствѣ, до открытія занятій комитета, уѣздныхъ совѣщаній не принадлежала Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; она исходила отъ защитниковъ дворянскихъ инте-

ресовъ, не безъ основанія предполагавшихъ, что участники совѣщаній дадутъ своимъ уполномоченнымъ такія инструкціи, при которыхъ едва ли возможно будетъ расчитывать на широкую реформу [1]).

Надежды иниціаторовъ уѣздныхъ совѣщаній вполнѣ оправдались, насколько можно судить по результатамъ уѣздныхъ совѣщаній Ярославской губ. и по отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ относительно настроенія господствовавшаго на совѣщаніяхъ въ другихъ губерніяхъ. Кн. Черкасскій напр. такъ характеризуетъ членовъ своего (веневскаго) съѣзда: «грустно было смотрѣть на это собраніе кулаковъ, окончательно взирающихъ на себя самихъ лишь какъ на монополистовъ болѣе или менѣе цѣннаго товара чернозема, на который вдругъ открылось почему то значительное требованіе» [2]).

Въ засѣданіяхъ Ярославскаго комитета довольно часто дѣлались ссылки на взгляды. высказанныя на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Возникалъ даже вопросъ, могутъ ли члены комитета дѣйствовать вполнѣ самостоятельно или они обязаны строго придерживаться мнѣній избравшихъ ихъ дворянъ. Недоразумѣнія эти были разсѣяны спеціальнымъ циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который указывалъ, что «мнѣнія сіи не могутъ и не должны быть обязательны для членовъ губернскаго комитета», такъ какъ «при подобномъ разсмотрѣніи дѣла они (т. е. члены) естественно могутъ получить на предметъ устройства крестьянъ новое воззрѣніе». (21 января 1859 г. за № 15).

Но если правительство нашло нужнымъ освободить комитеты отъ стѣснительныхъ узъ уѣздныхъ совѣщаній, то со своей стороны оно не нашло возможнымъ оставлять комитеты безъ руководства. По Высочайшему повѣлѣнію въ руководство комитетамъ была разослана программа, подробно регламентировавшая весь ходъ дѣла. По этой программѣ вся дѣятельность комитета должна быть раздѣлена на три періода, при

---

[1]) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго, т. I, стр. 168—цит. по ст. Корнилова, Рус. Бог. 1904 г., II, стр. 226.

[2]) Корниловъ, ук. раб.—Рус. Бог. 1904 г., кн. II, стр. 225.

чемъ съ особой подробностью въ программѣ былъ развитъ первый періодъ занятій комитета, въ теченіи котораго долженъ былъ быть составленъ особый проектъ положенія. Исполненіемъ этой работы фактически и закончились работы комитетовъ, такъ какъ выполненіе задачъ, отнесенныхъ программой къ слѣдующимъ періодамъ дѣятельности комитетовъ, было впослѣдствіи возложено на другіе органы [1]).

Въ губернскихъ комитетахъ правительственная программа подвергалась критикѣ главнымъ образомъ со стороны противниковъ такъ называемаго срочно-обязаннаго положенія, т. е. сторонниками немедленной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Наиболѣе сильныя возраженія были выставлены противъ программы въ Тверскомъ и Калужскомъ комитетахъ, Ярославскій комитетъ, напротивъ, въ порядкѣ своихъ занятій счелъ необходимымъ строго придерживаться ея почему и весь проектъ комитета соотвѣтственно подраздѣленіямъ программы былъ раздѣленъ на 10 главъ [2]).

По Высочайшему повелѣнію (16 ноября 1858 г.) всѣ губернскіе комитеты были обязаны, при представленіи составленныхъ ими проектовъ, подробно объяснять: «въ чемъ именно будетъ состоять предположенное ими улучшеніе настоящаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ отношеніи какъ личныхъ правъ, такъ и хозяйственнаго ихъ быта».

Исполняя эту Высочайшую волю, члены Ярославскаго комитета писали: «наиболѣе важнымъ, какъ-бы исходнымъ пунктомъ работъ комитета и чуть ли не самой лучшей страницей всего положенія, является единогласное рѣшеніе объ окончательномъ уничтоженіи

---

[1]) О происхожденіи этой программы и скрытой въ ней мысли обезземеленія крестьянъ см. подробности въ указ. раб. Корнилова, а также у П. П. Семенова, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, т. I, стр. 254.

[2]) Проектъ положенія содержалъ слѣдующія главы: 1) О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное; 2) Сущность срочно-обязаннаго состоянія; 3) Поземельныя права помѣщиковъ; 4) Усадебное устройство крестьянъ; 5) Надѣлъ въ пользованіе крестьянъ землей пахотной и другими угодьями; 6) Повинности казенныя и къ помѣщику; 7) Устройство дворовыхъ людей; 8) Образованіе сельскихъ обществъ; 9) Права и отношенія помѣщика; 10) Порядокъ и способъ исполненія новаго положенія.

обязательнаго (барщиннаго) труда и о замѣнѣ его на будущее время денежной повинностью, выраженное въ § 90 и § 91 проекта положенія» [1]).

Я не буду останавливаться подробно на всѣхъ пунктахъ выработаннаго комитетомъ проекта; для его оцѣнки достаточно обратить вниманіе лишь на наиболѣе выпуклыя и характерныя его черты.

Проектъ положенія открывается заявленіемъ: «Дворяне Ярославской губ. предоставляютъ личныя гражданскія права поселеннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ» (§ 1).

Прекращеніе крѣпостного права и дарованіе крестьянамъ всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ, признавалось членами комитета однимъ изъ первыхъ условій для улучшенія быта крестьянъ, такъ какъ это улучшеніе, по мнѣнію членовъ комитета, «нераздѣльно съ самобытностью каждаго сословія, произволомъ его дѣйствій и свободою труда». Въ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній комитетъ видѣлъ «единственное средство для разрыва несовременныхъ отношеній владѣльцевъ съ крестьянами и вмѣстѣ съ тѣмъ главную и прочнѣйшую основу, на которой должно созидаться все благодѣтельное преобразованіе». Въ силу принятаго комитетомъ постановленія крестьяне должны были получить всѣ личныя и имущественныя права, присвоенныя свободнымъ сельскимъ обывателямъ (ст. 659, т. IV Св. зак. 1857 г.); на нихъ должно было распространиться дѣйствіе X т. I ч. Св. зак., съ однимъ лишь изъятіемъ: «по опекѣ, попечительству, наслѣдству крестьянамъ дозволялось руководствоваться мѣстными своими обычаями» (§ 3).

Крестьянамъ дозволялось пріобрѣтать и отчуждать всякаго рода движимыя и недвижимыя имущества, (§ 4)

---

[1]) § 90—Дворянство Ярославской губ. отказывается навсегда отъ обязательнаго труда крестьянъ. Прим. Для постепенности перехода къ новому порядку въ хозяйствахъ, натуральная повинность обязательной работой допускается въ теченіе одного года, со дня приведенія въ исполненіе сего положенія. § 91—Обязательный трудъ замѣняется денежной повинностью по расчету состоящихъ въ имѣніи, по послѣдней ревизіи, мужескаго пола душъ. Прим. Всякіе сборы сельскими произведеніями, гдѣ такіе существовали, на будущее время прекращаются.

О томъ, что это предположеніе комитета вызвало серьезный протестъ со стороны мѣстнаго дворянства, было сказано выше.

учреждать фабрики, заводы и ремесленныя заведенія, вступать въ цехи, получать установленныя свидѣтельства на право торговли и промысловъ, (§ 6) вступать во всѣ обязательства (§ 7), защищать и отыскивать права свои, быть свидѣтелями и повѣренными (§ 6), отвѣчать за себя на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ по частнымъ и казеннымъ взысканіямъ (§ 10).

Слѣдомъ прежнихъ отношеній къ помѣщику въ сферѣ личныхъ правъ должно быть признано оставленіе за крестьянами возможности «прибѣгать къ защитѣ своего помѣщика, который въ семъ случаѣ имѣетъ право, если пожелаетъ ходатайствовать за нихъ безъ особой на то довѣренности».

Для насъ, отошедшихъ на 50 лѣтъ отъ крестьянской реформы, признаніе всѣхъ этихъ правъ за крестьяниномъ представляется вполнѣ естественной мѣрой, но для истинной оцѣнки ея значенія нужно вспомнить, что до этой реформы крестьянское населеніе, по выраженію Погодина, «значилось лишь по вѣдомостямъ казенной палаты», въ качествѣ податной массы, а по опредѣленію императора Николая, крестьянинъ былъ только «вещью, другому принадлежащей».

Признаніе гражданскихъ правъ за крестьянами въ установленныхъ I-ю главой проекта положенія границахъ терпитъ въ дальнѣйшемъ рядъ существенныхъ ограниченій. Уже въ слѣдующей II-ой главѣ, обрисовывающей сущность срочно-обязаннаго положенія, провозглашается начало крѣпости крестьянъ землѣ [1]) и вырабатываются ограничительныя условія для перехода кр-нъ въ другія сословія,—[не иначе, какъ съ согласія общества и помѣщика и съ соблюденіемъ узаконеній и мѣстныхъ обычаевъ относительно дозволенія родителей, несостоянія на рекрутской очереди и т. п. §§ 14—17] и для обезпеченія исправнаго отправленія повинностей въ пользу помѣщика (§ 19). Далѣе, среди предположеній объ образованіи сельскихъ обществъ (гл. VIII) и о вотчинной власти помѣщика (гл. IX) найдутся и другія

[1]) § 13—Крестьяне остаются крѣпкими землѣ, на которой они водворены, на опредѣленное ниже сего время (т. е. на 12 лѣтъ—періодъ срочно-обязаннаго положенія—§ 20).

звенья «крѣпостныхъ цѣпей», приковывавшихъ крестьянина и къ міру, и къ помѣщику.

Вопросы о правовомъ положеніи крестьянъ не возбуждали большихъ споровъ и сомнѣній среди членовъ комитета, въ большинствѣ случаевъ они рѣшались съ большимъ единодушіемъ [1]).

Занятія комитета приняли болѣе горячій характеръ, когда пришлось перейти къ обсужденію и рѣшенію центральныхъ пунктовъ программы, наиболѣе затрогивавшихъ помѣщичьи интересы, вопросовъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ.

Согласно намѣченнымъ основнымъ началамъ реформы, выраженнымъ между прочимъ и въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Начальника Ярославской губ.: «помѣщикамъ должно быть сохранено право собственности на всю землю». Это начало было принято и опредѣленно выражено въ проектѣ (гл. III, § 21), но въ дальнѣйшемъ, при разрѣшеніи вопросовъ о надѣлѣ полевыхъ угодій и объ усадебной осѣдлости, отъ этого начала волей-неволей пришлось сдѣлать рядъ отступленій. Такъ уже на основаніи § 28 проекта помѣщики ооязывались «предоставить крестьянамъ на выкупъ ихъ усадебную осѣдлость по оцѣнкѣ, опредѣленной комитетомъ».

Въ вопросѣ о выкупѣ усадебной осѣдлости Комитетъ существенно разошелся съ тѣми пожеланіями, которыя были выражены на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Въ противоположность крайне узкому пониманію выраженія

---

[1]) Много разговоровъ въ началѣ занятій комитета возбудилъ вопросъ о выкупѣ личности крестьянина; хотя рѣшеніе этого вопроса было отложено до разсмотрѣнія условій выкупа усадебной осѣдлости, тѣмъ не менѣе сужденія Ярославскаго комитета о необходимости назначить выкупную цѣну за личность освобождаемаго крестьянина дошли до свѣдѣнія министерства и послѣднее сочло нужнымъ сдѣлать комитету по этому поводу соотвѣтствующее указаніе: «подобное же мнѣніе, писалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 30 декабря 1858 г.,—было выражено нѣкоторыми членами Нижегородскаго комитета и по сему поводу послѣдовало 27-го іюля Высочайшее повелѣніе: мнѣніе, подписанное 13-ю членами Нижегородскаго комитета отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію Высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Кромѣ того по поводу представленія Воронежскаго комитета о личномъ выкупѣ Государь Императоръ, разсмотрѣвъ 24 сего декабря журналъ о семъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, собственноручно изволилъ написать: Воронежскому губернскому комитету поставить на видъ неумѣстное его ходатайство».

«усадебная осѣдлость» въ смыслѣ только «жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ», усвоенному уѣздными совѣщаніями, комитетъ подъ предоставляемой на выкупъ «усадебной осѣдлостью» или «крестьянской усадьбой» разумѣетъ «жилыя и хозяйственныя строенія съ землей въ нынѣ существующей чертѣ селеній» (§ 26) [1]).

Оставленіе крестьянамъ усадебъ въ существующемъ видѣ и границахъ, безъ предполагавшагося сначала установленія нормальныхъ размѣровъ, представляло для крестьянъ значительныя удобства, такъ какъ всякая нормировка усадебныхъ участковъ повлекла-бы за собою, по справедливому замѣчанію большинства членовъ комитета, «или ограниченія и отрѣзки земель отъ настоящаго пользованія, или насильственныя навязыванія крестьянамъ не вполнѣ удобныхъ участковъ, а затѣмъ и разстройство въ хозяйствѣ».

Съ цѣлью охраненія по возможности безъ измѣненія существующихъ крестьянскихъ усадебъ, перенесеніе ихъ на другое мѣсто было обставлено для помѣщиковъ разными стѣснительными условіями: согласно предположеніямъ комитета такой переносъ могъ быть допущенъ не иначе, какъ за счетъ помѣщика и на удобное мѣсто, съ должнымъ надѣломъ земли, а главное съ разрѣшенія комитета, которому помѣщикъ обязанъ заявить о причинахъ, побуждающихъ его предпринять этотъ переносъ. (§ 38, 39) [2]).

---

[1]) Толкованіе выраженія «усадебная осѣдлость» было дано Государемъ въ рѣчи, обращенной къ московскимъ дворянамъ 31 августа 1858 года (см. Корниловъ, ук. ст. Рус. Бог. 1409 г. кн. III, стр. 108). Кромѣ того, по поводу толкованія этого понятія Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сочло нужнымъ дать Ярославскому комитету спеціальныя указанія со ссылкой на разъясненія, данныя Тверскому комитету, въ виду «смежности и сходства мѣстныхъ условій Ярославской губ. и Тверской» (23 ноября 1858 г.).

[2]) На выработку ограничительныхъ условій о переносѣ крестьянскихъ усадебъ не остался по всей вѣроятности безъ вліянія секретный циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 марта 1858 г., которымъ поручалось губернаторамъ «внушать помѣщикамъ, безъ оффиціальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась именно въ теперешнемъ положеніи и переселеніе крестьянъ, даже въ одномъ и томъ же имѣніи, допускалось не иначе какъ по очевидной въ томъ для хозяйственныхъ распоряженій надобности, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ и съ принятіемъ, когда нужно нѣкоторыхъ предосторожностей». Поводомъ къ изданію этого циркуляра послужили вспыхнувшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянскіе безпорядки,

Несомнѣнно, всѣ эти условія, касающіяся предоставленія крестьянамъ усадебной осѣдлости, были довольно благопріятны для крестьянъ. Интересы помѣщиковъ въ этомъ случаѣ члены комитета расчитывали обезпечить назначеніемъ высокой цѣны выкупа усадебной осѣдлости, которую они опредѣляли въ 160 руб. съ ревизской души мужескаго пола. Принятіе такой цифры комитетъ обосновывалъ слѣдующими доводами: 1) по свѣдѣніямъ, представленнымъ помѣщиками, средняя цифра оцѣнки крестьянскихъ усадебъ равняется 184 р. 25 к. (по губернскому своду); 2) предоставленіе на выкупъ усадебъ безъ измѣненія ихъ состава должно вліять на повышеніе ихъ цѣнности; 3) на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ опытныхъ помѣщиковъ, можно заключить, что полное наново обзаведеніе крестьянской усадьбы и устройство хозяйства въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ стоитъ не менѣе 200—250 руб. на тягло.

Но, конечно, главное значеніе при установленіи выкупной цѣны усадебной осѣдлости имѣло то соображеніе, что при оцѣнкѣ уступаемыхъ на выкупъ усадебъ были приняты во вниманіе тѣ промысловыя выгоды и рабочія силы, которыя составляли главную цѣнность помѣщичьихъ имѣній въ Ярославской губ. и которыя съ отмѣной крѣпостного права неизбѣжно утрачивались помѣщиками.

Члены комитета придавали важное значеніе началу обязательности выкупа усадебъ: «улучшеніе быта крестьянъ безъ собственности было бы, по ихъ мнѣнію, не полное и только собственность и свобода уравновѣшиваютъ взаимныя отношенія сословій».

Какъ общее правило, выкупъ усадебъ долженъ былъ быть произведенъ единовременно, такъ какъ только при такомъ условіи помѣщикъ могъ получить болѣе или менѣе крупную сумму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность приступить къ веденію хозяйства на новыхъ началахъ. Но отъ этого общаго правила проектъ допускалъ и исключенія въ видѣ замѣны единовременнаго

вызванные попытками помѣщиковъ переселять крестьянъ на новыя мѣста съ цѣлью оставленія за собою ихъ прежней усадебной осѣдлости. (См. Рус. Бог. 1904 г. кн. III, стр. 109).

выкупа—уплатой $^0/_0{}^0/_0$ за пользованіе или денежныхъ платежей—работой, или наконецъ, въ видѣ разсрочки выкупной суммы. Свои выкупленныя усадьбы крестьяне могли продавать и передавать другимъ лицамъ, но съ двумя ограниченіями: 1) такая продажа и передача могла состояться не иначе, какъ съ согласія общества, и 2) каждое лицо крестьянскаго общества въ одномъ и томъ же селеніи не можетъ пріобрѣтать покупкой болѣе одного усадебнаго участка (§ 43). Первое ограниченіе ясно вытекало изъ той связи каждаго крестьянина съ міромъ, которую устанавливалъ проектъ комитета, второе же мотивировалось «желаніемъ избѣжать монополіи и притѣсненій со стороны зажиточныхъ поселянъ». При продажѣ усадьбы постороннему лицу за помѣщикомъ сохранялось право выкупа усадьбы въ теченіе опредѣленнаго срока, на основаніи правилъ, существующихъ для выкупа родовыхъ имѣній. (§ 44). При выработкѣ условій выкупа усадебъ комитетомъ были приняты во вниманіе тѣ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ находятся нѣкоторыя имѣнія, торговыя села, расположенныя по берегамъ Волги и т. п.; для такихъ исключительныхъ имѣній комитетъ выработалъ особыя условія: оцѣнка усадебъ въ нихъ предоставлялась полюбовному соглашенію помѣщика съ крестьянами; если же такового не послѣдуетъ, то для соглашенія назначается особая посредническая комиссія и т. д. [1]).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ усадебной осѣдлости стоитъ вопросъ о надѣленіи крестьянъ землей и другими угодьями. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя начальника губерніи было выражено пожеланіе: «о предоставленіи въ пользованіе крестьянъ надлежащаго по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количества земли».

При выработкѣ предположеній о земельномъ устройствѣ крестьянъ, комитету приходилось остановиться на разрѣшеніи двухъ главныхъ вопросовъ: о количествѣ

---

[1]) См. прим. къ § 48.

отводимой въ надѣлъ земли и о размѣрѣ платы за нее, т. е. о размѣрѣ падающихъ на крестьянъ повинностей за предоставленную имъ въ пользованіе землю. Разрѣшая эти вопросы, комитетъ призналъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ: «вслѣдствіе разнохарактерности населенія и различія потребностей каждаго поселянина... а равно и для большей ясности отношеній и удобнѣйшаго расчета» производить надѣлы не по участкамъ, а цѣлому обществу, которое уже отъ себя раздѣляетъ угодья по усмотрѣнію и потребностямъ между семьями. (65). И крестьянское общество, по мысли проекта, не имѣло права отказываться отъ надѣляемой помѣщикомъ земли во все время срочно обязаннаго положенія (§ 67). Этими постановленіями интересы помѣщиковъ ограждались въ двоякомъ отношеніи: земля не лежала «впустѣ» и опредѣленный доходъ съ нея обезпечивался круговой порукой общества.

Переходя затѣмъ къ ближайшему опредѣленію размѣра крестьянскаго надѣла, комитетъ пришелъ къ заключенію, что «существующій фактически размѣръ полевыхъ угодій, установленный вѣками, можетъ служить лучшимъ указателемъ того количества земли, которое необходимо крестьянину для исправнаго отправленія повинностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ». Въ этомъ отношеніи комитетъ всталъ на путь, указанный многими защитниками крестьянской реформы. Еще Кошелевъ рекомендовалъ исходить изъ существующаго надѣла; онъ полагалъ, что «предоставленіе крестьянамъ во владѣніе того количества угодій, какое находилось у нихъ въ то время въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ ведущее къ скорѣйшему окончанію дѣла» [1]).

Исходя изъ указанныхъ соображеній, комитетъ принялъ раздѣленіе имѣній на три разряда (многоземельныя, среднеземельныя, и малоземельныя), въ зависимости отъ количества земли, находившейся въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ (§ 53 и § 54) и установилъ минимумъ надѣла для каждаго разряда: для многоземель-

---

[1]) Цит. по ст. Корнилова Рус. Бог. 1904 г., кн. I, стр. 146.

ныхъ — 3 дес., среднеземельныхъ — 1 1/2 дес. и малоземельныхъ — 1 дес. на ревизскую душу мужескаго пола (§ 57)[1]).

Въ дѣйствительности же размѣръ надѣла долженъ быть опредѣленъ добровольнымъ соглашеніемъ помѣщика съ обществомъ, онъ не можетъ быть меньше указаннаго въ положеніи, но можетъ быть безпрепятственно увеличенъ въ случаѣ необходимости этого для одной стороны и возможности для другой (§§ 58 и 68).

Въ надѣлъ крестьянамъ поступаютъ только пахотныя земли съ прилежащими къ нимъ и находящимися на поляхъ сѣнокосами (§ 50); земли, поросшія лѣсомъ, не должны быть включены въ надѣлъ (§ 52); въ случаѣ, если помѣщикъ по обоюдному соглашенію, предоставляетъ крестьянамъ въ пользованіе лѣсной участокъ, то этотъ участокъ можетъ поступить въ надѣлъ взамѣнъ части пахотной и сѣнокосной земли (§ 62).

Ограниченіе надѣла полевыми участками и прилегающими къ нимъ сѣнокосами комитетъ опредѣленно мотивировалъ охраненіемъ интересовъ землевладѣльцевъ: «лѣса, какъ составляющіе особый отдѣлъ помѣщичьихъ хозяйствъ,—читаемъ въ общемъ озборѣ основаній,—а равно и по цѣнности своей, не могутъ быть представляемы произволу крестьянъ; а также не должны подлежать надѣлу, по разнообразному своему значенію въ имѣніяхъ, отхожія пустоши и поемные луга».

Равнымъ образомъ, комитетъ не нашелъ нужнымъ предоставлять крестьянамъ выгоны на томъ основаніи, что въ большей части губерніи отдѣльныхъ выгонныхъ участковъ раньше не существовало, а замѣнялись они преимущественно полями паровыми, которыя вошли въ составъ крестьянскаго надѣла, выгоны же по лѣсамъ, существовавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, были признаны недопустимыми при введеніи раціональнаго лѣсного хозяйства.

---

[1]) Установленное въ § 57 правило примѣняется даже и въ томъ случаѣ, если за надѣломъ крестьянамъ по наименьшему разряду, у помѣщика земли вовсе не останется. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ пользованіи крестьянъ находилось донынѣ менѣе одной десятины на душу, размѣръ поземельнаго надѣла долженъ оставаться въ настоящемъ его видѣ.

За предоставленную въ пользованіе землю крестьяне обязывались нести повинности казенныя и въ пользу помѣщика. Въ цѣляхъ обезпеченія исправнаго ихъ поступленія повинности возлагались на все сельское общество, съ обязательствомъ круговой поруки (§ 87). Раскладка и распредѣленіе ихъ по душамъ, тягламъ, работникамъ и поземельнымъ участкамъ была поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія общества и должна была производиться на мірскихъ сходахъ (§ 79).

Казенныя повинности заключались въ уплатѣ различныхъ денежныхъ сборовъ и въ исполненіи натуральныхъ повинностей: рекрутской, дорожной (§§ 77, 78). Гораздо сложнѣе было рѣшить вопросъ объ установленіи повинностей къ помѣщику; онъ наиболѣе чувствительно затрагивалъ интересы помѣщиковъ и члены комитета долго не могли притти здѣсь къ единодушному рѣшенію. Послѣ очень продолжительныхъ сужденій комитетъ рѣшилъ замѣнить обязательный трудъ денежной повинностью въ размѣрѣ 14 руб. 25 коп. съ ревизской души мужескаго пола. (§ 91, 92). Такой размѣръ повинностей долженъ оставаться постояннымъ на все время срочно-обязаннаго положенія и не можетъ быть повышаемъ по произволу владѣльца. (§ 93). Онъ складывается: изъ 6 руб. 40 коп. (4% съ 160 руб.— цѣны усадьбы) и изъ 7 руб. 85 коп. платы за пользованіе землей въ размѣрѣ средняго надѣла по уѣздамъ (§ 94, 95). При раскладкѣ повинностей на землю было принято во вниманіе: 1) что первыя десятины, какъ ближайшія къ селенію (ободворенныя) болѣе цѣнны и 2) что въ имѣніяхъ малоземельныхъ къ оцѣнкѣ земли слѣдуетъ отнести и часть промысловыхъ мѣстныхъ выгодъ на томъ основаніи, что въ этихъ имѣніяхъ, при меньшемъ надѣлѣ, сумма повинностей должна бы уменьшиться, тогда какъ въ нихъ существующій оброкъ нерѣдко превышалъ повинности въ имѣніяхъ многоземельныхъ. Въ виду этого, повинность за землю не разлагалась одинаково на всѣ десятины средняго надѣла, но опредѣлялась градаціей на 1-ю, 2-ю, 3-ю и слѣд. десятины (§ 96). При такомъ способѣ расцѣнки нѣсколько смягчались потери владѣльцевъ малоземельныхъ

сравнительно съ владѣльцами многоземельными [1]). Еслибы крестьяне пожелали, сверхъ отведеннаго имъ надѣла, взять землю въ большемъ количествѣ, они могли это сдѣлать съ уплатой помѣщику за каждую десятину той же цѣны, какая установлена по градаціи за послѣднюю десятину средняго надѣла (§ 96 прим.) [2]).

Для обезпеченія исправнаго взноса повинностей и для взысканія ихъ въ случаѣ неуплаты комитетъ, помимо круговой поруки, установилъ денежный шрафъ за просрочку, предоставилъ обществу право отдавать плательщиковъ въ заработки, а на случай уклоненія отъ платежа повинностей цѣлаго общества выработалъ особое положеніе объ административной опекѣ, уполномоченной на принятіе строгихъ мѣръ по отношенію къ крестьянскому обществу; въ самыхъ крайнихъ случаяхъ комитетъ призналъ необходимымъ передавать крестьянское общество въ распоряженіе правительства (§§ 102, 101, 103, 104, 105).

Такимъ образомъ, согласно первоначальнымъ планамъ правительства и данной имъ въ руководство программѣ, Ярославскій комитетъ призналъ, что полевыя угодья отводятся крестьянамъ только въ пользованіе и выкупу не подлежатъ. Но такое рѣшеніе вопроса не удовлетворило большинство членовъ комитета и они въ количествѣ 12 человѣкъ приложили къ проекту «мнѣніе о выкупѣ предоставляемыхъ крестьянамъ полевыхъ угодій».

Вопросъ о выкупѣ полевыхъ угодій былъ возбужденъ въ комитетѣ членомъ отъ правительства Хомутовымъ, находившимъ, что при системѣ выкупа «кре-

---

[1]) Жур. 19 марта 1859 г. стр. 130.

[2]) Принятая Ярославскимъ комитетомъ при оцѣнкѣ надѣльной земли система градаціи была предложена впервые членомъ Тверского комитета М. Е. Воробьевымъ, а затѣмъ усвоена и Положеніемъ 19 февраля 1861 г. Она имѣла за собою извѣстныя основанія для примѣненія въ губерніяхъ нечерноземныхъ, промышленныхъ, гдѣ благодаря ей помѣщики получали вознагражденіе не только за землю, но и за потерю цѣнности ихъ имѣнія отъ уничтоженія личнаго крѣпостного права, но въ примѣненіи къ губерніямъ черноземнымъ, гдѣ главная цѣнность имѣній заключалась въ землѣ и гдѣ малоземельнымъ крестьянамъ въ силу повышенной оцѣнки первой десятины приходилось платить относительно дороже, сравнительно съ крестьянами губерній промышленныхъ, система градацій оказалась несправедливой.

стьяне и помѣщики оказались бы тотчасъ въ отношеніяхъ болѣе ясныхъ: первые обработывали-бы съ большимъ тщаніемъ землю, какъ свою собственность, вторые вмѣсто постояннаго пользованія $^0/_0{}^0/_0$ тотчасъ получили бы капиталъ» [1]).

Предложеніе Хомутова было отвергнуто перевѣсомъ голоса предсѣдателя, но затѣмъ по настоянію члена комитета Дубровина, внесшаго вторично предложеніе о выкупѣ (16 февраля), вопросъ былъ снова подвергнутъ обсужденію (въ засѣданіи 23 февраля).

Въ своемъ подробно мотивированномъ мнѣніи Дубровинъ обращалъ вниманіе на то, что если земля будетъ предоставлена только въ пользованіе, то необходимо будетъ прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, на какой срокъ предоставляется это пользованіе: если навсегда, то это будетъ равносильно отчужденію, если же только на время, то такой порядокъ поведетъ къ полному произволу и отдастъ крестьянъ въ кабалу помѣщикамъ. Правда, крестьянинъ можетъ, вмѣсто аренды земли у своего помѣщика, переселиться въ другое мѣсто, но такая возможность легко осуществима лишь для отдѣльныхъ лицъ, а не для цѣлой общины. Послѣдствіемъ такого порядка будетъ то, «что крѣпостное право и обязательный трудъ разовьются по прежнему въ полной силѣ, прикрываясь словами по добровольному соглашенію. Самая польза и безопасность помѣщиковъ требуетъ предоставить крестьянамъ свободу дѣйствительную, а не мнимую, чего достигнуть иначе невозможно, какъ предоставивъ имъ въ выкупъ вмѣстѣ съ усадебной осѣдлостью и отводимую въ пользованіе землю» [2]).

Въ виду сильнаго противодѣйствія началу выкупа

---

[1]) См. жур. зас. комитета 11 февраля 1859 г.

[2]) См. прил. къ журн. 16 февраля 1859 г. Члены Баркъ-Петровскій и Черносвитовъ въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ журналу того же засѣданія, находили наиболѣе справедливымъ разрѣшеніемъ земельнаго вопроса: «полное и совершенно безобидное вознагражденіе за всѣ теряемыя выгоды по отчужденію признаннаго за нимъ (дворянствомъ) законами имущества и затѣмъ передача этого имущества, кому слѣдуетъ. Чрезъ такой справедливый обмѣнъ имущества, который можетъ совершиться посредствомъ выкупа, мы исполнимъ желаніе правительства и сохранимъ интересы нашего сословія».

полевыхъ угодій пренія затянулись [1]) и въ результатѣ неоднократныхъ баллотировокъ мысль объ обязательномъ выкупѣ была отвергнута большинствомъ 20 противъ 2-хъ (Васильева и Черносвитова), большинствомъ 12 было принято начало выкупа на основаніи добровольнаго соглашенія и единогласно рѣшено отнести этотъ вопросъ къ приложенію.

Приложенное къ проекту «мнѣніе» было составлено Дубровинымъ [1]).

По убѣжденію подписавшихъ это мнѣніе членовъ комитета: «чтобы совершенно упрочить бытъ крестьянъ, поставить ихъ внѣ всякой зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ и дать полную свободу ихъ дѣятельности, необходимо предоставить крестьянамъ въ собственность земли, отводимыя имъ въ пользованіе». Отстаивая начало выкупа полевыхъ угодій, члены комитета не закрывали глазъ на то, что для достиженія этой цѣли у крестьянъ нѣтъ никакихъ средствъ и потому «повергали на милостивое усмотрѣніе Правительства, не найдетъ ли оно мѣръ, исполнимыхъ для государства посредствомъ которыхъ можно было бы предоставить кр-мъ въ собственность полевыя угодья, безъ нарушенія крайнихъ интересовъ помѣщиковъ» [1]).

---

[1]) Къ журналу зас. комитета 23-го февраля приложены были особыя мнѣнія членовъ отъ Ростовскаго уѣзда: Хомутова, доказывавшаго невыгодность выкупной операціи въ равной мѣрѣ какъ для правительства, такъ для дворянства и для крестьянъ, и указывавшаго, что она, какъ и всякая насильственная мѣра, породитъ недовольство и кромѣ того сразу отдѣлитъ крестьянъ отъ дворянъ, и Леонтьева, признававшаго обязательный выкупъ, какъ мѣру принудительную,—вреднымъ; члена отъ Мологскаго уѣзда Чистякова, отказавшагося даже отъ подачи голоса по данному вопросу въ виду того, что принудительное отчужденіе, по его мнѣнію, можетъ быть допущено лишь на основаніи Высочайшаго указа, и призывавшаго большинство отложить пренія о выкупѣ до окончанія трудовъ и изложить свои мнѣнія въ особой запискѣ «во избѣжаніе разъединенія, уже и теперь чувствуемаго между членами комитета, ко вреду общаго дѣла».

[2]) Къ мнѣнію присоединилось 12 членовъ: г.г. Варенцовъ, А. Хомутовъ, Перхуровъ, Псомасъ, Кругликовъ, Баркъ-Петровскій, Черносвитовъ, Передковъ, Дубровинъ, Кругликовъ, Васильевъ и членъ отъ правительства Хомутовъ.

[3]) Правительство въ началѣ занятій губернскихъ комитетовъ было противъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ и на предположеніе Нижегородскаго комитета отдать крестьянамъ въ собственность за единовременный денежный выкупъ часть крестьянскаго полевого надѣла не только отвѣчало отказомъ, но и прямо запретило губернскимъ комитетамъ обсуждать этотъ вопросъ. Впослѣдствіи отношеніе правительства къ этой мѣрѣ измѣнилось и оно предоставило комитетамъ выработать два проекта, о чемъ

Къ «мнѣнію» 12 членовъ комитета приложенъ былъ примѣрный расчетъ предполагаемаго выкупа полевыхъ угодій и въ заключеніе добавлено, «что такой выкупъ тогда только можетъ быть совершенъ безобидно для помѣщиковъ, когда бы онъ былъ произведенъ не частями, а единовременнымъ взносомъ полной суммы и при томъ не иначе, какъ въ совокупности съ усадебной осѣдлостью или послѣ выкупа оной» [1]).

Въ противовѣсъ изложенному выше «мнѣнію» о выкупѣ полевыхъ угодій другіе члены комитета [2]) приложили къ проекту свое, въ коемъ, не отвергая пользы пріобрѣтенія крестьянами въ собственность достаточнаго количества земли, находили предлагаемую большинствомъ мѣру «не своевременной, а въ случаѣ приданія ей обязательнаго характера, даже положительно вредной для обоихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословій». «Несомнѣннымъ послѣдствіемъ такой мѣры могло бы быть—по убѣжденію подписавшихъ мнѣніе меньшинства—только общее неудовольствіе. Безобидный

циркулярно и оповѣстило нѣкоторые комитеты, въ томъ числѣ и Ярославскій. Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 16 марта 1859 г. за № 69, разрѣшая выработку особыхъ проектовъ, основанныхъ на началѣ выкупа полевыхъ угодій, въ тоже время содержалъ довольно интересное признаніе, «что правительство не пришло еще къ окончательному рѣшенію: можетъ ли оно и въ какой степени дать со своей стороны гарантіи для выкупа».

[1]) «Чтобы по возможности уменьшить цѣну полевыхъ угодій, члены комитета приняли въ основаніе статистическія таблицы Министерства Государственныхъ Имуществъ (изд. 1858 г.), гдѣ средняя цѣна земли по Ярославской губ. опредѣлена въ 22 руб. за десятину. При такой оцѣнкѣ, для полнаго надѣла по 10 десятинъ за тягло, было бы 220 руб., а присоединивъ цѣну усадьбы на тягло (2 души)—320 руб., составили бы сумму 540 р. съ тягла (270 р. съ ревиз. души), что при 5% обезпечило бы помѣщику полученіе 27 рублей съ тягла. Таковое уменьшеніе противъ назначенной повинности полагается возможнымъ при полученіи капитала единовременной полной суммой... Чтобы сдѣлать оцѣнку справедливой для всѣхъ, а также обезпечить малоземельныхъ помѣщиковъ таковую уплату за землю необходимо было бы произвести по (принятой для оцѣнки земель) градаціи, а именно: при надѣлѣ на ревизскую душу 1 дес.—36 р. 66 к., 2-хъ дес.—66 руб., 3-хъ дес.—88 руб., при 4-хъ—102 р. 66 к., а при полномъ надѣлѣ по губерніи 5 дес.—110 руб., что, вмѣстѣ съ цѣной усадебной осѣдлости, составилось бы 270 руб. на ревизскую душу». По поводу этой расцѣнки, превышавшей расцѣнку Тверского комитета вдвое, а расцѣнку Симбирскаго меньшинства въ 2 1/2 раза Корниловъ замѣчаетъ, что такимъ путемъ «не зараженные духомъ либерализма помѣщики» желали «устроить свои дѣла». (См. Корниловъ, указ. раб. Рус. Бог. 1904 г. кн. IV, стр. 66).

[2]) Предсѣдатель комитета Бемъ. В. Хомутовъ, Леонтьевъ, Костылевъ, Башмаковъ, Ниловъ, Болотовъ, Рыкачевъ и членъ отъ правительства Высоцкій.

для обѣихъ сторонъ выкупъ былъ возможенъ только при условіяхъ обыкновенной продажи, опредѣленный же постороннимъ лицомъ размѣръ выкупной суммы, особенно, если въ основаніе его не положено вѣрныхъ данныхъ, послужитъ къ отягощенію или помѣщика или крестьянъ». Въ заключеніе своего мнѣнія меньшинство комитета заявляло, что «на такое отчужденіе собственности помѣщиковъ (они) не имѣютъ полномочія отъ избравшаго ихъ дворянства», въ виду этого они и ходатайствуютъ передъ правительствомъ: «при разрѣшеніи выкупа полевыхъ угодій допустить эту мѣру только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдуетъ на то свободное согласіе какъ помѣщика, такъ и крестьянъ» [1]).

Предложеніе большинства Ярославскаго комитета о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, принятое впослѣдствіи положеніемъ 19 февраля 1861 г., заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ какъ эта мысль не встрѣчала сочувствія въ помѣщичьей средй. Она собрала большинство только въ трехъ комитетахъ, кромѣ Ярославскаго, (въ Тверскомъ, Калужскомъ и Новгородскомъ) и усвоеніе ея членами Ярославскаго комитета свидѣтельствуетъ о пониманіи ими нуждъ и интересовъ крестьянства.

Въ такомъ видѣ рисовалось членамъ комитета будущее земельное устройство крестьянъ. Они не скрывали отъ себя возможныхъ недостатковъ принятыхъ рѣшеній, но оправдывали себя стремленіемъ «избѣгать коренныхъ и значительныхъ измѣненій въ установившемся годами порядкѣ жизненныхъ отношеній крестьянъ».

Разрѣшеніе земельнаго вопроса являлось и въ 50-хъ годахъ центральнымъ пунктомъ крестьянской реформы; на немъ было сосредоточено главное вниманіе и для

---

[1]) Членъ комитета отъ Р.-Борисоглѣбскаго уѣзда Рыкачевъ, хотя и примкнулъ къ мнѣнію меньшинства, въ тоже время приложилъ свое особое мнѣніе, въ которомъ указывалъ, «что отдача усадебъ въ постоянное пользованіе вмѣстѣ съ полевыми угодьями есть самое справедливое рѣшеніе всей задачи»; отдачей крестьянамъ въ постоянное и въ потомственное пользованіе какъ самыхъ усадебъ, такъ и полевыхъ угодій будетъ обезпеченъ въ своихъ доходахъ помѣщикъ равнымъ образомъ и крестьяне, «увѣренные въ постоянномъ пользованіи своими усадьбами и землей, будутъ охотно платить свои повинности».

его выясненія было затрачено наибольшее количество времени и силъ.

Покончивъ съ вопросами земельнаго устройства, члены комитета довольно быстро справились съ остальными задачами, стоявшими на очереди, хотя и онѣ представляли немало затрудненій.

Въ своемъ представленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ Ярославскій губернаторъ подчеркивалъ особую трудность вопроса о дворовыхъ людяхъ. «И въ самомъ дѣлѣ,—писалъ онъ,—что предложить для людей ничѣмъ не обезпеченныхъ, жившихъ на полномъ содержаніи и отчетѣ помѣщиковъ, и только отъ него получавшихъ и воспитаніе, и призрѣніе въ случаѣ немощи и старости, что постановить для улучшенія быта сословія, которое при уничтоженіи крѣпостного права должно само уничтожиться безвозвратно, какъ существовавшее въ силу крѣпостного права»?

Наравнѣ съ прочими сельскими обывателями имъ, по предположенію комитета, должны быть предоставлены всѣ права, какъ личныя, такъ и имущественныя (§ 111). Кромѣ того обязательный трудъ дворовыхъ людей, на время срочно обязаннаго положенія, замѣнялся денежной повинностью, размѣръ которой ставился въ зависимость отъ возраста дворовaго человѣка и степени его обученности (§§ 112, 116, 117, 118).

При желаніи дворовые люди могли оставаться служить помѣщику въ теченіе срочно-обязаннаго времени, на условіяхъ предложенныхъ помѣщикомъ (§ 114). Въ случаѣ отказа дворовaго человѣка уплачивать денежную повинность и нежеланія помѣщика оставить его у себя на службѣ, послѣднему сохранено было право передачи такого человѣка обществу, къ которому онъ приписанъ. Общество со своей стороны можетъ отдать его въ заработки, а при безуспѣшности этой мѣры—въ рекруты или въ распоряженіе правительства (§ 115). Дворовые могли быть надѣляемы землей какъ по собственному желанію, такъ и по желанію помѣщика; въ первомъ случаѣ они могли вступить въ общество крестьянъ, лишь съ согласія послѣдняго; во второмъ же случаѣ помѣщикъ имѣлъ право причислить ихъ къ обществу,

но съ освобожденіемъ на три года отъ всякихъ повинностей.

Уплата казенныхъ повинностей дворовыми обезпечивалась помѣщикомъ или путемъ принятія ихъ на свой счетъ въ теченіе всего срочно-обязаннаго положенія, или путемъ отдѣленія сельскому обществу по $^1/_2$ дес. земли на душу. На обязанности помѣщика оставалось равнымъ образомъ призрѣніе престарѣлыхъ дворовыхъ (для мужчинъ съ 60 лѣтъ, для женщинъ съ 55 лѣтъ) и малолѣтнихъ сиротъ (§ 132).

Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне, по предположеніямъ проекта, должны быть организованы въ сельскія общества: каждое помѣщичье имѣніе, не менѣе 21 ревизской души, составляетъ сельское общество, начальникомъ котораго признается помѣщикъ, какъ землевладѣлецъ (§ 135).

Управленіе сельскими обществами предполагалось поручить властямъ: 1) «распорядительно-судебной», органомъ которой является мірской сходъ»; 2) «исполнительной», органомъ которой должно быть сельское начальство, и 3) «судебно-полицейской», органомъ которой была сельская расправа. Но намѣченное въ проектѣ дѣленіе властей въ дѣйствительности не было проведено: функціи судебной власти возлагались одновременно и на мірской сходъ, и на сельскую расправу. Изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ образуется слѣдующая административная единица—волость, съ населеніемъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ 7—10 тыс. человѣкъ.

Управленіе волостью должно находиться въ рукахъ волостного собранія, волостного правленія и начальника волости. Волостное собраніе состоитъ изъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ, землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 100 десятинъ, и уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ (§ 175). Такимъ образомъ, составъ волостныхъ собраній всесословный, съ преобладаніемъ дворянскаго элемента [1]).

---

[1]) Мысль о всесословной волости была усвоена также проектомъ тверского комитета и меньшинствомъ владимирскаго комитета.

Уполномоченные сельскихъ обществъ попадаютъ туда путемъ двухстепенныхъ выборовъ: для этого каждое сельское общество посылаетъ одного выборнаго, а общество, имѣющее болѣе 200 душъ—двухъ выборныхъ въ такъ называемый волостной сходъ, а этотъ послѣдній избираетъ изъ своего состава 20 человѣкъ въ волостное собраніе. Волостное собраніе выбираетъ составъ волостного правленія, куда входятъ начальникъ волости, депутатъ отъ дворянъ и два депутата отъ крестьянъ. Проектъ нигдѣ опредѣленно не указывалъ, что начальникомъ волости долженъ быть непремѣнно дворянинъ, но въ основныхъ положеніяхъ организаціи сельскихъ обществъ было сказано, что начальникъ волости избирается не иначе, какъ изъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Проектъ давалъ общія очертанія компетенціи каждаго изъ перечисленныхъ органовъ, такъ напр. въ компетенцію волостного собранія должно входить обсужденіе потребностей волости и необходимыхъ измѣненій въ административномъ отношеніи для представленія уѣздному собранію (§ 178); кромѣ того «каждый членъ волостного собранія можетъ при полномъ собраніи волости предлагать вопросы на разсмотрѣніе собранія и защищать оные». (Прим. къ § 178).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы предѣлы вѣдомства всѣхъ намѣченныхъ органовъ были точно очерчены и строго разграничены, но нельзя въ тоже время не отмѣтить весьма интересной попытки не обособливать крестьянъ отъ остального мѣстнаго населенія, а создать на мѣстахъ мелкую административную единицу всесословнаго характера.

Отдѣльныя волости, по мысли проекта, объединяются въ уѣздныхъ собраніяхъ, собирающихся одинъ разъ въ годъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и состоящихъ: изъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ—землевладѣльцевъ, изъ лицъ другихъ сословій, имѣющихъ не менѣе 300 десятинъ и выборныхъ по 10 отъ волости (§ 180—182). На уѣздныхъ собраніяхъ обсуждаются «мѣры, относящіяся до всѣхъ волостей, все, что можетъ служить къ улучшенію быта крестьянъ и къ обезпеченію и ограж-

денію правъ помѣщиковъ; всѣ измѣненія, необходимыя въ устройствѣ и порядкѣ управленія общинъ и волостей, а равно и всѣ, необходимыя административныя измѣненія, представляемыя волостями» (§ 186). Постановленія уѣздныхъ собраній передаются губернскому предводителю и разсматриваются при общемъ собраніи предводителей и депутатовъ (§ 188) [1]).

Въ намѣченной только что организаціи мѣстнаго управленія крестьяне выступаютъ въ качествѣ болѣе или менѣе полноправныхъ членовъ, распоряжающихся своей судьбой, но для полноты и точности обрисовки ихъ положенія необходимо добавить, что наряду съ признаніемъ за крестьянамя права на участіе въ мѣстномъ управленіи на нихъ должна была распространяться вотчинная власть помѣщика.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ и программѣ, данной въ руководство комитетамъ, указывалось на необходимость сохраненія вотчинной власти и намѣчались въ общихъ чертахъ ея организація и содержаніе. Такое предположеніе естественно вытекало изъ первоначальныхъ плановъ правительства оставить за помѣщикамии право собственности на всю землю, а крестьянамъ предоставить только пользованіе ею за извѣстныя повинности. Въ виду данныхъ указаній Ярославскій комитетъ не нашелъ возможнымъ совершенно отказаться отъ установленія вотчинной власти, но намѣтилъ ее въ сравнительно умѣренныхъ границахъ.

Помѣщикъ, какъ начальникъ сельскаго общества, имѣетъ право общаго наблюденія за благоустройствомъ и порядкомъ онаго (§ 190). Онъ можетъ остановить исполненіе тѣхъ приговоровъ мірского схода, которые онъ признаетъ вредными для самихъ крестьянъ или для имѣнія и представляетъ таковые съ мнѣніемъ своимъ на разсмотрѣніе волостного правленія (§ 193). Въ качествѣ начальника общества помѣщикъ имѣетъ право наблюдать за всѣми избранными сельскимъ обще-

---

[1]) Основныя начала проекта устройства сельскихъ обществъ были предложены Дубровинымъ, а проектъ былъ разработанъ спеціальной комиссіей, состоявшей изъ Дубровина, Рыкачева и Хомутова. (См. прил. къ жур. 10 марта 1859 г.).

ствомъ должностными лицами, по исполненію ими полицейской обязанности, по скольку это касается помѣщика, какъ землевладѣльца (§ 193).

Такимъ образомъ, вотчинная власть помѣщиковъ, по предположенію комитета, сводилась главнымъ образомъ къ контролю и наблюденію; какихъ либо полномочій на принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ самостоятельно помѣщику не предоставлялось. Въ случаѣ проступковъ противъ личности и собственности помѣщиковъ послѣдніе, если бы не пожелали подвергнуть виновныхъ суду крестьянскаго общества, имѣли право приносить жалобу «надлежащему присутственному мѣсту» (§ 196), а въ случаѣ потравы полей и луговъ, а равно и порубки лѣсовъ они могли требовать отъ сельскаго общества и расправы немедленнаго взысканія съ виновныхъ и, въ случаѣ неудовлетворенія, предать ихъ немедленно сужденію волостного правленія (§ 200).

Ограниченность этихъ полномочій вотчинника, намѣченныхъ проектомъ ярославскаго комитета, выгодно выдѣляется среди другихъ проектовъ, предоставлявшихъ помѣщику право не только налагать штрафы, но и примѣнять арестъ и розги.

Умѣренность предположеній комитета въ вопросѣ о вотчинной власти помѣщика заслуживаетъ быть отмѣченной и по тому, что комитетамъ былъ разосланъ циркуляно уже готовый проектъ «объ устройствѣ сельскихъ обществъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ и объ учрежденіи волостей», въ которомъ содержались довольно характерныя черты, какъ напр. созывъ каждаго мірского схода съ вѣдома помѣщика, утвержденіе помѣщикомъ приговоровъ схода, рѣшеній сельской расправы и выборовъ должностныхъ лицъ; предоставленіе помѣщику права за грубость, безчинство, пьянство и т. п., безъ всякаго участія расправы, наказывать крестьянъ розгами до 10 ударовъ и заключеніемъ подъ арестъ на срокъ не болѣе 3 дней и т. д. Несомнѣнно, этотъ проектъ оказалъ свое дѣйствіе на рѣшенія многихъ комитетовъ, но члены Ярославскаго комитета сумѣли въ данномъ случаѣ сохранить свою самостоятельность.

Таковы предположенія Ярославскаго губернскаго комитета объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ ихъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ чертахъ. Теперь необходимо подвести имъ нѣкоторые итоги.

Работы губенскихъ комитетовъ оцѣниваются въ литературѣ по крестьянскому вопросу невысоко. Выше я приводилъ оффиціальный отзывъ о самихъ членахъ комитетовъ. О характерѣ ихъ трудовъ А. А. Корниловъ, авторъ не разъ цитированнаго выше изслѣдованія «Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу», замѣчаетъ: «при всемъ разнообразіи сужденій и взглядовъ, положенныхъ въ основаніе проектовъ различныхъ губернскихъ комитетовъ, всѣ они, *не исключая и самыхъ либеральныхъ*, относились къ реформѣ съ точки зрѣнія сословныхъ помѣщичьихъ интересовъ, а нѣкоторые намѣревались сдѣлать изъ реформы выгодную для дворянства аферу». (Рус. Бог. 1904, кн. V, стр. 63). Такая суровая оцѣнка, безъ всякихъ оговорокъ, едва-ли приложима къ работамъ Ярославскаго комитета.

Правда, съ нашей современной точки зрѣнія очень многія предположенія комитета представляются или элементарными, или даже отсталыми, но не такую мѣрку слѣдуетъ здѣсь прикладывать: историческія явленія требуютъ и исторической оцѣнки т. е. оцѣнки съ точки зрѣнія современныхъ этому явленію условій и обстоятельствъ.

Какіе же требованія предъявлялись къ проектируемой реформѣ, какіе лозунги выдвигались со стороны передовыхъ слоевъ тогдашняго общества? Отвѣты на эти вопросы лучше всего могутъ дать тѣ записки и проекты, которые въ эпоху подготовки къ реформѣ въ большомъ количествѣ распространялись въ обществѣ и которые являются весьма интересными памятниками общественнаго настроенія образованныхъ дворянскихъ круговъ [1]). Среди этихъ памятниковъ наибольшей извѣстностью пользуются записки Ю. Ф. Самарина, кн. Черкасскаго, Кошелева, Кавелина и Унковскаго.

---

[1]) См. Корниловъ, ук. ст. въ Рус. Бог. 1904 г. кн. I, стр. 135—136.

До какихъ же предѣловъ шли пожеланія этихъ лицъ? Кавелинъ признавалъ, «что крестьянъ необходимо освободить со всѣмъ земельнымъ надѣломъ, которымъ они фактически пользовались, а помѣщикамъ выдать справедливое вознагражденіе за землю и за личность крестьянъ т. е. за утрату права пользоваться крѣпостнымъ трудомъ». По мысли Кошелева, какъ было указано выше, «представленіе крестьянамъ во владѣніе того количества угодій, какое находилось у нихъ въ то время въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ ведущее къ дѣлу. Вознагражденіе помѣщиковъ должно быть двоякое: или за землю, или за людей т. е. платимый ими оброкъ». Унковскій требовалъ «единовременной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа какъ за землю, отдаваемую крестьянамъ, такъ и за доходъ отъ ихъ заработковъ т. е. за утрату крѣпостныхъ правъ помѣщика на личность крестьянина». Онъ полагалъ при этомъ, что выкупъ за землю должны уплатить сами крестьяне, а выкупъ за личное ихъ освобожденіе всѣ сословія государства [1]).

Способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, предлагаемые указанными авторами, признавались въ то время наиболѣе смѣлыми и радикальными. Но если сравнить ихъ съ предположеніями, намѣченными Ярославскимъ комитетомъ, то не трудно видѣть, что они расходятся съ этими предположеніями не во многомъ.

Здѣсь также было предположено оставить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость въ томъ видѣ, какъ они фактически ею пользовались, а при опредѣленіи размѣра земельнаго надѣла исходнымъ пунктомъ долженъ былъ служить также фактически существовавшій надѣлъ. Далѣе предполагалось, что какъ усадебную осѣдлость, такъ и полевые надѣлы крестьяне, при содѣйствіи государственной казны, будутъ имѣть возможность выкупить въ собственность.

---

[1]) Цит. по ст. Корнилова, Рус. Бог. 1904, кн. I, стр. 136, 137, 147, 148 и слѣд.

Отрицательной стороной проекта представляется высокая цифра выкупныхъ платежей, но едвали и можно было ожидать иной расцѣнки: вѣдь нарушался весь хозяйственный укладъ помѣстнаго дворянства, укладъ, съ которымъ оно въ теченіе длиннаго ряда поколѣній сжилось и срослось. Понятно, что оно и не желало разстаться съ этимъ укладомъ дешево. Было-бы напрасно ожидать отъ рядовыхъ представителей сословія актовъ геройства и самопожертвованія; достаточно, если они проявили сознаніе требованій времени и жизни. Такое пониманіе члены Ярославскаго комитета обнаружили; объ этомъ свидѣтельствуютъ многія предположенія составленнаго ими проекта.

Это послѣднее обстоятельство и можетъ служить оправданіемъ возстановленія въ памяти современниковъ одной изъ страницъ исторіи подготовки крестьянской реформы.

Къ вопросу объ эволюціи русскихъ конституціонныхъ законовъ.

Памяти Георга Еллинека.

А. А. Алекѣева.

I.

Когда приходится говорить о методологическихъ воззрѣніяхъ Еллинека, причислять его къ той или другой научной школѣ, не достаточно еще отмѣтить, что онъ строго различалъ юридическое трактованіе вопросовъ государственнаго права отъ всякаго другого—историческаго, политическаго и т. д., возставалъ противъ возможности «перенесенія не-юридическихъ методовъ изслѣдованія изъ области соціальной въ юридическую область ученія о государствѣ» [1]). Онъ хорошо сознавалъ всю недостаточность, всю односторонность исключительно правового изученія государства, изученія лишь тѣхъ нормъ, которыми регулируется, должна регулироваться жизнь государства и наряду съ этимъ выдвигалъ необходимость изучать его и съ другихъ точекъ зрѣнія. Онъ понималъ, что государство существуетъ не только въ правѣ, что право, будучи однимъ изъ существенныхъ элементовъ государства, тѣмъ не менѣе не исчерпываетъ собой всего его содержанія. Представляя собой правовой институтъ, государство въ то же самое время и соціальное явленіе, и онъ хорошо зналъ, что для всесторонняго его пониманія необходимо также и изученіе тѣхъ «реальныхъ явленій, изъ которыхъ

[1]) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 38. См. также его System der subjectiven öffentlichen Rechte. 1905. SS. 14 и 17.

слагается конкретная жизнь государства» [1]), что юридическое изученіе государства, будучи обособленнымъ по своимъ цѣлямъ и способамъ, должно сопровождаться и историко-политическимъ, должно на немъ базироваться и отъ него отправляться. Уже въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній «Die Lehre von den Staatenverbindungen», появившемся въ 1882 г., Еллинекъ проводитъ взглядъ, что способы и пріемы юридическаго метода далеко еще недостаточны для выясненія явленія государства, что «необходимость отдѣлять публичное право отъ другихъ научныхъ дисциплинъ о государствѣ вовсе не требуетъ абсолютнаго игнорированія историческаго движенія, которое нерѣдко протекаетъ въ разладѣ съ формами права, не требуетъ игнорированія политики; въ противномъ случаѣ, публичное право было бы лишено важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ для достиженія его собственныхъ цѣлей» (S. 10).

Эта же точка зрѣнія, расширяясь и углубляясь, проходитъ и черезъ другія его работы—«Gesetz und Verordnung», 1887 (S. 192), «System der subjectiven öffentlichen Rechte», 1892 (цит. по изд. 1905 года, S.S. 16, 18—19, 21) и, наконецъ, достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ его послѣднемъ большомъ трактатѣ—«Das Recht des modernen Staats. Bd. I. Allgemeine Staatslehre». 1900. Извѣстно, что въ основу этого труда положено ученіе о двойственной природѣ государства—государство и соціальное явленіе, и правовый институтъ—соотвѣтственно чему онъ распадается на двѣ большихъ части: соціальное ученіе о государствѣ и ученіе о государственномъ правѣ

Въ этомъ признаніи необходимости пополненія юридическаго изученія государства историко-политическимъ, необходимости класть послѣднее въ основу перваго и въ своихъ юридическихъ конструкціяхъ отправляться отъ соціальной дѣйствительности лежитъ существенное и чрезвычайно выгодное отличіе Еллинека отъ представителей формально-юридической школы государствовѣдѣнія съ Лабандомъ во главѣ. Въ то

---

[1]) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 99.

время какъ послѣдніе обращаютъ вниманіе исключительно на правовую сторону государства и ограничиваются только изученіемъ тѣхъ нормъ, которыми должна регулироваться жизнь государства, не считаясь вовсе съ тѣми соціальными процессами, которые происходятъ въ нѣдрахъ этой жизни и которые остаются неуловимыми при помощи пріемовъ формально-юридическаго метода, Еллинекъ идетъ другой дорогой.

Онъ не довольствуется отдѣленіемъ реальнаго бытія государства отъ юридическаго понятія о немъ и требованіемъ особыхъ самостоятельныхъ способовъ изслѣдованія того и другого. Онъ учитываетъ въ то же самое время значеніе могучаго потока политическихъ силъ, движенія котораго не могутъ задержать никакія юридическія загражденія и который, оставляя вовсе нетронутыми тѣ или иныя юридическія формы, заполняетъ ихъ новымъ, совершенно другимъ содержаніемъ. «Для всесторонняго познанія какъ статики государственнаго порядка—говоритъ Еллинекъ,—изучаемаго соціальной наукой о государствѣ, такъ и юридическихъ нормъ этого порядка, изслѣдуемыхъ государственнымъ правомъ, необходимо восполняющее эти науки политическое изученіе государства... Совершенно игнорируя политику, мы можемъ прійти только къ безсодержательнымъ выводамъ или, въ лучшемъ случаѣ, къ познанію бездушнаго государственнаго скелета. Въ теоретическомъ ученіи о государствѣ, какъ наукѣ понятій, все абстрактно; конкретное проявляется въ потокѣ политической жизни, непрерывно мѣняющемъ въ своемъ историческомъ теченіи создаваемые имъ образы» [1]).

Но особенно ярко подчеркиваетъ Еллинекъ необходимость политическаго изученія государства для правильнаго пониманія государственно-правовыхъ проблемъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній, небольшомъ по объему, но чрезвычайно богатомъ по содержанію, а именно въ «Verfassungsänderung und Verfassungswandlung», появившемся въ 1906 году.

---

[1]) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 12—13.

Упомянувъ о выдающихся успѣхахъ, сдѣланныхъ нѣмецкой наукой въ дѣлѣ юридической разработки государственнаго права, онъ отмѣчаетъ съ сожалѣніемъ почти полное игнорированіе ею политическаго изслѣдованія, «его охватываетъ жуткая мысль», что Германія можетъ отстать отъ другихъ странъ въ этой важной отрасли науки. «Вопросы политики у насъ едва-лишь затронуты, тогда какъ у другихъ народовъ они уже стали предметомъ обстоятельной разработки». А между тѣмъ, они должны были бы вызывать къ себѣ величайшій интересъ, захватывать все вниманіе, такъ какъ «мы снова стоимъ передъ мощнымъ процессомъ преобразованія внутреннихъ и внѣшнихъ условій государственной жизни .. Нами же овладѣла сытость, намъ уже лѣнь докапываться до корня великихъ проблемъ государственной жизни, и мы довольствуемся тѣмъ, что шаблонно обсуждаемъ политическія задачи дня» [1]).

Здѣсь Еллинекъ выступаетъ уже не какъ юристъ государствовѣдъ, а какъ политикъ, понимая подъ словомъ—политика— «ученіе о силахъ, создающихъ право и стоящихъ рядомъ съ законодателемъ и надъ нимъ» (S. 38). Здѣсь онъ изучаетъ тѣ измѣненія и преобразованія, которымъ подвергаются конституціи, какъ только онѣ начинаютъ примѣняться къ жизни и которыя обусловлены, какъ онъ говоритъ «самой реальной жизнью, постоянно порождающей явленія, не соотвѣтствующія разумному плану, начертанному законодателемъ... Законодатель имѣетъ дѣло съ силами, управлять которыми онъ считаетъ своимъ призваніемъ; но очень часто онѣ совершенно незамѣтно подымаются противъ него и дерзаютъ даже занять его мѣсто» (S. 4).

Причемъ его интересуютъ главнымъ образомъ такъ называемыя конституціонныя преобразованія (Verfassungswandlungen) т. е. «тѣ измѣненія, которыя оставляютъ текстъ конституцій въ прежнемъ видѣ, т. е. неизмѣненнымъ, и которыя вызываются фактами, не связанными непремѣнно съ намѣреніемъ произвести

---

[1]) Verfassungsänderung und Verfassungswandlung. Vorrede, рус. пер. 1907, стр. 1—2.

такое измѣненіе или съ сознаніемъ, что послѣднее обязательно произойдетъ» (S. 5). Значительная часть его изслѣдованія посвящена именно этимъ преобразованіямъ, скрытымъ отъ глазъ юриста, оперирующаго при посредствѣ формально-юридическаго метода и видоизмѣняющимъ нерѣдко въ корнѣ правно-политическую физіономію страны.

II.

Ученіе Еллинека о преобразованіяхъ конституцій, о тѣхъ измѣненіяхъ ихъ, которыя происходятъ обычно-правовымъ путемъ, оставляя текстъ ихъ совершенно нетронутымъ, является чрезвычайно существеннымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ въ наукѣ государственнаго права. Его не можетъ обойти ни одинъ изслѣдователь, приступающій къ изученію государственнаго строя того или иного государства, не можетъ не считаться съ методологическими воззрѣніями, имъ предложенными. Въ противномъ случаѣ его изслѣдованіе рискуетъ превратиться въ «чуждую жизни и реальнаго знанія чисто-схоластическую дисциплину» [1]).

И наши русскіе конституціонные законы, несмотря на то, что прошло всего лишь пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они изданы и примѣняются, успѣли уже, однако, претерпѣть цѣлый рядъ такихъ «преобразованій», игнорировать которыхъ не можетъ комментаторъ русской конституціи, если только въ своихъ комментаріяхъ онъ хочетъ оставаться на реальной почвѣ. Онъ долженъ изучать тогда не только текстъ конституціи, но и ту соціальную среду, въ которой она дѣйствуетъ и которая не можетъ не отразиться на ней, онъ долженъ также учитывать значеніе политическихъ силъ, создающихъ право помимо законодателя или видоизмѣняющихъ его содержаніе.

Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ преобразованій, причемъ будемъ имѣть въ виду лишь тѣ, которыя вызваны интерпретаціей законовъ какъ со стороны органовъ правитель-

---

1) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 13.

ственной власти, такъ и со стороны представительныхъ учрежденій. Оговариваемся, что, отмѣчая факты, мы воздерживаемся отъ критической ихъ оцѣнки.

Наиболѣе яркимъ образцомъ такой правительственной интерпретаціи служитъ ст 96 основныхъ законовъ. Статья эта представляетъ собой исключеніе изъ общаго законодательнаго порядка, установленнаго статьями 7 и 86 тѣхъ же основныхъ законовъ. Въ то время какъ для изданія законовъ требуется совмѣстное участіе всѣхъ трехъ органовъ законодательной власти, а именно монарха, государственнаго совѣта и государственной думы, «постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, по разсмотрѣніи Военнымъ и Адмиралтействъ Совѣтами по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія, положенія и наказы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны или же вызываемый ими новый расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ Военнаго или Морского министерствъ по принадлежности. Въ томъ же случаѣ, когда новый расходъ не можетъ быть покрытъ указанными сбереженіями, представленіе означенныхъ постановленій, положеній и наказовъ на Высочайшее утвержденіе допускается лишь по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованія соотвѣтственнаго кредита» (ст. 96).

Статья эта, оставаясь неизмѣненной по формѣ, подверглась, однако, существенному преобразованію въ сторону расширенія ея содержанія въ Высочайше утвержденномъ 24 августа 1909 года положеніи совѣта министровъ, опредѣляющемъ порядокъ ея примѣненія. Совѣтское положеніе было издано, какъ извѣстно, въ связи съ вопросомъ о штатахъ морского генеральнаго штаба. Соотвѣтствующій законопроектъ, два раза принятый государственной думой и одобренный при вторичномъ его внесеніи большинствомъ государственнаго совѣта, въ концѣ концовъ не получилъ санкціи мо-

нарха. При обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ весной 1909 года было высказано нѣкоторыми изъ членовъ его, оставшимися, впрочемъ, при голосованіи въ меньшинствѣ, сомнѣніе въ правильности разсмотрѣнія штатовъ законодательнымъ порядкомъ; необходимо, по мнѣнію этихъ членовъ, примѣнить по отношенію къ нимъ путь, установленный ст. 14 и 96 т. е. разсматривать ихъ въ порядкѣ верховнаго управленія, минуя законодательныя учрежденія.

Правила 24 августа, разъясняя смыслъ ст. 96, постановляютъ: «На разрѣшеніе Государя Императора, державнаго вождя россійской арміи и флота... непосредственно представляются всѣ вообще законодательныя дѣла, относящіяся до устройства сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и обороны россійскаго государства, а равно всего управленія арміей и флотомъ, въ томъ числѣ всѣ положенія, наказы, штаты, табели и росписанія по военному и морскому вѣдомствамъ» (п. 1). Изъ приведеннаго текста явствуетъ, какимъ существеннымъ преобразованіямъ подверглась разсматриваемая нами статья. Если ни она, ни другія статьи основныхъ законовъ нигдѣ не называютъ актовъ власти, издаваемыхъ въ порядкѣ верховнаго управленія, законами—въ этомъ отношеніи терминологія нашихъ основныхъ законовъ представляется выдержанной,—августовскія правила отступаютъ отъ этого принципа и передаютъ непосредственному разрѣшенію монарха «*законодательныя дѣла*, относящіяся до устройства сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и обороны россійскаго государства, а равно всего управленія арміей и флотомъ».

Далѣе—ст. 96 говоритъ лишь о «постановленіяхъ по строевой, технической и хозяйственной частямъ», о «положеніяхъ и наказахъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ», тогда какъ совѣтскія правила наряду съ положеніями и наказами называютъ также и «*штаты*, табели и росписанія по военному и морскому вѣдомствамъ», измѣняя тѣмъ самымъ учрежденіе государственной думы, а именно п. 1 ст. 31, на основаніи котораго вѣдѣнію государственной думы принадлежатъ

«предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны».

Само собой разумѣется, что приведеннымъ разъясненіемъ компетенція правительственной власти была значительно расширена, тогда какъ законодательная власть потерпѣла соотвѣтствующія ограниченія.

Къ той же категоріи преобразованій можно отнести также и тѣ измѣненія, которымъ подверглась ст. 87 осн. законовъ. Статья эта, какъ извѣстно, даетъ монарху право при наличности извѣстныхъ условій издавать такъ называемые чрезвычайные указы (Nothverordnungen) временно пріостанавливающіе дѣйствіе законовъ, обладающіе силой равной силѣ законовъ. Не совсѣмъ ясная редакція ея въ той части, которая указываетъ время, когда статья эта можетъ быть использована—«во время прекращенія занятій Государственной Думы», вызвала различное пониманіе ея [1]).

Одинъ изъ первыхъ комментаторовъ 87 статьи проф. Б. Э. Нольде подъ прекращеніемъ занятій думы разумѣетъ какъ промежутки времени, отдѣляющіе одну сессію отъ другой, такъ и перерывы занятій въ теченіе одной и той же сессіи—отсрочка, Vertagung, ajournement,—о которыхъ говоритъ ст. 99 осн. зак. [2]). Напротивъ, другіе изслѣдователи русскаго права отождествляютъ прекращеніе занятій съ закрытіемъ сессіи думы и высказываются за возможность примѣненія этой статьи только въ междусессіонный періодъ, но ни въ коемъ случаѣ не во время пріостановки или отсрочки сессіи [3]).

---

[1]) Интересно отмѣтить, что одинъ изъ проэктовъ этой статьи редактированъ слѣдующимъ образомъ: «Когда въ перерывъ сессіи государственнаго совѣта и государственной думы, чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая и т. д.»—Приведено у проф. Б. Э. Нольде. Ст. 87 основ. зак., въ Извѣстіяхъ Спб. полит. инст. гл. VIII, стр. 2.

[2]) Б. Э. Нольде, назв. соч., стр. 38—39.

[3]) Н. И. Лазаревскій. Лекціи по русскому государственному праву, т. I, изд. 1908 г., стр. 193, Н. И. Паліенко. Основные законы и форма правленія въ Россіи, 1910, стр. 57, А. А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ, 1910 г. стр. 161.—Обстоятельному анализу подвергаетъ терминъ «прекращеніе занятій думы» Я. М. Магазинеръ и приходитъ къ заключенію, что его надо понимать въ смыслѣ закрытія сессіи. См. его «Чрезвычайно-указное право въ Россіи», 1911, стр. 66 сл.

Не разъясняютъ вопроса и ссылки на аналогичныя статьи западно-европейскаго права. § 14 австрійскаго основного закона 21 декабря 1867 г., послужившій образцомъ для нашей 87 ст., отличается такою же редакціонной неясностью. Онъ требуетъ, чтобы при осуществленіи монархомъ принадлежащаго ему чрезвычайно-указнаго права рейхсратъ «не былъ въ сборѣ». И австрійскіе ученые понимаютъ подъ этимъ выраженіемъ закона не только промежутки между сессіями, но и отсрочки засѣданій рейхсрата по распоряженію императора (§ 19 того же закона) [2]). Такое пониманіе ихъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой примѣненія § 14, на основаніи котораго издавались указы не только по закрытіи сессіи, но и во время ея отсрочки [3]).

Та же неопредѣленность по интересующему насъ вопросу господствуетъ и въ прусскомъ правѣ. Ст. 63 прусской конституціи 1850 г. говоритъ лишь о томъ, чтобы «палаты не были въ сборѣ». Одни ученые, какъ-то: Рённе [4]), Глатцеръ [5]) и др. склонны, повидимому, толковать это постановленіе въ смыслѣ междусессіонныхъ промежутковъ. Другіе—Шульце [6]), Борнгакъ [7])—воздерживаются отъ всякихъ комментаріевъ, ограничиваясь лишь одной ссылкой на него.

Лучше другихъ редактированы въ этомъ отношеніи конституціи Брауншвейга (1832 г., § 120) и Японіи (1889 г., ст. 8), которыя разрѣшаютъ издавать чрезвычайные указы «въ промежутки между сессіями» или «когда сессія закрыта».

Обращаясь къ практикѣ примѣненія нашей 87 статьи, мы должны отмѣтить, что чрезвычайные указы издава-

---

[1]) См. напр., Spiegel. Die kaiserlichen Verordnungen mit provis. Gesetzeskraft. 1893. SS. 24—25, Herrnritt. Handbuch des öster. Verfassungsrechtes. 1909. SS. 216—217.—Gumplowicz. Das öster. Staatsrecht. 1891. SS. 18—19 и Hauke. Grundriss des Verfassungsrechts. 1905. S. 106 только приводятъ это постановленіе, не разъясняя его.

[2]) См. Neisser. Zur Geschichte des § 14 des Grundgesetzes über die Reichsvertretung vom 21 Dec. 1867, 1898. SS. 197 ff.

[3]) Staatsrecht der preus. Monarchie. 4 Aufl. Bd. I. S. 374.

[4]) Das Recht der provis. Gesetzgebung. 1899. S. 21.

[5]) Das preussische Staatsrecht. 1877. Bd. II. S. 233.

[6]) Preussisches Staatsrecht. 1888. Bd. I. S. 510.

лись на основаніи ея не только по окончаніи сессіи, но и во время ея перерывовъ. Такъ во время рождественскаго перерыва II сессіи государственной думы III созыва (1908—1909), послѣдовавшаго на основаніи указа монарха, было продлено въ порядкѣ 87 статьи дѣйствіе временныхъ учрежденій и штатовъ министерства путей сообщенія [1]).

Если правительственная власть широко истолковываетъ понятіе «прекращенія занятій Государственной Думы», если она разумѣетъ подъ нимъ не только окончаніе сессіи, но также и перерывъ ея, еще шире понимаетъ она «необходимость въ мѣрѣ», вызываемую наступленіемъ «чрезвычайныхъ обстоятельствъ».

Уже по самому существу своему формула эта—«если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ мѣрѣ»—содержитъ въ себѣ элементы субъективной оцѣнки со стороны тѣхъ, кому приходится къ ней обращаться. Имѣются-ли налицо чрезвычайныя обстоятельства, существуетъ-ли неотложная, настоятельная необходимость въ примѣненіи особыхъ мѣръ—все это вопросы, при разрѣшеніи которыхъ трудно установить какія-либо объективныя мѣрила. Однако, какой бы субъективизмъ мы ни допускали при интерпретаціи этой формулы, онъ не можетъ граничить съ произволомъ, онъ опредѣляется извѣстными сдерживающими его началами. Не достаточно еще, чтобы ясно ощущалась необходимость въ примѣненіи той или иной мѣры для того, чтобы правительство могло прибѣгнуть къ 87 статьѣ. Надо въ то же время, чтобы эта необходимость была вызвана, обусловлена наступленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыхъ не было еще въ моментъ функціонированія народнаго представительства. Только при такомъ условіи возможно обращеніе къ этой статьѣ, только въ этихъ рамкахъ правитель-

---

[1]) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1909 г. № 6.—О постановленіяхъ, изданныхъ по 87 статьѣ см. Законодательные акты переходнаго времени (1904—1908), ред. Н. И. Лазаревскаго, 3 изд., стр. 523 сл., 577 сл.—Наша статья была уже сдана въ печать, когда правительственная власть прервала сессію думы для того, чтобы ввести въ порядкѣ 87 ст. земскія учрежденія въ западныхъ губерніяхъ.

ство можетъ рѣшать вопросъ объ изданіи чрезвычайныхъ указовъ [1]).

Просматривая съ этой точки зрѣнія наши чрезвычайные указы, мы должны констатировать отсутствіе соблюденія этихъ элементарныхъ условій примѣненія 87 ст., должны признать, что правительственная власть значительно расширила заключающееся въ ней содержаніе. Если по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя отрицать того, что въ моментъ ихъ изданія дѣйствительно была необходимость въ мѣрахъ, ими устанавливаемыхъ, эта необходимость существовала и тогда, когда палаты еще были въ сборѣ и когда, слѣдовательно, была возможность использовать обычный законодательный путь. Въ правительственной интерпретаціи чрезвычайные указы теряютъ свой характеръ исключительности и превращаются въ орудіе, посредствомъ котораго правительственная власть вторгается въ законодательную дѣятельность государства.

III.

Посмотримъ теперь, какъ преобразовывались наши конституціонные законы подъ вліяніемъ парламентской практики, какія измѣненія были внесены въ нихъ постановленіями парламентскаго наказа.

Едва-ли приходится настаивать теперь на томъ значеніи, которое принадлежитъ наказу въ качествѣ правообразующаго фактора. Опредѣляя собой правила, которыми руководствуются палаты въ своемъ внутреннемъ дѣлопроизводствѣ, наказъ служитъ какъ бы естественнымъ дополненіемъ къ конституціи, поскольку послѣдняя регулируетъ компетенцію и порядокъ дѣятельности парламента. Постановленія ея никогда не бываютъ исчерпывающими, и парламенту остается болѣе или менѣе широкое поле для самостоятельной работы. Само собой разумѣется, что онъ не долженъ при выработкѣ наказа приходить въ столкновеніе съ конститу-

---

[1]) Нольде. Статья 87 основн. зак., стр. 41 сл., Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право, стр. 79 сл.

ціей, ибо источникомъ его полномочій въ этомъ направленіи является сама же конституція [1]). Однако, на практикѣ принципъ этотъ выдерживается рѣдко, и наказъ, восполняя и интерпретируя конституцію, въ то же самое время вноситъ въ нее значительныя измѣненія. Въ этомъ отношеніи правъ Пьерръ, называя регламенты «страшнымъ оружіемъ въ рукахъ партій, вліяющимъ на ходъ государственныхъ дѣлъ больше, чѣмъ конституціи» [2]).

Обращаясь къ думскому наказу, мы можемъ отмѣтить рядъ дополненій и измѣненій, внесенныхъ имъ въ учрежденіе государственной думы. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Извѣстно, какой сложностью отличается законодательный порядокъ, установленный для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ учрежденіемъ государственной думы и дополненный постановленіями наказа. Законопроекты, внесенные по иниціативѣ правительства, докладываются думѣ предсѣдателемъ ея съ заключеніемъ особаго совѣщанія о томъ, въ какую изъ комиссій необходимо ихъ направить (§ 62 наказа) [3]). Разсмотрѣнные въ комиссіяхъ, они подвергаются троекратному обсужденію въ общемъ собраніи и, принятые имъ, переходятъ въ редакціонную комиссію, откуда вновь поступаютъ на окончательное утвержденіе общаго собранія (§§ 69—81). По отношенію же къ законодательнымъ заявленіямъ, обязаннымъ иниціативѣ членовъ думы (ст. 55—57 учрежд. госуд. думы), эта сложность увеличена еще тѣмъ, что дума должна по каждому такому заявленію вынести особое постановленіе о его желательности или нежелательности и лишь послѣ того, въ случаѣ утвердительнаго постановленія представляется выработать соотвѣтствующій законопроектъ либо надлежащему министру, либо за его отказомъ самой думѣ.

---

[1]) Weiss. Inwieweit ist der deutsche Reichstag Herrseiner Geschäftsordnung? 1906. S. 9.

[2]) Eugène Pierre. Traité de droit politique, électoral et parlementaire. 1908, p. 490.

[3]) Совѣщаніе государственной думы состоитъ изъ предсѣдателя, товарищей его, секретаря и одного изъ товарищей его. О немъ см. §§ 213—223 наказа.

Однако, наказъ этимъ не довольствуется. Онъ вводитъ еще новый моментъ въ процессѣ движенія этихъ законодательныхъ заявленій, а именно онъ предоставляетъ государственной думѣ направлять ихъ первоначально на предварительное разсмотрѣніе особыхъ комиссій по вопросу о желательности такихъ заявленій (§ 64). Принятое въ комиссіи, заявленіе проходитъ затѣмъ установленный путь и подвергается разсмотрѣнію въ общемъ собраніи думы.

Если въ приведенномъ случаѣ наказъ только развиваетъ и дополняетъ учрежденіе государственной думы, онъ можетъ иногда вносить въ него и тѣ или иныя измѣненія. По буквальному смыслу 57 статьи учрежденія государственной думы дума можетъ, разъ она постановитъ о желательности разсмотрѣннаго ею законодательнаго заявленія, приступить къ выработкѣ соотвѣтствующаго законопроекта путемъ образованія изъ своей среды комиссіи только тогда, когда министръ или главноуправляющій отдѣльной частью откажется отъ его составленія. На основаніи же § 67 наказа изъявленіе министромъ или главноуправляющимъ согласія разработать проектъ не препятствуетъ государственной думѣ немедленно передать предложенное заявленіе для самостоятельной выработки законопроекта въ одну изъ существующихъ или особо для этого образованную комиссію. Нельзя не видѣть въ этомъ постановленіи наказа измѣненія закона, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго отступленія отъ буквальнаго его смысла.

Еще бо́льшій интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи особое совѣщаніе при думскомъ президіумѣ, такъ называемый совѣтъ старѣйшинъ, оказывающій значительное вліяніе на ходъ думскихъ работъ, руководящій планомѣрностью занятій думы. Аналогичныя учрежденія мы находимъ и въ практикѣ западно-европейскихъ парламентовъ. Такъ при германскомъ рейхстагѣ имѣется такой Seniorenconvent, состоящій подъ предсѣдательствомъ президента рейхстага изъ уполномоченныхъ различныхъ фракцій. Ни конституція, ни писанный регламентъ ни слова не упоминаютъ о немъ; они вовсе его не знаютъ, и тѣмъ не менѣе онъ играетъ

существенную роль въ жизни рейхстага. Основная задача Seniorenconvent'а заключается въ томъ, что онъ посредствомъ взаимнаго соглашенія между различными фракціями рейхстага устанавливаетъ порядокъ работъ рейхстага и тѣмъ облегчаетъ его дѣятельность. Рѣшенія его не имѣютъ юридической силы для рейхстага, но фактически разсматриваются имъ какъ руководящія и опредѣляющія его работы [1]).

То-же самое можно сказать и относительно нашего совѣта старѣйшинъ. Ст. 12 учрежденія государственной думы постановляетъ: «для соображеній общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея предсѣдателя состоитъ Совѣщаніе, въ составъ коего входятъ товарищи предсѣдателя Думы, а равно секретарь Думы и одинъ изъ его товарищей, постановленіемъ Думы къ тому назначенный», а §§ 213—223 наказа ближе и точнѣе опредѣляютъ организацію этого совѣщанія, порядокъ его дѣятельности и компетенцію. Но ни учрежденіе государственной думы, ни наказъ ея въ тѣхъ частяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общемъ ходѣ работъ думы, о распредѣленіи ея занятій, не говорятъ вовсе объ институтѣ старѣйшинъ [2]). Существованіе его покоится исключительно на обычномъ правѣ.

Вызванный къ жизни вопреки прямому смыслу ст. 12 учрежд. думы, дополняя и видоизмѣняя ее, совѣтъ старѣйшинъ отличается чрезвычайной жизнеспособностью. При раздробленности нашихъ политическихъ партій, при отсутствіи въ думѣ сплоченнаго большинства, которое могло бы руководить парламент-

---

[1]) О Seniorenconvent'ѣ рейхстага см. Kurt Perels. Das autonome Reichstag. 1903. SS. 31—33, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія. Интересно отмѣтить, что нѣмецкіе ученые – Georg Meyer, Anschütz и др.—въ своихъ обзорахъ государственнаго права вовсе не упоминаютъ объ этомъ учрежденіи.

Объ аналогичныхъ учрежденіяхъ другихъ странъ см. статью П. Гронскаго «Совѣтъ Старшинъ», въ журналѣ Право, 1910 г., №№ 4—5.

[2]) § 222 наказа предоставляетъ, правда, предсѣдателю возможность пригласить къ участію въ засѣданіи совѣщанія, съ правомъ совѣщательнаго голоса, тѣхъ членовъ думы, которыхъ онъ признаетъ полезнымъ привлечь къ разсмотрѣнію даннаго вопроса, но онъ не даетъ никакихъ указаній на то, какіе изъ членовъ думы приглашаются на это расширенное совѣщаніе, какіе вопросы обсуждаются въ немъ и т. д.

скими работами, ему принадлежитъ незамѣнимая заслуга упорядоченія думскихъ занятій. И не только дума, но и правительственная власть считаются теперь съ этимъ учрежденіемъ, съ той большой ролью, которая выпадаетъ на его долю въ нашей парламентской жизни [1]).

Назовемъ здѣсь еще ст. 40 учрежд. государственной думы, практика примѣненія которой можетъ послужить, а отчасти уже и послужила—по крайней мѣрѣ имѣется нѣсколько прецедентовъ въ этомъ направленіи—для пріобрѣтенія думой одного изъ существенныхъ правъ, принадлежащаго всюду народнымъ представителямъ.

Въ то время, какъ на Западѣ предметомъ парламентской интерпелляціи могутъ быть какъ незакономѣрныя, такъ и нецѣлесообразныя дѣйствія правительственной власти, въ то время, какъ тамъ посредствомъ интерпелляціи парламентъ вліяетъ на государственное управленіе, наши палаты могутъ «обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросомъ по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незакономѣрными» (ст. 108 осн. зак.). Необходимо, чтобы дѣйствія, исходящія отъ агентовъ власти, противорѣчили закону, были незаконны, только тогда дума (совѣтъ) можетъ обратиться съ запросомъ къ правительству. Если же такого противорѣчія нѣтъ, если правительство, оставшись въ границахъ закона, совершаетъ акты нецѣлесообразные, не находящіе себѣ поддержки со стороны народныхъ представителей, палата не можетъ реагировать на нихъ посредствомъ запросовъ, которые, по вѣрному замѣчанію В. А. Маклакова, представляютъ собой «исключительное орудіе борьбы за законность» [2]).

Отмѣченный недостатокъ восполняется у насъ ст. 40 учрежд. думы, которая можетъ служить какъ цѣли освѣдомленія думы по интересующему ее вопросу, такъ

---

[1]) Интересныя данныя о дѣятельности совѣта старѣйшинъ и оцѣнка его приведены въ цитир статьѣ П. Гронскаго.

[2]) В. А. Маклаковъ. Законность въ русской жизни. Вѣстникъ Европы. 1909, май, 265.

и даетъ ей возможность извѣстнаго вліянія въ области управленія [1]). Статья эта надѣляетъ государственную думу правомъ «обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ». Въ наказѣ мы находимъ лишь немногія указанія, касающіяся пользованія ею, а именно § 100 опредѣляетъ, кѣмъ вносятся въ думу заявленія объ обращеніи къ министрамъ и главноуправляюшимъ за разъясненіями по ст. 40, а § 101 поясняетъ, куда они должны быть направлены. Практика же примѣненія этой статьи отступила отъ буквальнаго ея текста и истолковала ее въ томъ смыслѣ, что «разъясненія» могутъ быть требуемы отъ правительства не только по поводу тѣхъ дѣлъ, которыя въ данный моментъ думой разсматриваются, но по поводу всѣхъ вообще дѣлъ, падающихъ въ ея компетенцію [2]), и если третья государственная Дума рѣдко прибѣгала къ этой статьѣ, если она почти позабыла объ ея существованіи, она тѣмъ не менѣе создала прецеденты, опредѣлившіе направленіе, въ которомъ эта статья можетъ примѣняться и, нѣсколько видоизмѣнивъ ее и дополнивъ ею ст. 108 основ. зак. (ст. 33 и 58—60 учрежд. Государственной Думы), сдѣлала изъ нея орудіе борьбы и за цѣлесообразность управленія.

IV.

Мы не останавливаемся на другихъ способахъ, отмѣченныхъ Еллинекомъ, посредствомъ которыхъ преобразовываются конституціи и дѣйствіе которыхъ можно прослѣдить и на нашихъ конституціонныхъ законахъ, а именно на вліяніи политической необходимости, непримѣненія нѣкоторыхъ институтовъ и т. д. Но и сказаннаго, думается намъ, достаточно, чтобы показать,

---

1) Что западно-европейскія интерпелляціи служатъ не только контролирующимъ средствомъ, но преслѣдуютъ также и цѣли информаціонныя см. Rosegger. Das parlamentarische Interpellationsrecht. 1907. S. 7.

2) См. Б. Ландау. Запросы и вопросы въ государственной думѣ. Журналъ Министерства Юстиціи. 1910, 6, 189 сл.

какъ вѣрны и глубоки замѣчанія, имъ высказанныя, насколько недостаточны пріемы одного формально-юридическаго метода для ознакомленія съ государственнымъ строемъ того или иного государства. Соціально-политическое изученіе государства должно предшествовать юридическому, должно служить тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строится юридическое зданіе, ибо соціально-политическіе процессы, регулируемые правомъ, даютъ ему содержаніе и нерѣдко мѣняютъ его при неизмѣнности внѣшнихъ формъ права.

Еллинекъ предостерегаетъ отъ слишкомъ часто наблюдаемаго смѣшенія писанной конституціи съ фактической, отъ ихъ отождествленія; только въ послѣдней, говоритъ онъ, и находитъ свое выраженіе дѣйствительная жизнь государства [1]). И для того, чтобы постигнуть ее, чтобы изучить право дѣйствительно существующее, дѣйствующее, а не только оффиціально зарегистрированное, нельзя ограничиваться изученіемъ только конституціонныхъ текстовъ, нельзя довольствоваться только формальными опредѣленіями; необходимо изучать въ то же самое время и тѣ соціально-политическія явленія, которыя происходятъ подъ покровомъ права и которыя даютъ праву жизнь и содержаніе.

Закончимъ нашу замѣтку словами Еллинека, въ которыхъ рельефно отразились его методологическія воззрѣнія. «Наука права утверждаетъ, говоритъ онъ, что суверенное государство стоитъ выше всякой другой организованной власти и никакой власти не подчинено. Но могучимъ силамъ соціальной жизни, дѣйствующимъ не въ формѣ сознательной, направляемой волей силы, подвластенъ и этотъ суверенъ. Юристъ долженъ поэтому остерегаться смѣшенія его нормъ, долженствующихъ управлять жизнью государства, съ самой этой жизнью. Всѣ формально-юридическія представленія о всемогуществѣ государства, гипотетически вполнѣ допустимыя, исчезаютъ, какъ только мы изъ міра юридически возможнаго вступаемъ въ міръ соціальной дѣйствительности. Здѣсь дѣйствуютъ историческія силы, которыя

---

[1]) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 249.

образуютъ и разрушаютъ самодовлѣющее бытіе государства, лежащее внѣ всякихъ юридическихъ конструкцій. Къ этому самодовлѣющему бытію приложимы геніальныя слова столь часто непонимаемаго нѣмецкаго мыслителя: для образованія, бытія и паденія государствъ не существуетъ иного форума, кромѣ суда міровой исторіи. Нормы этого суда, безъ сомнѣнія, не совпадаютъ съ нормами юристовъ» [1]).

---

[1]) Allgemeine Staatslehre, рус. пер. 1908, стр. 90.

Объѣзды королевскихъ судей въ Англіи.

П. И. Люблинскаго.

I.

Въ процессѣ постоянной смѣны правовыхъ явленій встрѣчаются институты, переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ непреложное наслѣдіе прошлаго и завѣтъ для будущаго. Возникнувъ путемъ осажденія болѣе цѣнныхъ элементовъ изъ тѣхъ, которые проходятъ въ полосѣ историческихъ теченій, они образуютъ собою какъ бы неподвижные островки, очертанія которыхъ изрѣдка только мѣняются подъ вліяніемъ новыхъ приращеній или отмывовъ, но главная масса остается тою же. Существованіе такихъ старыхъ наслоеній въ правѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основу ихъ положена жизнеспособная правовая идея, могущая выдерживать напоръ новыхъ и болѣе сложныхъ жизненныхъ отношеній. Своеобразіе же ихъ внѣшней формы есть только атрибутъ величія, придающій имъ особенную силу вліянія.

Консерватизмъ въ правѣ, если только это право развивалось не какъ результатъ случайнаго вліянія отдѣльныхъ лицъ или теченій, а какъ постепенное укрѣпленіе болѣе пригодныхъ и цѣнныхъ правовыхъ институтовъ, въ сущности, является признакомъ здоровой правовой психики. Этотъ консерватизмъ придаетъ особую прочность всему правопорядку и составляетъ надежную базу для сложныхъ разсчетовъ, руководящихъ соціальною и экономическою жизнью народа [1]).

---

[1]) Долженъ оговориться, что здѣсь я имѣю въ виду организаціонныя, но не распредѣлительныя нормы права.

Основнымъ условіемъ для силы и значенія правопорядка является уваженіе къ лежащему въ основѣ его правовому авторитету. При личномъ характерѣ правового творчества, когда этотъ авторитетъ присвоивается одному лицу или группѣ лицъ, основаніемъ этимъ является извѣстная привычка личнаго подчиненія, выработанная долгимъ процессомъ властвованія. Въ строѣ, основанномъ на развитіи самодѣятельности и на независимости отдѣльныхъ членовъ или группъ, авторитетъ власти замѣняется авторитетомъ традиціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, для надлежащаго уваженія къ источнику авторитета, необходима извѣстная отдаленность его отъ средняго уровня. Если власть должна быть высокой, то традиція должна быть глубокой. Характеръ нашей психики таковъ, что уваженіе намъ внушается разстояніемъ. Все, стоящее близко къ человѣку, къ чему онъ можетъ перешагнуть черезъ мостъ своей дѣятельности, мало уважается; наоборотъ, тамъ, гдѣ необходимо взбираться по лѣстницѣ іерархіи или спускаться по родословному дереву, тамъ создается идея величія, въ формѣ ли величія власти или величія исторіи. Нужно преодолѣть много препятствій и сдержекъ, чтобы побѣдить это разстояніе и подчинить соотвѣтственное явленіе сферѣ своей дѣятельности. И не безъ основанія принципъ разстоянія играетъ такую существенную роль во всѣхъ формахъ этикета. Въ области права весьма существенно, чтобы его велѣнія пользовались авторитетомъ «святости», «непреложности». Только тогда начало правомѣрности будетъ уважаться и тѣмъ, кто, можетъ быть, и почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы безнаказанно нарушить его въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ. Поэтому важно и знаменательно, что у воспитаннаго въ правовомъ отношеніи народа право разсматривается не какъ простая система утилитарныхъ и практическихъ правилъ, а какъ величественное зданіе, таящее въ себѣ драгоцѣнный для народа авторитетъ.

Говоря о величіи права, мы противопоставили два источника его: величіе власти и величіе традиціи. Континентальная правовая жизнь характеризуется пре-

обладающимъ вліяніемъ перваго источника. Здѣсь уже почти все право успѣло перейти на почву авторитета власти, въ которой оно и почерпаетъ свою силу и стойкость. Инымъ характеромъ до сихъ поръ отличается право Англіи. Тамъ еще крѣпокъ авторитетъ традиціи и существуютъ цѣлыя области права, которыхъ еще не касалась рука законодательной власти. Интенсивная законодательная дѣятельность въ Англіи есть явленіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Въ началѣ XVII вѣка, по подсчету лорда Бэкона, въ Англіи было 2171 статутъ; теперь же ихъ насчитывается болѣе 30000. Самый авторитетъ Парламента можно, до извѣстной степени, свести къ авторитету традиціи. Ученіе о его всемогущности есть только теоретическое положеніе; оно нашло свое признаніе лишь въ послѣднее столѣтіе, но и теперь на практикѣ есть много областей традиціоннаго права (напр. судъ присяжныхъ, права личной свободы, мѣстное управленіе и пр), на которыя не можетъ посягнуть Парламентъ, не будучи поддержанъ широкими массами населенія. Реформа традиціоннаго права veto Палаты Лордовъ потребовала двукратной апелляціи къ населенію; исторія знаетъ рядъ случаевъ, когда постановленія Парламента, посягавшія на нѣкоторыя стороны традиціоннаго права, позднѣе отвергались, какъ незаконныя и возмутительныя. Постановленія этого традиціоннаго права, въ судебной области извѣстнаго подъ именемъ common law, крѣпкими корнями вросли въ народную психологію и составляютъ базу англійскаго правового консерватизма.

Но бываетъ и такъ, что правовой институтъ, введенный велѣніемъ власти, пускаетъ глубокіе корни въ жизни народа и превращается въ традиціонное право, трудно поддающееся законодательнымъ видоизмѣненіямъ. Примѣромъ этого является практика объѣздовъ королевскихъ судей (circuit-system), совершаемыхъ ежегодно въ опредѣленные сроки съ цѣлью сдѣлать правосудіе близкимъ для населенія. Она существуетъ безъ серьезныхъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій въ правовой жизни Англіи и составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей англійской судебной системы.

Въ настоящее время, благодаря существеннымъ измѣненіямъ въ укладѣ соціальной жизни, эта практика является громоздкой и сложной, и постепенно клонится къ упадку. Этотъ процессъ угасанія одного изъ старинныхъ правовыхъ институтовъ, въ теченіе вѣковъ служившихъ источникомъ великаго правового свѣта, намъ и хотѣлось бы изобразить въ настоящей статьѣ.

Учрежденія, покоящіяся на авторитетѣ власти, легко могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы этой властью. Иначе обстоитъ дѣло съ учрежденіями, находящимися на авторитетѣ традиціи. Англійскій Парламентъ никогда не рѣшается какимъ либо своимъ постановленіемъ покончить съ стариннымъ учрежденіемъ. Онъ предоставляетъ жизни творить свою разрушительную работу, отмѣчая только порою статутами уже фактически свершившіяся перемѣны. Граница между бытіемъ и небытіемъ отдѣльныхъ старинныхъ институтовъ порою не можетъ быть опредѣлена. По буквѣ закона здѣсь еще многое существуетъ изъ того, что давно уже похоронено подъ пылью вѣковъ. И въ торжественныхъ случаяхъ вынимаются иногда пышныя облаченія старинныхъ должностей и обрядовъ, внутреннее содержаніе которыхъ уже давно успѣло перелиться въ другія формы и учрежденія. Это медленное отмираніе характерно для всей области традиціоннаго права. Жизненная борьба переходитъ на новыя позиціи, а старыя формы, словно покинутые редуты, свидѣтельствуютъ, что и здѣсь когда-то происходило напряженіе силъ, боролось и страдало человѣчество.

II.

Обычай отправленія королевскихъ посланцовъ для вершенія различныхъ дѣлъ вводится въ Англіи, повидимому, съ XI вѣка, со времени обоснованія здѣсь норманнской династіи. Норманнскіе короли оставляютъ старую практику личныхъ объѣздовъ страны [1]), съ

[1]) О непосредственныхъ разъѣздахъ короля см. *Stubbs.* Constitutional History II, 388—9, *Stephen.* History ot criminal law. vol. I, 88. 97. См. также отдѣльные примѣры участія въ судѣ Генриха II у *Carter* English legal institutons 1906 p. 66—67.

которой они были мало знакомы первое время, и вводятъ королевскихъ посланцевъ (missi dominici), извѣстныхъ франкскимъ монархамъ еще со времени Карла Великаго.

Благодаря частымъ отлучкамъ королей въ Нормандію, учрежденіе это сразу пустило прочные корни. Посланцы короля не имѣли самостоятельной и опредѣленной власти [1]). Посылая ихъ, король каждый разъ вручалъ имъ грамоту, въ которой указывались всѣ возложенныя на нихъ порученія, отчего и самая грамота называется порученіемъ (commission). Въ числѣ этихъ порученій право наложенія взысканій на преступниковъ встрѣчается уже съ начала XII вѣка [2]). Наложеніе наказаній было только однимъ изъ полномочій, въ осуществленіи котораго король былъ заинтересованъ вслѣдствіе крупныхъ штрафовъ и конфискацій, поступавшихъ въ его пользу съ преступниковъ. Наряду съ нимъ стоятъ и другія порученія—взысканіе налоговъ, контроль надъ дѣятельностью мѣстныхъ административныхъ органовъ, возстановленіе нарушенныхъ правъ и т. д. Королевскіе судьи были сначала скорѣе общими ревизорами графства, дѣйствовавшими въ интересахъ короля. Ревизующіе судьи сначала назначались изъ приближенныхъ короля или высшихъ духовныхъ лицъ. Такъ у Ralph de Diceto мы читаемъ, что Генрихъ II посылалъ «то аббатовъ, то графовъ, то капелановъ, то своихъ придворныхъ, то, наконецъ, своихъ близкихъ друзей для слушанія и разрѣшенія дѣлъ» (Roll Series I, 434); въ спискахъ justices in Eyre мы встрѣчаемъ имена епископовъ Worchester, Ely и Norwich.

Между полномочіями, вручавшимися объѣзднымъ судьямъ (itinerant justices) уже въ самую раннюю эпоху

---

[1]) Свѣдѣнія о посылкѣ уполномоченныхъ короля «ad investiganda regalia placita» (т. е. королевскихъ дѣлъ вообще) встрѣчаются уже въ эпоху Вильгельма Завоевателя. *Carter.* History of English legal institutions 1906, p. 63.

[2]) У *Stubbs* приводится нѣсколько примѣровъ, относящихся къ ранней эпохѣ. Такъ въ 1124 г. во время пребыванія короля въ Нормандіи, между днемъ Св. Андрея и Рождествомъ, Ralf и Basset съ совѣтомъ старѣйшихъ въ Лейчестрѣ казнили много преступниковъ: «Suspenderunt ibi tot fures quot antea nunquam». Pipe Roll подъ 1130 г. упоминаетъ о 10 судьяхъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ имена Ralf и Basset, осуществлявшихъ карательную власть.

намѣчаются двѣ разновидности. Одни полномочія, касавшіяся всей системы внутренняго управленія, охватывали и судебныя и административныя и финансовыя дѣла. Носителями ихъ являлись justices in eyre (судьи—ревизоры). Въ ту эпоху различіе между юстиціей и администраціей еще не установилось и обѣ поглощались понятіемъ фискальнаго интереса. Эта слитность обѣихъ функцій будетъ вполнѣ понятной, если мы представимъ себѣ, что отправленіе правосудія со стороны короля сводилось не къ рѣшенію вопроса о виновности и не къ примѣненію законовъ, а къ назначенію и исполненію наказанія или иного принужденія въ цѣляхъ возстановленія права. Обладая наибольшей силой принужденія, король или его судьи могли побѣждать всѣ существовавшія на мѣстахъ препятствія. И за предоставленіе этой силы принужденія, за обращеніе судейскаго меча на службу данной общины приходилось платить такъ же, какъ и сами короли платили за предоставленіе имъ вооруженной помощи во время войнъ или усмиреній.

Другой формой, возникшей позднѣе, лишь въ XIII в. является болѣе узкая commission, спеціально касавшаяся судейскихъ функцій, главнымъ образомъ отправляемыхъ совмѣстно съ присяжными. Она называлась commission of assize, а сами объѣздные судьи получили названіе justices of assizes.

Justices in eyre встрѣчаются уже въ Кларендонскихъ ассизахъ (1166 г.), много именъ ихъ содержится въ спискахъ казначейства (exchequer rolls 1170), [1]), но можно думать, что разъѣзды ихъ были нерегулярными и лица для участія въ этихъ разъѣздахъ назначались болѣе или менѣе случайно. Существенная реформа въ этой области проводится Генрихомъ II въ Норгэмптонскихъ ассизахъ 1176 [1]), со времени которыхъ и можно считать систему объѣздовъ прочно установившейся. Въ этомъ году Генрихъ II раздѣлилъ всю страну на 6 округовъ и назначилъ 18 судей для объѣздовъ [2]).

[1]) Ст. *Stephen*, I p. 100.

[2]) «Communi omnium concilio divisit regnum sunm in sex partes; per quarum singulas tres justitiarios itinerantes constituit quorum nomina sunt haec etc». (*Stubbs*. I, 602).

Въ 1176 г. число ихъ было доведено до 21. Обязанности этихъ судей были до чрезвычайности разнородны. Такъ по одному списку казначейства отъ 1194 г. имъ поручается рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ королевскому двору (curia regis), разслѣдованіе о выморочныхъ имуществахъ, о церквахъ, подаренныхъ королю, объ опекунахъ, бракахъ, пособіяхъ, о ростовщичествѣ, о продажѣ вина противъ правилъ, о собственности погибшихъ крестоносцевъ; они должны рѣшать споры о землѣ, собирать налоги съ городовъ и королевскихъ земель, изслѣдовать стоимость различныхъ земель, съ которыхъ платятъ повинности королю и т. д. Перечисленіе функцій ихъ, встрѣчающееся у Брактона, писателя середины XIII в., занимаетъ нѣсколько страницъ и обнимаетъ всѣ отрасли тогдашняго управленія. Имъ шерифы представляли полный отчетъ объ управленіи и финансахъ, и они взыскивали за всякаго рода неисправности.

Пріѣздъ ревизующихъ судей въ графство былъ обставленъ большою торжественностью. По крайней мѣрѣ за 15 дней до пріѣзда шерифу графства посылалось общее предписаніе съ требованіемъ созвать въ опредѣленномъ мѣстѣ всѣхъ знатныхъ гражданъ графства: архіепископовъ, епископовъ, бароновъ, рыцарей и свободныхъ держателей земли: кромѣ того отъ всякаго селенія (township) должно было явиться по старостѣ съ четырьмя засѣдателями (reeve and four legal men) и отъ всякаго города (borough) по 12 гражданъ (burgesses) и кромѣ того должны придти omnes alii qui coram justitiariis itinerantibus venire solent et debent». Сначало разсматривались важнѣйшія уголовныя дѣла, которыя остались нерѣшенными со времени послѣдняго объѣзда. Затѣмъ производится розыскъ о всевозможныхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ, съ которыми связанъ фискальный интересъ (о патронатѣ, церковныхъ имуществахъ, пожиткахъ убитыхъ евреевъ, ростовщичествѣ, выморочныхъ имуществахъ, о монетѣ, о рынкахъ, о налогахъ, завладѣніи чужой землей и т. п.). При этомъ шерифъ со своими помощниками и констеблями давалъ нужную информацію и приводилъ присяжныхъ. Засѣданіе начиналось съ чтенія королевской

грамоты. Затѣмъ судья произносилъ рѣчь, въ которой объяснялъ цѣль пріѣзда: quae sit causa adventus eorum et quae sit utilitas itinerationis et quae commoditas si pas observetur» (Bracton 115). Послѣ этой рѣчи провозглашается публично прокламація судей приносить имъ всѣ жалобы на королевскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ (public proclamation). Объявивъ торжественно о цѣли своего прибытія, судьи удаляются для совѣщанія съ магнатами, «ab quorum nutu dependent vota aliorum» [1]). Изъ этихъ мѣстныхъ магнатовъ нѣкоторые вносятся обыкновенно въ королевскую грамоту и образуютъ какъ бы совѣтъ при судьѣ.

По возвращеніи судей въ судъ шерифъ передаетъ имъ свой жезлъ и принимаетъ присягу исполнять ихъ предписанія. Сначала провѣряются протоколы (rolls) шерифа и коронеровъ, какъ болѣе высшихъ органовъ власти. Затѣмъ вызываются сержанты и байлифы отъ сотенъ. Они избираютъ четырехъ рыцарей. Эти послѣдніе избираютъ 12 присяжныхъ изъ числа рыцарей или свободныхъ людей. Имъ прочитываются и вручаются «capitula itineris», т. е. пункты, по которымъ требуется отъ нихъ точный отвѣтъ къ опредѣленному дню. Эти capitula, по словамъ Брактона «quae illis duodecim proponenda sunt, quandoque variantur secundum varietatem temporum et locorum et quandoque augentur quandoque miniuntur». Чрезъ нѣкоторое время присяжные являлись со своими presentments и доводили до свѣдѣнія власти обо всѣхъ интересующихъ ихъ вопросахъ. При своемъ отвѣтѣ присяжные не были свободны. Судьи имѣли въ своихъ рукахъ оффиціальные списки шерифа и коронера, посредствомъ которыхъ провѣряли presentments присяжныхъ, и въ случаѣ упущеній и умолчаній присяжные могли быть подвергнуты штрафу. Отчеты объ объѣздахъ XII и XIII вѣковъ, приводимыя у Maitland [2]), полны такихъ штрафовъ,

---

[1]) У Bracton эти магнаты названы «busones», что нѣкоторые производятъ отъ «barones». *Pollock* и *Maitland* (I p. 540) высказываютъ маловѣроятное предположеніе, что это слово произошло отъ французскаго «besoin» и означаетъ «дѣловыхъ людей».

[2]) См. *Maitland.* Pleas of the Crown of Cloucester. Пріѣзжіе судьи здѣсь внимательно изучаютъ presentments присяжныхъ, противъ которыхъ

Общая ревизія (general eyre), касаясь всѣхъ сторонъ мѣстной дѣятельности, была далеко не изъ пріятныхъ для жителей графства. И хотя они много терпѣли отъ злоупотребленій своего шерифа, но все же королевскій судья, получившій инструкцію по возможности больше собирать для казначейства, былъ еще страшнѣе. «Ихъ пріѣздъ—пишутъ Pollock и Maitland (History of English law I p. 181) былъ ужасенъ, какъ чума; послѣ ихъ посѣщенія округъ оставался разореннымъ вслѣдствіе штрафовъ и взысканій. Въ одномъ случаѣ жители спасались отъ пріѣзда ихъ бѣгствомъ». Послѣ борьбы удается населенію настоять на томъ, чтобы такія ревизіи происходили не чаще, чѣмъ разъ въ семь лѣтъ [1]), и эта практика ревниво отстаивалась. Такъ въ 1261 г. жители графства Уорчестеръ отказались допустить ревизующаго судью въ свою страну, такъ какъ не истекъ еще семилѣтній промежутокъ. Въ XIV вѣкѣ укрѣпившіяся общины вносятъ неоднократно петиціи объ упраздненіи этихъ объѣздовъ. Такъ въ 1348 году (22 Edw. III) общины ходатайствуютъ: «Eyres des justices et general enguerrez par tote la terre cesse». На это слѣдуетъ отвѣтъ короля, что онъ будетъ прибѣгать къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Это обѣщаніе подтверждается въ 1371 г., когда король обѣщаетъ не издавать общихъ грамотъ «hors qe en horrible cas». Далѣе мы находимъ такіе петиціи въ 1382, 1397 гг., когда общины присоединяютъ также просьбы объ общемъ прощеніи всѣхъ штрафовъ, наложенныхъ при такихъ объѣздахъ, кромѣ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ [2]). Къ концу XIV вѣка можно считать практику общихъ судебныхъ ревизій прекратившеюся.

Непопулярность и вымираніе общихъ ревизіонныхъ объѣздовъ объясняется прежде всего ихъ крайней обременительностью для графствъ. Эти объѣзды были хорошимъ средствомъ взиманія штрафовъ и повинностей

отмѣчено: «dicunt», «sciunt», «nesciunt», «malicredunt», «stulta presentatio» и пр. Противъ отдѣльныхъ вердиктовъ часто помѣчена сумма штрафа: juratores in misericordia.

[1]) Bitton I, 3.

[2]) *Stephen.* History I p. 104.

до тѣхъ поръ, пока не развилась практика регулярныхъ «субсидій» со стороны Общинъ коронѣ. Укрѣпленіе въ XIV вѣкѣ Палаты Общинъ, состоявшей изъ представителей тѣхъ же графствъ, привело къ протесту ихъ противъ стараго способа обогащенія казны. Нужная королю информація о мѣстныхъ дѣлахъ, о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ чиновниковъ и т. д. точно также теперь могла происходить чрезъ посредство Общинъ. Но, съ другой стороны, не мало поводовъ къ сѣтованіямъ давало и то положеніе, которое занимали justices in eyre. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ полноту какъ судебной, такъ и административной власти, они были безконтрольными распорядителями на мѣстахъ. И въ то время, какъ къ ихъ судебнымъ функціямъ относились благосклонно [1]), ихъ административно-принудительная дѣятельность встрѣчала рѣзкій отпоръ. Паденіе ихъ къ концу царствованія Эдуарда III было результатомъ побѣды мѣстнаго самоуправленія. И здѣсь съ XIV вѣка вмѣсто чрезвычайныхъ полномочій королевскихъ ревизующихъ судей сталъ развиваться въ то время скромный, но зато постоянный контроль со стороны мировыхъ судей.

Вмѣсто полновластнаго судьи и администратора, какимъ являлся justice in eyre, съ XIII вѣка начинаетъ развиваться типъ королевскаго судьи, лишеннаго административныхъ функцій—*judge of assize.* Ассизными судьями называются такіе уполномоченные короля, которымъ выдается грамота съ чисто судейскими порученіями: относительно держанія ассизовъ, очистки тюремъ (gaol delivery) и разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ (oyer and terminer). Слово «assize» имѣетъ нѣсколько значеній. Первоначальнымъ является: «засѣданіе», «собраніе». Затѣмъ это слово стало обозначать и тѣ постановленія, которыя были изданы на собраніи, напр. Assizes of Clarendon, Assizes of Northampton [2]).

---

[1]) *Holdsworth* History I p. 115.

[2]) «Ассизовъ» было собственно четыре: одни Grande Assize, упоминаемыя въ Magna Charta 1215 г., когда держателю земли предоставлялось отказаться отъ поединка, предлагавшагося ему лицомъ, претендовавшимъ на землю, и передать дѣло въ королевскій судъ на рѣшеніе—inquest—присяжныхъ; и три petty assizes: 1) *novel disseisin* (seisin—владѣніе)—иски о недавно

Наконецъ, оно распространилось на содержаніе тѣхъ постановленій. Этимъ содержаніемъ былъ институтъ присяжныхъ, привлекаемый для рѣшенія земельныхъ споровъ, установленный при Генрихѣ II Кларендонскими и Норгемптонскими ассизами. Отсюда, между прочимъ, проистекаетъ континентальное употребленіе слова «ассизы» съ смыслѣ суда присяжныхъ.

Новый способъ рѣшенія земельныхъ споровъ посредствомъ вердикта обыскныхъ людей—присяжныхъ, замѣнившій ордаліи и поединокъ, сразу сталъ весьма популяренъ и населеніе стало ходатайствовать о томъ, чтобы грамоты съ этими полномочіями выдавались почаще. Такъ уже великая хартія Іоанна Безземельнаго въ § 18 постановляетъ, чтобы они выдавались 4 раза въ годъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о популрности ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (9 Непгу III с. 12), однако, это число было сокращено до одного раза въ годъ и, наконецъ въ 1285 г. (13 Edw. I с. 30) для такихъ объѣздовъ было установлено три срока въ годъ. Частые объѣзды судей для держанія ассизовъ и ихъ увеличивающаяся популярность привели къ тому, что этимъ судьямъ стали поручаться и новыя функціи, ранѣе принадлежавшія только justices in eyre. Такъ въ 1299 г. (27 Edw. I с. 3) постановляется, чтобы эти судьи занимались освобожденіемъ на поруки заключенныхъ (gaol delivery) [1]). Это порученіе подтверждается въ

происшедшемъ нарушеніи владѣнія, причемъ присяжные рѣшали, произошло ли нарушеніе и было ли оно «injuste et sine judicio»; 2) *of mort d'ancestor*, дававшіе защиту наслѣдникамъ насильственно лишеннаго имѣнія лица; эти наслѣдники могли еще не вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ и потому первый видъ не могъ быть примѣненъ; присяжные опредѣляли степень родства; 3) *darrein presentment* и *Utrum*. Оба касались церкви. Первое состояло въ правѣ назначенія лица на вакантную церковную бенефицію. Право назначенія было весьма выгодно, ибо при большихъ владѣніяхъ церкви эти должности покупались за крупныя деньги. Присяжные рѣшали, кому принадлежитъ право назначенія. Utrum—касалось опредѣленія того, является ли какая либо земля церковной или нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса было важно для опредѣленія подсудности жившихъ на этой землѣ поселянъ.

[1]) «Чтобы ассизные судьи освобождали изъ тюрьмы графствъ и городовъ всякаго рода заключенныхъ согласно формамъ, примѣнявшимся донынѣ». (13 Edw. I). Полный текстъ ея приведенъ у *Holthworth*. History I. Appendix.

въ 1328 году [1]). Порученіе очистить тюрьмы требовало частаго предоставленія и потому ассизные судьи, бывшіе раньше только гражданскими судьями, понемногу пріобрѣтаютъ и уголовную компетенію. Она укрѣпляется еще дальнѣйшимъ порученіемъ--oyer and terminer (выслушать и разрѣшить), которымъ представлялось судьямъ право собиранія обвинительныхъ актовъ (indictments) отъ обвинительнаго жюри. Это порученіе, согласно латинской формулѣ, дается «ad inquirendum, audiendum et terminandum», тогда какъ порученіе очистки тюремъ: «ad gaolam nostram castri nostri de C. de prisonibus in ea existentibus hac vice deliberandum». Къ этимъ порученіямъ уголовнаго характера постепенно присоединяется право рѣшать гражданскія дѣла. Такъ знаменитымъ вестминстерскимъ статутомъ (13 Edw. I st. 1) имъ передается рядъ гражданскихъ дѣлъ, вѣдавшихся раньше королевской куріей. Это порученіе извѣстно подъ именемъ «nisi prius»; названіе объясняется формулой указа, адресовавшагося шерифу. Ему предписывалось послать присяжныхъ опредѣленнаго графства въ Вестминстръ, «nisi prius justiciarii nostri in comitatum venerint», т. е. «если до того не пріѣдутъ въ графство наши судьи». Отсюда порученіе слушать дѣла, по которымъ былъ изданъ такой указъ, получило названіе «commission at nisi prius». Въ 1346 г. (20 Edw. III c. b.) ассизнымъ судьямъ были переданы полномочія justices of eyre по разслѣдованію злоупотребленій шерифовъ, байлифовъ и присяжныхъ, Всѣ эти порученія входятъ до сихъ поръ въ грамоты, выдаваемыя объѣзднымъ ассизнымъ судьямъ. По старой традиціи они продолжаютъ называться «judges of assizes», хотя commission of assizes является только однимъ изъ ихъ полномочій, отошедшимъ далеко на второй планъ.

Посылка ассизнаго судьи, привозившаго въ страну мощныя средства возстановленія попраннаго права, всегда была желательна для жителей. Но не обходилось

---

[1]) «Чтобы добрые и умѣренные люди, кромѣ тѣхъ, которые имѣются на мѣстахъ, были назначены для всѣхъ графствъ Англіи для держанія ассизовъ, засѣданій съ присяжными, освобожденія изъ тюремъ три раза въ годъ и болѣе, если то будетъ потребно» (2 Edw. 3).

и безъ злоупотребленій. Они возникали на почвѣ предоставленія этихъ порученій не обыкновенно засѣдавшимъ въ Вестминстерѣ королевскимъ судьямъ, а особымъ приближеннымъ короля, придворнымъ, которые пристрастно рѣшали дѣла. Порою эти порученія выдавались для опредѣленныхъ дѣлъ и по ходатайству отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ. Наиболѣе продолжительными по своему дѣйствію изъ такихъ чрезвычайныхъ порученій (special commissions) были извѣстныя подъ именемъ «Commissions of Trailbaston», происхожденіе которыхъ относятъ къ 1276 г. Возможно, что они были зачатками general commissions of oyer and terminer. Подъ 1306 г. (35 Edw. I., 1 Rot. Parl. p. 218) мы встрѣчаемъ указаніе, что нѣсколько судей назначены «entendre les busoignes de traillebaston». Эти судьи совершили пять объѣздовъ, захватившихъ 38 графствъ [1]). Къ концу XIV вѣка послѣднія окончательно вытѣсняютъ ихъ. Характеръ ихъ невполнѣ ясенъ. По мнѣнію Ріке [2]), они были промежуточными звеньями между судьями ассизными и justices in eyre. Несомнѣнно, что въ ихъ рукахъ были сосредоточены чрезвычайныя полномочія по наказанію опредѣленныхъ преступниковъ противъ общественнаго порядка, на что указываетъ и ихъ названіе [3]). Въ первое время эти чрезвы-

---

1) *Stephen* I, p. 160. Здѣсь же текстъ commission of trailbaston.

2) Ycar Books 15 Edw. III, XXXVII.

3) «*Trailbaston*»—палка съ хвостомъ. Такъ называлась тогда категорія разбойниковъ, творившихъ различныя безчинства (на подобіе теперешнихъ «хулигановъ»). Изъ текста королевскихъ грамотъ явствуетъ, что развелось въ странѣ множество злодѣевъ, творящихъ убійства, грабежи, поджоги и другія преступленія, которые бродятъ по странѣ; они на ярмаркахъ избиваютъ своими палками мирныхъ людей, ранятъ ихъ, мстятъ имъ за обвиняющія показанія на судѣ. Поэтому поручается судьямъ настрого разыскивать оныхъ. Это же названіе повторяется въ пѣсенкѣ Peter Langtoff:

«Traylbastons sunt nomez de cel reteunaunce
En fayres et marchez se proferent fere covenaunce
Pur tres sous ou IIII, on pur la valiaunce
Batre un prodhomme ke unk fist nosaunce
A cors cristiene
Si homme countredye a nul de l'aliaunce
Batut sera been».

(Эта компанія зовется Trailbestons, они за три или четыре шиллинга на ярмаркахъ и рынкахъ предлагаютъ вступить въ ихъ сообщество и часто, только чтобы показать свою дерзость, бьютъ добрыхъ людей, которые не тронули ни одно христіанское тѣло, и, если кто либо возражаетъ кому либо изъ этой шайки, то его колотятъ).

чайныя порученія были популярны, но затѣмъ съ отпаденіемъ причинъ, ихъ вызвавшихъ, начались сѣтованія и противъ нихъ, которыя привели къ ихъ постепенному вымиранію. [1]). Такъ въ 1347 г. (25 Edw. III, 2 Rot. Parl. p. 174) мы встрѣчаемъ новую петицію Общинъ объ отмѣнѣ ихъ. Окончательно они исчезаютъ при Ричардѣ II.

Точно также въ теченіе первой четверти XIV вѣка мы встрѣчаемъ постоянныя сѣтованія общинъ на предоставленіе спеціальныхъ commissions of oyer and terminer по ходатайству вліятельныхъ лицъ и для отдѣльныхъ дѣлъ. Этимъ злоупотребленіямъ, повидимому, кладется конецъ въ 1328 г. статутомъ 2 Edw. 3, c. 2, который гласитъ: «чтобы commissions of oyer and terminer не предоставлялись другимъ, кромѣ судей королевскаго суда или justices in eyre и не иначе, какъ за тяжкія преступленія (horrible trespass), по особой милости короля согласно законнымъ формамъ и въ сроки, указанные нашимъ прадѣдомъ».

Въ серединѣ XIV вѣка кругъ полномочій ассизныхъ судей такимъ образомъ вполнѣ опредѣлился и вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное и гражданское правосудіе на мѣстахъ перешло въ руки *судей-спеціалистовъ*, стоящихъ въ сторонѣ отъ администраціи и двора. Наличность гражданскихъ дѣлъ требовала, чтобы объѣздной судья ассизовъ былъ юристомъ и потому всегда имя одного или двухъ юристовъ, включалось въ quorum. Этими юристами чаще всего являлись судьи центральнаго суда или выдающіеся адвокаты. И хотя два—три

---

[1]) Чрезвычайный характеръ этихъ порученій состоялъ въ томъ, что къ commission of oyer and terminer присоединялось право рѣшать гражданскія тяжбы и что они выдавались на имя отдѣльныхъ придворныхъ (Holthworth II, 115). Эти лица отличались крайней жестокостью. Такъ въ средневѣковой балладѣ поется о судьяхъ of Trailbaston, посланныхъ въ 1305 г.:

«Ly Marfun et ly Knoville sunt gent de piété
Et prient pur les povres qu'il eyent sauvété
Spiqurnel e Belefour sunt gent de cruelté
Si il fuisent en ma baylie ne serreynt retorneé».

(Мартинъ и Новиль—благочестивые люди и бѣдняки молятъ объ ихъ спасеніи; Спигурнель и Бельфлуръ—люди жестокіе и они не вернулись бы оттуда, еслибы пріѣхали въ мой уѣздъ). Въ XIV в. мы встрѣчаемъ петиціи «qu'il ne grante en nulle partie du Roialm Eire ne Trailbaston durante la guere... hors en horrible cas) (3 Rot. Parl. 15 Ed. III).

имени юристовъ профессіоналовъ тонули въ десяткѣ именъ мѣстныхъ вельможъ и чиновниковъ, которымъ также давалось порученіе, но главную роль играли первые. Здѣсь происходилъ процессъ какъ разъ противоположный тому, который имѣлъ мѣсто позднѣе по отношенію къ мировымъ судьямъ.

III.

Королевскіе судьи-профессіоналы сыграли крупную роль въ исторіи правосудія въ Англіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на исторіи англійскихъ судей вообще. Замѣчу только, что она представляетъ богатую тему для историка-государствовѣда. Мнѣ хочется только дать общую характеристику той роли, которую играли на мѣстахъ ассизные судьи.

Въ противоположность судьямъ ревизорамъ (justices in eyre), ассизные судьи являлись въ графства для того, чтобы творить безпристрастное правосудіе, а не обогащать только королевскую казну. Они обращались за помощью къ присяжнымъ, чтобы голосомъ страны же рѣшить мѣстныя гражданскія и уголовныя дѣла. Предоставляя мѣстнымъ властямъ и органамъ возбужденіе преслѣдованій или исковъ а также рѣшеніе вопросовъ факта, они сохраняли за собою монополію въ толкованіи права. Вся система гражданскихъ правоотношеній, конструкція отдѣльныхъ преступленій, формы процесса, доказательственное право постепенно вырабатывались ими. Эта система judges' made law, накопляемая вѣками, и кристаллизовалась въ common law, составляющее до сихъ поръ основу юридическаго быта Англіи. Common law у насъ переводятъ разно: то какъ «обычное право», то какъ «общее право». И то и другое обозначеніе правильно. Обычнымъ его можно назвать потому, что оно сложилось какъ результатъ вѣковыхъ судебныхъ обычаевъ, возникавшихъ помимо законодательства; общимъ — потому, что оно проводилось королевскими судьями, представляющими изъ себя единую группу и дѣйствовавшими одинаково во всей Англіи, и являлось противоположностью парти-

кулярному мѣстному праву. Вслѣдствіе своей общности, common law служило главнымъ централизующимъ началомъ. На континентѣ централизація проводилась чрезъ посредство административной власти. Въ Англіи возникновеніе центральныхъ административныхъ органовъ, съ сколько нибудь развитыми функціями, есть явленіе самаго недавняго времени, вся же централизація шла черезъ судей и именно судей королевскихъ. Чтобы усвоить себѣ все значеніе этого положенія, мы должны указать, что идея правосудія, justice, въ Англіи была и является значительно болѣе широкой, чѣмъ на континентѣ. Здѣсь только одна область правовой жизни— уголовное и гражданское право разсматриваются какъ царство судьи. Только XIX вѣкъ создалъ еще смутную идею «административной юстиціи». Въ Англіи justices' justice (судейское правосудіе) издавна охватывало всю область правовой жизни, и законъ, примѣняемый помимо суда, до послѣдняго времени былъ для англичанина чѣмъ то невполнѣ понятнымъ. Позволю себѣ здѣсь сослаться на слова одного авторитетнаго изслѣдователя англійской правовой жизни, американца Лоуэля. «Историческое положеніе королевскихъ судовъ — пишетъ A. Lawrence Lowell [1])—оказало глубокое вліяніе на англійское правопониманіе (conception of law), а это, въ свою очередь повліяло и на законодательство и на авторитетъ самихъ этихъ судовъ. Для всѣхъ народовъ, говорящихъ по англійски, не только для юристовъ, но и для профановъ, право означаетъ совокупность правилъ, примѣняемыхъ чрезъ посредство судовъ (enforced by the courts). Съ этой точки зрѣнія безразлично то, разсматриваются ли суды какъ творцы права, или только какъ провозгласители его, такъ какъ здѣсь возбуждается вопросъ не о происхожденіи или источникѣ права, а только о критеріи его. Существеннымъ признается то, что всѣ нормы, примѣняемыя судами суть право, а отвергаемыя судами—не право. Такое опредѣленіе права обычно принимается за аксіому, но оно далеко не признано во всѣхъ странахъ и не всегда находило свое

[1]) The government of England. Pol. II 1908 p. 473.

признаніе и въ Англіи... Эта идея о томъ, что англійское право есть совокупность правилъ, примѣняемыхъ судами страны, можетъ быть отнесена на счетъ централизирующей власти норманнскихъ или анжевинскихъ королей, которая распространилась на всю страну главнымъ образомъ чрезъ посредство центральнаго королевскаго суда и объѣздныхъ судей. Эти судьи вытѣсняли мѣстные и феодальные суды и создавали концепцію общаго права (common law) для всего королевства, проводимаго чрезъ регулярные суды и покоящагося на опредѣленныхъ принципахъ» [1]).

То обстоятельство, что большинство отношеній населенія къ административной власти пропускались сквозь призму судебной дѣятельности [2]), привело къ тому, что идея правосудія стала доминирующей идеей во всей государственной жизни. Припомнимъ, что даже самъ Парламентъ долгое время являлся высшимъ судомъ (High court of Parliament), перестраивавшимъ право лишь во имя идеи естественной справедливости или огражденія старинныхъ правъ народа отъ различныхъ злоупотребленій.

Трудно, не проникнувъ въ англійскую психологію, представить себѣ, какимъ авторитетомъ пользуются здѣсь идеи «law» и «justice», этихъ неразрывно связанныхъ между собою понятій. Для насъ идея законности до сихъ поръ ассоціируется съ представленіями о различныхъ, порою весьма произвольныхъ, «источникахъ права», изъ которыхъ выводился законъ; идея «правосудія» еще вызываетъ мысль о старыхъ формахъ инквизиціонной расправы или административныхъ давленій. У англичанина эти понятія слиты съ вѣковою мудростью его Парламента и суда присяжныхъ, этихъ продуктовъ воли народа и его правосознанія. Хранителями этихъ идей были только «суды правосудія»

---

[1]) Приблизительно ту же мысль выражаетъ *Dicey* (Law of Constitution p. 23): «законами называются правила съ тѣхъ поръ, какъ они нашли свое осуществленіе чрезъ посредство судовъ».

[2]) См. *А. Кулишеръ*, Господство права и административное усмотрѣніе. Юрид. Зап. кн. I, 1911. Статья эта, впрочемъ, страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями.

(courts of justice), служившіе надежнымъ оплотомъ противъ административныхъ притѣсненій въ области правъ свободы. Дѣятельность этихъ судовъ проникала въ самыя разнообразныя области жизни и опредѣляла отношенія каждаго къ своимъ согражданамъ и власти. Понятно поэтому, почему появленіе высшихъ носителей правосудія, королевскихъ судей, являлось такимъ выдающимся событіемъ въ жизни графства или города. Они привозили съ собой защиту (redress) противъ всякихъ золъ и бѣдствій [1]).

Но пріѣздъ ассизныхъ судей важенъ былъ не только своими непосредственными результатами. Пріѣзжіе судьи, отправляя правосудіе, давали высокій урокъ права мѣстнымъ судьямъ, justices of peace. Центральная королевская власть разсматривалась, какъ сила, до извѣстной степени посторонняя по отношенію къ строю мѣстной жизни общинъ, когда-то обладавшихъ самостоятельностью. Къ этой власти приходилось прибѣгать лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда требовался большой запасъ принужденія для преодолѣнія препятствій. Въ области преступленій только королевская власть могла неуклонно проводить правосудіе, и этимъ объясняется быстрая побѣда королевскаго правосудія надъ старыми мѣстными судами. Съ XIV вѣка на мѣстахъ начинаютъ развиваться уже постоянные королевскіе комиссары—мировые судьи, которые постепенно пріобрѣтаютъ судебныя полномочія. Пріѣзжіе объѣздные судьи уже ограничиваются контролемъ надъ ихъ дѣятельностью и дачей имъ величественнаго урока, какъ творить правосудіе. Мировые судьи обязаны были присутствовать въ теченіе всѣхъ ассизовъ, наблюдая дѣятельность королевскаго судьи [2]). Позднѣе они стали преимущественно

---

[1]) *Gerland.* Die Englische Gerichtsverfassung, 1910, (I, 498) говоритъ про нихъ: «Die Assisenricher sollen das richtige Recht in die Provinz bringen».

[2]) Въ книгѣ *Th. Smith* (Comonwealth of England), вышедшей въ 1569 г., мы находимъ описаніе ассизовъ, изъ котораго видно, что присутствіе мировыхъ судей было необходимымъ аттрибутомъ. «Въ домѣ или въ какомъ либо открытомъ или публичномъ мѣстѣ устанавливается посерединѣ для суда высокая скамья (bench), на которой возсѣдаютъ двое судей, присланныхъ съ грамотой. Возлѣ нихъ по обѣимъ сторонамъ сидятъ мировые судьи соотвѣтственно достатку и почету. На болѣе низкой скамьѣ—остальные мировые судьи и какіе либо другіе джентльмены, а также клерки. Передъ

приглашаться въ составъ членовъ большого жюри, къ которому королевскій судья обращался съ поученіемъ. Ростъ компетенціи четвертныхъ сессій мировыхъ судей, поставившій ихъ по юрисдикціи почти совершенно параллельно съ ассизами, подтверждаетъ тотъ фактъ, что ассизы сохранялись, какъ одно изъ средствъ показать высокій образецъ правосудія мировымъ судьямъ. Необходимость въ такомъ наглядномъ обученіи правосудію была неизбѣжна, такъ какъ мировые судьи представляли собою не «ученыхъ судей», а лишь болѣе почтенныхъ мѣстныхъ жителей. Съ другой стороны, кромѣ издаваемаго въ чрезвычайныхъ случаяхъ writ of certiorari, въ рукахъ королевскаго суда не было средствъ контроля надъ ихъ дѣятельностью. Королевскій судья былъ также тѣмъ чрезвычайнымъ органомъ короны, которому вручался надзоръ за мировыми судьями и ихъ судебной дѣятельностью [1]).

Королевскіе судьи являлись не только носителями болѣе высокаго и единаго для всей страны общаго права (common law), не только учителями мѣстныхъ судей, они были проводниками новаго законодательства и государственной политики.

До изобрѣтенія и распространенія книгопечатанія и при маломъ развитіи грамотности, вновь издаваемые законы становились извѣстными лишь немногимъ. Чтеніе и пониманіе ихъ текстовъ, написанныхъ по латыни, а затѣмъ на норманнскомъ нарѣчіи, было доступно только судьямъ да придворной знати, понимавшей эти

этими судьями внизу находится столъ, за которымъ сидятъ custos rotulorum, помощники шерифа и клерки, ведущіе протоколъ. Въ концѣ стола сдѣлана рѣшетка съ отведеннымъ для 12 присяжныхъ мѣстомъ, куда они входятъ послѣ того какъ назовутъ ихъ имена. Еще ниже—другая рѣшетка и тамъ стоитъ подсудимый» (p. 109).

[1]) Въ рѣчи Lord Coventry ассизнымъ судьямъ предъ отправленіемъ въ ассизы (см. ниже) отъ 1637 г. говорится: «государственная служба находится въ большой зависимости отъ мировыхъ судей въ графствахъ... необходимо, чтобы вы на нихъ обратили вниманіе. Провѣрьте, всѣ ли они присутствуютъ на ассизахъ, какъ то требуетъ ихъ служба. Ассизы продолжаются всего нѣсколько дней, а поученіе (instruction), которое мировые судьи выносятъ отъ васъ, можетъ оказать большую пользу всему графству на весь годъ». Затѣмъ указывается въ рѣчи на необходимость общаго наблюденія надъ поведеніемъ мировыхъ судей по службѣ и въ случаѣ упущеній указывается на возможность устраненія ихъ изъ commission (State Trials, vol. 3 p., 840).

языки. Публикація законовъ замѣнялась провозглашеніемъ ихъ на ассизахъ. Пріѣзжая въ провинцію, судьи привозили съ собою новые законы. Въ общепонятныхъ выраженіяхъ они знакомили всѣхъ должностныхъ лицъ графства и представителей населенія съ тѣмъ, что издалъ король или парламентъ. Порою, (какъ напр. съ актомъ о подавленіи распутства и бродяжничества), законъ долженъ былъ быть прочитанъ цѣликомъ въ каждый пріѣздъ, порою давалось ихъ резюмэ и разъяснялась важность. Это было какъ бы публикаціей закона въ графствѣ. Несмотря на разсылку статутовъ по странѣ, ставшую примѣняться впослѣдствіи, обычай сообщать большому жюри важнѣйшіе изъ изданныхъ законовъ, сохраняется до сихъ поръ.

Не только законы, но и политическія директивы отъ короля или его министровъ привозились королевскими судьями въ графства. Передъ отправленіемъ въ объѣздъ король въ былое время сзывалъ своихъ судей въ одной изъ палатъ Вестминстера, гдѣ давалъ имъ напутственныя указанія. Мы приведемъ для иллюстраціи одну изъ рѣчей Якова I своимъ судьямъ, отправлявшимся въ ассизы [1]). «Древнимъ и похвальнымъ обычаемъ этого королевства—говорилъ король—является то, что судьи отправляются въ объѣзды по всей странѣ, облегчая тѣмъ населеніе отъ великихъ тяжестей, ибо въ противномъ случаѣ оно должно было бы являться изъ самыхъ отдаленныхъ частей этого королевства въ Дворецъ Вестминстера для указанія и покаранія учиненныхъ преступленій и для предупрежденія тѣхъ преступленій, которыя могутъ возникнуть». Король напоминаетъ судьямъ ихъ обязанности: «Помните, что отправляясь въ объѣздъ, вы должны не только карать и предупреждать преступленія, но заботиться вообще о хорошемъ управленіи (take care for the good governement in general) въ тѣхъ частяхъ страны, которыя вы объѣзжаете, и творить правосудіе между сторонами въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ». Судьи должны охранять королевскую прерогативу отъ вторженій, соблюдать одно-

[1]) His Majesty's Speech in the Starre Chamber, june 20, 1616.

образную практику въ судахъ. Въ данномъ случаѣ онъ требуетъ отъ судей тщательнаго ознакомленія съ составомъ мировыхъ судей, этихъ «king's eyes and ears in the countrey» (королевскими очами и ушами въ графствахъ). Нужно узнать, кто изъ нихъ посѣщаетъ суды и кто лѣнится, кто ищетъ популярности, кто проявляетъ себя слишкомъ слѣпымъ; не слишкомъ ли много мировыхъ судей въ томъ или иномъ графствѣ. Судьямъ поручается разслѣдовать дѣла о раскольникахъ (recusants), о томъ, къ какимъ семьямъ они принадлежатъ, посѣщаютъ ли церкви; разслѣдовать, живетъ ли знать въ графствахъ, питаетъ ли уваженіе къ королю, нѣтъ ли злоупотребленій среди администраціи, нѣтъ ли похитителей королевской дичи, бродягъ, пьяницъ и т. д. Собравъ свѣдѣнія, они должны представить королю отчетъ о жатвѣ его посѣва (harvest of my gowing): «Существовалъ старинный обычай, по которому всѣ судьи непосредственно передъ отправленіемъ въ объѣзды и немедленно послѣ объѣздовъ являлись къ лорду канцлеру для того, чтобы узнать, какія указанія королю будетъ угодно дать имъ чрезъ посредство канцлера или для того, чтобы сообщить ему о результатѣ своихъ трудовъ, а онъ, въ свою очередь, ознакомитъ съ нимъ короля. Этотъ добрый обычай за послѣднее время былъ слишкомъ сильно поколебленъ, но теперь король считаетъ нужнымъ вновь укрѣпить его».. Мы встрѣчаемъ еще нѣсколько такихъ королевскихъ обращеній въ эпоху Стюартовъ [1]), но затѣмъ обычай снова падаетъ и, хотя

---

[1]) Другимъ образцамъ подобныхъ, рѣчей являются двѣ рѣчи Thomas lord Coventry, хранителя большой печати, произнесенныя имъ ассизнымъ судьямъ, предъ отправленіемъ ихъ въ объѣзды 17 іюня 1635 и 14 февраля 1636 г. Въ обѣихъ предлагается судьямъ принудительно проводить требованіе короля о взысканіи корабельныхъ денегъ (ship—money). Въ революціонное время эти судьи были покараны за измѣну, такъ какъ они поддались на эти убѣжденія короля (Howell's State Trials, vol. 3 p., 825—846). Эти королевскія обращенія весьма напоминаютъ приведенное выше, что свидѣтельствуетъ о традиціонномъ ихъ характерѣ. «Обычай требуетъ—говорилъ хранитель печати—чтобы вы предъ отправленіемъ въ объѣзды выслушали такія указанія короля, которыя онъ найдетъ подходящимъ дать вамъ во имя вашей службы и на благо народа. Объявляя ихъ нынѣ, я мало остановлюсь на гражданскихъ дѣлахъ; здѣсь, укажу, вы должны предоставлять одинаково право и богатому и бѣдному. Вы посланы королемъ для рѣшенія дѣлъ и потому его величество не желаетъ чтобы были слышны жалобы или на отказъ или на промедленіе въ правосудіи». Затѣмъ обра-

теперь передъ отправленіемъ въ объѣзды происходитъ регулярно общее собраніе судей подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, но оно ограничивается только распредѣленіемъ округовъ между судьями и техническими вопросами. Изученіе судейскихъ charges въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ ясно показываетъ, что королевскіе суды всѣ были проникнуты опредѣленными директивами политическаго характера. Только большее обособленіе правосудія отъ управленія привело къ паденію политической роли такихъ объѣздовъ.

IV.

Система объѣздовъ королевскихъ судей удержалась съ XIV вѣка до настоящаго времени почти безъ всякихъ измѣненій. Въ юридическомъ положеніи судей произведены только небольшія измѣненія актомъ 1873 г. о Высшемъ судѣ (36 and 37 Vict. c. 66). До того королевскій посланецъ разсматривался какъ самостоятельный судья, хотя практика уже давно избирала для этихъ порученій только судей Вестминстерскихъ судовъ. Законъ 1873 г., объединивъ все правосудіе въ Высшемъ судѣ (High Court of Judicature), сдѣлалъ ассизныхъ судей делегатами этого суда, образующими на мѣстахъ какъ бы временное отдѣленіе Высшаго суда, имѣющее одинаковыя съ этимъ послѣднимъ полномочія [1]). Это явилось только закрѣпленіемъ уже давно создавшагося положенія вещей.

щеніе касается уголовныхъ дѣлъ: злоупотребленій шерифовъ и др. чиновниковъ, несправедливостей присяжныхъ, представленія раскольниковъ (recusants). Далѣе говорится о необходимости разслѣдованія относительно церквей, размежеванія, пьянства, разврата, бродяжничества, положенія ремесленниковъ, благонадежности мировыхъ судей, взиманія корабельныхъ денегъ. Вторая рѣчь къ этому прибавляетъ борьбу съ роскошью и праздностью, пресѣченіе разбоевъ, улучшеніе дорогъ.

[1]) «Его Величество—гласитъ ст. 29 этого закона—посредствомъ commission of assize или иной общей или спеціальной commission можетъ назначить одного или нѣсколькихъ судей Высшаго суда или другихъ лицъ, обыкновенно вносимыхъ въ эту commission, для разсмотрѣнія и разрѣшенія въ предѣлахъ опредѣленнаго округа всякихъ вопросовъ факта и права по всякому дѣлу, подсудному Высшему суду, или для осуществленія уголовной или гражданской юрисдикціи Высшаго суда... и такой уполномоченный будетъ почитаться составляющимъ отдѣленіе Высшаго суда».

По прежнему сохраняется установленное Эдуардомъ I дѣленіе Англіи на 6 округовъ (circuits), только округи Уэльса и центральный (Home circuit) распались каждый на двѣ части [1]) По прежнему общимъ правиломъ является отправленіе ассизовъ два раза въ годъ, зимой и лѣтомъ; лишь въ началѣ XIX вѣка потребность въ болѣе скорой юстиціи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ привела къ добавочнымъ срокамъ. Такъ въ 46 городахъ введены были осенніе ассизы исключительно для уголовныхъ дѣлъ, а въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ (Лидсѣ, Бирмингамѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ) введены осенніе и весенніе ассизы для гражданскихъ дѣлъ [2]). Въ каждомъ изъ округовъ засѣданія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, которые въ былое время составляли центръ графства [3]). Такихъ пунктовъ во всѣхъ объѣздахъ 56. По общему правилу въ каждомъ графствѣ ассизы происходятъ въ одномъ мѣстѣ. Имѣются только 3 графства, гдѣ ассизы происходятъ въ двухъ пунктахъ и одно графство съ ассизами въ трехъ мѣстахъ. Этими добавочными пунктами являются обыкновенно большіе города, выросшіе въ теченіе послѣдняго столѣтія. Лондонъ съ окрестностями стоитъ внѣ объѣздныхъ округовъ и подчиненъ особому Центральному уголовному суду.

Остановка въ каждомъ изъ городовъ, въ которыхъ должны были происходить ассизы, была обязательна, хотя бы въ «календарѣ» не стояло ни одного дѣла. Въ такихъ случаяхъ продѣлывалась вся торжественная процедура открытія сессіи, созыва присяжныхъ, произнесенія поученія и пр. Только въ 1908 году былъ изданъ законъ (The Assizes and Quarter Sessionsact, 8 Edw. VII c. 4), который освободилъ судей и присяжныхъ отъ необходимости являться въ эти города въ случаѣ отсутствія дѣлъ.

---

[1]) Эти округа суть: Oxford circuit, Midland circuit, Northern circuit South-Eastern circuit, Western circuit, North-Eastern circuit и North and South Wallis circuit.

[2]) *Gerland.* Englische Gerichtsverfassung 1910, I p. 506.

[3]) Встрѣчаются, однако, исключенія. Такъ въ Wiltshire ассизы происходятъ то въ Salisbury, то въ Devizes; въ Buckingham—въ Aylesbury, а не въ Buckingham; въ Cornwell—въ Bodmin, а не Launceston и т. д. См. *Franqueville* Systeme judiciaire de la Grande Bretagne 1893, t. I, p. 203.

Хотя и понынѣ корона сохранила широкія полномочія по изданію не только общихъ грамотъ, но и спеціальныхъ, по отдѣльнымъ дѣламъ, и хотя уполномоченными могутъ быть различныя лица, но практика уже давно изгнала изъ употребленія special commission и назначаетъ судьями только судей отдѣленія королевской скамьи. Къ основнымъ commissioners, назначаемымъ грамотой короля за подписью лорда канцлера, присоединяются посредствомъ writ of association рядъ знатныхъ лицъ, которыя являются какъ бы его помощниками. Имена ихъ сообщаются судьѣ посредствомъ writ of admittance. Про запасъ судьѣ дается еще writ de si non omnes, которымъ предоставляется ему право разсматривать дѣла даже въ томъ случаѣ, если часть уполномоченныхъ будетъ отсутствовать; въ такихъ случаяхъ достаточно присутствія двухъ. Несмотря на обиліе содержащихся въ commission именъ, фактически дѣла рѣшаютъ одинъ или двое судей (если дѣлъ много, то эти судьи засѣдаютъ порознь одинъ по гражданскимъ и другой по уголовнымъ дѣламъ). Полномочія, вручаемыя судьѣ по прежнему сводятся къ 3 commissions: 1) of assizes, 2) of gaol delivery, 3) of oyer and terminer

Слѣдуетъ указать, что commission of assizes издается для всего королевства одна и содержитъ въ себѣ лишь общее предписаніе произвести засѣданія ассизовъ въ опредѣленные сроки. На лицъ, поименованныхъ въ грамотѣ, еще не возлагается этимъ обязанность принять участіе въ ассизахъ, скорѣе имъ дается только соотвѣтственное право.

Распредѣленіе отдѣльныхъ судей по округамъ и возложеніе на нихъ обязанности отправиться въ опредѣленный объѣздъ въ качествѣ старшаго судьи или замѣстителя его происходили посредствомъ королевскаго указа, издаваемаго на основаніи плана, выработаннаго общимъ собраніемъ судей Высшаго суда. Объѣздными судьями прежде всего назначаются судьи отдѣленія королевской скамьи. Въ качествѣ замѣстителей судей королевской скамьи выступаютъ прежде всего судьи другихъ отдѣленій (Chancery, Probate, court of Appeal)

и затѣмъ адвокаты, имѣющіе званіе knig's council. За свою дѣятельность эти послѣдніе получаютъ вознагражденіе, которое достигаетъ порой до 5000 р. въ годъ [1]). Въ крайнемъ случаѣ (который, однако до сихъ поръ не имѣлъ мѣста) въ качествѣ главныхъ уполномоченныхъ могутъ быть назначаемы и судьи графства.

При назначеніи судей отдѣленія королевской скамьи въ отдѣльные округа соблюдается правило roulement des juges, т. е. стремятся, по возможности, переводить судью изъ одного округа въ другой. Основаніемъ для этого, вѣроятно, служитъ нежеланіе создавать тѣсную связь судьи съ адвокатурой только одного округа. Назначенный судья, помимо безплатнаго помѣщенія, кареты и услугъ, на которыя онъ вправѣ расчитывать отъ шерифа, получаетъ крупныя суточныя и прогонныя деньги.

Въ помощь судьѣ привлекаются различные вспомогательные и исполнительные органы, назначаемые большею частью самимъ ассизнымъ судьей. Во главѣ ихъ стоитъ *ассизный клеркъ* (clerk of assize). Должность эта можетъ быть замѣщена солиситоромъ или барристеромъ, имѣющимъ не менѣе трехъ лѣтъ практики. Назначеніе это дѣлается властью королевскаго судьи на извѣстный срокъ и разсматривается какъ одна изъ формъ судейскаго патроната. Ассизный клеркъ не обязанъ прекратить свою адвокатскую практику; ему воспрещается только практика въ предѣлахъ того округа, для котораго онъ назначенъ. Онъ не обязанъ даже жить въ соотвѣтственномъ округѣ и пріѣзжаетъ туда вмѣстѣ съ судьей. Онъ получаетъ годовой окладъ жалованья въ размѣрѣ отъ 5 до 10,000 руб. въ зависимости отъ величины округа и, кромѣ того, во время сессій имѣетъ суточное довольствіе въ 15 рублей. До послѣдняго времени практика допускала подысканіе клеркомъ себѣ замѣстителя, причемъ развивались даже злоупотребленія, при которыхъ разница между богатымъ вознагражденіемъ клерка и скромной платой замѣстителю

---

[1]) Въ 1905 г., по свѣдѣніямъ *Gerland* (I p. 521), въ 66 судебныхъ засѣданіяхъ предсѣдательствовали адвокаты, въ 1906 г.—въ 100.

спокойно клалась въ карманъ счастливымъ обладателемъ этой должности. Теперь лордомъ канцлеромъ предложено, въ случаѣ личной невозможности принять участіе въ ассизахъ, подавать прошеніе объ отставкѣ.

Функціи клерка распадаются на судебно-административныя и процессуальныя. Къ числу первыхъ относятся: полученіе всѣхъ актовъ касательно производства (обвинительныхъ актовъ, протоколовъ допроса, вещественныхъ доказательствъ и пр.), указаніе числа потребныхъ присяжныхъ, составленіе списка дѣлъ, распредѣленіе времени судьи во время объѣзда, оповѣщеніе шерифа и другихъ властей обо всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ и пр. Судебно-процессуальныя функціи ассизнаго клерка крайне сложны. Онъ является прежде всего органомъ, изготовляющимъ обвинительные акты, текстъ судебныхъ опредѣленій, органомъ, вѣдающимъ всю переписку суда, опредѣляющимъ размѣръ судебныхъ издержекъ. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ судебномъ засѣданіи, исполняя здѣсь письменную часть [1]) и порою выступая въ качествѣ совѣщательнаго для судьи органа по юридическимъ вопросамъ; онъ освѣдомляетъ также судью о протоколахъ по дѣлу и письменныхъ показаніяхъ свидѣтелей; иногда даже заготовляетъ предварительно проектъ судебнаго рѣшенія по болѣе сложнымъ дѣламъ. Участвуя преимущественно въ уголовныхъ дѣлахъ, клеркъ ассизовъ является великимъ спеціалистомъ въ этой области, совѣтъ котораго всегда полезенъ судьѣ.

Менѣе важными помощниками судьи являются *clerk of Arraigns*, *clerk of Indictments* и *Associate clerk*. Они назначаются старѣйшимъ объѣзднымъ судьей и стоятъ въ подчиненіи у ассизнаго клерка. Каждый изъ нихъ получаетъ содержаніе отъ 1500 до 4000 руб. Clerk of Arraigne имѣетъ формально только одну обязанность—опрашивать подсудимаго о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ (arraignement), но фактически на него переносятся нѣкоторыя изъ функцій ассизнаго

[1]) Стенографическій протоколъ по дѣлу ведется особымъ лицомъ—судебнымъ стенографомъ (съ акта 1907 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ самъ судья дѣлаетъ нужныя ему для резюмэ замѣтки.

клерка, которыя онъ отправляетъ всегда съ утвержденія этого послѣдняго. Clerk of Judictments изготовляетъ обвинительные акты—дѣло, требующее большихъ спеціальныхъ знаній благодаря мелочности и архаичности требованій, предъявляемыхъ къ этому документу. Associate clerk обыкновенно вѣдаетъ секретарскія функціи по гражданскимъ дѣламъ. На низшей ступени вспомогательныхъ органовъ стоитъ Bailiff, который вѣдаетъ переписку и порученія чисто исполнительнаго характера.

Наконецъ, при судьѣ ассизовъ состоитъ еще одинъ органъ, имѣющій чисто церемоніальныя функціи,— *marshal*. Единственной его обязанностью является представленіе судьѣ шерифа въ каждомъ графствѣ и приведеніе къ присягѣ большого жюри въ первый день засѣданій. За это онъ получаетъ 20 рублей суточныхъ и разъѣздные. Эта должность является явной синекурой, которая предоставляется судьею одному изъ молодыхъ барристеровъ, болѣе близкихъ судейскому сердцу [1]).

Обязанности исполнительнаго органа въ графствахъ лежатъ на *шерифѣ*. Должность шерифа (high-sheriff), когда-то бывшаго высшимъ представителемъ короны въ графствѣ, въ настоящее время стала почетной. Шерифъ сохранилъ только церемоніальныя функціи, а фактическое завѣдываніе управленіемъ перешло въ руки его помощниковъ. Шерифъ самъ только предсѣдательствуетъ при парламентскихъ выборахъ да встрѣчаетъ ассизнаго судью во время его объѣздовъ.

Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въѣздъ судьи въ графство происходилъ съ великимъ торжествомъ. Шерифъ выѣзжалъ на встрѣчу судьѣ съ обильной свитой yomen, вооруженныхъ длинными пиками, и многочисленной свитой почетныхъ гражданъ города въ каретахъ или верхомъ. Судью ожидала золоченная карета и почетный эскортъ изъ 12 копьеносцевъ (javelymen) и нѣсколько трубачей. Городъ былъ украшенъ и колокола звонили.

---

[1]) *Franqueville*, I p. 452.

Теперь торжественность въѣзда сильно упала. Шерифы, обязанные принимать всю встрѣчу на свой счетъ, стали экономнѣе и порою заявляли открыто протестъ противъ деспотизма старинныхъ обычаевъ торжественной встрѣчи. Вмѣсто золоченной кареты, запряженной цугомъ, появились простые экипажи; почетная гвардія изъ javelymen въ большинствѣ мѣстностей перестала существовать. Вмѣсто долгихъ путешествій по графству, теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, процессія ограничивается краткой дорогой отъ вокзала къ приготовленному для судьи жилищу. На обязанности шерифа, кромѣ устройства торжественной встрѣчи и предоставленія безплатнаго жилища судьѣ лежитъ еще обязанность представленія судьѣ *священника*, который долженъ быть всегда возлѣ судьи. Функціи священника на судѣ чрезвычайно несложны. Онъ не участвуетъ въ приведеніи къ присягѣ присяжныхъ и свидѣтелей: это дѣло маршала и клерка. У него только одна миссія чисто церемоніальнаго характера. Когда судья провозгласитъ смертный приговоръ, священникъ долженъ подняться со своего мѣста и важно произнести *Amen*. Другихъ обязанностей у него нѣтъ. Въ былое время на шерифѣ лежала еще одна обязанность—доставленіе судьѣ *палача*, но теперь эта функція перешла къ тюремному управленію и судья освобожденъ отъ обязанности наблюдать надъ исполненіемъ казни.

Таковы оффиціальные органы, помогающіе королевскому судьѣ творить правосудіе. Но идея правосудія въ Англіи никогда не сводилась къ дѣятельности однихъ только оффиціальныхъ органовъ. Поддержаніе права въ судахъ было столько же дѣятельностью самихъ мѣстныхъ жителей, сколько функціей королевскихъ чиновниковъ. Только у насъ думаютъ, что поддержаніе правопорядка есть монополія государственной власти. Въ Англіи это—совмѣстная забота короля и народа.

Дѣятельность королевскихъ судей издавна представляла собою величественное зрѣлище единенія королевскихъ коммиссаровъ—судей съ представителями мѣстнаго населенія, когда то бывшаго независимымъ и донынѣ сохраняющаго рядъ исконныхъ самостоятельныхъ правъ

по отношенію къ королевской власти. Въ области правосудія соединеніе этихъ двухъ самостоятельныхъ элементовъ власти породило институтъ присяжныхъ засѣдателей, когда-то бывшій универсальнымъ орудіемъ не только суда, но и управленія. Спеціализація многихъ функцій привела къ передачѣ многихъ функцій въ руки особыхъ органовъ, многіе виды присяжныхъ вымерли подъ вліяніемъ роста феодальнаго, церковнаго и королевскаго верховенства, но все же и до настоящаго времени дошли отдѣльные виды присяжныхъ, составляющихъ необходимый элементъ ассизныхъ сессій. Сюда относятся большое жюри, малое жюри, жюри по гражданскимъ дѣламъ, жюри матронъ и коронерское жюри. Мы не предполагаемъ здѣсь входить въ интересную, но темную еще для современныхъ историковъ область постепеннаго развитія и значенія института присяжныхъ въ Англіи; ограничимся только самой краткой характеристикой той ихъ роли, которую присяжные теперь играютъ въ засѣданіяхъ ассизныхъ судовъ.

Большое жюри, существующее съ незапамятныхъ временъ, представляетъ собою осколокъ той аристократіи, которая была когда то правящимъ классомъ графства. Въ XVIII вѣкѣ, когда функціи управленія перешли главнымъ образомъ въ руки мировыхъ судей, приглашеніе этихъ послѣднихъ въ составъ большого жюри во время ассизовъ стало установившейся практикой, соблюдаемой до сихъ поръ. Къ нимъ присоединяются порой наиболѣе выдающіеся представители мѣстной аристократіи, почему либо не вошедшіе въ составъ мировыхъ судей, какъ бывшіе шерифы, члены парламента отъ данной мѣстности и пр. Это жюри, состоящее изъ многихъ лицъ (числомъ между 13 и 23), представляетъ собою данное графство и къ нимъ обращается судья, какъ къ носителямъ мѣстнаго авторитета и общественнаго мнѣнія. Это обращеніе происходитъ въ формѣ рѣчи—charge to grand jury, въ которой по стариннымъ обычаямъ затрагиваются темы или общеполитическаго характера или имѣющія отношенія къ интересамъ управленія данной мѣстности (предупрежденіе преступленій, улучшеніе методовъ управленія, полиціи, введеніе новыхъ повин-

ностей и т. д.). Затѣмъ судья указываетъ имъ съ соотвѣтственными поясненіями тѣ преступленія, по которымъ они должны представлять къ правосудію виновныхъ и обращаетъ ихъ вниманіе на государственную важность этой задачи. Функціи этого большого жюри въ настоящее время сводятся къ провѣркѣ представленныхъ клеркомъ проектовъ обвинительныхъ актовъ и, порою, къ самостоятельному представленію (presentment) о мѣстныхъ нуждахъ или о преступленіяхъ, нуждающихся въ разслѣдованіи или наказаніи со стороны судьи. Провѣрка производится посредствомъ негласнаго допроса свидѣтелей обвиненія; въ результатѣ ея проектъ обвиненія признается «true bill» или «no bill» или «ignoramus». Признаніе билля правильнымъ является ключомъ къ дальнѣйшему судебному слѣдствію. Большое жюри при такой повѣркѣ пользуется дискреціоннымъ правомъ усмотрѣнія и руководится самыми разнообразными соображеніями. Въ настоящее время отверженіе билля объ обвиненіи происходитъ рѣдко. Такъ въ 1909 г. изъ 2399 дѣлъ, представленныхъ на разсмотрѣніе въ ассизахъ, отверженіе обвиненія большимъ жюри имѣло мѣсто лишь въ 37 случаяхъ. Въ такомъ небольшомъ результатѣ контролирующей дѣятельности большого жюри, объясняемомъ тщательной подготовкой дѣлъ, разсматриваемыхъ съ присяжными, въ предварительной стадіи, многіе видятъ основаніе къ признанію ненужности самого этого учрежденія. Несомнѣнно, что въ настоящее время оно мало выражаетъ собою дѣйствительное общественное мнѣніе страны, находящее себѣ болѣе яркое выраженіе теперь чрезъ демократическую палату общинъ и мѣстные совѣты.

Малое жюри, рѣшающее вопросъ о виновности въ случаѣ отрицанія ея подсудимымъ, обличаемымъ большимъ жюри, уже является не столько представительнымъ органомъ, какъ жюри большое, сколько формой судебной экспертизы по нѣкоторымъ вопросамъ факта, отъ которыхъ зависитъ назначеніе наказанія. Оно рекрутируется по особымъ спискамъ изъ болѣе низшихъ классовъ населенія. Здѣсь въ числѣ присяжныхъ можно встрѣтить часто не только простыхъ домохозяевъ и

фермеровъ, но и рабочихъ и даже домашнюю прислугу. Явка и исполненіе обязанностей присяжнаго стоятъ подъ давленіемъ серьезныхъ штрафовъ. Должность присяжнаго малаго жюри остается безвозмездной до сихъ поръ [1]). Въ отличіе отъ общихъ присяжныхъ (common jury), спеціальные присяжные, привлекаемые по особымъ спискамъ для рѣшенія нѣкоторыхъ сложныхъ гражданскихъ дѣлъ, получаютъ особое вознагражденія. Репрессія присяжныхъ малого жюри является весьма значительной. Въ 1909 г. изъ 2892 подсудимыхъ, дѣла о которыхъ разсматривались въ ассизахъ, оправданіе имѣло мѣсто лишь въ 542 случаяхъ, т. е. менѣе 20% случаевъ.

Гражданское жюри въ ассизахъ составляется по тѣмъ же принципамъ, какъ и жюри при Высшемъ судѣ. Членами его могутъ быть жители любой мѣстности, обладающіе однако опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Призываются они шерифомъ по опредѣленному списку. Жюри по гражданскимъ дѣламъ становится, вслѣдствіе своей дороговизны и громоздкости все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Въ 1907 г. въ Высшемъ судѣ гражданскихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ было рѣшено всего 673, а въ ассизахъ—402. Рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ въ ассизахъ можетъ происходить иногда и единолично судьей. Такихъ дѣлъ было рѣщено въ 1907 г.—178. Паденіе числа гражданскихъ дѣлъ съ присяжными объясняется все большимъ преобладаніемъ въ торговомъ оборотѣ письменныхъ актовъ и большей фиксаціей юридическихъ отношеній, оставляющихъ мало мѣста для справедливаго усмотрѣнія присяжныхъ.

Кромѣ этихъ основныхъ типовъ присяжныхъ, при ассизахъ сохранились остатки и болѣе архаическаго уклада. Такими являются жюри матронъ (jury of matrons) и коронерское жюри (coroner's jury), представ-

---

[1]) Законъ 1870 г. (33 and 34 Vict. c. 77 s. 22) сдѣлалъ попытку ввести вознагражденіе присяжнымъ по 10 шиллинговъ за день, но это вознагражденіе чрезъ годъ было отмѣнено (34 and 35 Vict. c. 2). Въ 1907 г. былъ внесенъ билль «объ уплатѣ издержекъ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ», но онъ не получилъ движенія.

ляющія собою пережитки стараго строя, потерявшіе практическое значеніе для современнаго суда. Первое привлекается исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоренная къ смертной казни женщина сошлется на свою беременность. Матроны при такой оговоркѣ изслѣдуютъ, поскольку ссылка правильна, и выносятъ свой вердиктъ, который такимъ образомъ носитъ скорѣе характеръ экспертизы. Второе—при участіи коронера разслѣдуетъ дѣла объ убійствѣ и самоубійствѣ visu corporis, т. е. посредствомъ осмотра тѣла. Оно созывается изъ окрестныхъ жителей и должно установить личность виновнаго и вѣроятную причину смерти. Теперь заключенія коронерскаго жюри обыкновенно проходятъ также чрезъ большое жюри, и потому явка этихъ присяжныхъ въ судъ перестала быть необходимой.

Всѣ эти присяжные, вмѣстѣ съ мѣстными представителями полиціи, констеблями и бальифами, а также мировыми судьями, созываются къ опредѣленному дню въ городъ, гдѣ должны происходить ассизы. Сколько бы ни было дѣлъ въ календарѣ, имъ приходится нести эту повинность отправленія правосудія. Обязанности эти, сопряженныя въ былое время съ личной и имущественной отвѣтственностью, весьма тяжелы, но велики результаты ихъ для народа. Привлеченіе широкихъ круговъ населенія не осталось безъ вліянія на популярность правосудія. «Геніальнымъ свойствомъ нашей конституціи—говорилъ recorder M. D. Hill въ одномъ изъ своихъ поученій большому жюри [1]), является пробужденіе интереса и привлеченіе на службу правосудію людей всѣхъ сословій и положеній. Благодаря этому наши суды стали дѣйствительно публичными, они открыты не только для всѣхъ какъ слушателей, но представители различныхъ классовъ спеціально вызываются для присутствованія въ нихъ. Въ такомъ обширномъ собраніи вы имѣете право быть выслушаннымъ, вы имѣете право обращаться къ судьѣ по всякому вопросу, который имѣетъ связь съ отправленіемъ правосудія, и чрезъ посредство васъ судья обращается ко всему

1) *M. D. Hill.* Repression of crime Charge july 1839, p. 11.

обществу». Широкая публичность ассизовъ—одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ этого суда по сравненію съ другими конкурирующими съ нимъ судебными мѣстами. Правда, теперь, когда въ теченіе многихъ поколѣній выработался типъ независимаго, безпристрастнаго и авторитетнаго судьи, контроль такой гласности не такъ нуженъ, какъ въ прошломъ, когда онъ былъ одной изъ серьезнѣйшихъ гарантій свободы, но все же и теперь близость населенія къ великому дѣлу отправленія правосудія не можетъ не оказать глубокаго воспитывающаго вліянія.

Для того, чтобы покончить вопросъ о современной организаціи ассизовъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о компетенціи ихъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (crown side и nisi prius side).

Въ области уголовныхъ дѣлъ въ теченіе XIX стол. мы наблюдаемъ обратный процессъ по сравненію съ тѣмъ, который происходилъ, начиная съ XIII вѣка. Характеръ и количество дѣлъ, подсудныхъ ассизамъ, сокращается, и компетенція этого суда начинаетъ ограничиваться только важнѣйшими дѣлами. Главнѣйшимъ факторомъ этого разрушенія является необычайный ростъ суммарнаго производства, дѣлающій, начиная съ акта Джервиса 1848 г., каждое десятилѣтіе колоссальные скачки впередъ [1]). Другимъ факторомъ является усиливающаяся конкуренція четвертныхъ сессій. Этотъ судъ, начавшій развиваться съ XVI вѣка, уже въ XVIII вѣкѣ имѣлъ юрисдикцію параллельную съ ассизами. Одни и тѣ же дѣла могли быть разсмотрѣны и въ ассизахъ и въ четвертныхъ сессіяхъ. Съ XIX вѣка компетенція ассизовъ начинаетъ ограничиваться только важнѣйшими дѣлами, а остальныя передаются четвертнымъ сессіямъ. Такъ въ 1828 г. былъ изданъ законъ (5 и 6 Vict. c, 38), который изъялъ менѣе тяжкія преступленія спеціально изъ вѣдѣнія ассизовъ. Законъ 1889 г. (Assizes Relief act., 52 and 23 Vict. c. 12) пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи, но съ другой

---

1) См. мою статью «Полицейскіе суды въ Англіи». Вопросы Права кн. V, стр. 113 и др.

стороны, предоставилъ ассизамъ исключительную юрисдикцію по дѣламъ о клятвопреступленіяхъ и подлогахъ. Мировые судьи въ четвертныхъ сессіяхъ могутъ рѣшать всѣ уголовныя дѣла, «если только они по особымъ основаніямъ не признаютъ соотвѣтственнымъ поступить иначе». Кромѣ того, такъ какъ ассизы и четвертныя сессіи происходятъ въ различные сроки, ассизнымъ судьямъ передаются дѣла, оставшіяся неразрѣшенными или вновь возникшія со времени послѣднихъ четвертныхъ сессій. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ количество уголовныхъ дѣлъ не можетъ быть весьма значительнымъ.

Что касается гражданскихъ дѣлъ, то здѣсь съ юрисдикціей ассизовъ конкурируетъ полностью компетенція Высшаго суда по гражданскимъ дѣламъ. Ассизный судья представляетъ собою въ теоріи всѣ отдѣленія Высшаго суда. Отъ усмотрѣнія истца зависитъ обратиться ли въ Высшій судъ въ Лондонѣ или къ объѣздному судьѣ. На практикѣ дѣла, подсудныя отдѣленіямъ Chancery, Probate, Divorce и Admiralty, рѣдко передаются въ ассизы; наоборотъ, чаще другихъ—дѣла, подсудныя King's Bench Division. Объясняется это, между прочимъ, составомъ объѣздныхъ судей, которые почти всѣ принадлежатъ къ отдѣленію королевской скамьи, между тѣмъ каждая сторона стремится чтобы ея дѣло было разсмотрѣно судьями спеціалистами. Съ другой стороны ассизный судъ, въ томъ же объемѣ какъ и судъ Высшій, конкурируетъ по нѣкоторымъ дѣламъ съ судомъ графства (county court). Таковы напр. дѣла по искамъ изъ Workmen Compensation act, по искамъ изъ деликта на сумму болѣе 500 руб., дѣла переводимыя въ компетенцію Высшаго суда по writ of certiorari и т. д. Впрочемъ, вмѣшательство ассизнаго суда въ сферу, предоставленную судамъ графства, происходитъ рѣдко, такъ какъ стороны, опасаясь крупныхъ судебныхъ издержекъ, предпочитаютъ вести дѣло въ низшемъ судѣ.

То обстоятельство, что ассизные судьи не имѣютъ спеціальной юрисдикціи, имъ однимъ предоставленной, а конкурируютъ или съ высшимъ судомъ, или съ чет-

вертными сессіями, или, наконецъ, съ судами графства, дѣлаетъ объемъ работы ихъ весьма колеблющимся и, такъ какъ развитіе современной жизни идетъ не на пользу объѣздной системѣ, а клонится скорѣе въ сторону или централизаціи или мѣстнаго, но регулярнаго правосудія, то вся circuit-system въ настоящее время клонится къ сильному упадку. Противъ нея раздается много нареканій, и объемъ отправляемаго ею на мѣстахъ правосудія становится все болѣе и болѣе скуднымъ.

Въ отношеніи *мѣстной* подсудности любопытно отмѣтить различіе между гражданскими и уголовными дѣлами. Въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ ассизный судъ разсматривается, какъ имѣющій юрисдикцію въ предѣлахъ всей Англіи. Онъ можетъ судить гражданскія дѣла въ любомъ мѣстѣ, и случается, напр., что не имѣя времени закончить разборъ гражданскихъ дѣлъ во время, удѣленное для графства А, онъ разсматриваетъ ихъ въ сосѣднемъ графствѣ В, куда онъ ѣдетъ вслѣдъ за этимъ. Истецъ намѣчаетъ лишь инстанцію—Лондонскій королевскій судъ или ассизы, а установленіе мѣста суда зависитъ, собственно говоря, отъ судей, которые, конечно, принимаютъ во вниманіе интересы населенія. Иначе обстоитъ дѣло по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь дѣло признается тѣсно связаннымъ съ графствомъ, въ которомъ преступленіе совершилось. На большое жюри этого графства въ былое время могла упадать отвѣтственность за непредставленіе виновнаго, малое жюри по такимъ дѣламъ, согласно требованію общаго права, должно было состоять изъ сосѣдей «de vicineto». Единственнымъ исключеніемъ изъ этого принципа была передача дѣлъ въ высшій судъ посредствомъ writ of certiorari. Историческая связь уголовныхъ дѣлъ съ мѣстностью сохранилась и донынѣ, и ассизнымъ судьямъ разрѣшается только переносить уголовныя дѣла, возникшія въ графствѣ въ города, хотя эти послѣдніе имѣютъ самостоятельный судебный округъ.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ еще имѣть случай остановиться на вопросѣ о компетенціи ассизовъ и упадкѣ ихъ. Теперь же на намъ хочется затронуть еще одинъ вопросъ, касающійся роли ассизовъ—объ ассизахъ, какъ

начальномъ поприщѣ и средоточіи соціальной жизни адвокатуры. Это позволитъ намъ также заглянуть въ область внутренней жизни и старинныхъ традицій этого вѣкового учрежденія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Лаферьеръ, Ж. Бойкотъ въ международныхъ отношеніяхъ.

J. Laferrière, chargé de cours à la faculté de droit de Lille. Le boycott et le droit international. Revue générale de droit international. 1910, № 4, p. 288—326.

Бойкотъ, какъ орудіе соціальной борьбы, впервые былъ примѣненъ во внутренне-государственной практикѣ въ 1879 году національной земельной лигой противъ Бойкота, управляющаго одного изъ лендлордовъ въ графствѣ Мейо въ Ирландіи; на обязанности Бойкота лежало наблюденіе за исправнымъ исполненіемъ обязательствъ со стороны мелкихъ арендаторовъ, обработывавшихъ земли его хозяина, что произвоцилось имъ съ необычайной суровостью, вызвавшей организованный отпоръ со стороны мѣстныхъ жителей и рабочихъ экономіи. Изъ внутренне-государственной практики бойкотъ, получившій свое названіе отъ имени первой его жертвы, въ XX столѣтіи перешелъ въ область международныхъ отношеній.

Онъ заключается въ систематическомъ и рѣшительномъ отказѣ подданныхъ одного государства покупать продукты, изготовленные въ другомъ, подвергшемся бойкоту, государствѣ и примѣняется обыкновенно, кромѣ сырья, по отношенію къ тѣмъ предметамъ фабрично-заводскаго производства, которые расчитаны на массовое потребленіе на иностранномъ рынкѣ. Характерной чертой бойкота является то, что онъ предпринимается самими потребителями иностранныхъ товаровъ безъ какого-либо воздѣйствія со стороны правительства; этимъ бойкотъ отличается отъ континентальной системы, явившейся въ началѣ XIX столѣтія репрессаліей со стороны Франціи, Швеціи, Даніи, Пруссіи и Россіи по отношенію къ Англіи и выразившейся въ официальномъ перерывѣ экономическихъ сношеній, въ объявленіи блокады англійскихъ береговъ, въ запретѣ сообщеній съ Англіей подъ страхомъ наказанія, въ воспрещеніи торговли англійскими товарами и въ конфискаціи захваченной собственности англійскихъ подданныхъ. Бойкотъ, какъ средство экономической борьбы народовъ, лишь по цѣли одинаковъ съ этой экономической войной правительствъ; цѣль эта состоитъ въ причиненіи прекращеніемъ прежнихъ сношеній матеріаль-

наго вреда противнику и въ разореніи его промышленности. Примѣненіе себѣ международный бойкотъ нашелъ у азіатскихъ народовъ—въ Китаѣ и въ Турціи.

По договору 28 іюля 1868 года между Китаемъ и С.-А. С. Штатами признавалось за подданными каждой изъ договаривающихся сторонъ право свободнаго передвиженія по территоріи контрагента и право иммиграціи въ нее; въ договорѣ 17 ноября 1880 года С. Штаты выговорили за собою право регламентировать, ограничивать или временно пріостанавливать иммиграцію китайскихъ кули, а въ договорѣ 17 марта 1894 г. эта иммиграція на слѣдующее десятилѣтіе, съ согласія Китая, была воспрещена вовсе. Допуская безпрепятственно иммиграцію вообще, С. Штаты закрывали свою территорію только для китайскихъ переселенцевъ въ виду того, что, благодаря своей нетребовательности и неприхотливости, они дѣлали конкуренцію съ ними туземныхъ рабочихъ невозможной, и вслѣдствіе того, что они принадлежали къ низшей сравнительно съ арійцами расѣ, при томъ къ ея подонкамъ, далеко не безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи. Административная практика нѣкоторыхъ штатовъ примѣняла этотъ договоръ съ большой строгостью, ограничительно толкуя всѣ сомнительные случаи, примѣняя его по отношенію къ переселившимся въ Штаты и лишь временно выѣхавшимъ оттуда китайцамъ и, что еще важнѣе, распространяя его дѣйствіе не только на кули, а и на всѣхъ вообще путешественниковъ изъ Китая—китайскихъ торговцевъ и студентовъ. Раздраженіе, вызванное этими мѣрами, особенно рѣзко сказалось въ 1905 году, въ моментъ возобновленія договора 1894 года за истеченіемъ десятилѣтняго срока его дѣйствія. Собравшійся 10 мая въ Шанхаѣ митингъ протеста противъ только-что подписаннаго договора объявилъ бойкотъ и при содѣйствіи печати распространилъ свое воззваніе по странѣ; съ поразительной быстротой и внезапностью аналогичные призывы были сдѣланы въ главнѣйшихъ портахъ страны и единодушно принимались собраніями; въ народѣ начали распространять афиши, перечисляющія лавки, гдѣ продаются американскіе товары, и приглашающія не покупать этихъ послѣднихъ. Переносчики тяжестей отказывались разгружать суда, прибывшія изъ Америки, торговые союзы организовали и въ портахъ, и внутри страны контроль за точнымъ соблюденіемъ приказа о бойкотѣ, что было тѣмъ легче, что Китай, эта страна союзовъ, весь покрытъ тайными организаціями, могущественными дисциплиной своихъ членовъ и слѣпымъ ихъ повиновеніемъ заправиламъ и главарямъ союза. Такъ напр. въ Тьенцзинѣ члены гильдіи, имѣющей отдѣленія во всѣхъ провинціяхъ, подписали соглашеніе о томъ, что всякій членъ, купившій американскіе продукты, подлежитъ штрафу въ 50 тысячъ таэлей. Несмотря на увѣренія американскаго

посланника, адресованныя 21 мая представителямъ именитаго купечества въ Шанхаѣ, о томъ, что передвиженіе китайцевъ, не принадлежащихъ къ рабочему классу, будетъ допускаться безпрепятственно по территоріи Штатовъ, агитація не только не уменьшилась, но даже увеличилась; газеты перестали принимать объявленія отъ американцевъ, банкирскіе дома прекратили кредитъ тѣмъ торговцамъ, которые противодѣйствуютъ бойкоту, служащіе въ американскихъ банкахъ и магазинахъ оставили свою службу; 19 іюля, толпа состоящая изъ полутора тысячъ манифестантовъ, дала обѣщаніе не покупать американскихъ товаровъ даже за дешевую цѣну и рекомендовала участникамъ собранія пропаганду среди родныхъ и знакомыхъ въ цѣляхъ привлеченія единомышленниковъ къ бойкоту; вскорѣ движеніе выходитъ изъ предѣловъ Китая и переносится въ китайскія колоніи за-границей. Напрасны были протесты американскаго посланника, угрожавшаго китайскому министерству иностранныхъ дѣлъ предъявленіемъ иска объ убыткахъ, тщетны были и обращенныя къ населенію приглашенія китайскаго правительства прекратить бойкотъ; въ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ еще въ январѣ 1907 года собирались митинги, энергично призывавшіе къ строгому соблюденію бойкота. Результаты этого движенія не замедлили сказаться: если въ первой половинѣ 1905 года американскій экспортъ въ Китай равнялся 186 милліонамъ франковъ, то за первую половину 1906 года онъ упалъ до 103 милліоновъ франковъ, т. е. уменьшился почти вдвое.

Въ февралѣ 1908 года было захвачено китайскими канонерками японское судно «Татсу-мару», заподозрѣнное въ подвозѣ оружія мятежникамъ; на предложеніе Китая рѣшить дѣло о захватѣ третейскимъ судомъ Японія отвѣчала отказомъ и послѣ этого китайское правительство, уступая силѣ, признало арестъ незаконнымъ, уволило со службы захватчиковъ и уплатило убытки, понесенные за время задержанія судна. Эта уступка возбудила негодованіе въ странѣ и привела къ тому, что, подъ вліяніемъ кампаніи, предпринятой въ газетахъ, и рѣшеній, принятыхъ на митингахъ, было приступлено къ сожженію японскихъ товаровъ, къ наложенію штрафовъ въ 500 долларовъ за покупку какого бы то ни было японскаго товара, къ отказу китайцевъ пользоваться для сообщенія съ Австраліей судами японскихъ компаній; носильщики не соглашались ни за какую плату носить грузы съ этихъ судовъ, мѣнялы—принимать къ размѣну билета японскаго государственнаго банка, даже съ уступкою противъ ихъ стоимости. Не помогали ни представленія японскаго, ни предложенія китайскаго правительства. Такое положеніе вещей грозило причинить значительныя потери японской торговлѣ; если въ первую половину 1907 г. японцы продали въ Китай товаровъ всего на сумму въ 69 милліоновъ

іенъ, то въ первой половинѣ 1908 года имъ удалось продать лишь на 58 милліоновъ іенъ. Обезпокоенное этимъ, японское правительство отозвало генеральнаго консула въ Шанхаѣ, виновника отказа въ арбитражѣ, но и это не помогло увеличенію торговыхъ оборотовъ.

Провозглашенная 5 октября 1908 года Австро-Венгріей аннексія Босніи и Герцоговины послужила поводомъ къ безпорядкамъ, систематически возникавшимъ возлѣ австрійскихъ магазиновъ и поощрявшимся печатью и митингами, требовавшими отвѣтить на совершенное насиліе борьбою на экономической почвѣ. Первоначально народное движеніе выразилось въ недопущеніи покупателей въ эти магазины, затѣмъ, 13 октября,—въ принятіи десяти тысячнымъ сборищемъ разноплеменныхъ подданныхъ султана резолюціи не носить національной красной фески, фабрикуемой въ Австріи, и замѣнить ее бѣлой или барашковой шапкой, наконецъ—въ уничтоженіи товаровъ, привезенныхъ на австрійскихъ судахъ. Изъ Константинополя движеніе распространилось въ другіе города при негласномъ содѣйствіи комитета единенія и прогресса, взявшаго въ свои руки стачечное движеніе и организовавшаго тщательный надзоръ за торговлей. Въ Салоникахъ торговая палата постановила не выполнять австрійскихъ заказовъ и не принимать поставокъ отъ австрійскихъ промышленниковъ и купцовъ. Пароходы австрійскаго Ллойда потеряли всѣхъ турецкихъ пассажировъ, они уходили изъ приморскихъ турецкихъ городовъ неразгруженными и не будучи нерѣдко въ состояніи добыть себѣ достаточныхъ запасовъ угля для дальнѣйшаго плаванія. Многочисленные тайные агенты забастовочной организаціи слѣдили за ихъ передвиженіями и когда они въ Пиреѣ перегрузили австрійскіе товары на итальянскія и греческія суда, то объ этомъ стало извѣстнымъ въ Турціи до прихода этихъ послѣднихъ; турецкія таможенныя власти отказали въ пропускѣ этихъ бойкотируемыхъ товаровъ, прибывшихъ подъ иностраннымъ флагомъ. Мало того, комитетъ объявилъ, что на будущее время не будутъ пропущены въ Турцію всѣ вообще грузы, прибывшіе на суднѣ, которое беретъ для доставки австрійскіе товары, что заставило судоходныя компаніи объявить во всеобщее свѣдѣніе, что отнынѣ онѣ не берутъ на себя перевозки товаровъ изъ Австріи. Естественно, что такая тактика нанесла большіе убытки Австро-Венгріи; ихъ исчисляютъ приблизительно въ 100 милліоновъ кронъ, что почти равняется суммѣ ежегодныхъ торговыхъ оборотовъ, давшихъ Австріи въ 1906 году до 113 милліоновъ; ввозъ изъ Австріи временно прекратился, взамѣнъ чего были сдѣланы необходимые заказы въ Англіи, во Франціи, въ Италіи и Германіи, а также на турецкихъ фабрикахъ. На просьбу австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, обращенную къ Франціи, поддержать адресуемый Турціи протестъ противъ бойкота, былъ полученъ отвѣтъ, что при данныхъ

условіяхъ иностранное вмѣшательство было бы неумѣстнымъ посягательствомъ на свободу турецкихъ гражданъ, отъ Порты же Австрія получила въ отвѣтъ увѣдомленіе о безсиліи турецкаго правительства что-либо сдѣлать съ населеніемъ и увѣреніе о неучастіи турецкихъ чиновниковъ въ народномъ движеніи. Бойкотъ не прекращался и послѣ угрозы искать съ правительства убытки и прервать дипломатическія сношенія; только послѣ ратификаціи договора 27 февраля 1909 года, предоставившаго Турціи въ видѣ компенсаціи за утрату двухъ областей 54 милліона, бойкотъ былъ снятъ.

Въ февралѣ и апрѣлѣ 1909 года въ Салоникахъ и въ Константинополѣ былъ провозглашенъ бойкотъ греческихъ товаровъ въ видѣ отплаты за содѣйствіе возстанію на островѣ Критѣ. На протестъ греческаго министра турецкое правительство засвидѣтельствовало свое неодобреніе бойкоту, что нисколько не помѣшало насильственному закрытію толпою греческихъ магазиновъ и воспрепятствованію выхода на турецкую территорію греческихъ пассажировъ, прибывшихъ на оттоманскихъ судахъ. Въ началѣ августа 1910 года забастовочный комитетъ поставилъ прекращеніе бойкота въ зависимость отъ дальнѣйшаго отношенія Греціи къ вопросу о судьбѣ Крита.

Наконецъ довольно широкіе размѣры принялъ бойкотъ болгарскихъ товаровъ, объявленный въ видѣ отвѣта на отложеніе Болгаріи отъ Турціи. Мѣстный характеръ носилъ бойкотъ австро-венгерскихъ товаровъ, объявленный въ декабрѣ 1908 года въ Бѣлградѣ, а также въ Румыніи въ видѣ протеста противъ таможенной политики Австро-Венгріи, равно какъ бойкотъ англійскихъ товаровъ, объявленный въ Шанхаѣ въ декабрѣ 1905 г.

Эти примѣры показываютъ, что бойкотъ не есть въ настоящее время исключительное и рѣдкое явленіе международной жизни. Для его появленія и поддержанія требуется однако наличность особенно благопріятныхъ условій. Во-первыхъ бойкотъ является проявленіемъ оскорбленнаго патріотизма, реакціей противъ униженія національной гордости болѣе могущественнымъ противникомъ; если сильно задѣта честь націи и если жизненные интересы націи серьезно нарушены, то трудно задержать принудительно обнаруженіе народной ненависти; расовая ненависть китайцевъ къ рыжимъ дьяволамъ и турокъ къ собакамъ—гяурамъ нашла себѣ конкретное выраженіе вслѣдствіе систематическаго недопущенія въ Штаты и вслѣдствіе отнятія богатыхъ провинцій у Турціи; одного инцидента съ судномъ было бы недостаточно для массового бойкота японскихъ товаровъ, если бы къ этому не присоединялось опасеніе японской гегемоніи надъ Китаемъ, неотразимо угрожающей ему послѣ несчастной для него китайско-японской войны. Этимъ объясняется какъ то обстоятельство, что бойкотъ обыкновенно развивается

энергію несоразмѣрную съ силой нападенія, послужившаго непосредственно къ нему поводомъ, такъ и то обстоятельство, что нерѣдко съ устраненіемъ этихъ поводовъ бойкотъ не прекращался немедленно, что показываетъ, что причины неудовольствія коренились глубже.—Во-вторыхъ бойкотъ возможенъ, когда есть на лицо особыя экономическія условія, которыя бы позволили бойкотирующему государству нанести противнику вредъ большій, чѣмъ тотъ, который наноситъ бойкотомъ ему самому вслѣдствіе повышенія цѣнъ на бойкотируемые продукты и вслѣдствіе разстройства торговыхъ операцій; для этого необходимо, чтобы противникъ былъ крупнымъ производителемъ тѣхъ продуктовъ, которые идутъ въ бойкотирующее государство, и чтобы это послѣднее имѣло рынки для сбыта своихъ продуктовъ внѣ территоріи противника; страны съ развитой фабрично-заводской промышленностью подвергаются большому риску при объявленіи бойкота, нежели земледѣльческія страны, имѣющія небольшой заграничный экспортъ. Временная замѣна бойкотируемаго государства на рынкѣ бойкотирующаго другими государствами можетъ повести не только къ уменьшенію заказовъ, но и къ полной утратѣ этого рынка, что въ наше время, когда экономическое расширеніе играетъ важную роль въ международныхъ отношеніяхъ, далеко не безразлично для государства, желающаго играть роль міровой державы. Такимъ образомъ, благодаря бойкоту народныя массы начинаютъ вмѣшиваться непосредственно во взаимныя отношенія между государствами и принуждать неуступчивыя правительства къ отказу отъ своихъ притязаній или къ удовлетворенію требованій бойкотирующаго государства, что легко можетъ сдѣлать бойкотъ неофиціальнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства для достиженія дипломатическихъ выгодъ.

Н. Голубевъ.

Ашли, В. Подъемъ цѣнъ.

Ashley, W. J. Die Steigerung der Preise. Uebers. von L. Katzenstein. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft, 1911, N. 2.

Всеобщее вниманіе въ большинствѣ культурныхъ странъ обращаетъ на себя повсюду наблюдаемый фактъ повышенія цѣнъ товаровъ и особенно вздорожаніе жизненныхъ припасовъ. Розничныя цѣны 23 важнѣйшихъ средствъ питанія въ Лондонѣ сравнительно съ 1900 г. возрасли въ 1908—9 г.г. болѣе чѣмъ на 8%, въ 1910 г. почти на 10% (сравнительно же съ 1896 г. на 17% и на 20%). То же вздорожаніе наблюдается и въ другихъ странахъ. По Calwer'у въ Германіи расходы на поддержаніе жизни увеличились съ 1895 по 1908 г. почти на 27%; цѣны однихъ только предметовъ питанія съ 1896 по 1907 г. выросли на 22%. Нѣсколько болѣе сильное вздорожаніе констатировано

относительно Нью-Іорка. По разсчету канадскаго министра расходы на поддержаніе существованія въ рабочихъ классахъ этой колоніи за десятилѣтіе—1897—1907—возрасли отъ 30 до 35%. Обращаясь къ къ вопросу, сопровождается ли вздорожаніе существованія рабочихъ классовъ, вызванное повышеніемъ розничныхъ цѣнъ на необходимыя жизненныя средства, соотвѣтствующимъ среднимъ возрастаніемъ оптовыхъ цѣнъ вообще, Ашли разсматриваетъ три ряда индексъ-чиселъ (Economist'a, Зауербека и Board of Trade), на основаніи которыхъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) наиболѣе низкаго уровня цѣны достигли въ 1896 г.; 2) повышательная тенденція, начавшаяся съ этого года, достигла къ 1909 г. 18%, къ 1910 г.—23%; 3) повышеніе оптовыхъ цѣнъ въ общемъ соотвѣтствовало возрастанію цѣнъ на предметы питанія. Въ другихъ странахъ это повышеніе было еще значительнѣе. По индексъ-числамъ «Bradstreet's» въ С.-А. Соед. Штатахъ цѣны, бывшія на низшемъ уровнѣ также въ 1896 г., поднялись въ 1909 г. почти на 47%; въ Канадѣ «Department of Labour» опредѣляетъ повышеніе въ 1909 г. въ 40% сравнительно съ средними цѣнами за 1890—99 г.г. и въ 26% сравнительно съ цѣнами 1896 г.

Изъ международнаго характера наблюдаемаго въ настоящее время подъема цѣнъ слѣдуетъ, что причины его не могутъ быть сведены къ такимъ которыя касаются только отдѣльной страны. Соціалисты въ Германіи нападаютъ на покровительственную политику, какъ причину вздорожанія жизненныхъ средствъ; въ Америкѣ общество винитъ въ томъ же тресты. Ашли допускаетъ, что отчасти и покров. политика и тресты могутъ вліять на цѣны, но считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы этими факторами можно было въ достаточной мѣрѣ объяснить явленіе, обнаруживающееся одинаково и въ странахъ, гдѣ данныя факторы развиты сравнительно слабо.

Прежде чѣмъ обратиться къ анализу общихъ причинъ, которыми могло обусловливаться отмѣченное явленіе, Ашли останавливается на состояніи рынка различныхъ товаровъ, на взаимоотношеніи между спросомъ и предложеніемъ, какъ причины измѣненія цѣнъ на нѣкоторые отдѣльные товары. Такъ напр. цѣны на важнѣйшій продуктъ—пшеницу, въ отдѣльные годы по большей части повышались вслѣдствіе уменьшенія предложенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ колебанія, которымъ подвергался урожай пшеницы въ отдѣльные годы, едва ли можно сказать, что производство ея отстаетъ отъ увеличенія ея потребителей. По вполнѣ заслуживающимъ довѣрія свѣдѣніямъ запасъ пшеницы въ 1888—90 г.г. въ среднемъ равнялся около 281 милл. квартеровъ, и въ 1906— г. около 406 милл.; по статистическимъ даннымъ «Board of Agriculture» общая площадь,

занятая во всемъ мірѣ пшеницей и опредѣлявшаяся на 1908 г. въ 240 милл. акровъ, возрасла за предшествовавшія 15 лѣтъ на 45 милл. И даже по отдѣльнымъ годамъ колебанія цѣнъ далеко не всегда могутъ быть объяснены измѣненіями въ предложеніи: въ 1902 г. при значительномъ увеличеніи производства и цѣны повысились; въ 1905 г. опять совпали повышеніе цѣны и увеличеніе производства, а въ 1899 г. наблюдались опять таки параллельно противоположныя явленія.

Что касается важнѣйшаго сыраго матеріала для предметовъ одѣянія, т. е. хлопка, то здѣсь ясно выступаетъ причина повышенія цѣнъ, свойственная этому товару. Необычайно высокія цѣны, стоявшія на хлопокъ въ нѣкоторые мѣсяцы 1904 и 1909 гг. отчасти были результатомъ возникновенія рынговъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что спекулянты могли осуществить эти рынги только вслѣдствіе ряда послѣдовательныхъ неурожаевъ хлопка въ Америкѣ. Статистическія данныя наглядно показываютъ тѣсную связь между цѣной американскаго хлопка и его урожаями.

Подобно хлопку и движеніе цѣнъ на мясо обыкновенно приписываютъ искусственному вліянію, и при томъ съ большимъ правдоподобіемъ, такъ какъ въ Америкѣ существуетъ весьма вліятельный союзъ,—называемый обыкновенно «United States Beef Trust» или «The Big Six» и уже много лѣтъ служащій предметомъ общественнаго негодованія. Однако два статистическихъ изслѣдованія, занимавшагося вопросомъ о высокихъ цѣнахъ 1902 г. (предпринятыя States Department of Labour и United States Bureau of Corporation), пришли къ заключенію, что эти цѣны были результатомъ измѣненія въ предложеніи. Лѣтомъ 1901 г. по всему центральному Западу господствовала большая засуха; урожай маиса былъ крайне плохъ и цѣны на кормъ поднялись на 50%; въ результатѣ меньше покупалось скота на откормъ и скотъ, приводившійся на рынокъ, по большей части былъ тощимъ.

Такъ какъ спросъ не уменьшался, то цѣны на скотъ выросли до наивысшей степени и результатомъ исключительно этой необыкновенно высокой цѣны скота были высокія цѣны на мясо. Въ 1908 г. комиссія англійскаго Board of Trade пришла къ такому же заключенію: «Повышеніе цѣны на мясо, наступившее въ срединѣ 1908 г., не можетъ быть объясняемо произвольными мѣрами американскихъ фирмъ; главнымъ образомъ оно является результатомъ уменьшенія предложенія мяса, которое обнаружилось въ С. Штатахъ и которое въ свою очередь обусловлено сильнымъ сокращеніемъ количества наличнаго убойнаго скота. Причину этого сокращенія вѣроятно слѣдуетъ искать въ финансовомъ кризисѣ 1907 г., который заставилъ фермеровъ поставить

свой скотъ на рынокъ въ недостаточно выкормленномъ видѣ; кромѣ того къ этому присоединились еще и высокія цѣны на маисъ». Измѣненіемъ въ предложеніи объясняется повышеніе цѣнъ на свиное сало въ Англіи, увеличеніемъ спроса—повышеніе цѣны на гумми.

Но эти отдѣльныя причины, хотя бы ихъ и сопоставить вмѣстѣ, недостаточны для объясненія общаго подъема среднихъ цѣнъ. Въ Зауербековской группѣ «прочихъ продуктовъ» подъемъ цѣнъ выраженъ не меньше, чѣмъ въ группѣ предметовъ питанія. Ископаемыя (включая желѣзо и каменный уголь) возрасли въ цѣнѣ еще сильнѣе. Чай, кофе и вино единственные товары, цѣна которыхъ понизилась; немногіе другіе не измѣнили своей цѣны: большинство ясно шло на повышеніе. Отсюда естественно заключить, что есть какія то общія причины этого общаго подъема цѣнъ.

Такой несомнѣнной общей причиной является прежде всего общій экономическій подъемъ. Господство низкихъ цѣнъ дѣйствуетъ всегда угнетающимъ образомъ; напротивъ повышеніе цѣнъ—по крайней мѣрѣ въ періодъ его возникновенія и до распространенія на всѣ цѣны, дѣйствуетъ на дѣловой міръ отрадно и поощрительно. Когда цѣны идутъ вверхъ, растетъ увѣренность и иниціатива; съ оживленіемъ промышленной дѣятельности поднимаются цѣны другихъ товаровъ, какъ результатъ новопроявленнаго спроса. Эта сильная взаимозависимость, существующая между цѣнами и общимъ состояніемъ дѣлъ, выступаетъ наглядно при сравненіи статистическихъ данныхъ о цѣнахъ и о состояніи рынка труда: цѣны возрастаютъ именно въ тѣ годы, когда положеніе этого рынка оказывается также сравнительно благопріятнымъ. Волнообразное движеніе хозяйственной жизни, отмѣчаемое кривой, рисующей положеніе трудового рынка, сопровождается подобнымъ же волнообразнымъ движеніемъ цѣнъ, что свидѣтельствуетъ о ихъ тѣсной связи. Но эти линіи сходятся лишь въ своихъ общихъ направленіяхъ; въ отдѣльные же годы между ними наблюдается и много противоположностей.

Статистическія данныя показываютъ, что съ 1893 по 1899 г. положеніе труда непрерывно улучшалось, а между тѣмъ цѣны оставались низкими. Напротивъ съ 1901 по 1904 г. положеніе рабочаго рынка постоянно ухудшалось, а цѣны находились въ стаціонарномъ состояніи и съ 1904 г. начали подниматься. Далѣе въ 1906—7 гг. при измѣнившемся состояніи рабочаго рынка цѣны поднялись весьма значительно, и ухудшеніе перваго въ 1908 г. сопровождалось далеко не столь большимъ паденіемъ цѣнъ. Все это заставляетъ предполагать, что въ основѣ колебаній цѣнъ лежитъ еще какая то другая причина кромѣ общаго экономическаго состоянія.

Для разысканія этой другой причины полезно справиться у исторіи. Въ міровой исторіи уже раньше было два періода, замѣчательныхъ именно подъемомъ цѣнъ. Первый періодъ обнималъ вторую половину 16 вѣка. Поразительное измѣненіе уровня цѣнъ сводилось современниками къ самымъ разнообразнымъ причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и дѣйствительно содѣйствовали этому явленію. Наиболѣе популярнымъ тогда, какъ и теперь, объясненіемъ представлялось существованіе монополій. Но еще раньше, чѣмъ окончилось столѣтіе, наиболѣе проницательные наблюдатели пришли къ заключенію, что важнѣйшей причиной было чрезвычайное увеличеніе количества денежнаго металла, серебра, которое тогда нахлынуло изъ испанскихъ рудниковъ Новаго Свѣта. Второе общее повышеніе цѣнъ, наступившее послѣ 1850 г., объясняется главнымъ образомъ, если не исключительно,—и въ этомъ никто не сомнѣвается,—открытіемъ золота въ Калифорніи и Австраліи. И если то же явленіе—увеличеніе запасовъ золота наблюдается въ послѣднее время, то естественно заключеніе, что оно и теперь должно было оказать однородное дѣйствіе.

Всѣ знаютъ, что Трансвааль, Зап. Австралія и Клондайкъ поставляютъ большія количества золота, но рѣдко отлаютъ отчетъ о размѣрахъ происшедшаго увеличенія производства золота. Въ первой половинѣ XIX столѣтія цѣнность годичнаго производства золота опредѣлялась приблизительно отъ 2 до 3 милл. фунтовъ. Съ 1850 г. оно поднялось до 25—30 милл. и на этой высотѣ держалось до 1870 г. Съ 1870 по 1890 обнаружилось пониженіе. Но съ 1890 г. оно снова начало возрастать, сначала медленно, а потомъ все быстрѣй. Такъ какъ самая богатая по производительности область—Трансвааль, то южноафриканская война временно вызвала уменьшеніе производства, но съ 1904 г. оно снова началось еще въ большемъ объемѣ и возросло столь сильно, что цѣнность его въ послѣдній годъ достигла свыше 92 милл. фунтовъ, т. е. въ три—четыре раза больше, чѣмъ приносили Калифорнія и Австралія въ дни своей золотой лихорадки. Данныя за послѣднія два десятилѣтія рисуютъ слѣдующую картину:

Міровое производство золота.

1890	24,6	милл. ф.	1897	49,3	милл. ф.	1904	65,9	милл. ф.
1891	27,9	»	1898	59,5	»	1905	75,7	»
1892	39,4	»	1899	62,5	»	1906	81,0	»
1893	32,6	»	1900	62,3	»	1907	82,7	»
1894	37,5	»	1901	51,8	»	1908	87,2	»
1895	41,2	»	1902	52,2	»	1909	92,1	»
1896	42,1	»	1903	59,8	»			

Какъ велико было вліяніе, оказанное новымъ золотомъ, какую чвсть въ этомъ 18%-номъ повышеніи цѣнъ надо отнести на его долю,—это вопросъ, на который трудно дать отвѣтъ въ настоящее время. Періодъ, подлежащій нашему наблюденію, недостаточно длиненъ, чтобы можно было путемъ сравненія изолировать вліяніе отдѣльной причины. Нѣкоторыя заключенія можно извлечь только изъ уроковъ исторіи. Серебрянный потокъ, хлынувшій въ XVI вѣкѣ изъ американскихъ рудниковъ, былъ въ 20—25 разъ больше предшествовавшаго европейскаго производства. Вызванное имъ повышеніе цѣнъ достигло тогда 200%. Когда затѣмъ золото послѣ 1850 сдѣлалось міровымъ платежнымъ средствомъ, производство золота было приблизительно въ 10 разъ больше, чѣмъ раньше, а повышеніе цѣнъ, по вычисленію Джевонса, составляло только 18%. Какимъ бы образомъ мы ни объясняли эту разницу—просто гораздо большимъ количествомъ уже находившагося въ обращеніи валютнаго металла или употребленіемъ неметаллическихъ орудій оброта,—во всякомъ случаѣ вліяніе увеличенія производства металла на цѣны въ годы, слѣдовавшіе за 1850, было слабѣе, чѣмъ въ годы послѣ 1550 г.

Въ прошедшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе количество металла въ обращеніи еще значительно увеличилось и также въ гораздо большемъ размѣрѣ вошли въ употребленіе неметаллическія орудія оборота. Съ другой стороны, впрочемъ, можно думать, что проведенная съ 1850 г. всѣми крупными государствами демонетизація серебра повела къ тому, что образованіе цѣнъ обнаруживаетъ большую чувствительность относительно производства золота. Если допустить, что эти противоположныя тенденціи взаимно уравновѣшиваются, и принять въ разсчетъ вмѣсто десятикратнаго увеличенія производства золота для послѣдняго времени троекратное, то можно сдѣлать предположеніе, что вліяніе, которое оказало на 18%-ное повышеніе цѣнъ увеличеніе количества золота, выражается приблизительно въ 5 (или 6 %).

Общій выводъ Ашли таковъ: отчасти повышеніе цѣнъ обусловлено особыми причинами, свойственными отдѣльнымъ видамъ товаровъ, особенно сокращеніемъ предложенія; отчасти другой причиной, свойственной данной эпохѣ, именно хозяйственнымъ подъемомъ; и отчасти новой причиной, которая въ большей или меньшей мѣрѣ оказывала вліяніе на цѣны всѣхъ товаровъ въ теченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ, именно увеличеніемъ производства золота. Вліяніе, которое могли оказать тресты, столь незначительно, что едва ли стоитъ говорить о немъ. Изъ указанныхъ трехъ группъ причинъ двѣ первыя представляются до извѣстной степени преходящими. Повышеніе цѣны, вызываемое сокращеніемъ пред-

ложенія, должно вести къ развитію производства, которое снова приведетъ къ пониженію цѣнъ. Этотъ процессъ приспособленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., относительно хлопка или пшеницы, можетъ оказаться болѣе труднымъ, такъ какъ здѣсь онъ находится въ зависимости отъ иностраннаго ввоза и такъ какъ спросъ на эти предметы возрастаетъ не только въ странѣ ихъ производства, но и въ другихъ странахъ. И весьма возможно, что цѣны на хлѣбъ никогда не спустятся до того уровня, на которомъ онѣ стояли въ недавнемъ прошломъ.

Къ сожалѣнію мы не можемъ ожидать, чтобы на долгое время сохранилась вторая причина — хозяйственный подъемъ. Едва ли мы дождемся полнаго исчезновенія того ритмическаго цикла, который движется отъ напряженнаго оживленія предпринимательства и трудовой дѣятельности, съ одной стороны, къ застою и безработицѣ, съ другой. Во всякомъ случаѣ эти колебанія могутъ быть значительно смягчены мѣрами страхованія, которыя используютъ успѣшные результаты хорошихъ лѣтъ для того, чтобы обернуться въ дурные. Что касается третьей причины, т. е. производства золота, то неизвѣстно, какъ долго оно будетъ существовать и какъ велико будетъ его вліяніе. Если мы предположимъ, что оно будетъ существовать и производить значительное вліяніе, то возникаетъ вопросъ, можетъ ли это подать поводъ къ какимъ либо жалобамъ и является ли нужнымъ какое либо «средство излеченія». Джевонсъ уже 47 лѣтъ тому назадъ вполнѣ основательно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ и даже теперь врядъ ли что можетъ быть прибавлено къ его отвѣту. «Пониженіе цѣны золота»—являющееся инымъ выраженіемъ повышенія товарныхъ цѣнъ—вообще «производитъ всегда благотворное вліяніе на народное хозяйство». То, что Джевонсъ говорилъ объ Австраліи, мы можемъ отнести къ Трансваалю: оно уже обнаружило благотворное вліяніе. То обстоятельство, что какъ Англія, такъ и Америка, страна съ свободной торговлей и съ покровительственной системой такъ необычайно быстро за послѣдніе годы освободились отъ послѣдствій разразившагося въ 1907—8 году кризиса, едва ли можетъ быть объяснено чѣмъ либо другимъ, какъ именно благотворнымъ вліяніемъ, оказаннымъ могучимъ потокомъ южно-африканскаго золота. Выгоды, которыя извлекаетъ отсюда все народное хозяйство, благодаря оживленію предпринимательскаго духа, оставляютъ далеко позади себя тѣ невыгоды, которыя безъ сомнѣнія возникаютъ отъ удешевленія золота для всѣхъ лицъ съ фиксированными доходами.

Напротивъ всѣ доходы, которые не абсолютно фиксированы, съ теченіемъ времени приспосабливаются къ новому уровню цѣнъ. Однако этотъ процессъ приспособленія не всегда проходитъ безпрепятственно и

затрудненія, съ которыми приходится бороться, должны въ общемъ до извѣстной степени уменьшать соотвѣтствующія выгоды. Въ XVI вѣкѣ цѣна, которая уплачивалась за трудъ, всего медленнѣе и съ наибольшимъ затрудненіями приспособлялась къ общему движенію. Вслѣдствіе этого всѣ тѣ, кто жилъ на заработную плату потерпѣли дѣйствительное ухудшеніе въ своемъ образѣ жизни. Въ XIX столѣтіи рабочіе умѣютъ лучше заботиться о своихъ интересахъ, они стремятся стачками завоевать себѣ болѣе высокую плату. Эта борьба труда, по крайней мѣрѣ отчасти, является результатомъ повышенія цѣнъ, вызваннаго открытіями золота; и хотя эти стачки въ общемъ сопровождаются успѣхомъ, онѣ все же какъ неизбѣжное послѣдствіе должны были оставлять за собой высокую степень соціальной горечи. Положеніе рабочихъ въ настоящее время несравненно сильнѣе. Даже въ Германіи, гдѣ они гораздо менѣе организованы, чѣмъ въ Англіи, удорожаніе содержанія, которое съ 1895 по 1908 г. достигло 27%, сопровождалось въ отдѣльныхъ случаяхъ особенно сильныхъ организацій повышеніемъ заработной платы болѣе, чѣмъ на 39%. Весьма важнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли—приспособленія заработной платы къ состоянію товарныхъ цѣнъ является коллективный договоръ съ сопровождающими его учрежденіями, для котораго необходимо хорошо организованное и хорошо дисциплинированное промышленное населеніе.

Хроника.

Предположенныя реформы Австрійскаго гражданскаго процесса.

Характеристическою особенностью нашего времени является наблюдаемое почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы стремленіе къ преобразованіямъ въ области гражданскаго процессуальнаго права.

Въ Германской Имперіи, не смотря на рядъ новеллъ къ уставу гражданскаго судопроизводства, изданныхъ въ послѣднее время, вопросъ о преобразованіи гражданскаго процесса не сходитъ съ очереди, что служитъ наглядным свидѣтельствомъ, на сколько осуществленныя до сихъ поръ реформы оказались мало удовлетворительными. Венгрія, Италія и Франція точно также заняты вопросомъ о преобразованіи гражданскаго процесса.

Причину этого бросающагося въ глаза явленія нужно искать въ томъ, что гражданскій процессъ въ названныхъ государствахъ построенъ на основаніяхъ, не отвѣчающихъ требованіямъ нашего времени, и даетъ неудовлетворительные результаты въ отношеніи простоты, скорости и справедливости.

Сознаніе потребности преобразованія процесса, можетъ быть, также вызвано блестящими успѣхами, достигнутыми во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, Австрійскою реформою 1895 г., которая была встрѣчена почти повсемѣстно съ недовѣріемъ. Это недовѣріе постепенно исчезло и въ настоящее время Австрійскіе процессуальные законы во всей Европѣ считаются образцовыми.

Въ виду этого тѣмъ поразительнѣе, что въ самой же Австріи приступили къ реформѣ гражданскаго процесса. Характерно, что мысль о реформѣ въ настоящемъ случаѣ возникла не въ широкихъ слояхъ населенія. Можно съ увѣренностью сказать, что населеніе, тѣ, которымъ приходится вести процессы, довольно процессуальными законами и не ощущаетъ необходимости ихъ измѣненія, такъ какъ у насъ право судебной защиты осуществляется скоро и безъ большихъ расходовъ, причемъ скорость процесса не оказываетъ неблагопріятнаго вліянія на существо судебныхъ рѣшеній.

Въ чемъ же кроется причина, вызывающая стремленіе къ преобразованію процесса и какія цѣли при этомъ имѣются въ виду? Импульсъ

движенія исходитъ отъ судей, не потому, чтобы судьи были недовольны процессуальными законами, но потому, что судьи хотятъ избавиться отъ сильно дающаго себя чувствовать переобремененія. Въ Австріи переобремененіе судовъ вызывается не сложностью или нецѣлесообразностью отдѣльныхъ постановленій дѣйствующаго устава гражданскаго судопроизводства, но нѣкоторыми общими условіями, каковы: экономическое, культурное и соціальное развитіе, успѣхи въ области производства, техники и гражданскаго оборота, возрастающая численность населенія и многое другое, что не поддается учету и исчисленью.

Понятно, что правительство не могло долго оставлять безъ вниманія жалобы на переобремененіе, раздававшіяся изъ судейской среды.

Бороться противъ переобремененія можно было бы и не прибѣгая къ пресбразованью процесса, путемъ увеличенія числа судей, но такое средство разбивается о финансовыя послѣдствія, съ которыми сопряжено увеличеніе судейскаго персонала. Само судебное вѣдомство признаетъ, что оно лишь съ трудомъ могло бы удовлетворить все возрастающую потребность въ увеличеніи числа судей и что не одно, вполнѣ основательное, требованіе пришлось бы оставить безъ удовлетворенія изъ за соображеній финансоваго характера.

Независимо отъ этого, постоянное увеличеніе числа судей Высшаго Суда, въ виду важнаго значенія этого суда для правовой жизни страны, было бы само по себѣ мѣрою, способною вызвать справедливыя возраженія.

По этимъ соображеніямъ, пришлось отдать предпочтеніе реформѣ процесса и правительство внесло въ палату господъ и въ палату депутатовъ рейхсрата два проекта. Одинъ изъ проектовъ имѣетъ цѣлью устранить переобремененіе Высшаго Суда, другой—низшихъ судовъ, въ особенности, судовъ первой степени.

Высшій Судъ (der oberste Gerichtshof), пребывающій въ Вѣнѣ, является судомъ третьей инстанціи по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ малоцѣнныхъ (до 100 кр.) (Bagatellsachen), разсмотрѣннымъ участковыми (Bezirksgerichte) и окружными судами (Kreis или Landesgerichte) [1]).

---

[1]) Суды, вѣдающіе гражданскіе дѣла, въ Австріи дѣлятся на суды обыкновенные (Ordentliche Gerichte) и особенные (Sondergerichte). Къ особеннымъ судамъ относятся: имперскій судъ (Reichsgericht), суды для дѣлъ о патентахъ (Patentgerichte); обергофмаршалскій судъ (Oberstthoffmarschallamt); таможенные суды (Elbezollgerichte); промысловые суды (Gewerbegerichte); биржевые третейскіе суды (Börsenschiedsgerichte); третейскіе страховые суды по дѣламъ страхованія рабочихъ (Arbeiterversicherungschiedsgerichte); призовые суда (Prisengerichte).

Обыкновенными судами, перечень которыхъ содержится въ ст. 1-ой закона 1 августа 1895 г. (Jurisdictionsnorm), являются: участковые суды

Число судей докладчиковъ въ Высшемъ Судѣ въ настоящее время 67. Послѣ предположенныхъ министерствомъ замѣщеній число судей будетъ

(Berzirksgerichte); участковые суды по дѣламъ торговымъ и морскимъ (Bezirksgerichte fur Handels-und Seesachen); окружные суды (Kreis-und Landesgerichte); торговые суды (Handelsgerichte); торговые и морскіе суды (Handels-und Seegerichte); судебныя палаты (Oberlandsgerichte) и Высшій Судъ (Oberster Gerichtshof).

1) Участковые суды—соотвѣтствующіе германскимъ Amtsgerichte и нашимъ судамъ мировой юстиціи, являются единоличными судами, вѣдающими дѣла, отнесенныя по закону къ ихъ компетенціи въ зависимости отъ цѣны искового требованія; иски по имущественнымъ дѣламъ, когда сумма иска не превышаетъ 1.000 кр. (около 400 р.) или независимо отъ цѣны иска (иски по дѣламъ, исчисленнымъ въ ст. 49-ой закона 1 авг. 1895 г. и отнесеннымъ къ компетенціи участковыхъ судей по причинѣ ихъ простоты и неотложности).

Участковые суды внѣ г.г. Вѣны, Праги и Тріеста, вѣдаютъ также дѣла особой торговой подсудности, отнесенныя въ названныхъ городахъ къ вѣдѣнію *участковыхъ торговыхъ судовъ*.

2) Окружные суды (тѣ изъ этихъ судовъ, которые имѣютъ пребываніе въ центральныхъ городахъ отдѣльныхъ земель Австрійской монархіи, именуются Landesgerichte, и прочіе – Kreisgerichte) соотвѣтствуютъ германскимъ Landesgerichte и нашимъ окружнымъ судамъ.

Они обладаютъ полнотою гражданской юрисдикціи и въ качествѣ судовъ первой инстанціи вѣдаютъ дѣла, не отнесенныя къ компетенціи другихъ общихъ или особенныхъ судовъ.

По нѣкоторымъ дѣламъ, особо указаннымъ въ законѣ, окружные суды пользуются исключительною компетенціею независимо отъ цѣны иска. Дѣла эти по самому своему характеру не подлежатъ вѣдѣнію участковыхъ судовъ (ст. 50-я закона 1 августа 1895 г.).

Окружные суды являются судами второй инстанціи (аппеляціонными) въ отношеніи участковыхъ судовъ.

Окружные суды—суды коллегіальные и дѣла рѣшаются въ окружныхъ судахъ по отдѣленіямъ (сенаты) въ составѣ не менѣе трехъ судей.

Тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ торговыхъ судовъ, отдѣленія окружныхъ судовъ для торговыхъ дѣлъ (Handelssenate) вѣдаютъ дѣла торговой подсудности, не отнесенныя къ вѣдѣнію участковыхъ судовъ, а также нѣкоторыя дѣла, въ томъ числѣ и всѣ вексельныя дѣла, отнесенныя къ исключительной компетенціи отдѣленій по торговымъ дѣламъ. Въ г.г. Вѣнѣ, Прагѣ и Тріестѣ *особые торговые суды* вѣдаютъ дѣла, отнесенныя къ вѣдѣнію отдѣленій по торговымъ дѣламъ и являются апелляціонными судами по отношенію къ участковымъ торговымъ судамъ.

3) Судебныя палаты разсматриваютъ дѣла въ качествѣ судовъ первой инстанціи лишь по исключенію, являясь судами апелляціонными въ отношеніи окружныхъ и торговыхъ судовъ. Дѣла въ судебныхъ палатахъ рѣшаются коллегіально отдѣленіями, при участіи не менѣе 5-ти судей.

4) Высшій судъ является судомъ разсматривающимъ, въ качествѣ суда третьей инстанціи, въ кассаціонномъ порядкѣ жалобы на окончательныя рѣшенія судовъ второй инстанціи. *Прим. перев.*

доведено до 70. Означенному числу судей приходится разбирать, въ качествѣ высшей инстанціи, всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, поступающія изъ земель, представленныхъ въ Австрійскомъ рейхсратѣ. Понятно, что члены Высшаго Суда оказываются переобремененными. По произведенному расчету, если положить три засѣданія въ недѣлю и исключить время отпусковъ и на случай болѣзни, на отдѣльнаго члена суда, на каждый рабочій день, приходится почти одно кассаціонное разбирательство и еще два другихъ дѣла: частныя жалобы на опредѣленія судовъ второй инстанціи—Recurse [1]), просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній по нарушенію указанныхъ въ статьѣ 529 Civ. Proc. Ordn. формальныхъ условій (Nichtigkeits klagen [2]).

Облегчить бремя труда, выпадающаго на долю судей Высшаго Суда, предположено путемъ ограниченія случаевъ допустимости кассаціоннаго обжалованія судебныхъ рѣшеній.

Въ правительственномъ проектѣ было предположено не допускать кассаціоннаго обжалованія окончательныхъ рѣшеній апелляціонныхъ судовъ по имущественнымъ требованіямъ, когда цѣна предмета кассаціи не превышаетъ 1000 кр., а если кассаціонная жалоба подана на рѣшеніе судебной палаты (т. е. когда дѣло въ первой инстанціи рѣшено окружнымъ судомъ) 2000 кр. Такимъ образомъ, рѣшающее значеніе въ вопросѣ о допустимости или недопустимости кассаціи долженъ былъ имѣть размѣръ суммы, оставшейся спорною послѣ состоявшагося рѣшенія апелляціоннаго суда.

Оцѣнка спорнаго предмета должна была производиться послѣ начала того дня, въ который подана кассаціонная жалоба, примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для оцѣнки исковыхъ требованій. Если бы такая оцѣнка оказалась почему либо невозможною, то оцѣнку предположено было предоставить самому кассатору, съ предоставленіемъ суду права провѣрки.

Введеніе принципа допустимости кассаціоннаго обжалованія въ зависимости отъ цѣны спорнаго требованія встрѣтило весьма сильныя

---

[1]) Онѣ технически называются Revisionsrekurse, въ отличіе отъ Rekurse, (частныя жалобы на опредѣленія судовъ первой инстанціи соотвѣтствующія у насъ жалобамъ, ук. въ ст. 166—169, 783—791 уст. гражд. суд. Случаи, когда допускаются Revisionsrekurse, ср. Pollak. System des oester. Zivilprocessrechtes. Wien. 1903 и 1906. S. 512. *Прим. перев.*

[2]) При разсмотрѣніи этихъ просьбъ Высшій Судъ дѣйствуетъ въ качествѣ суда первой инстанціи, если опорачивается, вмѣстѣ съ прочими, также и производство Высшаго Суда. (§ 532 C. P. O: ср. Pollak. в. и. с. S. 172, 539.

Прим. перев.

возраженія. Указывали на многія неудобства и затрудненія, связанныя съ принятіемъ такого правила, въ особенности, обращено было вниманіе на то, что этимъ былъ бы нарушенъ основной принципъ гражданскаго процесса, требующій предоставленія обѣимъ сторонамъ равнаго права быть выслушанною судомъ. При предположенной системѣ, правомъ быть выслушаннымъ въ кассаціонной инстанціи пользовались бы, при неполномъ удовлетвореніи исковыхъ требованій, или обѣ стороны или только одинъ истецъ, въ зависимости отъ того, достигаетъ или не достигаетъ цѣна присужденнаго истцу той суммы, которая требуется для допустимости кассаціи.

Всѣ неудобства и недоразумѣнія юридическаго свойства, которыя должны были бы явиться слѣдствіемъ введенія въ законъ разсматриваемаго начала, обстоятельно указаны и мастерски освѣщены въ статьѣ члена палаты господъ и проф. по кафедрѣ гражданскаго процесса чешскаго университета въ Прагѣ, д-ра Эмиля Отто (Allgem. Oest Geriechtsszeitung 1910 № 12—13).

Главною заслугою названнаго ученаго является то, что, по его настоянію, юридическая комиссія верхней палаты не одобрила избраннаго правительствомъ принципа и ею предположено другое средство для облегченія труда судей Высшаго Суда.

По предположеніямъ комиссіи, одобреннымъ палатою, кассаціонному обжалованью не подлежатъ рѣшенія, постановленныя въ первой инстанціи участковымъ судомъ, а также рѣшенія по дѣламъ вексельнымъ, постановленныя торговымъ судомъ или сенатомъ по торговымъ дѣламъ окружнаго суда, когда исковая сумма не превышаетъ 1000 кр.

На этомъ основаніи кассація не допускается не только по дѣламъ, отнесеннымъ къ вѣдѣнью *участковыхъ судовъ* по цѣнѣ иска (не свыше 1000 кр.) но, равнымъ образомъ, и по дѣламъ, отнесеннымъ къ вѣдѣнію означенныхъ судовъ независимо отъ цѣны иска. По всѣмъ этимъ дѣламъ кассація не допускается, если апелляціоннымъ судомъ оставлено въ силѣ рѣшеніе суда первой инстанціи. Въ пользу принятія такой системы указывали на то, что въ процессахъ, которые ведутся въ участковыхъ судахъ, обсужденью суда подлежатъ простыя отношенія повседневной жизни, при разрѣшеніи которыхъ судьѣ не приходится имѣть дѣла съ сложными юридическими вопросами и которыя нуждаются въ скорѣйшемъ разрѣшеніи. Тѣ же соображенія вполнѣ приложимы и къ дѣламъ вексельнымъ. Хотя вексельныя дѣла, независимо отъ суммы иска, отнесены къ вѣдѣнью окружныхъ судовъ, но въ названныхъ дѣлахъ также не возникаетъ сложныхъ юридическихъ вопросовъ.

То, что на рѣшенія по вексельнымъ дѣламъ кассація не допускается, когда цѣна иска не превышаетъ 1000 кр. и апелляціоннымъ судомъ оста-

влено въ силѣ рѣшеніе первой инстанціи, объясняется тѣмъ, что компетенція участковыхъ судовъ по имущественнымъ требованіямъ ограничена тою же суммою и допустимость кассаціи по всѣмъ имущественнымъ дѣламъ должна быть поставлена въ зависимость отъ однакового условія.

Измѣненія, предположенныя палатою господъ въ правительственномъ проектѣ, какъ видно изъ изложеннаго, сводятся къ слѣдующему.

По правительственному проекту, допустимость кассаціи зависитъ отъ размѣра суммы, оставшейся спорной послѣ состоявшагося рѣшенія апелляціоннаго суда. По предположенію палаты рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ сумма, первоначальнаго искового требованія и наступающія во время процесса измѣненія означенной суммы, вслѣдствіе отказовъ, признаній, и т. п, не имѣютъ значенія въ вопросѣ о допустимости кассаціи. Далѣе, по предположенью палаты, кассаціонному обжалованью не подлежатъ, при наличности согласныхъ рѣшеній двухъ первыхъ инстанцій, всѣ рѣшенія по дѣламъ, разсмотрѣннымъ участковыми судами, напротивъ, по дѣламъ, рѣшеннымъ окружными судами, кассація по общему правилу допускается. Она не допускается только по дѣламъ вексельнымъ (при цѣнѣ иска не свыше 1000 кр.). Это, конечно, улучшеніе сравнительно съ правительственнымъ проектомъ, ибо допустимость кассаціи не должна ставиться въ зависимость отъ размѣра суммы, оставшейся спорною послѣ рѣшенія апелляціоннаго суда и должна зависѣть отъ цѣны первоначально заявленныхъ исковыхъ требованій. Этимъ предотвращается нарушеніе принципа равнаго для обѣихъ сторонъ права быть выслушанною судомъ.

Не смотря на это, въ обществѣ и предположенія палаты господъ встрѣчены были неодобрительно. Со многихъ сторонъ, въ особенности, со стороны адвокатуры предположенія палаты вызвали сильные нападки, что представляется понятнымъ, если сравнить теперь существующее положеніе съ тѣмъ, которое должно получиться съ принятіемъ предположеній палаты. По дѣйствующему праву, всякое судебное рѣшеніе, за исключеніемъ только рѣшеній по дѣламъ малоцѣннымъ (до 100 кр.), подлежитъ кассаціонному обжалованью и сторона, проигравшая процессъ, можетъ требовать повѣрки рѣшенія третьею инстанціею, Высшимъ Судомъ, и домогаться рѣшенія этого суда, такъ какъ кассаціонное обжалованіе допускается безразлично, было ли дѣло первоначально разсмотрѣно участковымъ или окружнымъ судомъ, а также независимо отъ того, измѣнилъ ли или оставилъ въ силѣ апелляціонный судъ рѣшеніе первой инстанціи. Можно, поэтому, съ полнымъ правомъ сказать, что теперь дѣйствующее въ Австріи право предоставляетъ сторонамъ самое широкое право обжалованія судебныхъ рѣшеній.

Послѣ осуществленія реформы дѣло обстояло бы иначе. Въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію окружныхъ судовъ, получился бы слѣдующій послѣ-

довательный рядъ средствъ обжалованія судебныхъ рѣшеній. Въ дѣлахъ малоцѣнныхъ (до 100 кр.), какъ и сейчасъ, допускалась бы только апелляція и только по основаніямъ, лишающимъ рѣшеніе силы судебнаго рѣшенія [1]).

Кассація же была бы вовсе воспрещена. По прочимъ же дѣламъ, относящимся до компетенціи участковыхъ судей, допускалась бы въ полной мѣрѣ апелляція, какъ и теперь, но, въ отличіе отъ теперешняго положенія, кассація не допускалась бы, когда на лицо два согласныя рѣшенія. Кассація допускалась бы только при наличности двухъ несогласныхъ рѣшеній.

То же имѣло бы мѣсто по вексельнымъ дѣламъ цѣною до 1000 кр., между тѣмъ какъ теперь, по дѣйствующему праву, кассація допускается независимо отъ обжалуемой суммы и при наличности двухъ согласныхъ рѣшеній.

Неудивительно, поэтому, что предложенную реформу разсматриваютъ, какъ сокращеніе средствъ судебной защиты и относятся къ реформѣ враждебно. Ее называютъ антисоціальною, потому что предположенное сокращеніе случаевъ, когда допустима кассація, касается интересовъ тѣхъ, которые должны обращаться къ участковымъ судьямъ т. е. экономически болѣе слабыхъ слоевъ населенія. Оспариваютъ взглядъ, будто у участковыхъ судей разрѣшаются одни простые юридическіе вопросы и указываютъ на то, что недопущеніе кассаціи по дѣламъ меньшей важности должно вызвать предположеніе, что законодательство относится съ безразличіемъ къ допущенію неправосудія при наличности двухъ согласныхъ рѣшеній, потому что въ этомъ случаѣ устраненіе неправосуднаго рѣшенія становится невозможнымъ. Ставятъ въ упрекъ реформѣ, что изъ за однихъ интересовъ Высшаго Суда, оставляются безъ уваженія интересы сторонъ. Для того только, чтобы облегчить трудъ для Высшаго Суда реформа не останавливается передъ сокращеніемъ средствъ судебной защиты.

---

[1]) По Австрійскому процессуальному праву основаніями апелляціонной жалобы могутъ быть: а) нарушенія существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства; б) допущеніе неправильностей, которыя могли отразиться на рѣшеніи; в) допущенія неправильнаго толкованія закона и неправильной оцѣнки доказательствъ.

Обряды и формы судопроизводства, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою признаніе рѣшенія ничтожнымъ, перечислены въ ст. 477 С. Р. О. Рѣшенія по дѣламъ малоцѣннымъ (до 100 кр.) могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ единственно только по нарушенію обрядовъ и формъ, указанныхъ въ п. 1—7 назв. статьи С. Р. О., но не по другимъ основаніямъ, какъ прочія рѣшенія (ст. 501 С. Р. О. ср Pollak. в. н. с. S. 522).

Прим. перев.

Выдвигаютъ далѣе и то соображеніе, что указанная мѣра отнюдь не является единственнымъ и необходимымъ средствомъ облегченія Высшаго Суда, потому что того же можно достигнуть гораздо успѣшнѣе и безъ сокращенія средствъ судебной защиты. Съ этою цѣлью подлежитъ предоставить рѣшеніе въ третьей инстанціи всѣхъ дѣлъ участковой юстиціи, вмѣсто Высшаго Суда, судебнымъ палатамъ. Въ Австріи по дѣламъ участковой юстиціи окружные суды являются второю, а Высшій Судъ—третьею инстанціею. По дѣламъ, по которымъ окружные суды являются первою инстанціею, судебныя палаты составляютъ—вторую и высшій судъ—третью инстанцію. Если Высшій Судъ переобремененъ, то пусть отъ него будутъ взяты всѣ дѣла участковой юстиціи и поручены судебнымъ палатамъ въ качествѣ третьей инстанціи.

Эту мысль особенно настойчиво и удачно защищаетъ названный выше чешскій ученый, проф. д-ръ Эмиль Отто въ приведенной статьѣ, а также въ недавно появившемся изслѣдованіи на нѣмецкомъ языкѣ: «Предположенное въ Австріи ограниченіе кассаціи» (Die in Oesterreich geplante Beschränkung der Revision. Hölder. Wien u. Leipzig 1911).

Для того, чтобы предотвратить возраженіе, что предположенная имъ конструкція средствъ судебной защиты угрожаетъ единству развитія права, Оттъ предложилъ въ юридической комиссіи палаты господъ обязать судебную палату въ тѣхъ случаяхъ, когда она при рѣшеніи какого либо дѣла признаетъ необходимымъ отступить отъ взглядовъ, которыхъ придерживается Высшій Судъ или которая нибудь изъ судебныхъ палатъ, вносить дѣло на разсмотрѣніе Высшаго Суда, извѣстивъ объ этомъ стороны.

Хотя въ пользу такой конструкціи высказались многіе представители теоріи и практики, но предложеніе не было принято не изъ-за соображеній по существу, но по мотивамъ политическимъ, изъ-за опасенія допустить децентрализацію юстиціи.

Заключенія палаты господъ переданы въ палату депутатовъ, которая ихъ еще не разсматривала.

Второй проектъ, относящійся до реформы процесса, имѣетъ цѣлью облегчить трудъ низшихъ судовъ.

Инціатива въ данномъ случаѣ принадлежитъ „Союзу австрійскихъ судей“.

Предположены, для облегченія судовъ, слѣдующія мѣры:

1) Расширеніе, впрочемъ незначительное, принципа единоличности суда.

2) Образованіе особой категоріи канцелярскихъ чиновъ (изъ неюристовъ) такъ наз. Konceptgehilfe; по проекту на нихъ имѣютъ быть возложены: подготовка дѣла, веденіе протоколовъ, а также изготовленіе, за исключеніемъ дѣлъ состязательныхъ, постановленій и рѣшеній по такимъ дѣламъ, въ которыхъ не возникаетъ трудныхъ юридическихъ вопросовъ.

3) Допущеніе въ болѣе широкихъ предѣлахъ понудительнаго порядка (Mahnverfahren); на будущее время порядокъ этотъ предположено допустить въ случаяхъ, когда предметомъ требованій являются денежная сумма или другія замѣнимыя вещи, до 1000 кр. (теперь только до 400 кр.) и въ Галиціи, Буковинѣ и Далматіи, въ которыхъ до настоящаго времени понудительный порядокъ не примѣнялся, предположено его ввести для требованій до 600 кр.

4) Упрощеніе письменнаго изложенія рѣшеній; въ части рѣшенія, въ которой излагаются обстоятельства дѣла, вмѣсто изложенія результатовъ процессуальнаго доказыванія, допустить ссылки на письменные акты.

5) Значительное упрощеніе производства при неявкѣ отвѣтчика.

Вмѣсто веденія протокола и изготовленія рѣшенія, во всѣхъ случаяхъ, когда заочнымъ рѣшеніемъ удовлетворяется исковое требованіе, предположено ограничиться отмѣткою. Объявленіе рѣшенія можетъ быть замѣнено увѣдомленіемъ, что рѣшеніемъ удовлетворено требованіе.

Рѣшеніе изготовляется только по требованью истца.

При написаніи рѣшенія пользуются однимъ изъ экземпляровъ искового прошенія или особою рубрикою. Рѣшеніе весьма упрощено (опускаются обозначеніе судей, изложеніе обстоятельствъ и основаній рѣшенія).

6) Опущеніе предварительныхъ соглашеній сторонъ, которыя по дѣйствующимъ законамъ во многихъ случаяхъ должны предшествовать постановленіямъ суда.

Рядомъ съ этими опредѣленіями проектъ содержитъ еще и другія опредѣленія, имѣющія въ виду или устранить возникавшія въ судебной практикѣ сомнѣнія или ввести въ законъ то, что, по указаніямъ опыта, признано цѣлесообразнымъ и желательнымъ.

Этотъ второй проектъ былъ встрѣченъ гораздо болѣе сочувственно, чѣмъ первый, потому что, оставляя нетронутыми, блестяще оправдавшія себя на опытѣ, основы современнаго процесса, проектъ вноситъ упрощенія, цѣлесообразность которыхъ доказана многолѣтнимъ опытомъ.

Въ противоположность первому проекту, внесенному прежде всего, какъ было отмѣчено, въ палату господъ, второй проектъ былъ внесенъ въ палату депутатовъ. Здѣсь оба проекта постигла одинаковая участь. Какъ извѣстно, палата депутатовъ недавно была распущена. Вслѣдствіе роспуска палаты проекты остались не разсмотрѣнными.

Съ увѣренностью, однако, можно ожидать, что проекты будутъ вновь внесены въ палату и реформа процесса не будетъ снята съ очереди.

О дальнѣйшей ея судьбѣ мною своевременно будетъ сообщено.

Вацлавъ Гора.
Прив.-доц. Чешскаго Университета въ Прагѣ.

Обзоръ германскаго законодательства.

I. Въ моемъ послѣднемъ обзорѣ шла рѣчь о планѣ дальнѣйшаго развитія имперской конституціи, выразившемся въ предположеніи создать для Эльзасъ-Лотарингіи положеніе, сходное съ положеніемъ прочихъ частей Имперіи.

Долгое время виды на осуществленіе реформы были весьма смутны. Въ мѣстномъ Эльзасъ-Лотарингскомъ парламентѣ возникла жестокая борьба между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, которая привела къ досрочному закрытію сессіи. Въ рейхстагѣ судьба проекта оставалась неопредѣленной. По послѣднимъ свѣдѣніямъ комиссія рейхстага по Эльзасъ-Лотарингскимъ конституціоннымъ законамъ высказалась значительнымъ большинствомъ въ пользу принятія проекта. Большинство составилось изъ представителей имперской партіи, центра, націоналъ-либераловъ, народной партіи и соціалъ-демократовъ. Противъ проекта высказались консерваторы и хозяйственный союзъ. Согласное съ рѣшеніемъ комиссіи оказалось и голосованіе въ пленарномъ засѣданіи рейхстага. Пока рейхстагъ во второмъ чтеніи значительнымъ большинствомъ принялъ законопроектъ. Такимъ образомъ, осуществленіе реформы можетъ считаться обезпеченнымъ, что слѣдуетъ привѣтствовать въ интересахъ, какъ Имперіи, такъ и Эльзасъ-Лотарингіи.

Имперскій канцлеръ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія смотрѣть на завершеніе этого дѣла.

Хотя законъ и не отвѣчаетъ всѣмъ справедливымъ пожеланіямъ, но все же составляетъ значительный шагъ впередъ. О законѣ будетъ умѣстно дать отчетъ, когда онъ вступитъ въ силу.

II. Кодификація законодательства, относящагося до соціальнаго страхованія, двигается быстрыми шагами впередъ. Подвергнувъ обсужденію обширный законопроектъ, рейхстагъ очень содѣйствовалъ движенію дѣла впередъ и можно надѣяться, что вскорѣ оно получитъ свое завершеніе. Во всякомъ случаѣ, сведеніе въ одно цѣлое столь разбросанной матеріи будетъ большимъ успѣхомъ. Нельзя сказать, какимъ окажется законъ по своему внутреннему содержанію.

Объ немъ также будетъ данъ отчетъ, когда онъ вступитъ въ силу.

III. Законъ о налогѣ на приростъ цѣнности вступилъ въ силу. Онъ подписанъ Императоромъ 14 февраля 1911 г. и опубликованъ 18 февраля въ Собраніи Имперскихъ Законовъ. (Reichsgesetzblatt).

Законъ состоитъ изъ 72 параграфовъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма пространны.

1. Налогъ на приростъ цѣнности опредѣляется, какъ сборъ, подлежащій взиманію, при переходѣ права собственности на земельные участки, съ возросшей, безъ содѣйствія собственника, цѣнности имущества.

§ 1, ст. 1. «При переходѣ права собственности на земельныя имущества, расположенныя въ предѣлахъ Имперіи, взимается съ прироста цѣнности, послѣдовавшей безъ содѣйствія собственника, налогъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ настоящемъ законѣ».

Сейчасъ же за этимъ слѣдующая вторая статья установляетъ исключеніе, освобождая отъ налога мелкія единичныя сдѣлки небогатыхъ людей.

Если цѣна отчуждаемаго застроеннаго земельнаго участка не превышаетъ 20000 м., а незастроеннаго 5000 м., то налогъ не взимается. Но только въ томъ случаѣ, если ни самъ отчуждающій, ни его супругъ не получали во время, предшествующее отчужденію, дохода болѣе 2000 м. (малоимущіе люди) и если при этомъ ни тотъ, ни другой не занимаются продажею земельныхъ имуществъ въ видѣ промысла (единичная сдѣлка).

Когда отчужденіе происходитъ за счетъ третьяго лица, то тѣ же условія должны быть и въ лицѣ этого третьяго лица.

2. Налогъ взимается при отчужденіи имуществъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Имперіи. Владѣлецъ имущества, находящагося за границею, также какъ и въ колоніальныхъ владѣніяхъ Имперіи, освобождается отъ налога.

Къ земельнымъ имуществамъ приравниваются всѣ права, которыя по гражданскому уложенію разсматриваются, какъ недвижимости. Таково, напр., по общеимперскому уложенію наслѣдственное право стройки. Относительно наслѣдственнаго права стройки можетъ возникнуть сомнѣніе, подлежитъ ли налогу только переходъ или также и самое установленіе права.

По прямому опредѣленію закона отъ уравненія съ земельными участками исключено право участія въ разработкѣ нѣдръ. Это такъ наз. старыя куксы (новыя куксы подобно акціямъ причисляются къ движимымъ имуществамъ). Этого не достаточно. При прежнемъ штемпельномъ налогѣ изобрѣтательные люди нашли способы и пути для обхода закона объ обложеніи перехода недвижимости. Главнымъ образомъ, для того, чтобы избѣжать уплаты налога, пользуются формою товарищества съ ограниченною отвѣтственностью. Такое товарищество основывалось для пріобрѣтенія, напр., дома. Такъ какъ отчужденіе права участія не подлежало налогу, то можно было всѣ отдѣльныя права участія отчудить, не уплативъ налога. Новый штемпельный законъ сдѣлалъ такой обходъ закона невозможнымъ и законъ о налогѣ на приростъ цѣнности послѣловалъ этому примѣру. По § 3 закона къ переходу права собственности на

недвижимое имущество приравненъ переходъ права собственности на право участія въ имуществѣ товарищества съ ограниченною отвѣтственностью, коммандитнаго товарищества, зарегистрованнаго товарищества, зарегистрованнаго союза, торговаго товарищества, если имущество, принадлежащее товариществу, является земельнымъ имуществомъ и если предпріятіе состоитъ въ спекуляціи земельными участками или если общество возникло съ цѣлью избѣжанія уплаты налога. Трудно будетъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ установить наличность такого мотива.

3. Налогъ пріуроченъ къ переходу права собственности на землю или къ переходу котораго либо изъ правъ, указанныхъ выше. Въ этотъ самый моментъ возникаетъ по § 4-му закона обязанность уплаты налога и, если переходъ установляется записью въ вотчинную книгу, то уплата налога пріурочивается къ этому формальному акту. Такимъ образомъ, въ наиболѣе частыхъ случаяхъ, когда переходъ права собственности совершается путемъ сдѣлки, уплата налога связана съ вотчинной запиской. Этотъ моментъ до сихъ поръ имѣлъ рѣшающее значеніе и для уплаты штемпельнаго налога. Практика нашла пути для обхода закона объ уплатѣ налога. А. продавалъ имущество Б., но эта продажа не заносилась въ вотчинную книгу, Б. уступалъ свое право требованія передачи имущества В, В—Г и т. д. и только за тѣмъ, кто долженъ былъ окончательно сохранить со собою имущество, оно заносилось въ книгу. Новое законодательство и законъ о налогѣ на приростъ цѣнности положили этому конецъ.

Въ § 5 къ переходу права собственности приравнены многія сдѣлки, которыя съ гражданско-правовой точки зрѣнія не могутъ быть разсматриваемы, какъ отчужденіе или переходъ правъ собственности.

Прежде всего въ видѣ основного правила постановлено, что когда заключенъ договоръ, обязующій передать имущество, *главный случай*— договоръ, облеченный въ форму нотаріальнаго или судебнаго акта о передачѣ права собственности, указанный въ ст. 313 Гр. Улож., и въ продолженіи года передачи имущества не послѣдуетъ, тогда обязанность уплаты налога связывается съ заключеніемъ договора. Если заключено нѣсколько такихъ сдѣлокъ, то значеніе имѣетъ послѣдняя сдѣлка.

Обязанность уплаты налога возникаетъ по истеченіи года со времени заключенія договора.

Такъ, если А продаетъ нотаріальнымъ порядкомъ землю 1 апрѣля 1911 г., то налогъ подлежитъ уплатѣ не позднѣе 1 апрѣля 1912, независимо отъ дѣйствительнаго юридическаго положенія между сто-

ронами, независимо отъ способа и времени уплаты условленной по договору цѣны.

Далѣе, къ переходу имущества приравнены всякаго рода переуступки: уступка права изъ сдѣлокъ объ отчужденіи, какъ выражается законъ неправильно съ точки зрѣнія терминологіи гражданскаго права, уступка правъ изъ связующихъ предложеній и изъ предварительныхъ соглашеній, уступка правъ съ предложенной высшей цѣны при публичной продажѣ и т. д.

И всего этого мало. § 6 содержитъ общую оговорку: «обложеніе налогомъ не устраняется, если подлежащая по настоящему закону сдѣлка прикрыта другою сдѣлкою, въ особенности, если на мѣсто перехода имущества совершается сдѣлка, пользуясь которою лицо можетъ распоряжаться имуществомъ, какъ собственникъ».

Это неясно. Гражданское право знаетъ сдѣлки, заключенныя для виду (мнимыя сдѣлки), и сдѣлки, заключенныя подъ видомъ другой (притворныя сдѣлки). Налоговое законодательство можетъ служить мотивомъ для заключенія такого рода сдѣлокъ. Но съ точки зрѣнія налоговой техники не можетъ быть мнимыхъ и притворныхъ сдѣлокъ. Сдѣлка дѣйствительно заключенная, сдѣлка притворная съ точки гражданскаго права, и есть сдѣлка, подлежащая налогу. Если стороны избрали такую форму сдѣлки, которая не подлежитъ обложенію, то онѣ только воспользовались своимъ правомъ. Если онѣ избрали эту форму, чтобы уйдти отъ налога, то развѣ наличность такого мотива можетъ превратить сдѣлку въ мнимую? Развѣ сдѣлка, которую стороны не заключили для того, чтобы не платить налога, сдѣлка прикрытая? Развѣ сдѣлка, которую онѣ только и заключили и въ серьезъ заключили, притворная сдѣлка, мнимая сдѣлка? Что же тогда будетъ облагаться налогомъ? Та сдѣлка, которая заключена не будетъ облагаться, но будетъ облагаться на основаніи § 6 сдѣлка, которая никогда не была заключена. Будетъ облагаться юридическое ничто. Облагаться будетъ мотивъ, но чей мотивъ? Отчуждающаго или пріобрѣтающаго или ихъ общій мотивъ? Облагается нерасположеніе платить налогъ или умѣніе обойти законъ, которое должно быть особенно высокимъ, для того, чтобы отыскать формы, неуказанныя въ § 5. Законодатель не питаетъ расположенія къ тѣмъ, которые еще хитрѣе его самого. Въ основѣ § 6 лежитъ неопредѣленное экономическое представленіе. Законъ пріурочилъ налогъ къ юридическимъ актамъ, но въ дополненіе принялъ во вниманіе и хозяйственную сторону, при чемъ отсутствуетъ всякая точность. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ всему ходу развитія этого налога и расплывчатому мышленію соціалъ-экономовъ, такъ что этотъ § 6 въ соединеніи съ § 3 особенно характеристиченъ для всего этого налога.

4. Налогъ пріуроченъ къ переходу права собственности и къ однороднымъ юридическимъ фактамъ.

По прямому опредѣленію закона въ рядѣ случаевъ переходъ права собственности остается необложеннымъ. Случаи эти, въ числѣ 8, указаны въ § 7.

1) Свободенъ отъ обложенія переходъ права собственности по наслѣдству и по дареніо Въ этихъ случаяхъ примѣняется наслѣдственный налогъ и налогъ съ дарснія. Впрочемъ, въ отношеніи дарснія въ законѣ содержится оговорка весьма характерная. Дареніе свободно только тогда: «если форма дарснія не избрана лишь для того, чтобы избѣжать налога съ прироста цѣнности». Опять разнюхиваніе мотивовъ. Но почему же тогда только при дареніи, почему того же самого не предписано въ отношеніи перехода по наслѣдству? Можетъ кому нибудь и прійдетъ въ голову лишить себя жизни, надоѣвшей ему, благодаря налогу на приростъ цѣнности или благодаря другимъ подобнымъ явленіямъ, съ цѣлью насмѣяться надъ закономъ?!

2) Свободно отъ налога пріобрѣтеніе при основаніи, измѣненіи продолженіи и прекращеніи общности имуществъ между супругами.

3) При раздѣлѣ наслѣдства и при выдѣлѣ при существующемъ и при продолжающемся общеніи имуществъ между супругами.

Въ основѣ этого лежитъ вполнѣ правильная мысль по сравненію съ штемпельнымъ налогомъ, которую необходимо привѣтствовать.

4) Свободно отъ обложенія пріобрѣтеніе нисходящихъ отъ родителей, прародителей и т. д. Это относится къ пріобрѣтенію при жизни, такъ какъ пріобрѣтеніе по случаю смерти свободно по § 1. Эта свобода отъ обложенія вполнѣ послѣдовательна, если, какъ по нѣмецкому праву, съ нисходящихъ не взыскивается наслѣдственная пошлина. Въ общемъ освобожденіе нисходящихъ отъ налога, по моему мнѣнію, не имѣетъ оправданія. Мнѣ кажется, когда вводятъ налогъ на приростъ цѣнности, то налогу должны были бы подлежать и нисходящіе.

5) Свободна отъ налога передача имущества въ собственность семейнаго товарищества, т. е. товарищества, которое состоитъ исключительно изъ самого отчуждающаго и его нисходящихъ или изъ однихъ послѣднихъ.

Впрочемъ, семейное товарищество можетъ имѣть форму обыкновеннаго гражданско-правнаго товарищества (Гражд. Улож. § 705 и слѣд.) или торгового товарищества или даже имѣть характеръ союза съ правами юридическаго лица.

Если въ составъ товарищества входитъ посторонній, то въ отношеніи части въ недвижимости этого посторонняго возникаетъ обязанность уплаты налога.

6) Свободно отъ налога внесеніе въ общество сонаслѣдниковъ или въ общество семейное предметовъ наслѣдственнаго имущества.

7) Свободны отъ налога сдѣлки по обмѣну при регулированіи границъ.

8) Свободны отъ налога сдѣлки по обмѣну горныхъ промысловъ, но и здѣсь съ оговоркою: «по скольку онѣ не служатъ для цѣлей избѣжанія налога».

5. Какъ же, спрашивается, исчисляется налогъ?

§ 8, отд. I. «Приростъ цѣнности, подлежащій обложенію, составляетъ разница между цѣною, за которую имущество пріобрѣтено, и цѣною, за которую оно отчуждается».

Какъ ни просто звучитъ это правило, но на самомъ дѣлѣ оно не такъ просто. Цѣна не всегда опредѣляется въ денежной суммѣ и даже, когда это имѣетъ мѣсто, то ею нельзя исключительно руководствоваться. Если А 20 лѣтъ тому назадъ купилъ землю за 100000 м., выстроилъ на этой землѣ домъ и теперь продаетъ участокъ за 500000 м., то нельзя считать 400000 м. за приростъ цѣнности, подлежащій обложенію. Здѣсь необходимо было дать очень подробныя правила, для того, чтобы обложенъ былъ въ дѣйствительности приростъ цѣнности.

По основному правилу цѣна опредѣляется по совокупности всего, что получаетъ отчуждающій (§ 8, II). Изъ цѣны исключаются стоимость всѣхъ тягостей, которыя на себя принимаетъ отчуждающій, стоимость машинъ, даже, когда онѣ составляютъ существенную часть, и стоимость продуктовъ.

Если не существуетъ соглашенія относительно цѣны или нельзя ея опредѣлить, что должно, въ особенности, часто встрѣчаться при отчужденіяхъ относящихся до отдаленнаго прошлаго, тогда на мѣсто цѣны берется въ разсчетъ оцѣночная стоимость земли (§ 11). При этомъ могутъ получиться большія затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, не легко оцѣнить стоимость земли, проданной лѣтъ тому 10, 20, 30. Если совмѣстно проданы подлежащее и не подлежащее обложенію, безъ указанія цѣны каждаго предмета отдѣльно, то нужно предварительно произвести раздѣленіе и потомъ оцѣнку.

Какъ исчисляется цѣна, за которую имущество пріобрѣтено? Не просто берется уплаченная цѣна, но дѣлаются исправленія съ тѣмъ, чтобы опредѣлить разницу между цѣною, уплаченною при пріобрѣтеніи и цѣною, полученною при отчужденіи, для обложенія ея налогомъ.

На основаніи § 14 подлежатъ причисленію: 1) Издержки пріобрѣтенія, въ среднемъ 4% съ цѣны, уплаченной при пріобрѣтеніи.

2) Расходы на постройки, перестройки и другія капитальныя улучшенія (даже земле-и лѣсохозяйственнаго характера) на горныя разысканія и т. д. до 5% съ этой суммы (Если отчуждающій предприниматель по постройкамъ, подрядчикъ или строитель—15%). Зачета не производится, если предпринимателемъ является торговое товарищество или союзъ. Но если они состоятъ исключительно изъ строителей промышленниковъ и строителей, то зачетъ производится.

Затраты, произведенныя изъ страхового вознагражденія, не принимаются въ разсчетъ.

3) Издержки по возведенію улицъ и путей сообщенія а также по канализаціи и другія издержки на обще-полезныя начинанія. На каждый годъ полагается на эти издержки 4%, но не болѣе какъ за 15 лѣтъ.

4) Кромѣ того, на каждый годъ за время, которое принимается во вниманіе для обложенія (§ 16), прибавляется $1^1/_2$ до $2^1/_2$% цѣны, уплаченной при пріобрѣтеніи съ издержками. Подробности очень сложны.

Если послѣднее пріобрѣтеніе не подлежитъ обложенію, то восходятъ къ послѣднему пріобрѣтенію, подлежащему обложенію. Если А купилъ въ 1900 г. и Б отъ него наслѣдовалъ въ 1907 г. и продалъ въ 1911 г., то расчетъ производится не по 1907, но по 1911 году.

Если сдѣлка, подлежащая обложенію, была заключена 40 лѣтъ ранѣе, то принимается въ расчетъ цѣнность участка, какою она была 40 лѣтъ тому назадъ, если не будетъ доказано, что земля была пріобрѣтена ранѣе по болѣе дорогой цѣнѣ.

Какъ къ цѣнѣ пріобрѣтенія прибавляются статьи, такъ и съ цѣны отчужденія дѣлаются скидки.

6. Когда такимъ образомъ исчислена разница, т. е. приростъ цѣнности, то затѣмъ опредѣляется самый размѣръ налога, который зависитъ отъ размѣровъ прироста. Если приростъ цѣнности составляетъ не болѣе 10% цѣны, за которую имущество пріобрѣтено, налогъ взимается въ размѣрѣ 10%. Съ увеличеніемъ прироста цѣнности увеличивается и % обложенія. Наивысшій % составляетъ 30%, если приростъ цѣнности составляетъ болѣе 290% цѣны, за которую имущество пріобрѣтено.

Эта сумма налога опять уменьшается. За каждый годъ того періода, который принимается во вниманіе (т. е. не болѣе, чѣмъ за 40 лѣтъ) сбавляется 1%.

Налогъ ниже 20 м. не взимается.

7. Такъ исчисленный налогъ долженъ уплатить отчуждающій. Если ихъ нѣсколько, то за общею отвѣтственностью. Можетъ отвѣчать и пріобрѣтатель до 2% цѣны отчужденія, кромѣ случая, когда имущество пріобрѣтено съ публичныхъ торговъ.

Свободны отъ налога по § 30: владѣтельный князь и владѣтельная княгиня, имперія, союзныя государства и общины, въ предѣлахъ которыхъ находится отчуждаемое имущество, вообще благотворительныя учрежденія при извѣстныхъ предположеніяхъ и условіяхъ.

8. Обязанность по уплатѣ налога въ извѣстныхъ случаяхъ отпадаетъ. Подробности указаны въ § 34.

Если подлежащая обложенію сдѣлка (§ 5) недѣйствительна или уничтожена, то по опредѣленію союзнаго совѣта обязанность уплаты налога отпадаетъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто, если стороны отступились отъ сдѣлки, вслѣдствіе неисполненія договорныхъ обязанностей, и право собственности перешло обратно къ отчудившему.

При ничтожности сдѣлки налогъ слагается по опредѣленію союзнаго совѣта. Законъ примѣняется къ сдѣлкамъ, указаннымъ въ § 5. Это странно. Въ § 5 на первомъ мѣстѣ упоминаются обязательства, а затѣмъ къ нимъ приравниваются другія сдѣлки... Какъ же быть съ переходомъ права собственности, о которомъ упоминается въ § 4? Можетъ быть предполагается, что такой переходъ не можетъ быть недѣйствителенъ?

Само собою разумѣется, что постановленное на случай недѣйствительности сдѣлки распространяется и на случаи, когда она оспорена, по закону, вслѣдствіе наличности ошибки, обмана или принужденія.

Возвращеніе налога можетъ послѣдовать при обратномъ переходѣ права собственности по постановленію союзнаго совѣта. Оно должно быть произведено при обратномъ переходѣ, послѣдовавшемъ въ продолженіи двухъ лѣтъ (§ 34. Отд. 2).

Въ случаѣ послѣдовавшаго возвращенія имущества въ податномъ смыслѣ признается отсутствіе перехода, т. е. приростъ цѣнности исчисляется тогда по предшествующей сдѣлкѣ или по стоимости имущества, какою она была 40 лѣтъ тому назадъ.

9. Техническая сторона взиманія налога менѣе интересна. Взиманіе производится не непосредственно имперіею, но отдѣльными государствами (§ 35, 36).

Обязанность заявленія лежитъ на отчуждающемъ и на пріобрѣтающемъ подъ угрозою штрафа въ размѣрѣ, превышающемъ въ четыре раза причитающійся сборъ.

Обязанность заявленія лежитъ также на должностныхъ лицахъ, какъ то: на ведущихъ вотчинныя книги, на участковыхъ судахъ и на нотаріусахъ.

Право на взысканіе налога погашается 10-ти лѣтнею давностью (§ 57). Теченіе давности начинается съ окончаніемъ года, въ которомъ возникло требованіе.

Такому опредѣленію нельзя не порадоваться, какъ потому, что принятъ срокъ давности, установленный въ русскомъ и въ скандинавскихъ правахъ, и болѣе цѣлесообразный, чѣмъ заимствованный нами изъ римскаго права слишкомъ продолжительный срокъ. Равнымъ образомъ правильно, что начало теченія срока отнесено не къ моменту заключенія сдѣлки, но къ концу года, когда требованіе возникло. Этимъ значительно облегчено на практикѣ исчисленіе срока.

Взысканная сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ. 50% получаетъ имперія, 10% подлежащее государство, 40% община. Общины могутъ взыскивать до 100% прибавки къ своей части. Налогъ не долженъ однако превышать 30% прироста цѣнности и въ этихъ предѣлахъ должны держаться общины съ своими прибавками.

Таковы основныя черты новаго закона. На другихъ частностяхъ я не хочу останавливаться, потому что и безъ того, боюсь, что пришлось сообщить слишкомъ много подробностей. Но это было необходимо, для того, чтобы выяснить что въ дѣйствительности даетъ законъ. Великихъ идей недостаточно. Ими можетъ увлекаться соціальный политикъ, котораго можетъ прельщать предоставленіе всему обществу части въ приростѣ незаслуженномъ цѣнности, какъ бы въ выигрышѣ въ лотерею съ цѣлью уравненія прибылей, случайно получаемыхъ.

Въ дѣствительности же въ данномъ случаѣ получается лишь новый источникъ обложенія и общественная справедливость остается ни причемъ. Тотъ, кому придется платить налогъ, постарается его переложить, и послѣдствіемъ будетъ вздорожаніе земли.

Если принять во вниманіе всѣ частности закона, то приходится ужасаться его сложности. Сколько поводовъ для всякаго рода придирокъ, какое вмѣшательство въ частую жизнь. Можетъ, идея сама по себѣ и пригодна, но это не имѣетъ значенія, если необходимы такія мѣры для ея проведенія въ жизнь.

Не на принципѣ ли зависти и жадности построенъ этотъ налогъ, какъ и нѣкоторые другіе? Нѣтъ ли тутъ раздраженія по отношенію къ незаслуженному приросту цѣнности. Когда же имѣемъ мы заслуженный приростъ? Является ли доходъ геніальнаго купца, земледѣльца, врача, адвоката писателя, учителя, художника или только обыкновеннаго рутиннаго организатора заслуженнымъ? Геніальность и талантъ заслуга ли это? Можно ли вообще различать заслуженный и незаслуженный доходъ?

12. Пользуясь случаемъ, я хочу обратить вниманіе еще на слѣдующее.

Налоги создаютъ законодатели и парламенты. Ученіе о налогахъ разрабатываютъ публицисты и политико-экономы. Цивилисты при этомъ обыкновенно не участвуютъ и не интересуются вопросомъ. Это вызываетъ большія неудобства. Публицисты и въ особенности политико-экономы мало свѣдущи въ гражданскомъ правѣ и, поэтому, налоговые законы страдаютъ многими недостатками съ точки зрѣнія гражданскаго права и содержатъ постановленія, сознательно или безсознательно несогласованныя съ началами гражданскаго права.

При всемъ томъ налоговые законы оказываютъ сильное вліяніе на гражданскій оборотъ, потому что издержки, связанныя съ уплатою налога, въ практической жизни имѣютъ важное значеніе.

Во всякомъ случаѣ цивилистъ имѣетъ достаточное основаніе не оставлять безъ должнаго вниманія законы, облагающіе гражданско-правныя сдѣлки.

Я хотѣлъ бы обратить вниманіе на нѣкоторые сюда относящіеся вопросы.

Въ послѣднее время у насъ играетъ большую роль налогъ на дареніе. Я, съ своей стороны, считаю названный налогъ вполнѣ неудачнымъ. Кто думаетъ, что налогъ этотъ необходимъ для предупрежденія обхода налога на наслѣдство, сильно ошибается. Англія не знаетъ налога на дареніе и однако налогъ на наслѣдство въ Англіи даетъ значительный доходъ, около 500 мил. мар., если не ошибаюсь. Но не въ этомъ сущность вопроса. У насъ существуетъ и налогъ на дареніе и налогъ на наслѣдство. Можно сказать, что только вслѣдствіе существованія этого налога дареніе становится интереснымъ съ точки зрѣнія юридической. Является ли данная сдѣлка дареніемъ или нѣтъ—это вопросъ въ налоговомъ смыслѣ первостепенной важности.

Когда въ свое время воздушный шаръ Цепелина былъ уничтоженъ, то по подпискѣ въ Германіи было собрано болѣе 6 мил. мар. Было ли въ данномъ случаѣ дареніе? Казна, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо взыскала бы значительный налогъ (5 или 10%).

Недавно кто-то далъ на раскопки въ Палестинѣ 20000 мар. Съ этой суммы былъ взысканъ налогъ свыше 1200 мар. и имперскій судъ призналъ взысканіе правильнымъ.

По случаю юбилея Берлинскаго университета Императору была вручена сумма свыше 10 мил. мар. на естественно-историческія изысканія. Императоръ основалъ общество своего имени, члены котораго вносятъ по 20000 мар. Такой высокій взносъ установленъ для того, чтобы обойти законъ о налогѣ съ дареній. Хотятъ взносъ еще увеличить до 100000 мар. и даже болѣе, съ предоставленіемъ права въ

отдѣльныхъ случаяхъ уменьшать размѣръ взноса. Интересный случай обхода закона обществомъ, состоящимъ подъ верховнымъ покровительствомъ.

Еще вопросъ съ удостовѣреніемъ о правахъ наслѣдства (Erbschein).

Наслѣдникъ имѣетъ право получить удостовѣреніе. Это его легитимируетъ передъ посторонними. Кто ему производитъ платежъ, можетъ считать себя обезпеченнымъ, и кто вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, не терпитъ убытка (напр. § 2365, 2366 и слѣд.), если бы въ послѣдствіи и оказалось, что онъ въ дѣйствительности не наслѣдникъ. Обязанъ ли выступающій въ качествѣ наслѣдника имѣть удостовѣреніе? Можетъ ли должникъ отказаться отъ уплаты, если наслѣдникъ не можетъ себя легитимировать означеннымъ образомъ. Наслѣдодатель имѣлъ вкладъ въ Банкѣ въ 50000 мар. Сынъ въ качествѣ наслѣдника потребовалъ уплаты. Банкъ отказался уплатить до представленія удостовѣренія. Наслѣдникъ предъявилъ искъ и имперскій судъ призналъ, что банкъ обязанъ выплатить и безъ наличности удостовѣренія. Непріятное положеніе. Если потомъ бы оказалось, что дѣйствительнымъ наслѣдникомъ является другое лицо, напр. нашлось бы завѣщаніе, то банку пришлось бы платить второй разъ—съ правомъ требовать обратно съ того, кому произведенъ платежъ. Удостовѣреніе о правахъ наслѣдства могло бы всѣмъ помочь, но такое удостовѣреніе—дорогая вещь. Къ чему прекрасно задуманное правило гражданскаго права, если налогъ ставитъ преграду для пользованія этимъ правомъ?!

По прусскому закону супругъ несетъ отвѣтственность за уплату подоходнаго налога съ своего дохода и съ дохода другого супруга, даже когда существуетъ раздѣльность имущества, даже когда онъ не знаетъ, какимъ имуществомъ обладаетъ его жена или какъ великъ ея заработокъ? Разрядъ по платежу налога опредѣляется по совокупности дохода супруговъ. Оба вмѣстѣ платятъ больше, чѣмъ они платили бы, если бы каждый платилъ отдѣльно. Какъ это согласовать съ гражданскимъ правомъ? Къ какимъ послѣдствіямъ это можетъ приводить? Можетъ ли супругъ требовать возмѣщенія?

Правила новаго закона о налогѣ съ прироста цѣнности могутъ имѣть большое вліяніе на гражданско-правовыя отношенія. Предположимъ напр., что кто-либо оспариваетъ договоръ купли-продажи вслѣдствіе ошибки, пять лѣтъ спустя послѣ заключенія договора. Какъ быть съ налогомъ, если онъ не можетъ быть возвращенъ? Я только привелъ нѣкоторые пункты, важные въ практическомъ отношеніи и заслуживающіе вниманія съ точки зрѣнія теоріи, съ цѣлью указать, въ какой близкой связи находятся налоговые законы съ законами гражданскими.

Систематическое изслѣдованіе означеннаго вопроса въ монографической разработкѣ могло бы представить большой интересъ. И если бы въ основу была положена точка зрѣнія манчестерская и свободы отдѣльнаго лица, то въ этомъ не было бы большой бѣды. Фискальность и соціализмъ какъ будто подали другъ другу руку, чтобы лишить индивида свѣта, воздуха и дыханія. Государству то, что принадлежитъ государству, но и личности свободная дорога и полная возможность развитія—этого требуетъ здоровый государственный принципъ. Того требуетъ и этика, которая не есть послабленіе, но свобода, сила, характеръ и сознаніе отвѣтственности.

Ф. К. Нейбеккеръ.

Профессоръ Берлинскаго Университета.

Критика.

Къ исторіи Московскихъ приказовъ.

Памяти незабвеннаго Сергѣя Андреевича Муромцева посвящается.

I.

Въ 1907—1908 г.г. вышла въ Москвѣ книга г. Вернера «О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ» [1]). Странная и чудная книга. Начать съ того, что за такую общую тему, какъ вопросъ о времени и причинахъ образованія приказовъ, можно браться лишь послѣ того, какъ будетъ произведено детальное обслѣдованіе исторіи отдѣльныхъ приказовъ, а послѣдняя, за исключеніемъ двухъ—трехъ приказовъ, до сихъ поръ еще не разработана. Даже по исторіи второго послѣ разряда по важности приказа, именно Помѣстнаго, въ нашей литературѣ только намеки. Вся она еще въ будущемъ. Затѣмъ разработка темы книги г. Вернера немыслима безъ предварительныхъ обширныхъ работъ по архивному дѣлопроизводству приказовъ въ виду малой извѣстности и обслѣдованности его, не говоря уже о крайней скудости публикацій по этому матеріалу. Но въ архивахъ г. Вернеръ какъ разъ и не работалъ. Мало того. Даже печатные литература предмета и источники, если не считать ссылокъ на III в. «Очеркъ рус. культуры» Милюкова на 182 стр. и на труды по исторіи приказа Тайныхъ Дѣлъ г.г. Гурлянда и Самоквасова на 177 стр. [2]), послѣ *1892 г.* (sic) автору неизвѣстны! А между тѣмъ послѣ 1892 г. появилась масса работъ и по общей исторіи приказовъ и по исторіи отдѣльныхъ приказовъ. Обнародована послѣ 1892 г. и масса новыхъ архивныхъ матеріаловъ по приказному дѣлопроизводству, хотя, конечно, еще болѣе новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ остается еще и сейчасъ подъ спудомъ въ нашихъ

---

[1]) Подробнѣе о ней мы говоримъ въ Ж. М. Ю. за 1909 г.

[2]) Да и относительно приказа Тайныхъ Дѣлъ остались неизвѣстными г. Вернеру какъ „Дѣла Тайнаго приказа“, изданныя подъ редакціей г. Бѣлокурова въ „Рус. Ист. Библ.“, т. XXI, Спб., 1907, такъ и „Дневальныя записи приказа Тайныхъ Дѣлъ“ за 7165—7183 гг., изданныя г. Бѣлокуровымъ же въ Москвѣ въ 1908 г.

архивахъ не тронутыми ни издателями ни изслѣдователями. Мало и этого. И литература до 1892 г. автору не вполнѣ извѣстна. Именно, автору неизвѣстны многочисленныя работы по исторіи приказовъ Помѣстнаго, Разряднаго, Сыскного XVIII в. и Каменнаго, Розыскной экспедиціи при Моск. губ. канцеляріи, Генеральнаго Двора, Ближней канцеляріи, Расправной палаты при сенатѣ и Патріаршаго Казеннаго приказа, помѣщенныя въ IV—IX «Опис. док. и бум. М Архива М-ва Юстиціи», Москва, 1884—1894. Если и считать эти работы только археографическими, все же слѣдовало упомянуть и про нихъ для полноты обзора и, главное, использовать для историко-правовыхъ цѣлей богатѣйшій архивный матеріалъ по исторіи приказовъ, вводимый въ науку этими работами. Неизвѣстны г. Вернеру и работы Оглоблина «Къ исторіи челобитнаго приказа» (Ж. М. Н. П., 1892, іюнь), Попова «Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ (ibid., 1889, февраль), Сторожева «Къ вопросу о четвертчикахъ» (ibid.), 1892, февраль) и работы по столамъ Разряднаго приказа Голомбіевскаго и Загоскина.

Невѣрна и *отправная точка зрѣнія* автора: отрицаніе имъ вотчиннаго характера какъ самой власти московскаго государя, такъ и вотчиннаго происхожденія системы приказнаго управленія (5), тогда какъ на самомъ дѣлѣ смѣшеніе государственныхъ и частныхъ началъ свойственно древнимъ временамъ исторіи всякаго народа, и такимъ образомъ приказы у насъ образуются исторически изъ вотчиннаго (дворцоваго) управленія и личныхъ порученій [1]), напрасно на стр. 5 противополагаемыхъ авторомъ другъ другу вопреки тому, что на стр. 50 онъ самъ говоритъ о связи между собой этихъ двухъ началъ. Вотчинное начало въ образованіи приказовъ, впрочемъ, вынужденъ признать и самъ г. Вернеръ, считая дворцовые приказы частно-правовыми и въ тоже время признавая ихъ носившими въ себѣ много элементовъ чисто государственнаго управленія (51) и не только оказывавшими сильное вліяніе на организацію остальныхъ приказовъ (13), но даже выдѣлявшими изъ себя послѣдніе (22, 99. 107, 173). Съ другой стороны самъ г. Вернеръ признаетъ наличность частнаго элемента кормленія и такъ называемыхъ имъ публично-правовыхъ судныхъ приказовъ (14). На дѣлѣ же этотъ элементъ былъ свойственъ и другимъ приказамъ этой категоріи. А новое международное положеніе Московскаго государства и новыя отношенія государя къ высшему слою служилаго класса, конечно, тоже вліяли на образованіе приказовъ, но вслѣдъ за вотчиннымъ на-

[1]) Слово „приказъ“ первоначально и употреблялось въ смыслѣ порученія, а въ смыслѣ учрежденія оно впервые встрѣчается въ 1512 г. (Вернеръ, 38).

чаломъ, какъ это признаетъ самъ авторъ на 55 стр., а не исключая его, какъ это онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ книги. Спорно (55) вопреки автору и то, чтобъ приказы внѣшняго управленія возникли раньше, чѣмъ приказы внутренняго управленія. Вѣрнѣе одновременно, а можетъ быть и наоборотъ. Спорна и принимаемая авторомъ послѣдовательность во времени основаній распредѣленія дѣлъ между приказами (199) по роду дѣлъ и по классамъ лицъ, такъ какъ въ системѣ приказовъ всегда эти основанія смѣшивались и дѣйствовали одновременно (вмѣстѣ съ территоріальнымъ началомъ по вѣрному замѣчанію автора). Также нельзя противополагать дьячьи канцеляріи съ функціями административно-финансовыми и дипломатическими боярскимъ коллегіямъ съ судебными функціями, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 166, и дѣлать изъ этого какіе либо принципіальные выводы относительно времени возникновенія приказовъ и провеленія въ нихъ начала коллегіальности (198), такъ какъ одно и то же учрежденіе поочередно могло быть то дьячьимъ, то боярскимъ. Возьмемъ, напр., Помѣстный приказъ. До 129 г. 144—159, 173—184, 187—189 гг. и съ 205 г. имъ управляютъ думные дьяки и даже просто дьяки (151—155 г.г.), остальное время бояре, окольничіе и думные дворяне [1]). Вопросъ здѣсь, слѣдовательно, не въ какихъ либо принципіальныхъ основаніяхъ, а лишь въ томъ, какое лицо въ данное время, независимо отъ его чина, было болѣе подходящимъ для завѣдыванія приказомъ. О томъ же, что дворцовые, напр., приказы въ схему г. Вернера вовсе не укладываются, и что врядъ ли можно найти хоть одинъ приказъ, у котораго не было бы тѣхъ или другихъ судебныхъ функцій, уже не говоримъ. И такая необоснованность основныхъ точекъ зрѣнія автора только лишній разъ подчеркиваетъ невозможность разработки такой общей темы, какую онъ взялъ себѣ, раньше, чѣмъ будетъ написана исторія отдѣльныхъ приказовъ.

Но, какъ ни устарѣла книга г. Вернера и какъ она ни нуждается въ коренной переработкѣ съ самаго момента ея выхода, какъ ни злоупотребляетъ авторъ заключеніями по аналогіи и бездоказательными гипотезами, и, не смотря на массу противорѣчій и непослѣдовательностей въ его книгѣ, все же она съ надлежащими коррективами даетъ сводку и обзоръ сдѣланнаго по исторіи приказовъ до 1892 г.

Для дальнѣйшаго же времени такой сводки и обзора работъ и изданій по исторіи приказовъ у насъ и сейчасъ нѣтъ. Этотъ пробѣлъ и пытается заполнить наша настоящая замѣтка съ привлеченіемъ къ

---

[1]) Шумаковъ „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа". М. 1910, стр. 45—50.

дѣлу и нѣкоторыхъ еще неизвѣстныхъ архивныхъ данныхъ, отнюдь однако не претендуя на исчерпывающую полноту и законченность указаній на работы и изданія по исторіи приказовъ. Слишкомъ мелкими и дробными путями разработка этой исторіи пошла для этого. Розыскъ однѣхъ провинціальныхъ публикацій по исторіи приказовъ чего стоитъ, напр. Достаточно поэтому будетъ намѣтить въ этой замѣткѣ лишь главнѣйшіе моменты, труды и изданія по разработкѣ общей и частной приказной исторіи послѣ 1892 г.

II.

Начнемъ съ работъ по *общей исторіи приказовъ*.

Здѣсь въ первую голову приходится отмѣтить «Происхожденіе самодержавія въ Россіи» Рожкова, Москва, 1906 [1]), такъ какъ эта книга трактуетъ не столько о самодержавіи въ Россіи, сколько объ *административно-приказной техникѣ* (особенно стр. 78—174 книги), въ частности же о демаркаціонной чертѣ, отдѣлявшей въ первой половинѣ XVII в. дѣятельность верховной власти и высшихъ учрежденій отъ дѣятельности учрежденій подчиненныхъ (209). При этомъ вопросъ объ этой техникѣ и чертѣ разработанъ г. Рожковымъ на основаніи богатѣйшаго архивнаго матеріала (главнымъ образомъ актовъ Разряда, а отчасти и документовъ архивовъ М-въ Императ. Двора и Иностр. Дѣлъ), изученнаго имъ впервые съ этой точки зрѣнія. Къ сожалѣнію однако изъ дѣлъ помѣстнаго приказа автору знакомы только записныя вотчинныя книги его [2]), но не столбцы, тогда какъ послѣдніе имѣютъ первостепенную важность [3]) при изслѣдованіи вопросовъ книги г. Рожкова и кое гдѣ даютъ имъ новое освѣщеніе и новую постановку. Такъ напр. одно дѣло 1647 г. [4]) изъ столбцовъ Помѣстнаго приказа, вопреки 211-ой стр. книги г. Рожкова, несомнѣнно доказываетъ, что еще въ 1647 г. формула «по государеву указу» была (хотя бы и не всегда) не обломкомъ, а указаніемъ на дѣйствительное рѣшеніе дѣла царемъ. Помимо случайности и недостаточности архивнаго матеріала, разработаннаго г. Рожковымъ (а также и использованной имъ литературы предмета), оставлена г. Рожковымъ безъ вниманія и методологическая

---

[1]) Подробнѣе объ этой книгѣ мы говоримъ въ Ж. М. Ю. за 1908 г.

[2]) Рожковъ „Книгозаписныя вотчинныя Помѣстнаго приказа“ (Ж. М. Н. П. 1903, іюль).

[3]) Шумаковъ „Сотницы, грамоты и записи“. В. IV. Москва, 1909, стр. III—V.

[4]) Ibid., стр. 135.

сторона дѣла и критика источниковъ, если не считать весьма бѣдной и безсодержательной отписки его отъ этихъ вопросовъ на стр. 209—212. Сильно вредитъ книгѣ и тенденція автора свести весь историческій процессъ къ одной экономической сторонѣ его съ пренебреженіемъ теоріи и сравнительнаго изученія предмета и съ умаленіемъ важности для затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ факторовъ внѣшней политики и войнъ, а также вліяній византійскаго и татарскаго. А между тѣмъ книга г. Рожкова носитъ конспективный характеръ и при томъ безъ выписокъ изъ неизданныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ читатель лишенъ возможности провѣрить положенія автора безъ самостоятельной работы въ архивахъ надъ матеріаломъ, использованнымъ авторомъ. А кому же такая работа помимо спеціалистовъ и притомъ живущихъ въ Москвѣ доступна? Приходится поэтому принимать положенія г. Рожкова на вѣру. А что въ нихъ не все благополучно, видно хотя бы изъ того, какъ г. Рожковъ путаетъ даты перваго упоминанія источниковъ объ отдѣльныхъ приказахъ на стр. 79—81.

Вѣрнѣе будетъ поэтому для *начала приказной исторіи* вмѣсто Рожковскихъ датъ принять старыя положенія Неволина и Лихачева, по которымъ всѣ важнѣйшіе приказы, хотя бы и въ зачаточномъ видѣ спеціальныхъ дьяковъ и подъячихъ, существовали уже при Иванѣ III и въ крайнемъ случаѣ при Василіи III. Такъ Казенные подъячіе упоминаются съ 1467 г., дьяки съ 1450 г., казенный дворъ съ 1493 г., ямскіе дьяки съ 1490 г., конюшенные дьяки съ 1492 г. и подъячіе съ 1533 г., дворцовые дьяки съ 1501 г., земскіе съ 1500 г., помѣстные съ конца XV в. На существованіе Розряда уже находимъ намеки въ росписи воеводъ Новгородскаго похода 1478 г.. Розрядные же дьяки извѣстны съ 1531 г. [1]). А судебнику 1497 г. извѣстенъ коллегіальный судъ бояръ и окольничихъ съ дьяками, какъ общее и уже установившееся правило. Но за всѣмъ тѣмъ, съ надлежащими коррективами изъ другихъ изслѣдованій и источниковъ (особенно въ хронологической области), кажется, можно принять нѣкоторыя положенія г. Рожкова и прежде всего рисуемую имъ *схему развитія* московскихъ *приказовъ*, причемъ вѣковой основой ихъ системы г. Рожковъ правильно считаетъ княжеское дворцовое хозяйство, отдѣльныя отрасли котораго по мѣрѣ развитія и усложненія ихъ въ связи съ жизненными условіями мало по малу спеціализируются въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ съ дьяками и

---

[1]) Бѣлокуровъ. „О Посольскомъ приказѣ". Москва, 1906, стр. 21.— Вернеръ. Op. cit. стр. 43 и 56.—Шумаковъ. „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи". В. I, стр. 5.

подъячими при нихъ (вѣрнѣе, скажемъ, прямо дьяковъ и подъячихъ). Такъ образовались въ своемъ составѣ и вѣдомствѣ два древнѣйшихъ приказа—Большого Дворца и Казенный, причемъ первый изъ нихъ вѣдалъ только дворцовыя села и волости, входившія въ составъ старой вотчины московскихъ князей. Дворцовыя земли вновь присоединяемыхъ удѣловъ вѣдались особыми дворцовыми приказами для каждаго изъ нихъ. Затѣмъ съ усложненіемъ жизни спеціализируется Розрядъ (подъ вліяніемъ, замѣтимъ, пренебрегаемыхъ г. Рожковымъ фактовъ внѣшней обороны и расширенія государства и связанныхъ съ нимъ вопросовъ организаціи и вѣданія служилыхъ людей). Введеніе губныхъ старостъ повело къ спеціализаціи Разбойнаго приказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ Большаго Дворца, съ одной стороны, сливаются постепенно всѣ старые Дворцы удѣльныхъ княжествъ, съ другой стороны подвѣдомственныя ему учрежденія спеціализируются въ особые дворы, приказы и палаты. Необходимость организаціи служилаго землевладѣнія ведетъ къ спеціализаціи Помѣстнаго приказа, усложненіе дѣлъ внѣшней политики (тоже пренебрегаемой г. Рожковымъ)—Посольскаго. Ростъ госуд. потребностей и расходовъ вообще въ связи съ новыми хозяйственными условіями и въ частности замѣна кормленій земскимъ самоуправленіемъ съ одновременной замѣной намѣстничьяго дохода особымъ денежнымъ оброкомъ ведетъ къ широкому развитію центральныхъ финансовыхъ приказовъ и четей. Позднѣе подъ вліяніемъ усложнившихся соціальныхъ отношеній возникаютъ и спеціально-судебные приказы. Гораздо позднѣе и въ гораздо меньшей степени привлекаютъ, по мнѣнію г. Рожкова, вниманіе правительства заботы о благоустройствѣ и благосостояніи населенія, а потому и соотвѣтствующіе приказы появляются еще позднѣе, чѣмъ судебные, и развиваютъ меньшую дѣятельность. Необходимость же пополнить армію войскомъ спеціальныхъ видовъ оружія повела къ учрежденію спеціальныхъ военныхъ приказовъ. Появляются наконецъ и зародыши учрежденія, контролирующаго администрацію и стоящаго на стражѣ законности (вѣрнѣе учрежденій, какъ увидимъ ниже). Только вопросъ о взаимоотношеніи разныхъ приказовъ и послѣ книги г. Рожкова остается невыясненнымъ. Ниже впрочемъ мы еще коснемся его. Также сомнительно, чтобъ такъ поздно явились заботы правительства о благоустройствѣ и безопасности, по крайней мѣрѣ, насколько та и другая касались не населенія, а самого государя и правительства. Ямскіе и земскіе дьяки вѣдь, какъ мы видѣли, появляются очень рано. Нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи и обоснованіи и ученіе г. Рожкова о существованіи особыхъ самостоятельныхъ приказовъ въ опричинѣ (83).

Затѣмъ, что касается *техники высшаго управленія*, то г. Рожковъ считаетъ ее къ половинѣ XVII в. постепенно преобразовавшейся въ смыслѣ усиленія бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ. И этотъ законъ, по мнѣнію г. Рожкова, универсаленъ, такъ какъ онъ относится и къ разряднымъ дѣламъ, и къ землевладѣнію, и къ финансамъ, и къ суду, и къ полицейской части, и къ дипломатической, и къ дѣлу контроля и надзора за администраціей (206—207). Открытіе, солидное обоснованіе архивнымъ матеріаломъ и детальная разработка этого закона (90—174) и составляетъ, пожалуй, самую цѣнную часть книги г. Рожкова, хотя, конечно, дальнѣйшія архивныя изысканія внесутъ детальныя поправки въ выводы г. Рожкова и въ этой области.

Очень важна для выясненія *общаго характера и духа* Московской *центральной администраціи* при первыхъ Романовыхъ статья Платонова «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» (Ж. М. Н. П., 1906, декабрь). Здѣсь прежде всего находимъ опредѣленіе состава Московской центральной администраціи въ 1613 г. при воцареніи Михаила. Именно, въ это время въ приказахъ и четяхъ соединились остатки стараго Московскаго приказнаго штата, уцѣлѣвшіе отъ бѣдствій осады, съ приказными людьми, пришедшими подъ Москву въ разныхъ ополченіяхъ и въ пору Московской осады сидѣвшими во временныхъ приказахъ, устроенныхъ въ осадномъ лагерѣ. Изъ первыхъ г. Платоновъ указываетъ Ефима Телепнева д. Денежнаго двора (до 1624 г.) и Алексѣя Шапилова д. Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа (съ 1607 г.). Изъ состава походныхъ и осадныхъ канцелярій тушинецъ Петръ Третьяковъ съумѣлъ остаться посольскимъ дьякомъ до 1618 г. Изъ казачьихъ таборовъ Трубецкаго и Заруцкаго Сыдавнего-Васильева видимъ Разряднымъ дьякомъ въ 1612—1613 гг. Изъ ополченія Пожарскаго ярославецъ Иванъ Болотниковъ прошелъ при Михаилѣ въ дьяки Большаго Дворца. Въ Помѣстный приказъ въ 1612 г. вошли помѣстные дьяки Трубецкаго тушинецъ Ѳ. Шушеринъ и Пожарскаго дьякъ Шуйскаго и Ляпунова Г. Мартемьяновъ, причемъ первый, какъ думный, получилъ первенство. На земскомъ Дворѣ уцѣлѣлъ ставленникъ Сигизмунда д. Афанасій Царевскій. И такая разнородность административнаго состава дѣлала его послушнымъ орудіемъ новаго государя (или вѣрнѣе клики его окружавшей) и избавляла послѣднюю отъ борьбы съ нимъ. Но клика, окружавшая государя, этимъ не довольствовалась и спѣшила ввести въ администрацію своихъ близкихъ людей. Такъ въ приказъ Большаго Дворца былъ посаженъ Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, свой у царя Михаила по родству съ его

матерью и по житейской близости. Братъ Бориса Михаилъ получилъ должность кравчаго. Изъ довѣренныхъ клики чашникъ кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій сталъ завѣдующимъ Стрѣлецкимъ приказомъ, К. Ив. Михалковъ былъ сдѣланъ постельничьимъ и намѣстникомъ трети Московской, Н. В. Траханіотовъ въ 1613 г. былъ пожалованъ въ казначеи (330—333). Не измѣнился, по мнѣнію г. Платонова, характеръ и общій составъ правящаго въ Москвѣ круга и при патріархѣ Филаретѣ, и у дѣлъ и при немъ осталась опекавшая болѣзненнаго и неопытнаго государя среда, еще раньше сформировавшаяся во дворцѣ и связывавшаяся одновременно родственными и партійными связями (342), уходившими корнями въ Тушино, съ которымъ у Романовыхъ такъ много было точекъ соприкосновенія (343). Изъ тушинцевъ «прежъ всѣхъ» явившихся на королевскія послуги подъ Смоленскъ и видимъ, такимъ образомъ при Михаилѣ кн. Хворостинина, Плещеева, Вельяминова, Безобразова и Измайлова въ придворныхъ и ратныхъ службахъ, а Грамотина, Апраксина и Царевскаго въ приказахъ (344). И изъ тушинцевъ особенно выдаются умѣніемъ мѣнять господъ и способностями Третьяковъ и Грамотинъ (345). Обширныя сферы правительственной дѣятельности и общественной жизни попали въ кругъ ихъ вліянія и воздѣйствія и много потерпѣли отъ ихъ властныхъ рукъ, привыкшихъ къ самоуправству и насилію въ жестокіе года смуты и разоренія (347). Отмѣчаетъ г. Платоновъ подъ конецъ своей содержательной и интересной статьи и причины власти и вліянія тушинцевъ въ Москвѣ при Михаилѣ (вражда Романовыхъ съ Шуйскими, связи Филарета въ Тушинѣ, вліяніе казачества, бо́льшая чиновность тушинцевъ) и вредное вліяніе ихъ злоупотребленій и неправды, грубости и распущенности на тогдашніе администрацію и судъ, что и подготовило въ Москвѣ общее недовольство и протестъ (347—350).

Изъ общеприказныхъ вопросовъ, наконецъ, выдвинутъ въ послѣднее время и вопросъ о *коллегіальности въ приказахъ*. Дмитріевъ и Сергѣевичъ признаютъ ее, Неволинъ, Кавелинъ, Владимірскій-Будановъ и Филипповъ отрицаютъ [1]). Но это разногласіе, намъ думается, происходитъ отъ того, что первые ученые главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на то, что было въ началѣ XVII в., а вторые на то, что было въ концѣ его. Вѣдь ст. 23 гл. X. уложенія 157 г. говоритъ прямо и ясно, что дѣла въ приказахъ должно «вершить по суду и по сыску

---

[1]) Филипповъ „Учебникъ исторіи русскаго права“. Юрьевъ, 1907. Стр. 474—475.

судьямъ всѣмъ вопчѣ... и въ приговоръ писать свои имена» [1]), чтобъ, по картинному выраженію Петра, такимъ образомъ «всякаго дурость явлена» была. Если же какой либо членъ коллегіи былъ боленъ, или замѣшанъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ, или отсутствовалъ по какой либо другой причинѣ, то это всякій разъ особо отмѣчалось въ приговорѣ. Но затѣмъ приказная коллегіальность, точно не регулированная закономъ, начинаетъ глохнуть въ Москвѣ, по Ключевскому—подъ вліяніемъ сильныхъ начальниковъ, по Сыромятникову—подъ вліяніемъ какъ соціальной необходимости, такъ и административнаго удобства. И уже въ 142—143 г.г. напр. въ Помѣстномъ приказѣ д. М. Олфимовъ пишется одинъ «съ товарищи» въ приговорахъ и памятяхъ, заслоняя собой другихъ дьяковъ [2]). Но такое самовластіе М. Олфимова было еще не ко времени. И потому лишь со 186 г., т. е. черезъ 43 года послѣ Олфимовскаго прецедента, въ приговорахъ, памятяхъ, выписяхъ и другихъ актахъ приказнаго дѣлопроизводства, конкуррируя съ поименной формулой, все чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться общая формула «судья такой то и дьяки», а со 187 г. «судья такой то съ товарищи». Указъ 30 апрѣля 1680 г. (П. П. С. З. № 820) и легализируетъ послѣднюю формулу, какъ единственно правильную, и такимъ образомъ знаменуетъ собой окончательное торжество у насъ министерскаго начала, пока Петръ не попытался снова вернуться къ коллегіальному началу, учредивъ усовершенствованныя приказы подъ названіемъ коллегій въ 1718—1720 г.г. [3]). Но и въ XVIII в. судьба коллегіальности была у насъ такъ же печальна и по тѣмъ же причинамъ, что и въ XVII в. Дѣло Петра, такимъ образомъ, оказалось мертворожденнымъ [4]).

III.

Затѣмъ изъ работъ по *исторіи отдѣльныхъ приказовъ* внѣшнюю исторію *Посольскаго приказа* излагаетъ вышедшая въ Москвѣ въ 1906 г. книга Бѣлокурова «О Посольскомъ приказѣ». Въ ней на основаніи своихъ архивныхъ изысканій въ Московскомъ архивѣ М-ва Иностр. Дѣлъ (но къ сожалѣнію съ пренебреженіемъ къ литературѣ предмета, что очень

---

[1]) Сыромятниковъ. „Происхожденіе и развитіе министерскаго начала въ Россіи". (Научное Слово, 1902, VIII, стр. 60—61).

[2]) Шумаковъ. „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа". Стр. 47.

[3]) Шумаковъ. Op. cit. стр. 74, гдѣ разработанъ вопросъ не только о коллегіальности судей и дьяковъ, но и о коллегіальности въ справкахъ подъячихъ.— Филипповъ. Op. cit. Стр. 700.

[4]) Сыромятниковъ. Op. cit. стр. 61—74.

невыгодно отражается напр. на стр. 36—37 книги, говорящихъ объ отношеніи четей къ Посольскому приказу [1]) г. Бѣлокуровъ прежде всего выясняетъ составъ комиссій Боярской Думы, ведшихъ переговоры съ иноземными послами (14), причемъ подмѣчаетъ, что изъ дьяковъ, вѣдавшихъ канцелярскую работу во всѣхъ переговорахъ съ иноземными послами 1487—1500 гг. участвуетъ д. Ѳедоръ Курицынъ, но въ то же время вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуютъ дьяки А. Одинецъ (1487—1490), А. Майко (1494—1500), В. Долматовъ (1492) и д. Мамыревъ (1498—1500). Въ 1501—1508 гг. чаще другихъ участвуетъ въ комиссіяхъ д. Б. Паюсовъ, но вмѣстѣ съ нимъ или безъ него при переговорахъ упоминаются дьяки Майко, Кулешинъ и Долматовъ, а однажды съ отвѣтомъ былъ посланъ подъячій А. Щекинъ. Въ 1509—1512 гг. назначаются въ комиссіи дьяки Долматовъ, Моклаковъ и Семеновъ, послѣдній всегда. Съ 1515 по 1539 гг. почти постоянно принимаетъ участіе въ боярскихъ комиссіяхъ д. Меньшой Путятинъ, приглашавшійся и въ Ближнюю Думу. Но въ то же время вмѣстѣ съ нимъ участвуютъ въ комиссіяхъ дьяки Цыплятевъ, Моклаковъ, Труфанъ, Ильинъ, Телешовъ, Сумороковъ, Некрасъ Харламовъ, Ѳ. Мишуринъ, изъ коихъ чаще другихъ съ Путятинымъ дѣйствуютъ Ильинъ (1517—1529) и Мишуринъ (1534—1538). Въ боярской комиссіи 1542 г. участвуютъ дьяки Цыплятевъ, Раковъ и Захарьинъ, а въ октябрѣ 1548 г. д. Митрофановъ [2]). При этомъ всѣ эти дьяки по словамъ г. Бѣлокурова ни разу не носятъ какого либо опредѣлительнаго прилагательнаго, которое показывало бы, къ какому правительственному учрежденію Московской Руси XVI вѣка они принадлежали. Они называются только «государевыми» дьяками, но среди нихъ не встрѣчается ни одного дворцоваго и разряднаго дьяка, по словамъ г. Бѣлокурова. Изъ числа же бояръ постоянными членами комиссій г. Бѣлокуровъ считаетъ велико-княжескихъ казначеевъ, которые притомъ, не ограничиваясь участіемъ въ переговорахъ съ иностранными послами, первоначально до учрежденія Посольскаго приказа завѣдуютъ пріѣздами пословъ, распоряжаются ихъ встрѣчами и даютъ наказы о семъ русскимъ приставамъ; къ нимъ же являются послѣдніе съ донесеніями о пріѣздѣ (19). Такимъ образомъ изъ казначеевъ во всѣхъ комиссіяхъ участвуютъ въ 1439—1509 гг. Дм. Вл. Овца, причемъ нерѣдко безъ участія другихъ бояръ, въ 1515—1520 гг. Юр.

---

[1]) Вернеръ. Op. cit. стр. 132.—Шумаковъ „Новыя губныя и земскія грамоты“. (Ж. М. Н. П., 1909, октябрь, стр. 366).

[2]) Полный перечень членовъ комиссій боярской думы за 7005—7069 гг. даетъ г. Бѣлокуровъ на стр. 99—105.

Дм. Малый Траханіотъ, въ 1522—1539 гг. Ѳ. Ив. Карповъ, въ 1539—1549 гг. И. И. Третьяковъ, въ 1548—1559 гг. Ѳ. И. Сукинъ. Назначеніе же другихъ бояръ (1503—1504 б. Яковъ Захарьинъ, 1509—1511 конюшій И. А. Челяднинъ и ок. М. Еропкинъ, 1503—1521 Г. Ѳ. Давыдовъ, 1517—1533 Шигона Поджогинъ членъ Ближней Думы, 1517—1538 Мих. Юр. Захарьичъ, послѣдніе трое съ промежутками, 1558—1559 ок. А. Ѳ. Адашевъ) г. Бѣлокуровъ объясняетъ качествами того или другого лица, его способностями къ дипломатическимъ переговорамъ, или, что вѣроятнѣе, близостью его къ государю и довѣріемъ къ нему со стороны послѣдняго (15). Казенный дворъ, по мнѣнію г. Бѣлокурова, въ XV—XVI вв. и былъ московской госуд. канцеляріей (вѣдавшей, добавимъ, не только всѣ внѣшнія дѣла, но и почти всѣ внутреннія, какъ увидимъ ниже) впредь до выдѣленія изъ него особыхъ вѣдомствъ и образованія приказовъ. Такимъ образомъ архивныя изысканія г. Бѣлокурова подтверждаютъ мнѣніе г. Лихачева о существованіи посольскихъ дьяковъ съ 1486 г. (съ дополненіями и исправленіями къ списку ихъ г. Лихачева [1]), причемъ напрасно только г. Бѣлокуровъ не обратилъ вниманія на мнѣніе того же г. Лихачева, что ближайшее отношеніе къ посольскому дѣлу имѣлъ казначей не самъ по себѣ, а какъ печатникъ, т. е. хранитель госуд.—политическаго архива, находившагося на казенномъ дворѣ [2]). Замѣтимъ, что и потомъ печатники не разъ были начальниками Посольскаго приказа. Напрасно также г. Бѣлокуровъ на стр. 20-ой отрицаетъ спеціализацію дьяковъ казеннаго двора. Невѣрно и его утвержденіе, что дьяки этого двора и дворцовые не вѣдали посольскихъ дѣлъ, такъ какъ Данило Мамыревъ въ завѣщаніи Ивана III называется казеннымъ дьякомъ, а д. Меньшой Путятинъ въ 1520 г. былъ дворцовымъ дьякомъ [3]). Противорѣчитъ отрицанію г. Бѣлокуровымъ существованія спеціальныхъ дьяковъ въ XV—XVI вв. и списокъ спеціальныхъ дьяковъ по посольскимъ дѣламъ, составленный имъ же самимъ, о чемъ см. выше, и утвержденіе г. Бѣлокурова, что у дьяковъ были помощниками спеціалисты подъячіе, изъ

---

[1]) Ср. также Вернера op. cit. стр. 82. Полный же перечень начальниковъ Посольскаго приказа и ихъ товарищей за 1549—1720 гг. даетъ г. Бѣлокуровъ на стр. 106—130.

[2]) Вернеръ, op. cit., стр. 84—ср. у Бѣлокурова стр. 47—49.

[3]) Вернеръ, op. cit., стр. 83—что же касается взаимоотношенія дворцоваго и казначейскаго вѣдомствъ, то вѣроятнѣе всего, какъ мы уже говорили, оба эти вѣдомства появились одновременно путемъ раздвоенія первоначальнаго единаго княжескоудѣльнаго хозяйственнаго управленія съ наростаніемъ и усложненіемъ его функцій на два вѣдомства.

которыхъ каждый вѣдалъ особый столъ или повытье (20). Вѣдь, если спеціалистами были подъячіе, то тѣмъ болѣе вѣроятной становится спеціализація самихъ дьяковъ, допускаемая г. Гурляндомъ. Къ тому же, только допустивъ болѣе раннюю и постепенную спеціализацію дьяковъ по отдѣльнымъ отраслямъ обширной компетенціи вѣдомства казначеевъ, можно понять и удовлетворительно объяснить выдѣленіе отдѣльныхъ приказовъ изъ этого вѣдомства (кромѣ Посольскаго, какъ увидимъ ниже, еще четей Большого прихода и приказовъ Помѣстнаго, Ямскаго и Холопья суда). Иначе такое выдѣленіе намъ представится какимъ то рѣзкимъ чисто революціоннымъ скачкомъ въ исторіи московскихъ учрежденій, тогда какъ послѣдняя всегда шла эволюціоннымъ, а не революціоннымъ путемъ, какъ мы это уже видѣли. Подъ вліяніемъ стихійнаго воздѣйствія новыхъ общественныхъ явленій отдѣльные однородныя учрежденія (дворцы) постепенно сливались, разнородныя съ усложненіемъ и наростаніемъ функцій расчленялись, а отдѣльные приказы то подчинялись другъ другу, то становились независимыми. Возможенъ былъ и переносъ нѣкоторыхъ функцій управленія и суда изъ одного приказа въ другой и раздробленіе и перекрещиваніе функцій въ разныхъ приказахъ (особенно судебныхъ). Такъ и *отъ вѣдомства казначеевъ* въ 7057 г. (согласно мнѣнію г. Успенскаго, высказанному имъ еще задолго до г. Бѣлокурова) *отошло* еще ранѣе спеціализировавшееся въ немъ *посольское дѣло*. Именно, по изысканіямъ г. Бѣлокурова «въ 57 г. приказано было посольское дѣло Ивану Висковатому [1]), а былъ еще въ подъячихъ». При этомъ посольское дѣло надо понимать въ смыслѣ переписки по внѣшнимъ сношеніямъ и веденія дѣлъ, вызываемыхъ ими (23). Обсужденіе же вопросовъ внѣшней политики и веденіе важныхъ переговоровъ съ иноземными послами и послѣ учрежденія Посольскаго приказа до половины XVI в. представлялось Боярской Думѣ и ея комиссіямъ.

Вопросы *организаціи* и *компетенціи* Посольскаго приказа тоже достаточно разработаны г. Бѣлокуровымъ. Именно, по его архивнымъ изысканіямъ во главѣ посольскаго приказа стоятъ думные дьяки [2]), причемъ среди послѣднихъ посольскіе дьяки «хотя породою бываютъ меньше, но по приказу и дѣламъ выше всѣхъ». Прямыя обязанности ихъ касались переписки по внѣшнимъ сношеніямъ (32). Они же ут-

---

[1]) Спеціализировался на посольскихъ дѣлахъ еще съ 1542 г. Дьякъ съ 7058 г. Печатникъ съ 1561 г. казненъ въ 1570 г. (26—29).

[2]) Кромѣ 1667—1676 и 1680—1689 гг., когда начальниками Посольскаго приказа состояли бояре (42).

верждали своею подписью правильность извѣстнаго акта. Со временемъ увеличившаяся переписка съ одной стороны, съ другой обязанность для думнаго посольскаго дьяка присутствовать на засѣданіяхъ Боярской Думы, бывавшихъ ежедневно, и возлагаемыя одновременно съ симъ на думнаго посольскаго дьяка иныя порученія были причиною появленія въ Посольскомъ приказѣ второго дьяка не думнаго, который ближайшимъ образомъ долженъ былъ слѣдить за канцелярской перепиской и быть товарищемъ начальника Посольскаго приказа (33). Но первоначально эти вторые посольскіе дьяки, назначаемые обыкновенно изъ старыхъ подъячихъ Посольскаго приказа, не были постоянными и появлялись временно. И только начиная съ 1613 г. они безпрерывно встрѣчаются. Помощниками дьяковъ были подъячіе, ведшіе переписку, занятія между которыми были распредѣлены по повытьямъ, называвшимся по именамъ старыхъ подъячихъ, завѣдывавшихъ ими, или по номерамъ, причемъ въ каждомъ повытьѣ было по 4 среднихъ и молодыхъ подъячихъ (50—53). Кромѣ того въ Посольскомъ приказѣ были площадные подъячіе, толмачи и переводчики, а также при немъ состояли золотописцы [1]) и служилые люди «на Москвѣ и въ городѣхъ у дѣлъ и въ посылкахъ по наряду» (53—57)

Впрочемъ управленіе внѣшними дѣлами принадлежало не посольскимъ дьякамъ, а царю съ Боярской Думой. Посольскій же приказъ, какъ канцелярія по внѣшнимъ сношеніямъ, лишь исполняла рѣшенія царя съ Боярской Думой (34). Вѣдѣнію посольскаго приказа подлежали и торговыя сношенія Московскаго государства съ иноземными государствами (36). Въ вѣдѣніи Посольскаго приказа состояла и Новгородская четверть. Посольскій приказъ вѣдалъ и дѣла, касающіяся пріѣзжихъ иностранцевъ (кромѣ поступившихъ на военную службу лицъ, которыя вѣдались иноземскимъ приказомъ), Донскихъ казаковъ и татаръ, испомѣщенныхъ въ Московскомъ государствѣ (37). Въ XVII же в. дѣятельность Посольскаго приказа весьма значительно расширяется вслѣдствіе присоединенія къ его вѣдомству новыхъ дѣлъ и лицъ, дворовъ, заводовъ, церквей, монастырей и почты (все это подробно перечисляется г. Бѣлокуровымъ) и даже новыхъ четей (Галицкой, Устюжской и Владимірской) и приказовъ (Малороссійскаго, княжества Смоленскаго, Литовскаго, Великороссійскаго, Печатнаго и Полоняничнаго). Отошли же отъ Посольскаго приказа въ XVII в. лишь дѣла Калмыцкія, торговля шелкомъ и «отпуски и суды торговыхъ иноземцевъ и Мѣщанская слобода» въ Москвѣ.

---

[1]) Подробное изслѣдованіе обо всѣхъ этихъ подъячихъ и лицахъ, а также о повытьяхъ Посольскаго приказа даетъ г. Бѣлокуровъ на стр. 131—168.

Были приписаны наконецъ «для приказного строенія и на всякія покупки на расходъ и на жалованье подъячимъ и сторожамъ» къ Посольскому приказу и города Романовъ, Касимовъ и Елатьма и село Ерахтуръ съ ихъ кружечными дворами и таможенными доходами и Вяземская таможня (57) [1]).

IV.

Далѣе. Въ одной данной 1567 г., изданной на 29—30 стр. V в. нашихъ «Сотницъ, грамотъ и записей», читаемъ: «Да та мнѣ своя вотчинка... государевымъ царя и великаго князя казначѣемъ явити да и въ книги мнѣ Власю у діяковъ у Путилы у Михайлова да у Василя у Степанова въ государевы записати». Но оба эти дьяка какъ разъ и сидятъ въ 7064—7076 г.г. въ Помѣстной избѣ [2]). Болѣе же ранними спеціальными помѣстными дьяками были Кобелевъ Никифоръ (конецъ XV в.). Ильинъ Труфанъ (7032), Амиревъ Василій (7038), Левонтьевъ Третьякъ (7055), Нелюбовъ Василій (7059) [3]). Изъ нихъ Труфанъ Ильинъ, какъ мы видѣли, былъ прикосновененъ и къ посольскимъ дѣламъ и черезъ нихъ тоже стоялъ близко къ вѣдомству казначеевъ. Такимъ образомъ и *Помѣстный приказъ* не только *выдѣляется изъ Казеннаго Двора*, вопреки мнѣнію г. Вернера (op. cit., 71), ставящаго Помѣстный приказъ въ связь съ Розрядомъ, но даже и по выдѣленіи помѣстнаго вѣдомства въ 7064 г. въ особую Помѣстную избу по крайней мѣрѣ до 7076 г., т. е. за годы правленія приказомъ его первыхъ начальниковъ, продолжаетъ сохранять связь съ Казеннымъ Дворомъ, и именно по тому, вѣроятно, что два первые дьяка этой избы одновременно съ завѣдываніемъ ею продолжали по старой памяти оставаться дьяками Казеннаго Двора [4]). Также вѣдь, напр. въ 1604 г., Аф. Ив. Власьевъ былъ одновременно и казначеемъ и посольскимъ дьякомъ [5]).

Важенъ и вопросъ о *столахъ* Помѣстнаго приказа. Еще раньше г. Ардашевымъ [6]) установлена наличность послѣ 1682 г. (т. е. когда,

---

[1]) Ср. также наши „Замѣтки по исторіи Рязан. ст. пом. пр.“, Рязань, 1903 г., 8; „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи“, II, 21, 22; „Сотницы, грамоты и записи“, III, 109, 132—134, 151—155; IV, 123; V, 48.

[2]) Шумаковъ. „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа“ Москва, 1910. стр. 49.

[3]) Ibid., стр. 48.

[4]) Ср. также у Рожкова въ „Происхожденіи самодержавія“ стр. 79-ую.

[5]) Бѣлокуровъ. Op. cit. Стр. 107.

[6]) О. д. и б. М. А. М. Ю. VIII, 66. Ср. также статью г. Ардашева „Къ вопросу о коллегіальности приказовъ“ въ „Трудахъ VIII Арх. Съѣзда“, т. III, Москва, 1897. Стр. 258—273.

какъ мы видѣли, коллегіальности въ приказахъ уже не существовало) въ приказѣ столовъ «судейскаго» для спорныхъ дѣлъ и «у дьяковъ» для неспорныхъ дѣлъ, какъ двухъ параллельныхъ отдѣленій присутствія, помѣщавшихся въ особыхъ казенкахъ и работавшихъ одновременно, причемъ такой порядокъ по мѣрѣ заглушенія приказной коллегіальности началъ складываться еще въ 1676 г. Изъ канцелярскихъ же столовъ Помѣстнаго приказа г. Ардашеву извѣстны столы Московскій, Рязанскій, Владимірскій, Псковскій, приказный, вотчинный и вотчинной записки, а для XVIII в. еще столы сбору пошлинныхъ денегъ, сбору работныхъ людей, рекрутскаго сбору, м. б. въ XVIII в. былъ столъ и по соляному сбору [1]). Изъ этихъ столовъ наличность и древность четырехъ территоріальныхъ столовъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Что же касается остальныхъ столовъ XVII в., то вопросъ о нихъ крайне спутанъ и неясенъ. Такъ уже въ 1628 г. извѣстенъ столъ вотчинной продажи порожжихъ земель, а въ 1699 г. вотчинный (тотъ же самый) [2]). Затѣмъ въ 7190—7191 г.г. изъ Рязанскаго стола, какъ наиболѣе многолюднаго и обремененнаго дѣлами, начинаютъ выдѣляться столы вотчинной записки (особый отъ вотчиннаго?) [3]), дикихъ поль и приказной, съ привлеченіемъ однако во вновь образовавшіеся столы подъячихъ и изъ другихъ старыхъ столовъ приказа. Но изъ всѣхъ выдѣлившихся столовъ долговѣчнымъ оказался лишь столъ вотчинной записки, столъ же дикихъ поль погибъ вскорѣ послѣ своего рожденія [4]), а приказной столъ или тоже погибъ или слился со столомъ вотчинной записки [5]). Затѣмъ въ началѣ XVII в. было еще извѣстно два территоріальныхъ стола Помѣстнаго приказа: Костромской (упоминается въ ноябрѣ 135 г. въ вологодской работѣ г. Сторожева, о которой рѣчь будетъ ниже, на стр. 205) и Ярославскій (упоминается въ источникахъ съ августа 134 г., ibid., 399, до декабря 136 г., «Указ. книга Помѣстнаго приказа» Сторожева же, стр. 87; Рожкову же Ж. М. Н. П., 1903, іюль Ярославскій столъ извѣстенъ и въ 1631 г.). Но во Владимірскомъ столѣ какъ разъ и есть повытья Ярославское и Костромское [6]). Поэтому прежде можно было думать, что такъ называемые столы Ярославскій и Костромской есть ничто иное, какъ другія названія

---

[1]) О. д. и б. М. А. М. Ю. V, 183, 217, 231; VII, 338.

[2]) Шумаковъ. „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа“ стр. 75.

[3]) Ibid., 76.

[4]) Ibid., 73.

[5]) О. д. и б. М. А. М. Ю. V, 231 (статья Ардашева). Шумаковъ. „Экскурсы“. Стр. 68.

[6]) Шумаковъ. Ibid., 77.

того же Владимірскаго стола. Но вотъ въ «Запискахъ Моск. Археол. Института», т. VII, Москва, 1910, помѣщена статья г. Ардашева же «Древнѣйшій столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 7135 г.». Масса дефектовъ въ этой работѣ. Такъ послѣ выхода въ свѣтъ нашихъ «экскурсовъ» съ грамотами 1616—1626 гг. столбецъ 7135 г. «древнѣйшимъ» едва ли можно считать. Распредѣленіе городовъ по столамъ въ 7135 г. по аналогіи съ 1717 г. тоже сомнительно. Очень трудно по спискамъ г. Ардашева отдѣлить и приказныхъ собственно подъячихъ 7135 г. отъ площадныхъ. Но одно въ новой работѣ г. Ардашева несомнѣнно, это то, что въ 7135 г. одновременно существовали въ Помѣстномъ приказѣ столы Московскій, Рязанскій, Псковскій, Владимірскій и Ярославскій. Поэтому теперь приходится предполагать, что въ 134—136 гг. наблюдается мимолетная и недолговѣчная попытка выдѣлить изъ Владимірскаго стола, какъ наиболѣе обремененнаго дѣлами, нѣкоторыя его повытья въ особые столы (подобна попыткѣ предпринятой въ 190—191 г.г. по той же причинѣ въ Рязанскомъ столѣ, какъ мы говорили выше). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ канцелярскія рутина и консерватизмъ взяли верхъ надъ попытками реформъ и въ распредѣленіи дѣлъ по столамъ все осталось по старому, а новые столы погибли, войдя въ составъ старыхъ столовъ на правахъ ихъ повытій, какъ это было и раньше [1]).

Заслуживаетъ вниманія и вопросъ о *повытьяхъ* территоріальныхъ столовъ Помѣстнаго приказа, едва только затронутый раньше г. Ардашевымъ [2]). Исчерпывающій же перечень ихъ территоріальныхъ названій съ распредѣленіемъ по столамъ данъ для 1699 г. на 75—78 стр. нашихъ «экскурсовъ», причемъ городамъ, вѣдаемымъ по отдѣльнымъ повытьямъ, тамъ данъ исчерпывающій перечень лишь для столовъ Московскаго и Псковскаго, по столамъ же Владимірскому и Рязанскому даны тамъ только территоріальныя названія ихъ статей и повытій безъ перечисленія остальныхъ городовъ каждаго повытья и стола. Поэтому хорошимъ коррективомъ въ этомъ отношеніи къ стр. 75—78 «Экскурсовъ» служатъ стр. 184—185 т. V «О. д. и б. М. А. М. Ю.», гдѣ г. Ардашевъ подробно перечисляетъ города, вѣдавшіяся Помѣстнымъ приказомъ

---

[1]) Когда настоящая статья была уже написана, въ столбцѣ помѣстнаго приказа по Алексину № 31165/1 намъ встрѣтилась подъ 139 г. извѣстіе объ одномъ еще неизвѣстномъ досихъ поръ столѣ помѣстнаго приказа *Галицкомъ*. Третья это, значитъ, попытка выдѣленія новыхъ столовъ изъ Владимірскаго стола по обремененности его дѣлами (недолговѣчная впрочемъ, какъ и двѣ первыя).

[2]) О. д. и б. М. А. М. Ю. V, 231.

(безъ распредѣленія ихъ по столамъ и повытьямъ однако), именно Москву, 15 подмосковныхъ городовъ, 51 замосковныхъ и 51 же заокскихъ и украинскихъ, всего 118 городовъ. Изъ приходится на столы:

	г о р о д о в ъ:			
	подмоск.	замоск.	заокскихъ и украин.	всего.
Московскій	Москва	12	9	22
Псковскій	4	16	1	21
Владимірскій [1])	2	7	2	11
Рязанскій [1])	6	1	10 [2])	17
Остается нераспредѣленныхъ	3	15	29	47

И относительно распредѣленія по столамъ этихъ 47 городовъ бо́льшая вѣроятность имѣется за помѣщеніе заокскихъ и украинскихъ городовъ въ Рязанскій столъ, а остальныхъ во Владимірскій.

«Экскурсы» же даютъ полный списокъ *судей и дьяковъ* Помѣстнаго приказа съ конца XV в. до 1718 г. (45—50) и списки *подъячихъ* Рязанскаго стола за 7179—7191 и 7207 г.г., выдѣлившихся изъ Рязанскаго стола столовъ за 7190—7191 г.г. и столовъ Владимірскаго, Псковскаго и Московскаго за 7179 и 7207 г.г. (50—79). Есть тамъ свѣдѣнія и о подъячихъ Помѣстнаго приказа за XVI в. (49).

Тамъ же обслѣдована и *практика* Помѣстнаго приказа *за 1616—1626 г.г.*, насколько она уцѣлѣла отъ пожара 3 мая 134 года въ грамотахъ, хранившихся въ дѣлахъ уѣздной Серпуховской администраціи, съ подробнымъ юридическимъ анализомъ ея (1—45). Надо только къ тому, что мы говоримъ въ «Экскурсахъ» объ этой практикѣ, добавить, что нетолько не все присланное изъ городовъ изъ допожарной практики въ силу указа 26 мая 1626 года уцѣлѣло въ Помѣстномъ приказѣ при дальнѣйшихъ передрягахъ, испытанныхъ дѣлами этого приказа (хотя бы въ 1812 г.), но даже и въ 1626 г. не во всѣхъ городахъ этотъ указъ былъ приведенъ въ исполненіе, какъ это значится хотя бы въ столбцѣ Помѣстнаго приказа по Алексину № 31154/1, склейка 4-я: «А боровскіе дачи и писцовые и дозорные книги въ прошломъ во 134-мъ году въ Московской пожаръ сгорѣли. А грамотъ изъ Боровска не прислана» [3]).

---

[1]) Насколько это относительно этихъ столовъ можно выяснить по нашимъ спискамъ территоріальныхъ повытій этихъ городовъ.

[2]) Не считая Ряжска, уже занесеннаго въ Московскій столъ.

[3]) О дѣятельности же Помѣстнаго приказа въ смутномъ 198 г. См. Ж. М. Н. П., 1908, апрѣль стр. 372.

По источниковѣдѣнію же по исторіи Помѣстнаго приказа надо отмѣтить статью г. Рожкова «*Книги записныя вотчинныя* Помѣстнаго приказа» (Ж. М. Н. П., 1903, іюль), въ которой онъ эти книги, ведшіяся съ половины XVI в. (124), но дошедшія до насъ лишь за 1625—1651 г.г. (114), разсматриваетъ, какъ матеріалъ, цѣнный для рѣшенія цѣлаго ряда важныхъ историческихъ вопросовъ о вѣдомствѣ, составѣ и дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа XVII в., но до сихъ поръ остающійся неизвѣстнымъ. И прежде всего на основаніи этихъ книгъ г. Рожковъ знакомитъ насъ съ неизвѣстнымъ раньше и не дошедшимъ до насъ указомъ 1636 г. о подвѣдомственности «судныхъ вотчинныхъ дѣлъ» Помѣстному приказу (а не о переносѣ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ, нерѣшенныхъ за нехожденіемъ истцовъ изъ судныхъ приказовъ въ вѣдомство Помѣстнаго приказа, какъ говоритъ г. Рожковъ на стр. 118-й; такое толкованіе г. Рожковымъ этого указа совершенно не пріемлемо). Попутно при этомъ г. Рожковъ поднимаетъ вопросъ и о томъ, какъ начинались судебныя дѣла въ Помѣстномъ приказѣ, по спеціальному ли порученію Думы, или непосредственно по челобитнымъ тяжущихся сторонъ (115). Важны записныя вотчинныя книги, по мнѣнію г. Рожкова, и для установленія списка судей и дьяковъ Помѣстнаго приказа 1625—1651 г.г., каковаго списка, однако, г. Рожковъ не даетъ. А очень любопытно было бы имѣть его напр. за 140 г., по которому до сихъ поръ въ нашемъ спискѣ ихъ есть пробѣлы [1]). Очень бѣгло и слабо разработанъ г. Рожковымъ вопросъ и о томъ, что изучаемыя имъ книги даютъ для рѣшенія вопросовъ о дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа. Больше находимъ у г. Рожкова данныхъ по соціальной исторіи. Такъ имъ подмѣчены факты существованія вотчинъ посадскихъ людей въ 1627 г. въ Муромскомъ уѣздѣ, личной, а не поземельной крѣпости крестьянъ землевладѣльцу въ 1632 г., Галицкихъ «осадъ» въ 1633 г. и примѣненія наемнаго труда въ земледѣльческомъ хозяйствѣ служилыхъ вотчинниковъ въ 1630 г. (122—123). Въ общемъ статья г. Рожкова весьма интересна, только нѣсколько поспѣшно написана и по тому многое она не договариваетъ, ставя только вопросы, а кое гдѣ страдаетъ и фактическими ошибками. Такъ, 151, іюнь—152. іюнь кромѣ дьяковъ Строева и Кузовьева въ Помѣстномъ приказѣ никакихъ другихъ судей и дьяковъ не было [2]). Поэтому только Строеву и Кузовьеву и подаются челобитныя и потому изъ этого факта нельзя дѣлать вывода, но уже въ 40-хъ г.г. XVII в. неспорныя дѣла рѣшались одними

---

[1]) „Экскурсы“, стр. 47.

[2]) Ibid., стр. 45 - 48.

дьяками безъ участія главнаго судьи Помѣстнаго приказа, какъ это дѣлаетъ г. Рожковъ на стр. 120-ой. Въ январѣ же 153 г. опять таки Елизарова могло временно и не быть въ приказѣ. Потому онъ и не упоминается («Экскурсы», 74). Кромѣ того г. Рожковъ не приводитъ подлиннаго текста записи января 153 г. (119). Поэтому возможна съ его стороны тутъ новая какая либо ошибка.

Напрасно также не обратилъ вниманія г. Рожковъ на *столбцы* Помѣстнаго приказа еще болѣе цѣнные и важные въ научномъ отношеніи, чѣмъ записныя вотчинныя книги, но совсѣмъ почти не затронутые издателями и изслѣдователями кромѣ насъ и г. Сторожева. Именно, по этимъ столбцамъ, мы даемъ за послѣднее время публикаціи въ III—VI выпускахъ «Сотницъ, грамотъ и записей» и въ другихъ изданіяхъ [1]), детально рисующія практику Помѣстнаго приказа, процессъ правообразованія и правотолкованія въ немъ и канцелярскіе свычаи и обычаи, волокиту и злоупотребленія. Необходимо отмѣтить и очень цѣнную и важную публикацію (несмотря на нѣкоторые ея техническіе промахи) [2]) «Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду XVII в.», вып. I, Спб. 1906, дающую изъ этихъ же столбцовъ матеріалы главнымъ образомъ для исторіи помѣстнаго права, служилаго сословія и процесса, особенно же по вопросу объ отношеніи столбцовъ Помѣстнаго приказа къ указной книгѣ его. Кое что въ книгѣ г. Сторожева найдется и для исторіи вотчиннаго права свѣтскаго и церковнаго, тяглаго сословія, правъ уголовнаго, семейнаго и наслѣдственнаго и общей теоріи права. Очень много въ книгѣ г. Сторожева и характерныхъ бытовыхъ чертъ. Даетъ она и массу цѣннаго экономическаго матеріала. Кое что по дѣлопроизводству Помѣстнаго приказа изъ этихъ же столбцовъ найдется и въ приложеніяхъ къ «Матеріаламъ для исторіи русскаго дворянства» Сторожева же, в. II, Москва 1909, (стр. 12—32 и 46—56). Въ этихъ же столбцахъ въ частности г. Рожковъ могъ бы найти и для себя и богатѣйшіе матеріалы по пріисканію новыхъ недошедшихъ до насъ еще указовъ (и сотницъ XVI в., добавимъ) и по исторіи мобилизаціи служилыхъ вотчинъ, на отсутствіе каковыхъ матеріаловъ въ записныхъ вотчинныхъ книгахъ такъ жалуется г. Рожковъ на стр. 123-ей вышеупомянутой статьи его въ Ж. М. Н. П.

---

[1]) Подробности см. въ „Сотницахъ, грамотахъ и запискахъ“ же. III, 184 и IV, 149. О мѣновномъ же процессѣ въ Помѣстномъ приказѣ мы говоримъ въ Ж. М. Н. П. за ноябрь 1906 г. въ статьѣ „Мѣна“.

[2]) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ „Столбцы Помѣстнаго приказа“ (Ж. М. Н. П., 1908, апрѣль).

V.

Чети тоже выдѣляются изъ вѣдомства спеціальныхъ дьяковъ Казеннаго Двора, завѣдывавшихъ сборомъ оброка, которымъ населеніе откупалось отъ намѣстниковъ послѣ отмѣны кормленія указомъ 1555 г. А именно, земскія грамоты торопецкая 1590—1591 г.г. Устьянскимъ волостямъ 1622 г. и шуйская 1606 г. говорятъ о подвѣдомственности земскихъ учрежденій четямъ. Земская грамота Луцкой Пермцы 1615 г. говоритъ тоже о четвертныхъ доходахъ [1]). По земскимъ же грамотамъ 1552 г. важской и 1555 г. Переяславскимъ рыболовамъ, Устьянскимъ волостямъ и Соли Переяславской, а также Луцкой Пермцы 1615 г. и особенно по указной грамотѣ Устьянскимъ волостямъ 1556 г. [2]) земскія учрежденія подвѣдомственны казначеямъ, а по грамотамъ подклѣтныхъ селъ 1556 г. и Вохонской бобровничьей полусохи 1561 г. дворцовымъ дьякамъ. Но земскія учрежденія вводятся повсемѣстно не позже 1556 г., а древнѣйшее упоминаніе о четвертной избѣ относится къ 1561—1562 г.г. [3]). Такимъ образомъ изъ вѣдомства спеціальныхъ дьяковъ [4]) Казеннаго Двора [5]), вѣроятно, и возникли чети, причемъ рѣшающими тутъ должны быть показанія грамотъ Луцкой Пермцы 1615 г., а также грамотъ Устьянскимъ волостямъ 1555—1556 и 1622 г.г. Именно, въ указной грамотѣ послѣднимъ 1556 г. говорится: «А какъ тѣ ваши излюбленные старосты учнутъ тѣ оброки за волостелины доходы къ Москвѣ привозити, и мы у нихъ тѣ оброки велѣли имати безпосулно и безпошлинно и о всемъ ихъ велѣли есмя управливати и докладовъ ихъ слушати казначеемъ своимъ Ѳедору Ивановичу Сукину да Хозяину Юрьевичу Тютину да дьяку своему Угриму Львову». По грамотѣ же тѣмъ же волостямъ 1622 г. выборы посылаются уже въ Устюжскую четь. Въ туже четь платится годовой оброкъ на Стрѣтеньевъ день. Въ туже четь дѣлается докладъ о дѣлахъ, въ чемъ будетъ управа учинить невозможно. Затѣмъ грамота

---

[1]) Шумаковъ. „Новыя губныя и земскія грамоты“ (Ж. М. Н. П., 1909, октябрь, стр. 365—367). Ср. также нашу замѣтку о губныхъ и земскихъ грамотахъ по поводу книги г. Яковлева въ № 15 „Юрид. Библіографіи“.

[2]) Сташевскій. „Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли чети“ (Кіев. Унив. Изв. 1908, XII, стр. 34—36).—Шумаковъ „Сотницы, грамоты и записи“, в. V, стр. VI.

[3]) Бѣлокуровъ. Op. cit. Стр. 37.—Вернеръ. Op. cit. Стр. 130.

[4]) Сташевскій. Op. cit. Стр. 26—28.

[5]) Дьяконовъ. „О Московскихъ реформахъ половины XVI в.“ (Ж. М. Н. П. 1894, апрѣль). Рожковъ. „Происхожденіе самодержавія въ Россіи“. Стр. 86.

Луцкой Пермцы 1615 г. говоритъ о привозѣ въ Москву четвертныхъ доходовъ и за бѣлку оброка деньгами по прежнимъ описямъ къ Москвѣ ежегодно на Стрѣтенье. Раньше же при Иванѣ IV по этой грамотѣ оброкъ взносился на Казенный Дворъ. Такимъ образомъ всѣ домыслы о связи четей съ Большимъ Приходомъ (Милюковъ), Опричниной (Середонинъ) и присоединеніемъ провинцій къ государству (Владимірскій-Будановъ) приходится теперь оставить. Несостоятельнымъ приходится признать и взглядъ г.г. Ключевскаго и Лихачева на Разрядъ, Посольскій и Помѣстный приказы и Казанскій Дворецъ, какъ на отдѣленія думской канцеляріи [1]). По исторіи же отдѣльныхъ четей отмѣтимъ статью г. Богословскаго «Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.» [2]) въ Ж. М. Н. П. за декабрь 1905 г., доказывающую практическое употребленіе этого Судебника въ *Устюжской чети* въ 1640 г. Да и вообще богатѣйшее и важнѣйшее для науки дѣлопроизводство этой чети начало послѣднее время постепенно поступать въ научный оборотъ (главнымъ образомъ въ обработкѣ г.г. Богословскаго и Веселовскаго, о работахъ которыхъ въ этой области мы дали отчетъ въ №№ 15 и 17 «Юридич. Библіографіи"), чему можно только порадоваться.

Затѣмъ по вышеуказанной указной грамотѣ 1556 г. дьякъ Угримъ Львовъ сидитъ на Казенномъ Дворѣ. А между тѣмъ въ одной грамотѣ отъ 2 марта 1555 г. читаемъ: «И мы велѣли впередъ съ монастырскихъ селъ и деревень имати ямскіе и приметные денги на Москвѣ въ *Большой* въ *Приходѣ* дьяку своему Угриму Львову» [3]). Такимъ образомъ устанавливается и выдѣленіе Большого Прихода изъ вѣдомства спеціальныхъ дьяковъ казеннаго двора [4]), тогда какъ раньше Большой Приходъ былъ извѣстенъ лишь съ 1564 г. и г. Милюковъ, напр., ставилъ его въ связь съ Большимъ Дворцомъ, а не съ вѣдомствомъ казначеевъ [5]).

По мнѣнію г. Гурлянда и завѣдываніе ямскою гоньбою первона-

---

[1]) Вернеръ. Op. cit. Стр. 61—62.

[2]) Объ этомъ Судебникѣ подробнѣе дважды мы говоримъ въ „Вѣстникѣ Права".

[3]) „Описаніе актовъ Уварова", Москва, 1905, стр. 42.

[4]) Сташевскій. Op. cit. Стр. 28—Несостоятельно только мнѣніе г. Сташевскаго о существованіи какого то особаго единаго четвертнаго приказа въ 1561—1562 гг. Такого не было и любая четь могла именоваться четвертнымъ приказомъ относительно мѣстности, которую она вѣдала (Вернеръ, op. cit. стр. 132).

[5]) Вернеръ. Op. cit. Стр. 99 и 103—„Сотницы, грамоты и записи", IV, 36, 103, V, 99, 109, 111.

чально тоже входило въ кругъ вѣдомства казначеевъ, изъ котораго и выдѣлился *Ямской приказъ* въ 1555 же году [5]).

Казначеи наконецъ вѣдали и холопьи дѣла еще въ 50-хъ и 60-хъ гг. XVI в., *приказъ* же *холопьяго суда*, выдѣлившійся изъ вѣдомства казначеевъ, извѣстенъ лишь съ 1571 г. [6]). Если же г. Бѣлокуровъ (op. cit., стр. 21) относитъ начало приказа холопьяго суда къ 1510 г., то это просто какая то описка съ его стороны, тѣмъ болѣе, что источника этой даты г. Бѣлокуровъ не указываетъ. Къ дѣятельности приказа холопьяго суда наконецъ относится слѣдующее мѣсто съ 3-сй стр. нашей статьи «Къ вопросу о задворныхъ и полонныхъ людяхъ», помѣщенной въ I кн. «Трудовъ Витеб. Арх. Ком.» за 1910 г. «А въ смутное время (80-хъ гг.) въ приказѣ холопьяго суда полонныя и кабальныя книги всѣ подраны». Этимъ и объясняется скудость матеріаловъ о задворныхъ людяхъ и крѣпостей на нихъ, на которое жалуется проф. Дьяконовъ на 285-й стр. «Очерковъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Моск. государствѣ», Спб. 1898.

Кое что новое о судебныхъ приказахъ содержится и въ «грамотахъ коллегіи экономіи» Моск. Архива М-ва Юстиціи. Такъ напр. гр. кол. эк. № 3870 (данная 7091 г.) говоритъ подъ этимъ годомъ о подъячихъ *Володимерской Судной Палаты* Васильѣ Ивановѣ Шишеловѣ (послухъ) и семейкѣ Ивановѣ Облановѣ (писецъ акта), тогда какъ раньше Володимерской судный приказъ былъ извѣстенъ лишь съ 1593 г. [1])

Грам. же кол. эк. № 2641 (мировая отъ 31 декабря 1607 года) говоритъ о посылкѣ суднаго списка въ *приказъ монастырскихъ дѣлъ* въ этомъ году, тогда какъ раньше этотъ приказъ былъ извѣстенъ лишь съ 1628 г. [2]).

VI.

По исторіи остальныхъ судебныхъ приказовъ прежде всего надо отмѣтить статью г. Гурлянда «*Приказъ сыскныхъ дѣлъ*» въ «Сборникѣ статей по исторіи права посв. М. Ф. Владимірскому-Буданову»,

---

[1]) Вѣрнѣе въ 1550 г.—Бѣлокуровъ. Op. cit. Стр. 21—Вернеръ. Op. cit. Стр. 37.—Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ.

[2]) Вернеръ. Op. cit. Стр. 167—168—Шумаковъ. „Матеріалы для исторіи Рязанскаго края“, Рязань, 1903, 25, 27; „Сотницы грамоты и записи“. IV, 10, 12, 31, 70, 88, 89—Ж. М. Н. П. 1898, апрѣль, 343.

[3]) Вернеръ. Op. cit. Стр. 173—Изъ производства Владимірскаго суднаго приказа кстати издано нами еще одно очень интересное дѣло 1627 г. въ нашей статьѣ „Отголоски смутнаго времени“ въ VI т. „Дѣйствій Нижегород Архивн. Комиссіи“. Ср. также „Сотницы, грамоты и записи“, III, 150.

[4]) Вернеръ. Op. cit. Стр. 180.

Кіевъ, 1904 [1]). Въ этой статьѣ, написанной на основаніи архивнаго матеріала, взятаго авторомъ изъ дѣлъ Галицкой чети Оруж. Палаты и Моск. Архива М-ва Иностр. Дѣлъ (90), важно прежде всего устанавливаемое авторомъ различіе трехъ разныхъ приказовъ начала XVII в., прежде смѣшивавшихся подъ однимъ общимъ заглавіемъ «приказа сыскныхъ дѣлъ», и опредѣленіе имъ ихъ состава (109) и компетенціи. Это: 1) собственно приказъ сыскныхъ дѣлъ, возникшій въ 1619 г. для обороны противъ сильныхъ людей (91) и бывшій какъ бы высшей судебной инстанціей (по общему правилу «о переносныхъ дѣлахъ») по помѣстнымъ и холопьимъ дѣламъ (96 и 103), а также съ 1638 г. по дѣламъ о закладчикахъ (105). Исполняетъ этотъ приказъ и нѣкоторыя особыя порученія, напр. сборы денегъ (97), а въ 1657 г. сыскъ «выморныхъ животовъ» (107). На послѣднемъ этотъ приказъ теперь и и спеціализируется и соотвѣтственно съ этимъ въ 1660 г. получаетъ имя «приказа сыскныхъ заставныхъ дѣлъ» (ibid.), съ приказомъ же тайныхъ дѣлъ этотъ приказъ по Гурлянду, вопреки, Неволину не имѣетъ ничего общаго (108); 2). Приказъ приказныхъ дѣлъ (т. е. особыхъ порученій, главное экстренныхъ сборовъ; этотъ же приказъ надзиралъ и за дѣятельностью дозорщиковъ, ремонтировалъ иконопись въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и т. д. Выдѣлился изъ приказа сыскныхъ дѣлъ въ 1625 г., а послѣ 1643 г. опять слился съ нимъ (98—100). 3) Приказъ что на сильныхъ бьютъ челомъ, то сливавшійся съ приказомъ сыскныхъ дѣлъ, то объединявшійся съ приказомъ приказныхъ дѣлъ, то существовавшій самостоятельно, то подъ своимъ именемъ, то подъ именемъ приказа сыскныхъ дѣлъ (103). Существуетъ съ 1620 г. (101) и исчезаетъ послѣ 1639 г (104). Отмѣчаетъ г. Гурляндъ и существованіе особыхъ сыскныхъ приказовъ конца XVII в., не имѣющихъ нечего общаго съ тремя сыскными приказами начала XVII в. это: 1) приказъ сыскныхъ дѣлъ въ 80-хъ гг. XVII в., смѣнившій старый разбойный приказъ; образуется съ 1682 г. и дѣйствуетъ и въ XVIII в. (108); 2) Приказъ сыскныхъ дѣлъ, созданный въ 1662 г. для суда надъ виновниками московскихъ волненій.

Къ исторіи же сыскныхъ приказовъ относится статья С. Б. Веселовскаго «Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ въ 1620—1630 г.г. въ сыскныхъ приказахъ», помѣщенная въ III кн. «Чтеній» за 1907 г. и дающая на основаніи дѣлъ Устюжской чети Моск. Архива М-ва Иностр. Дѣлъ (18) обзоръ дѣятельности

---

[1]) Рецензированъ нами въ „Научномъ словѣ“—объ этомъ же приказѣ см. „Сотницы, грамоты и записи“, III, 100 и Ж. М. Н. П. 1908, апр., 343—344.

за эти года какого то сыскного приказа, вѣдавшаго по указу 128 г. (20) общій пересмотръ жалованныхъ грамотъ, что, по мнѣнію г. Веселовскаго, показываетъ наступленіе въ началѣ XVII в. въ развитіи государства такого «момента, когда оказалось необходимымъ пересмотрѣть права и привиллегіи частныхъ лицъ, созданныя отдѣльными жалованными грамотами, измѣнить и объединить ихъ и привести въ согласіе съ общимъ правомъ и новыми условіями жизни страны» (25). Но къ сожалѣнію въ необычайно интересной статьѣ г. Веселовскаго, если не считать подробно разработаннаго имъ вопроса объ отношеніи старой подписанной грамоты къ новой переписанной, не столько рѣшаются поставленные ею вопросы, сколько намѣчаются лишь для будущихъ работниковъ въ этой области. Не выяснено, напр., г. Веселовскимъ, почему это сначала «значительнѣйшіе монастыри представили свои грамоты раньше, повидимому, безъ особыхъ мѣръ понужденія, впослѣдствіи же, чтобъ завершить пересмотръ, пришлось прибѣгать къ принужденіямъ и угрозамъ», а также не указаны и (въ связи съ этимъ, добавимъ) причины вторичнаго пересмотра «по государеву указу» въ 30-хъ г.г. грамотъ просмотрѣнныхъ въ 129 г., по челобитью грамотчиковъ (25). Указана г. Веселовскимъ только одна изъ этихъ причинъ—злоупотребленія дьяковъ. Не ясно наконецъ даже, что такое представляетъ изъ себя приказъ по пересмотру жалованныхъ грамотъ г. Веселовскаго. При рѣшеніи этого вопроса прежде всего оказывается, что г. Веселовскому неизвѣстна вышеупомянутая работа г. Гурлянда (23). И это сказалось, напр., на смѣшеніи г. Веселовскимъ приказовъ что на сильныхъ бьютъ челомъ и сыскныхъ дѣлъ на стр. 20, гдѣ кстати остаются неизвѣстными г. Веселовскому дьяки приказа сыскныхъ дѣлъ за 1619 г., между тѣмъ какъ г. Гурляндъ ихъ знаетъ (Д. Семеновъ и А. Степановъ [1]). Затѣмъ списокъ судей и дьяковъ сыскного приказа по пересмотру жалованныхъ грамотъ по Веселовскому таковъ:

128.	Б. кн. А. Ю. Сицкій.	Д. С. Головинъ.
129. 130.	Б. кн. Ю. Е. Сулешовъ.	Д. Ив. Поздѣевъ.
131. 133.	Б. кн. Б. М. Лыковъ.	Д. Пр. Пахиревъ.
137—138.	Б. М. М. Годуновъ.	Д. С. Бредихинъ (20—23). [2]).

[1]) Гурляндъ. Op. cit. Стр. 109.

[2]) Изъ подъячихъ приказа по пересмотру жалованныхъ грамотъ г. Веселовскому извѣстны Ив. Гороховъ, Жд. Ромадановъ, К. Нѣмцовъ, Гр. Старый и Ис. Григорьевъ (24).

Но изъ всѣхъ этихъ судей и дьяковъ по приказу сыскныхъ дѣлъ г. Веселовскаго извѣстны г. Гурлянду лишь б. кн. Б. М. Лыковъ и дьякъ С. Бредихинъ и то только за октябрь 1625 г. [1]). Такимъ образомъ остается предположить, что г. Веселовскому удалось открыть особый четвертый сыскной приказъ начала XVII в., дѣйствовавшій по пересмотру жалованныхъ грамотъ.

Къ судебнымъ же учрежденіямъ относится и *Расправная палата* при Боярской Думѣ, которой посвящена особая статья г. Богоявленскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ на стр. 409—427 «Сборника статей посвященныхъ В. О. Ключевскому», Москва, 1909 [2]), написанная на основаніи архивныхъ матеріаловъ изъ московскихъ архивовъ м-въ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Но вѣдь еще раньше Загоскинымъ и Ключевскимъ были выяснены время и характеръ дѣятельности Расправной палаты въ общихъ чертахъ. Такимъ образомъ на долю г. Богоявленскаго осталось лишь выясненіе деталей организаціи и компетенціи Расправной палаты и ея дѣлопроизводства (410). Любопытно и то, что говоритъ г. Богоявленскій объ отрицательномъ отношеніи энергичнаго правительства Софьи къ Расправной Палатѣ (414). Окончательный же выводъ г. Богоявленскаго тотъ, что Расправная палата была передаточной между Думой и приказами инстанціей (426) по гражданскимъ дѣламъ (416), разсматривавшей и въ аппеляціонномъ и въ кассаціонномъ порядкахъ (422) дѣла, вносившіяся въ нее или самими приказами (по неясности закона или запутанности дѣла) или по челобитью одной изъ тяжущихся сторонъ (при задержаніи приказомъ рѣшенія, при дачѣ имъ дѣлу неправильнаго направленія и при неправильномъ рѣшеніи) (417). При этомъ рѣшенія Расправной палаты, какъ высшей судебной инстанціи, и создавали прецеденты [3]) и поддерживали своимъ авторитетомъ рѣшенія приказа (425), т. е. добавимъ, въ этомъ отношеніи Расправная палата играла роль какъ бы Сената XVII в. Вообще же она постепенно приближалась къ типу приказовъ и по внутреннему устройству и по отношеніямъ къ Думѣ, но приказомъ сдѣлаться не могла, какъ поставленная надъ приказами (426).

VII.

По исторіи территоріальныхъ приказовъ на Западной окраинѣ отмѣтимъ работу г. Богословскаго «*Приказы в. кн. Литовскаго и*

---

[1]) Гурляндъ. Op. cit. Стр. 109.

[2]) Рецензированъ нами въ „Юрид. Библіографіи“.

[3]) См. Ж. М. Н. П. 1908, апрѣль, стр. 346.

княжества Смоленскаго въ Московскомъ государствѣ» (Ж. М. Н. П., 1906, августъ), въ которой авторъ на основаніи дѣлъ, столбцовъ и книгъ приказа княжества Смоленскаго М. А. М. И. д. и столбцовъ по Смоленску М. А. М. Ю. приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Территорія, завоеванная въ первую польскую войну царя Алексѣя, Смоленская область, Бѣлоруссія и Литва, управлялась первоначально изъ разныхъ соотвѣтствующихъ приказовъ Московскаго государства. Въ концѣ же 1656 г. для управленія этой территоріей учрежденъ былъ особый приказъ в. княжества Литовскаго подъ начальствомъ б. С. Л. Стрешнева, причемъ этотъ приказъ вѣдалъ служилое и тяглое населеніе края въ служебномъ, финансовомъ, поземельномъ и судебномъ отношеніяхъ. Но воеводы края во время существованія приказа в. княжества Литовскаго назначались изъ Разряда. Разряду же принадлежало военное управленіе краемъ. Затѣмъ съ іюня 1667 г. управленіе Смоленскою областью по всѣмъ дѣламъ по закрытіи приказа в. княжества Литовскаго сосредоточилось въ Смоленскомъ столѣ, состоявшемъ послѣдовательно въ приказахъ Посольскомъ (до 1670 г.), Новгородскомъ (до 1671 г.), Устюжскомъ (до 1672 г.) и Стрѣлецкомъ (въ 1672 г.). Въ январѣ же 1673 г. этотъ столъ былъ преобразованъ въ особый приказъ княжества Смоленскаго, который до 1680 г. продолжалъ быть въ соединеніи съ Стрѣлецкимъ приказомъ, а затѣмъ до своего закрытія въ 1710 г. былъ въ соединеніи съ Посольскимъ приказомъ.

А по исторіи территоріальныхъ приказовъ на Восточной окраинѣ необходимо отмѣтить большую работу О г л о б л и н а «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ *Сибирскаго приказа*, Москва, 1895—1901. Только, къ сожалѣнію, это работа археографическаго характера главнымъ образомъ Историку права, чтобъ воспользоваться богатѣйшимъ архивнымъ матеріаломъ, открытымъ г. Оглоблинымъ, въ историко-правовыхъ цѣляхъ, еще разъ придется пересмотрѣть его и изучить. Такимъ образомъ эта работа вся еще пока въ будущемъ [1]).

По исторіи затѣмъ *Казанскаго дворца* отмѣтимъ стр. 1-ю въ нашихъ «Экскурсахъ по исторіи Помѣстнаго приказа», выясняющую роль пожара 19 іюня 1701 г. въ дѣлѣ утраты дѣлопроизводства этого приказа, а также наличность столовъ въ этомъ приказѣ помѣстнаго и разряднаго въ 199 г. (а не въ 1718, какъ говорится въ «Экскурсахъ») и кромѣ того денежнаго въ 1703 г. О томъ же, гдѣ искать остатки погибшаго дѣлопроизводства этого приказа, кромѣ «Экскурсовъ» [2]) го-

[1]) См. также „Сотницы, грамоты и записи“, IV, 101.

[2]) Кромѣ того см. еще объ этомъ же дѣлопроизводствѣ ibid., I, 76, 79; III, 73, 151; IV, 55, 75, 122; V, 99.—См. также „Обзоръ грамотъ коллегіи

ворятъ еще вышеупомянутый трудъ г. Оглоблина и работа гг. Ардашева и Голомбіевскаго по обзору документовъ XVI—XVII вв. изъ дѣлъ XVIII в. перешедшихъ въ М. А. М. Ю. изъ упраздненныхъ въ 1864 г. судебныхъ учрежденій (архивный отдѣлъ, замѣтимъ, не смотря на всю свою научную цѣнность и важность еще совсѣмъ не затронутый нашими издателями и изслѣдователями) подъ названіемъ «Приказныя, земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства». («Зап. Моск. Археол. Инст.» т. IV в. I). Только работа эта, къ сожалѣнію, до нельзя конспективна и лишь раздражаетъ аппетитъ читателя, ни мало не удовлетворяя его. Кое что наконецъ для исторіи Казанскаго дворца найдется и въ публикаціяхъ мѣстныхъ архивныхъ комиссій (главнымъ образомъ Симбирской и Саратовской).

О *Нижегородскомъ дворцѣ* говорятъ «Сотницы, грамоты и записи», I, 75 (дача въ этотъ дворецъ монастыремъ оброка въ 7070 г.), о *Нижегородской чети* «Матеріалы для исторіи Нижегородскаго края», 19 (1614 г), о *Новгородской чети* тѣ же «Матеріалы», 10 (1632 г.) и 20 (1668 г.)—См. объ этихъ учрежденіяхъ и публикаціи Нижегородской Архивной комиссіи въ ея «дѣйствіяхъ».

Затѣмъ изъ неизвѣстныхъ гг. Рожкову и Вернеру областныхъ приказовъ упомянемъ *Важскій приказъ* (извѣстный впрочемъ еще Татищеву), *Бѣжецкую избу* (извѣстна въ 1561 г.: «II Ив. Изм. сынъ Каменской .. за мѣстнымъ спискомъ намъ посрочилъ стати на Москвѣ предъ царевыми бояры великаго князя въ Бѣжецкой избѣ на отписной срокъ лѣта 7069 г., какъ немецкіе воеводы мѣсяцъ спустя съ конь ссядутъ, съ денгами за тое отчину платити», «Сотницы, грамоты и записи», I, 224) и *Углицкій дворецъ* (извѣстенъ въ 1596 г.; «А оброку они... давали... на Углецкой Дворецъ полбочки щючины пять вѣдръ, Зубцовскія сотницы», Тверь, 1904, стр. 12).

Въ I же в. «Обзора грамотъ коллегіи экономіи» на стр. 23 говорится подъ 1566 г.: «А данную грамоту писалъ *Бѣлсково палаты* подъячей Иванецъ Логиновъ сынъ Ездаковъ» Дальнѣйшія же указанія на свѣдѣнія по приказной исторіи (особенно XVII в.), содержащіяся въ нашихъ публикаціяхъ и *далеко не исчерпанныя* въ этой нашей замѣткѣ, читатель найдетъ въ «Указателяхъ Учрежденій», прилагаемыхъ нами къ каждому выпуску «Обзора гр. кол. эк.». (печ. III в.) и «Сотницъ, грамотъ и записей» (печ. VI в.).

экономіи", I, 93, 95, 96, 101, 103, 109, и „Матеріалы для исторіи Нижегородскаго края", Нижній Новгородъ, 1898, стр. 3 и 8.

Отмѣтимъ наконецъ, какъ курьезъ, открытый г. Бѣлокуровымъ *Записной приказъ* «еже записывати степени и грани царственные» (Бѣлокуровъ «Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII в.», Москва, 1903, стр. 55—84), слѣды дѣлопроизводства котораго сохранились среди дѣлъ Тайнаго приказа Госуд. Архива. Учрежденъ былъ этотъ приказъ 3 ноября 1657 г. съ цѣлью составить продолженіе степенной книги, но вся дѣятельность первыхъ дьяковъ этого приказа (Тимофея Кудрявцева, а съ 11 марта 1659 года Григорья Кунакова) ограничилась, однѣми попытками собрать матеріалы для порученнаго имъ дѣла и притомъ не особенно успѣшными. Затѣмъ свѣдѣнія г. Бѣлокурова о Записномъ приказѣ обрываются 18 мая 1659 г. Но въ «Разрядныхъ вязкахъ» М. А. М. Ю. есть свѣдѣнія объ этомъ приказѣ, если не ошибаемся, и для XVIII вѣка.

С. Шумаковъ.

Возраженіе бар. А. Л. Фрейтагъ-Лорингговену.

Въ майской книгѣ (№ 2) 1910 года журнала «Вопросы права» мною была помѣщена рецензія на диссертацію бар. Фрейтага-Лорингговена: «Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву. Томъ I. Историческія основы». На эту рецензію бар. Фрейтагъ считаетъ «себя вынужденнымъ возразить автору ея нѣсколько словъ» въ февральской книгѣ того же журнала за 1911 г. «Отвѣтъ г. Фрейтага носитъ особый характеръ. Авторъ «отвѣта» не «отвѣчаетъ» мнѣ по существу, а преслѣдуетъ иную цѣль: показать, что его диссертація оцѣнена на Западѣ, и если не оцѣнена мною, Яблочковымъ, такъ только потому, что я—невѣжда въ трактуемыхъ имъ «проблемахъ». Такъ какъ г. Фрейтагъ, очевидно, о моей рецензіи держится того же мнѣнія, какъ я—объ его диссертаціи, то, казалось бы, полемика должна была закончиться на «отвѣтѣ» г. Фрейтага. Но тонъ, коимъ написанъ «отвѣтъ» не можетъ не казаться мнѣ оскорбительнымъ. Бар. Фрейтагъ не останавливается даже передъ попытками уличить меня въ томъ, что я, какъ критикуемыхъ мѣстъ, такъ и прочихъ частей его книги не читалъ или читалъ безъ вниманія. Вотъ это то обстоятельство и вынуждаетъ меня, въ свою очередь, отвѣтить на «отвѣтъ» г. Фрейтага настоящимъ «возраженіемъ».

Начинаетъ свой отвѣтъ бар. Фрейтагъ такимъ замѣчаніемъ: «онъ, правда, смѣшиваетъ даже такія элементарныя понятія, какъ понятія «способъ наслѣдованія» и «порядокъ наслѣдованія». Изъ чего видно

такое смѣшеніе?— объ этомъ Фрейтагъ не считаетъ нужнымъ сообщить читателю. О «порядкѣ наслѣдованія» вовсе и не говорится въ моей рецензіи. «Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе вопросу о *способахъ* наслѣдованія въ средневѣковомъ германскомъ правѣ» (стр. 220, ср. стр. 223, passim),—такъ я начинаю свою рецензію. Правда, тутъ же я говорю, что «выясненіе вопроса, какимъ образомъ распредѣляется отвѣтственность, должно вести къ разрѣшенію вопроса о *порядкѣ* наслѣдованія», но это вполнѣ отвѣчаетъ содержанію нѣкоторыхъ частей книги бар. Фрейтага (см. стр. 220—250 о лицахъ, призываемыхъ къ наслѣдованію Heergewäte, Gerade и т. п.). Мы видимъ, такимъ образомъ, что упрекъ г. Фрейтага голословенъ и несправедливъ.

Далѣе, г. Фрейтагъ ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я ни однимъ словомъ не высказываю своего отношенія къ главнымъ тезисамъ его труда, а или передаю ихъ безъ критики, или критикую второстепенные вопросы, затронутые въ книгѣ [1]).

Однако, каково заданіе автора? Привлеченіе *лифляндскаго права* къ истолкованію средневѣковаго германскаго права. «Вопросъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя можетъ быть выясненъ окончательно путемъ привлеченія матеріала, который до сихъ поръ не былъ использованъ наукой, а именно, источниковъ средневѣковаго лифляндскаго права. Благодаря своему своеобразному характеру, они позволяютъ освѣтить весь вопросъ съ новой точки зрѣнія и устранить имѣющіяся сомнѣнія» (стр. XII).

Каковъ окончательный выводъ моей рецензіи? «Привлеченіе лифляндскаго права отчасти *безполезно* [по вопросамъ о предѣлахъ домовой отвѣтственности (стр. 66), объ универсальности сукцессіи (стр. 282): эти вопросы разрѣшаются довольно ясно въ германскихъ источникахъ права], отчасти *безплодно* [по вопросамъ: о предѣлахъ права запрета (стр. 154), объ ограниченіи отвѣтственности движимостью (стр. 170), о распаденіи наслѣдства на нѣсколько спеціальныхъ массъ (стр. 251), лифляндское право не даетъ ясныхъ отвѣтовъ], отчасти *излишне* [взаимная связь между правомъ запрета и ограниченіемъ отвѣтствен-

---

[1]) „Онъ ни принимаетъ моей теоріи, ни опровергаетъ ея“... „Объ основныхъ вопросахъ г. Яблочковъ, такимъ образомъ, не говоритъ“... „Онъ ни однимъ словомъ не высказываетъ своего отношенія къ защищаемому мною воззрѣнію, а лишь довольствуется краткой передачей его сущности“... „Г. Яблочковъ, рецензируя мою книгу, оставляетъ безъ всякой оцѣнки тѣ ея части, которыя наиболѣе важны не только въ виду преслѣдуемыхъ мною цѣлей, но также по характеру затрагиваемыхъ ими проблеммъ“.

ности движимостью не оспаривается господствующимъ мнѣніемъ и относительно германскаго права]».

Конечно, г. Фрейтагъ не согласится, ни съ моимъ сужденіемъ, ни съ моей критикой по существу, но онъ рѣшительно не правъ, утверждая, что я не затруднилъ себя критикой *основныхъ положеній* и сосредоточился на мелочахъ, не идущихъ къ дѣлу. Какъ видно изъ моего окончательнаго сужденія о диссертаціи бар. Фрейтага, моя рецензія аттакуетъ самый методологическій пріемъ работы г. Фрейтага, а вовсе не второстепенныя мелочи.

Бар. Фрейтагъ, однако, иллюстрируетъ свои упреки примѣромъ. Дѣло идетъ о гипотезѣ о происхожденіи универсальной сукцессіи по римскому праву. «Изложеніе этой гипотезы занимаетъ въ моемъ трудѣ менѣе 10 страницъ изъ 382. Ея вѣрность или невѣрность нисколько не вліяетъ на вѣрность или невѣрность основныхъ мыслей моей книги».—На это я отвѣчу слѣдующее. Во-1-хъ, въ диссертаціи г. Фрейтага текста не 382, а—372 страницъ. Изъ нихъ первыя 65 страницъ также могутъ быть выкинуты безъ ущерба: они представляютъ собою компиляцію объ источникахъ германскаго и лифляндскаго права по извѣстнымъ учебникамъ Stobbe, Schröder и Bunge; никакого отношенія къ темѣ диссертаціи они не имѣютъ. Книга загромождена выписками изъ источниковъ и на «общія разсужденія» автора изъ «382 страницъ» остается едва ли одна треть книги. Во-2-хъ, я сомнѣваюсь, чтобы въ ученой диссертаціи допустимы были такіе «экскурсы», не относящіеся къ темѣ автора, хотя бы каждый такой экскурсъ занималъ и «менѣе 10 страницъ». Тѣмъ болѣе, что на обоснованіе своихъ построеній бар. Фрейтагъ жертвуетъ часто не десятки страницъ, а буквально—*строчки*; см. напр., загнанное въ примѣчаніе на стр. 149 толкованіе слова «armot», на которомъ авторъ строитъ такіе важные выводы!... [1]).

Далѣе слѣдуетъ такой упрекъ. «Но еще характернѣе то, что г. Яблочковъ излагаетъ самую сущность моей теоріи неправильно. Онъ, именно, приписываетъ мнѣ мнѣніе, что Lehn, Heergewäte, Gerade, являясь не имущественными комплексами, а комплексами отдѣльныхъ вещей, переходятъ по сингулярной сукцессіи, а Erbe—по универсальной. На дѣлѣ же я провожу грань между Erbe и Lehn, съ одной,

---

[1]) Кстати сказать, это мѣсто отнюдь не ускользнуло изъ моего вниманія; какъ полагаетъ г. Фрейтагъ. Я только не считался съ нимъ, такъ какъ не раздѣляю мнѣнія автора, что его соображенія „безусловно“ подтверждаютъ расширительное толкованіе изъ словъ „ehaft not“.

Heergewäte и Gerade,—съ другой стороны. И согласно моей теоріи первыя двѣ массы переходятъ по универсальной сукцессіи, двѣ послѣднія по сингулярной. Излишне сказать, что это нѣчто весьма и весьма существенное».

Бар. Фрейтагъ хочетъ показать читателямъ, что рецензентъ его книги не читалъ, а если что и читалъ, то или не понялъ или умышленно исказилъ въ передачѣ его мысли. Представляю читателю судить самому, насколько виновенъ я въ искаженіи мыслей автора. Г. Фрейтагъ въ рец. трудѣ полемизируетъ съ господствующимъ мнѣніемъ, установленнымъ окончательно Гейслеромъ. Мнѣніе Гейслера таково (см. рец. трудъ, стр. 267): «германское, а въ особенности саксонское право, признаетъ нѣсколько спеціально-универсальныхъ сукцессій, соотвѣтственно спеціальнымъ имущественнымъ комплексамъ: Lehn, Heergewäte, Gerade».

Въ противность этому ученію, г. Фрейтагъ въ своемъ трудѣ утверждаетъ, что германское право признавало конкуренцію универсальной и *сингулярной* сукцессіи. Центръ тяжести контроверзы въ данномъ мѣстѣ и заключается prima facie вовсе не въ томъ, чтобы «провести грань между Erbe и Lehn, съ одной стороны, и Heergewäte и Gerade, съ другой стороны», а въ томъ, именно, чтобы установить возможность сказанной конкурренціи двухъ способовъ наслѣдованія. Въ § 13 бар. Фрейтагъ и приходитъ, касательно Heergewäte и Gerade, къ тѣмъ выводамъ, которые точно мною переданы въ рецензіи, и которые повторятъ самъ г. Фрейтагъ въ своемъ «отвѣтѣ» [1].

Далѣе, бар. Фрейтагъ высмѣиваетъ мою критику его заключительной главы. Г. Фрейтагъ въ своемъ трудѣ предлагаетъ вниманію русскаго законодателя систему двухъ параллельныхъ спеціальныхъ универсальныхъ сукцессій, по примѣру новѣйшаго лифляндскаго права. Мое указаніе, что лифляндская система обязана желанію сохранить институтъ наслѣдственныхъ имѣній, а не народно-хозяйственнымъ соображеніямъ, г. Фрейтагъ отпарируетъ такимъ аргументомъ: «ясно, что здѣсь нѣтъ никакой противоположности и что слѣдовательно аргументъ г. Яблочкова не опровергаетъ высказаннаго мною мнѣнія».

Спѣшу указать, что г. Фрейтагъ, цитируя мои слова, выкинулъ начало моей фразы (см. стр. 228), въ которой я указываю авторомъ

---

[1]) Къ тому же, если та краткость, съ которой я изложилъ сущность контроверзы, и дала поводъ сдѣлать г. Фрейтагу указанное замѣчаніе, то во всякомъ случаѣ въ моемъ изложеніи нельзя усмотрѣть искаженія теоріи г. Фрейтага. Вѣдь, говоря о *Lehn*, на ряду съ Heergewäte и Gerade, я имѣлъ въ виду *господствующее* мнѣніе, а не мнѣніе г. Фрейтага. И съ этой стороны, упрекъ г. Фрейтага, какъ видимъ, совершенно неоснователенъ.

этого мнѣнія не себя, а *самого* г. Фрейтага. На стр. 372 своего труда г. Фрейтагъ самъ настаиваетъ на томъ, что «такая система основывается не столько на народно-хозяйственныхъ соображеніяхъ, сколько на желаніи сохранить институтъ наслѣдственныхъ имѣній». Значитъ, г. Фрейтагъ вступаетъ въ полемику самъ съ собою!..

Слѣдую далѣе за оппонентомъ. «Г. Яблочковъ утверждаетъ, что до сихъ поръ универсальную сукцессію объясняли съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣній, но никто еще не пытался объяснить ее съ народно-хозяйственной точки зрѣнія»... «Но г. Яблочковъ ошибается: ему можетъ быть, будетъ интересно узнать, что такая попытка была сдѣлана въ свое время Пернисомъ (Labeo, I S. 329 flg.)».

Интересно, во 1-хъ, то, что самъ авторъ въ своемъ трудѣ болѣе полонъ сознанія оригинальности своего воззрѣнія, чѣмъ въ настоящемъ его «отвѣтѣ» мнѣ. На стр. 296, настаивая на роль хозяйственныхъ условій въ римскомъ правѣ въ дѣлѣ выработки понятій универсальной сукцессіи, собственности и т. п., г. Фрейтагъ не только не цитируетъ Перниса, но далѣе замѣчаетъ: «ни на одно изъ этихъ явленій до сихъ поръ не было обращено вниманія въ литературѣ, хотя они, безъ сомнѣнія, его заслуживаютъ». Теперь въ «отвѣтѣ» г. Фрейтагъ отказывается отъ оригинальности своего ученія. Попытки объяснить универсальную сукцессію съ народно-хозяйственной точки зрѣнія дѣлались утверждаетъ г. Фрейтагъ, и до него, напр. Пернисомъ.

Но обратимся къ Пернису, и посмотримъ, насколько удачна ссылка г. Фрейтага на Перниса. Бар. Фрейтагъ въ своей диссертаціи защищаетъ такую мысль. Римляне съ самаго начала своего историческаго существованія отличались торговымъ духомъ (стр. 287—288). Этотъ духъ уничтожалъ индивидуальное значеніе матеріальныхъ благъ. Деньги дѣлали то, что каждая вещь была случайнымъ воплощеніемъ денежной цѣнности. Это создало понятіе имущества, какъ одного цѣлаго. «А послѣ того, какъ понятіе имущества было выработано, нужно было сдѣлать уже сравнительно небольшой шагъ, чтобы дойти до признанія универсальной сукцессіи» (стр. 290).

Эти разсужденія вызвали возраженія съ моей стороны.

Я указываю, что универсальная сукцессія зарождалась еще до XII таблицъ, но можно ли серьезно говорить о денежномъ обращеніи въ ту эпоху—эпоху господства натуральнаго хозяйства? Теорія г. Фрейтага—говорю я, оригинальна: «авторъ впервые въ литературѣ освѣщаетъ вопросъ сквозь призму денежнаго обращенія»,—но она явно несостоятельна... [1]).

[1]) Замѣчу кстати, что г. Фрейтагъ не совсѣмъ точно передаетъ мое

Теперь г. Фрейтагъ ссылается на *Перниса*. Онъ-де также дѣлаетъ попытку объяснить универсальную сукцессію съ *народно-хозяйственной* точки зрѣнія! Обратимся къ Пернису. Въ т. I Labeo (Halle, 1873), на стр. 323—338 мы находимъ интересующее насъ мѣсто. Ходъ мыслей Перниса таковъ. Принципъ универсальной сукцессіи имѣетъ длинную исторію, распадающуюся на нѣсколько стадій. Вѣроятно первоначально наслѣдникъ отвѣчалъ за долги потому, что это считали *справедливымъ* [1]). (стр. 323). Далѣе исторія права обличаетъ намъ постепенную выработку понятія наслѣдства, какъ *имущества*. Сначала оно охватывало тѣлесныя вещи и только движимости (familia pecuniaque). Лишь позднѣйшіе юристы включили сюда и полномочія и, наконецъ, пришли къ возможности наслѣдства изъ однихъ нетѣлесныхъ вещей. Это, быть можетъ, было результатомъ хозяйственнаго развитія (стр. 329). Обязательственныя требованія играли подчиненную роль и потому не оказывали существеннаго вліянія на правообразованіе, т. к. въ концѣ республики и въ императорскую эпоху излюбленное помѣщеніе капитала было пріобрѣтеніе недвижимости. Кредитный оборотъ и денежное хозяйство должны были укрѣпиться, прежде чѣмъ могли явиться имущественные комплексы, состоящіе только изъ требованій, каковые и стали нуждаться въ юридической конструкціи [2]).

Отсюда явствуетъ тѣсная связь между понятіемъ *имущества* и *универсальной сукцессіей*. Эта послѣдняя, можно сказать, породила первое [«Die Universalsuccession, darf man wohl sagen, hat den

---

замѣчаніе. Я говорю: „авторъ впервые въ литературѣ освѣщаетъ вопросъ сквозь призму *денежнаго обращенія*“, а г. Фрейтагъ мнѣ приписываетъ слѣдующія слова: „никто еще не пытался объяснить унив. сукцессію съ *народно-хозяйственной точки зрѣнія*“. „Народно-хозяйственныя условія“, конечно, могли издревле вліять на образованіе юридическихъ понятій, но отнюдь не *„денежное обращеніе“*, которое издревле не существовало, ибо въ эпоху XII таблицъ даже и не существовало чеканной монеты.

[1]) Читатель видитъ, что Пернисъ начинаетъ свое изложеніе не съ „торговаго духа“ римлянъ! Отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдователя—характерный признакъ универсальной сукцессіи—покоилась не на хозяйственныхъ условіяхъ быта, и не на юридическихъ соображеніяхъ, а „weil es billig erschien“ [*Pernice*, o. c. 323].

[2]) Пернисъ вноситъ въ свое изложеніе *хозяйственный* элементъ. Но съ какой цѣлью? Вовсе не для того, что бы „стереть индивидуальное значеніе составныхъ частей имущества“ у римлянъ „съ самаго начала ихъ историческаго существованія“, какъ полагаетъ г. Фрейтагъ, а для того, чтобы объяснить то явленіе, что въ позднѣйшую эпоху [конецъ республики—начало Имперіи] имущество могло охватывать и обязательственныя требованія. См., впрочемъ, дальнѣйшее изложеніе Перниса.

Vermögensbegriff zu Wege gebracht»] (стр. 330). Наслѣдованіе, какъ «successio in universum jus defuncti» и создало идею наслѣдственной массы, какъ «universitas» [1]). Какова же судьба наслѣдственныхъ долговъ? Переходъ «debita» на наслѣдниковъ имѣетъ свое правовое основаніе, совсѣмъ независимое отъ понятія «universitas»,— именно—въ положительной нормѣ XII таблицъ: долги наслѣдодателя переходятъ на наслѣдниковъ «pro partibus hereditariis» (стр. 331). Изъ этого положенія, которое сначала было лишь закономъ фиксированное требованіе *правового сознанія и справедливости,* въ довольно раннюю эпоху развилась идея необходимой *правовой* обусловленности званія наслѣдника съ переходомъ долговъ (стр. 331) [2]). Этотъ переходъ долговъ хотѣли юридически оправдать (juristisch zurecht zu legen) тѣмъ, что бремя долговъ («aes alienum») разсматривали, какъ уменьшеніе имущества. И этому способствовала все развивающаяся функція денегъ служить общимъ мѣриломъ цѣнности (стр. 332—333). Когда могло развиться это представленіе? Не раньше конца республики и начала Имперіи (стр. 333—335) [3]). Тотъ же процессъ пройденъ и институтомъ «bonorum possessio» (стр. 336—337).

---

[1]) Вотъ именно! А не наоборотъ, какъ утверждаетъ г. Фрейтагъ! Центральная мысль г. Фрейтага, мною и оспариваемая, заключается въ слѣдующемъ. „Послѣ того какъ понятіе имущества было выработано, нужно было сдѣлать уже сравнительно небольшой шагъ, что бы дойти до признанія универсальной сукцессіи“ (рец. трудъ, 290). Пернисъ же вовсе и не думаетъ выводить *универсалной сукцессіи* изъ понятія *имущества*, а, именно, наоборотъ, понятіе универсальной сукцессіи, издавна присущее сознанію римлянъ, по его мнѣнію, оказало свое вліяніе на позднѣйшую выработку понятія *имущества*!!

[2]) Вотъ историческая идея универсальной сукцессіи, какъ его понимаетъ Пернисъ! „Денежное обращеніе“, „нивелирующее отношеніе и обезличивающее имущество“, не играло никакой роли въ дѣлѣ *созданія* идеи универсальной сукцессіи! А у бар. Фрейтага, „для существованія универсальной сукцессіи нужно, чтобы отдѣльныя блага, сосредоточенныя въ рукахъ одного человѣка, потеряли свое индивидуальное значеніе“ (стр. 299)!!

[3]) Пернисъ указываетъ, именно, на то, что уже денежныя кондемнаціи въ формулярномъ процессѣ должны были создать привычку выражать цѣнность права въ деньгахъ. Указанное представленіе пробивается въ senatusconsultum дозволявшемъ ususfructus надъ цѣлымъ имуществомъ (l. 69, D. 35—2). Обозначеніе наслѣдства, какъ „as“ употребительно уже ко времени Цицерона (стр. 334). Сюда относится и—результатъ историческаго развитія—Sc. Juventianum (129 г. по Р. Х.), касательно „Successio pretii in locum rei“ (стр. 335).—Кажется ясно о какой эпохѣ говоритъ Пернисъ!

Отсюда такой выводъ: «*въ началѣ императорской эпохи*» (N.B.!!) имущественный характеръ наслѣдства былъ теоретически признанъ и проведенъ даже въ своихъ отдѣльныхъ практическихъ консеквенціяхъ. Однако, это отвлеченное понятіе было произведеніемъ не теоретической мысли, нѣтъ!—его главное основаніе было положительное предписаніе закона, что долги наслѣдодателя должны переходить на наслѣдниковъ. Поэтому природа имущества, подлежащаго наслѣдственному переходу, какъ «universitas», стоитъ подъ особымъ вліяніемъ универсальной сукцессіи» (стр. 338) [1])

Вотъ и все, что мы находимъ у Перниса по занимающему насъ вопросу (Labeo, I, стр. 323—438). Имѣлъ ли право г. Фрейтагъ ссылаться на Перниса? Пернисъ ни однимъ словомъ не говоритъ о «торговомъ духѣ» древнихъ римлянъ. О роли денежнаго обращенія говоритъ совсѣмъ въ другомъ порядкѣ идей и не примѣнительно къ «самому началу историческаго существованія римлянъ», а о позднѣйшей эпохѣ—императорской. Саму универсальную сукцессію Пернисъ и не думаетъ объяснять съ *народно-хозяйственной* точки зрѣнія и тѣмъ паче съ точки зрѣнія денежнаго обращенія. Универсальная сукцессія развивалась—говоритъ Пернисъ—за много столѣтій до появленія денежнаго обращенія и независимо отъ него. Денежное обращеніе облегчило образованіе понятія *имущества*, какъ *universitas*. Тогда какъ г. Фрейтагъ утверждаетъ: «а послѣ того, какъ понятіе имущества было выработано, нужно было сдѣлать уже сравнительно небольшой шагъ, что бы дойти до признанія универсальной сукцессіи» (стр. 290), Пернисъ, наоборотъ, утверждаетъ, что «die Universalsuccession hat den Kermögenslegriff zu Wege gebracht» (стр. 330), «daher steht die Universitasnatur des in Erbgang gekommenen Vermögens unter dem besonderer Einflusse der Universalsuccession» (стр. 338), и, если кто правъ, то, конечно,—Пернисъ, а не—г. Фрейтагъ, ибо г. Фрейтагъ *безусловно* неправъ, такъ какъ утверждаетъ вещи, противорѣчащія даннымъ науки, касательно хозяйственной исторіи Рима.

Предоставляю теперь читателю судить,—насколько удачна ссылка г. Фрейтага на Перниса. Видно, именно, г-ну *Фрейтагу* было бы полезно познакомиться съ Пернисомъ,—не тогда, когда онъ спѣшно печаталъ свой отвѣтъ мнѣ, а тагда, когда онъ составлялъ свою диссертацію.

---

[1]) А не наоборотъ, какъ утверждаетъ г. Фрейтагъ! Иначе говоря, природа наслѣдственнаго имущества не оказывала вліянія на выработку понятія универсальной сукцессіи. Да иначе и быть не могло! Утверждать противное можно лишь, игнорируя исторію хозяйственнаго быта римлянъ!

Слѣдую дальше за оппонентомъ. «Г. Яблочковъ заявляетъ, что я совершенно напрасно предпринялъ свое изслѣдованіе, такъ какъ то, что я стараюсь доказать, уже давно является господствующимъ мнѣніемъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько такой аргументъ можетъ вообще претендовать на научное значеніе. Но въ данномъ случаѣ необходимо сказать, что аргументъ г. рецензента выдаетъ его неосвѣдомленность, ибо, во-первыхъ, цѣлый рядъ ученыхъ, среди которыхъ находится, напр. Штоббе, не присоединился къ господствующему мнѣнію, а во вторыхъ, остался совершенно невыясненнымъ вопросъ о правѣ распоряженія собственника—наслѣдодателя, если онъ находится въ такъ называемой правомѣрной нуждѣ».

Правда, я (стр. 222), обращаясь къ изложенію г. Фрейтагомъ взаимной связи и обусловленности права запрета и ограниченія отвѣтственности движимостью наслѣдника, спрашиваю: какую цѣнную услугу могутъ принести здѣсь лифляндскіе источники? Изъ разсмотрѣнія лифляндскихъ источниковъ эта обусловленность не вытекаетъ; они не могутъ, такимъ образомъ, ни подкрѣпить, ни обезсилить тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришла германская наука на почвѣ изученія германскихъ источниковъ. Отвѣтъ г. Фрейтага сводится къ тому, что, правда, господствующее мнѣніе въ Германіи установилось, но почему же не подкрѣпить его еще лифляндскими источниками? Противъ этой постановки вопроса ничего нельзя возразить... но, дѣли въ томъ, что я слишкомъ легкомысленно повѣрилъ г. Фрейтагу, когда онъ въ началѣ своего труда опредѣлилъ задачу своего изслѣдованія: «неиспользованными лифляндскими источниками» «освѣтить съ новой точки зрѣнія» *спорные вопросы* германскаго древняго наслѣдственнаго права и *доказать несостоятельность господствующей теоріи* о способахъ наслѣдованія по Саксонскому праву. Разъ самъ авторъ ограничилъ рамки и задачу своего изслѣдованія, я счелъ себя въ правѣ указать на то, что изслѣдованіе лифляндскихъ источниковъ излишне; тѣмъ болѣе, эти источники и въ натянутой и совсѣмъ не убѣдительной интерпретаціи г. Фрейтага систематически отказываютъ ему въ своей опорѣ.

Что касается упрека г. Фрейтага въ моей «неосвѣдомленности» относительно воззрѣній Штоббе, то отсылаю читателя для оцѣнки этого упрека къ стр. 221, гдѣ я указываю, именно, на *Штоббе* и на образчикъ того, какъ расправляется съ этимъ ученымъ г. Фрейтагъ.

Далѣе г. Фрейтагъ продолжаетъ такъ. «Г. Яблочковъ пытается опровергнуть меня и по существу, пользуясь, при этомъ, правда, довольно несложнымъ аргументомъ: все сказанное мною «не значитъ, что само наслѣдственное имѣніе не отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя». Къ

сожалѣнію, выдвигаемая г. Яблочковымъ теорія олицетворенія наслѣдства была выставлена Зигелемъ въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ настоящее время она давно опровергнута и даже полузабыта».

Рѣшительно не понимаю, при чемъ здѣсь Зигель?! Г. Фрейтагъ хочетъ доказать, что по лифляндскимъ источникамъ сыновья наслѣдодателя отвѣчаютъ только *движимостью*, и для этого пользуется такимъ пріемомъ. «Вдова платитъ долги своего мужа наравнѣ съ дѣтьми» (гл. 21 V.E.R.). Вдова имѣетъ лишь пожизненное пользованіе недвижимостью, т. е. право отчуждать имѣніе не могла. Ergo: и дѣти отвѣчали только *движимостью*.—Я называю такое разсужденіе нелогичнымъ. Въ силу, напр., ст. 533⁹ т. X ч. I (см еще ст. 1146 т. X ч. I) пожизненная пользовладѣтельница (супруга) отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя вмѣстѣ съ «наслѣдниками прежняго вотчинника» «по соразмѣрности». Пожизненная пользовладѣтельница, конечно, права распоряженіемъ имѣніемъ не имѣетъ. Но значитъ ли это, что «наслѣдники прежняго вотчинника» отвѣчаютъ только движимостью? Въ силу начала универсальной сукцессіи (ст. 1259 т. X ч. I) они отвѣчаютъ за долги наслѣдодателя всѣмъ своимъ имуществомъ, въ томъ числѣ и—полученнымъ по наслѣдству. Тоже могло быть и въ лифляндскомъ правѣ. Могло этого и не быть, но надо это доказать! Въ этомъ смыслѣ я и говорю въ своей рецензіи; «авторъ упускаетъ изъ виду, что вдова—пожизненная пользовладѣтельница и, *какъ таковая*, она, конечно, не можетъ ни распоряжаться имѣніемъ, ни отчуждать, ни обременять его долгами. Но это не значитъ, что само наслѣдственное имѣніе не отвѣчаетъ за долги *наслѣдодателя*»!

Перехожу къ слѣдующимъ возраженіямъ г. Фрейтага. «Въ доказательство этого (дѣло идетъ о томъ, что я-де книги г. Фрейтага не читалъ) можно привести еще и утвержденіе г-на Яблочкова, будто понятіе сингулярныхъ сукцессій по закону неизвѣстно наукѣ права; что бы убѣдиться въ противномъ г-ну Яблочкову стоило прочитать § 13 моего труда, гдѣ, между прочимъ, указывается и на представителей воззрѣнія, будто древне-германское право признаетъ исключительно сингулярную сукцессію».

Этотъ § труда г. Фрейтага я читалъ и теперь снова перечиталъ, однако, указаній на представителей воззрѣнія, будто древне-германское право признаетъ исключительно *сингулярную* сукцессію. Одни ученые признаютъ генерально-универсальную сукцессію; другіе—допускаютъ и спеціально-универсальную сукцессію. За исключительно *сингулярную* сукцессію, т. е. за конструкцію г. Фрейтага, высказывается одинъ только Циммерле (рец. трудъ, стр. 269), которому, такимъ образомъ,

выпадаетъ высокая честь представлять «науку права» въ Германіи. Но изъ его сопоставленія сингулярной сукцессіи (въ недвижимости) съ конфузіей («вещное право запрета переходитъ въ право собственности»), видно, что и онъ понимаетъ сингулярную сукцессію не въ такомъ упрощенномъ видѣ, какъ г. Фрейтагъ. Тогда какъ г. Фрейтагъ выставляетъ теорію «*единаго* сингулярнаго преемства по закону» въ грудѣ самыхъ разнородныхъ, не связанныхъ, ни своимъ происхожденіемъ, ни хозяйственнымъ назначеніемъ вещей, Циммерле, повидимому, даже и не пытается соединять въ единый «universitas facte» эту массу, а предполагаетъ *рядъ* сингулярныхъ преемствъ, касательно каждой вещи, входящей въ составъ спеціальной массы. И это построеніе должно быть болѣе правильнымъ, съ точки зрѣнія самого же г. Фрейтага! Вѣдь, г. Фрейтагъ на стр. 224 самъ признакомъ «universitas facte» выставляетъ «объединеніе ихъ опредѣленной хозяйственной цѣлью» ну а развѣ можно серьезно говорить о такомъ «universitas», применительно къ движимости, переходящей къ вдовѣ: къ деньгамъ, нарядамъ, утвари и пр. и пр.?!..

Укажу здѣсь еще и на слѣдующее характерное явленіе. Г. Фрейтагъ начинаетъ § 14 («Выводы») такъ побѣдоносно, что становится прямо жалко нѣмецкихъ ученыхъ, которые до сихъ поръ не использовали лифляндскихъ источниковъ, и «сдѣлались жертвою недоразумѣнія», по выраженію г. Фрейтага (стр. 286). Господствующая теорія «рушится уже при первомъ (sic!) критическомъ прикосновеніи» г. Фрейтага (стр. 233). Въ § 14 г. Фрейтагъ не желаетъ такъ скромно раздѣлить свои научные трофеи и честь отцовства своей «сингулярной сукцессіей по закону» приписываетъ исключительно *себѣ*, и спѣшитъ объяснить «общепризнанный взглядъ» (стр. 285) «недоразумѣніемъ», иначе говоря недомысліемъ нѣмецкихъ ученыхъ, «увлекшихся римскимъ правомъ». Авторъ такъ полонъ сознанія оригинальности своей теоріи, что не пожалѣлъ даже самого себя, назвавъ свою теорію «курьезомъ» (стр. 285), а свою попытку опровергнуть «господствующее и *никогда не оспоренное мнѣніе*» (sic!!) «смѣлымъ предпріятіемъ» (стр. 241).

Теперь, что бы уязвить меня въ своемъ отвѣтѣ, г. Фрейтагъ скромно заявляетъ, что его теорія—не его теорія, а принадлежитъ тѣмъ юристамъ, ученіе которыхъ онъ изложилъ въ § 13. Такого рода указаніе разсчитано на эффектъ: доказать, что рецензентъ § 13 не читалъ. Настаиваю, что въ § 13 о конструкціи г. Фрейтага не говорится ни двухъ словъ, ни одного слова, ни полъ-слова...

Кончаетъ свой отвѣтъ г. Фрейтагъ такъ: «тѣ же части книги, которыя г. Яблочковъ читалъ, онъ читалъ невнимательно. Иначе онъ

не могъ бы, напр., утверждать стр. 221, прим. 3), что имѣется противорѣчіе между сказаннымъ мною на стр. 106 и 161, ибо при малѣйшей внимательности онъ не могъ бы не замѣтить, что сказанное на стр. 106 относится къ саксонскому праву, сказанное на стр. 161, напротивъ, къ лифляндскому».

Предоставляю читателю судить, кто изъ насъ правъ. На стр. 106, г. Фрейтагъ, говоря [§ 6 «Долговая отвѣтственность и право запрета по Саксонскому Зерцалу»] о литературѣ по германскому праву, утверждаетъ: «всѣ почти писатели признаютъ связь между правомъ запрета и свободой недвижимаго имущества отъ отвѣтственности по долгамъ наслѣдователя. Одинъ только, Штоббе, не признаетъ ея»... А на стр. 161 г. Фрейтагъ говоритъ:... «другими словами, до сихъ поръ не имѣется еще неотразимаго аргумента въ пользу того, что существуетъ причинная и неминуемая связь между правомъ запрета и ограниченіемъ отвѣтственности *саксонскаго наслѣдника*. Но, именно, лифляндскіе сборники даютъ намъ такой аргументъ. Правда, такое утвержденіе приворѣчитъ всему, что было высказано до сихъ поръ въ литературѣ, какъ спеціально лифляндскаго права, *такъ и общегерманскаго*».

Какъ видитъ читатель рѣчь идетъ здѣсь не о саксонскомъ или лифляндскомъ *правѣ*, а о *литературѣ вопроса*. Въ § 6 г. Фрейтагъ (стр. 106 сл.) излагаетъ ученія германскихъ ученыхъ, и его утвержденіе есть выводъ изъ этого изложенія. Въ § 9 (стр. 161) г. Фрейтагъ выступаетъ самъ, и здѣсь, подчеркивая свои заслуги въ научной литературѣ вопроса, онъ забылъ о работахъ своихъ предшественниковъ. Отсюда, и «прискорбное» противорѣчіе.

Зачѣмъ же писалъ свой «отвѣтъ» г. Фрейтагъ? Объ этомъ намъ сообщаетъ самъ авторъ. «Я не задавался задачей отстаивать высказанныя въ моемъ трудѣ мысли противъ нападокъ г. Яблочкова. Я, напротивъ, считалъ нужнымъ показать только то, что г. Яблочковъ читалъ мою книгу безъ вниманія, что онъ не компетентенъ въ данныхъ вопросахъ и что его рецензія лишена при данныхъ условіяхъ серьезнаго научнаго значенія».

Я убѣжденъ, что всякій безпристрастный читатель пойметъ всю несостоятельность пріемовъ полемики, къ которымъ прибѣгаетъ г. Фрейтагъ. Кажется ясно, что доказать то, что составляетъ цѣль его «отвѣта», можно лишь оспаривая критику рецензента по существу, т. е. отстаивая *свои* мысли. Это и дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ г. Фрейтагъ (на стр. 238), касательно вопроса о долговой отвѣтственности наслѣдника Но вотъ его критика «по существу»: «судьи компетентнѣй (sic!), чѣмъ г. Яблочковъ, держатся воззрѣнія противоположнаго его воззрѣнію. Иначе

главы моего труда, касающіяся даннаго вопроса, едва ли были бы отпечатаны въ Savignyzeitschrift. Печатаніе первой изъ этихъ двухъ статей состоялось, между прочимъ, по личной иниціативѣ Бруннера»...

Г. Фрейтагъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не затрагивалъ въ своей рецензіи главныхъ положеній, составляющихъ тему его диссертаціи, а сосредоточился въ свой рецензіи лишь на второстепенныхъ мелочахъ. Позволю себѣ отбросить этотъ упрекъ обратно. Г. Фрейтагъ въ своемъ отвѣтѣ старается (насколько удачно,—пускай судятъ читатели!) разбить мои второстепенной важности замѣчанія, и подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ «не задается задачей отстаивать свои мысли», оставляетъ самыя существенныя части моей рецензіи безъ отвѣта.

Т. Яблочковъ.

Отвѣтъ на возраженіе Т. М. Яблочкова.

Основнымъ тезисомъ моего «отвѣта Т. М. Яблочкову» было утвержденіе, что г. Яблочковъ въ своей рецензіи на мой трудъ оставляетъ безъ всякой оцѣнки всѣ наиболѣе важные выводы, сдѣланные мною. Г. Яблочковъ съ этимъ не соглашается. Но вмѣсто того, чтобы указать тѣ мѣста рецензіи, въ которыхъ онъ критикуетъ конструкцію, данную мною понятію спеціальныхъ массъ или мою конструкцію германско-правового способа наслѣдованія или, наконецъ, мою мысль о примѣнимости этой конструкціи въ современномъ правѣ, онъ пользуется другимъ пріемомъ. Между тѣмъ какъ онъ въ своей рецензіи призналъ совершенно правильно, что «авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе вопросу о способахъ наслѣдованія въ средневѣковомъ германскомъ правѣ» (рецензія, стр. 220), онъ теперь заявляетъ (отвѣтъ, стр. 539) совершенно неожиданно, что «заданіемъ автора» является «привлеченіе лифляндскаго права къ истолкованію средневѣкового германскаго права». Въ подтвержденіе же этого онъ цитируетъ нѣсколько фразъ изъ предисловія къ моей книгѣ. А затѣмъ онъ старается доказать, что такое привлеченіе лифляндскаго права или безполезно, или безплодно, или излишне.

Цитированныя г. Яблочковымъ фразы дѣйствительно имѣются въ моей книгѣ. Но онѣ, къ сожалѣнію, вовсе не имѣютъ того смысла, который приписывается имъ г. Яблочковымъ. Они относятся, напротивъ, исключительно къ вопросу объ отвѣтственности наслѣдниковъ. А этотъ вопросъ играетъ въ моей книгѣ роль второстепенную. Онъ служитъ, какъ отмѣтилъ самъ г. Яблочковъ, только исходной точкой для дальнѣйшихъ изслѣдованій (рецензія, стр. 220). Что приведенныя г. Яблочковымъ фразы имѣютъ именно такое ограниченное значеніе, видно даже изъ его цитаты: рѣчь идетъ исключительно объ «отвѣтственности наслѣдника». О способахъ же наслѣдованія и другихъ разсмотрѣнныхъ въ моей книгѣ вопросахъ ни однимъ словомъ не говорится въ связи съ этимъ [1]). Если же обратиться къ моей книгѣ, то въ ней встрѣ-

---

[1]) Чтобы устранить возможныя въ этомъ отношеніи сомнѣнія, я печатаю здѣсь полностью то мѣсто изъ предисловія къ моей книгѣ, въ которомъ опредѣлены задачи, поставленныя мною себѣ. При этомъ дѣствительно су-

чаются, кромѣ того, неоднократныя указанія на то, что лифляндскіе источники по другимъ вопросамъ, затронутымъ мною, не могутъ оказать никакихъ услугъ (ср. Наслѣдованіе, стр. 251, 282). Повтореніе же этихъ указаній въ рецензіи г. Яблочкова едва ли можетъ быть признано плодомъ критической работы, хотя онъ и умалчиваетъ о томъ, что здѣсь дѣло именно въ повтореніи.

щественныя мѣста выдѣлены курсивомъ, приведенныя же г. Яблочковымъ фразы поставлены въ скобки. Изложивъ сущность проявившихся въ Западной Европѣ стремленій къ реформѣ наслѣдственнаго права и указавъ на то, что наибольшаго вниманія въ этой области заслуживаютъ мѣры, направленныя къ укрѣпленію и распространенію права преимущественнаго наслѣдованія, я устанавливаю, что при господствѣ послѣдняго переходъ наслѣдства не можетъ совершаться по универсальной сукцессіи. Затѣмъ у меня сказано (стр. XI сл.):

„Задачей настоящаго тома является, именно, выясненіе той системы наслѣдованія, которая господствовала въ древнегерманскомъ правѣ и которая, до извѣстной степени, должна быть примѣнена въ настоящее время для того, чтобы право преимущественнаго наслѣдованія получило подобающую конструкцію.

Вопросъ о томъ, *какой способъ наслѣдованія господствовалъ въ древнегерманскомъ правѣ*, являлся долгое время въ высшей степени спорнымъ. Лишь въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ установилось въ этой области опредѣленное воззрѣніе, принятое въ настоящее время большинствомъ германистовъ. Однако, это мнѣніе, по убѣжденію автора, не согласуется съ источниками. Изслѣдованіе ихъ показываетъ, что принципъ на дѣлѣ былъ иной, хотя и сходный въ извѣстныхъ отношеніяхъ. *Выясненію этого и посвященъ настоящій томъ.*

Исходной точкой для автора служитъ [*вопросъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя*]. Это вопросъ тоже спорный въ литературѣ германскаго права. Онъ, однако, [можетъ быть выясненъ окончательно путемъ привлеченія матеріала, который до сихъ поръ не былъ использованъ наукой, а именно, источниковъ средневѣкового лифляндскаго права. Благодаря своему своеобразному характеру, они позволяютъ освѣтить весь вопросъ съ новой точки зрѣнія и устранить имѣющіяся сомнѣнія]. Къ тому же, вопросъ о долговой отвѣтственности наслѣдниковъ по германскому праву и о ея отношеніи къ праву запрета представляетъ и большой самостоятельный интересъ.

Далѣе, на основаніи изслѣдованій о долговой отвѣтственности наслѣдниковъ, является возможнымъ *выясненіе юридическаго характера такъ называемыхъ спеціальныхъ массъ*, выдѣляемыхъ, по германскому праву, изъ наслѣдственной массы. А вслѣдъ затѣмъ получается возможность установить *способъ наслѣдованія средневѣкового германскаго права.*

Наконецъ, въ приложеніи дается *изслѣдованіе о способѣ наслѣдованія, господствующемъ въ дѣйствующемъ лифляндскомъ земскомъ правѣ.* Но цѣлью его является не столько выясненіе догматическаго вопроса, сколько указаніе на то, что найденные въ исторической части изслѣдованія принципы германскаго наслѣдственнаго права вполнѣ жизнеспособны и въ настоящее время“.

Г. Яблочковъ такимъ образомъ, приписываетъ мнѣ самовольно, безъ малѣйшей опоры въ моей книгѣ и въ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорилъ самъ въ своей рецензіи, стремленіе къ такой цѣли, которой я не поставилъ себѣ, и затѣмъ доказываетъ, что я ея не достигнулъ. А на основаніи этого онъ утверждаетъ, что далъ критическую оцѣнку всѣмъ наиболѣе важнымъ тезисамъ моей книги!

Но даже, если бы я дѣйствительно желалъ пользоваться лифляндскими источниками такъ, какъ утверждаетъ г. Яблочковъ, то, очевидно, и это не избавляло бы его отъ обязанности высказаться о сущности выставленныхъ мною конструкцій.

Во всякомъ случаѣ остается *совершенно непонятнымъ, на основаніи чего г. Яблочковъ думалъ, что можетъ доказать сказанное имъ при помощи именно этой цитаты.* Я не допускаю мысли, что онъ желалъ ввести въ заблужденіе читателя, уже по той причинѣ, что даже изъ его цитаты, безъ всякихъ справокъ съ моей книгой, ясно для каждаго читателя, что *приведенныя имъ слова не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ данному вопросу.* Но я не могу, съ другой стороны, представить себѣ такую степень невнимательности, какая необходима для того, чтобы впасть добросовѣстно въ подобную ошибку. Ходъ мыслей г. Яблочкова остается, такимъ образомъ, совершенно загадочнымъ и ясно лишь то, что онъ не доказалъ своего утвержденія.

Далѣе, г. Яблочковъ поддерживаетъ (возраженіе, стр. 538 сл.) свое утвержденіе, что изслѣдованіе о способѣ наслѣдованія «должно вести къ разрѣшенію вопроса о порядкѣ наслѣдованія». Это будто бы отвѣчаетъ содержанію стр. 220—250 моей книги. Между тѣмъ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія, вопросъ въ высшей степени спорный въ германскомъ правѣ, о которомъ существуетъ обширная литература [1]), ни однимъ словомъ не затрагивается въ моей книгѣ. У меня лишь вкратцѣ упоминается—и притомъ въ протяженіи не 30 стр., а лишь на одной 222 стр.—о лицахъ, получающихъ спеціальныя массы. Говорить то, что говорилъ въ своей рецензіи по этому поводу г. Яблочковъ, можно только при полномъ незнакомствѣ съ даннымъ вопросомъ или вѣрнѣе всего, именно, вслѣдствіе смѣшенія понятій способа наслѣдованія и порядка наслѣдованія. А на какомъ основаніи можно утверждать, что опредѣленному вопросу посвящено 30 стр., между тѣмъ какъ совершенно другому вопросу, имѣющему съ

---

[1]) См., главнымъ образомъ, труды Вассершлебена, а также Гомейера, Бруннера и Гирке, посвященные этому вопросу, труды, очевидно, неизвѣстные г. Яблочкову.

нимъ только внѣшнюю точку соприкосновенія, посвящено всего полстраницы, этого я рѣшать не берусь.

Затѣмъ, я былъ вынужденъ упрекнуть г. Яблочкова въ искаженіи моей теоріи о способѣ наслѣдованія. Онъ приписывалъ мнѣ (рецензія, стр. 224) мнѣніе, что Lehn переходитъ путемъ сингулярной сукцессіи. Теперь же онъ говоритъ (возраженіе, стр. 540 сл.), что центръ тяжести заключается не въ этомъ, а что онъ, кромѣ того, упомянулъ о Lehn въ связи съ Heergewäte и Gerade не по поводу моей теоріи, но по поводу господствующаго мнѣнія. Позволю себѣ привести сказанное имъ въ рецензіи: «господствующее мнѣніе усматриваетъ въ саксонскомъ правѣ нѣсколько спеціальныхъ универсальныхъ сукцессій, соотвѣтственно спеціальнымъ комплексамъ: Lehn, Heergewäte, Gerade. Съ этимъ ученіемъ не соглашается авторъ. Онъ напоминаетъ, что эти спеціальныя массы представляютъ, какъ онъ доказалъ, не имущественные комплексы, а комплексы отдѣльныхъ вещей, объединеныхъ лишь экономическою цѣлью. Поэтому. относительно ихъ не можетъ быть рѣчи объ универсальной сукцессіи».

Кажется, ясно, что г. Яблочковъ приписываетъ мнѣ именно мнѣніе, будто Lehn, являясь комплексомъ отдѣльныхъ вещей, переходитъ по сингулярной сукцессіи. Неправильности этого утвержденія онъ уже не отрицаетъ, но видитъ центръ тяжести не въ этомъ. Но, во-первыхъ, считать Lehn комплексомъ отдѣльныхъ вещей было бы грубой ошибкой, которая можетъ быть допущена только человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ этимъ важнымъ институтомъ древне-германскаго права. И такая ошибка неизвинительна даже тогда, когда центръ тяжести находится не въ данномъ вопросѣ. Во-вторыхъ же, всякій мало-мальски внимательный читатель моей книги, а тѣмъ паче рецензентъ, не можетъ не замѣтить, что параллельность двухъ универсально-спеціальныхъ сукцессій, получающаяся только тогда, когда Lehn признается именно имущественнымъ комплексомъ, является базисомъ всѣхъ выводовъ, сдѣланныхъ мною для современнаго права. Если же г. Яблочковъ, съ одной стороны, допускаетъ причисленіе Lehn къ комплексамъ отдѣльныхъ вещей, а съ другой считаетъ это безразличнымъ, то онъ этимъ доказываетъ лишній разъ то, что я утверждалъ въ своемъ отвѣтѣ: что онъ не знакомъ съ германскимъ правомъ и читалъ мою книгу невнимательно.

Въ извѣстной связи съ этимъ находится единственное замѣчаніе г. Яблочкова, касающееся существа моей теоріи. Оно сводится къ тому, что система германскаго права непримѣнима въ настоящее время къ наслѣдованію въ крестьянской недвижимости. Она-де сохранена въ лиф-

ляндскомъ правѣ не на основаніи народно-хозяйственныхъ соображеній, а въ виду желанія сохранить институтъ наслѣдственныхъ имѣній. Я указалъ, въ своемъ отвѣтѣ, что здѣсь нѣтъ никакой противоположности и что, слѣдовательно, аргументъ г. Яблочкова лишенъ содержанія. Въ отвѣтъ на это, онъ утверждаетъ (возраженіе, стр. 541 сл.), что позаимствовалъ этотъ аргументъ у меня же и что я вступаю, такимъ образомъ, въ полемику самъ съ собою.

Къ сожалѣнію, я долженъ сказать опять таки, что все объясняется незнакомствомъ г. Яблочкова съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ взялся писать и невнимательнымъ отношеніемъ его къ моему труду. Цитированное имъ замѣчаніе, дѣйствительно, имѣется въ моей книгѣ. Но имъ характеризуется исключительно субъективное отношеніе къ дѣлу редактора кодификаціи 1864 г. Это было ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій для всякаго, знакомаго съ тою задачей, которая была поставлена редактору. Г. Яблочкову же она была незнакома и вслѣдствіе этого онъ придалъ моимъ словамъ значеніе, лишающее ихъ смысла. Но онъ этого самъ не замѣтилъ и повторилъ данную фразу, между тѣмъ какъ обязанностью его, какъ рецензента, было указать на ту безсмысленность ея, каковая дѣйствительно получилась при его взглядѣ на вопросъ. А теперь, когда я указываю на то, что онъ воспользовался аргументомъ, лишеннымъ всякаго содержанія, онъ констатируетъ съ чувствомъ удовлетворенія, что я вступаю въ полемику самъ съ собою. И онъ не дѣлаетъ даже попытки объяснить, почему же онъ самъ воспользовался такимъ аргументомъ, вмѣсто того, чтобы указать на его безсмысленность.

Въ результатѣ получается, такимъ образомъ, подтвержденіе сказаннаго мною въ моемъ отвѣтѣ: 1. Яблочковъ оставляетъ совершенно безъ критической оцѣнки основные выводы моей книги, онъ смѣшиваетъ самыя элементарныя понятія, онъ излагаетъ неправильно сущность моей теоріи о способѣ наслѣдованія, онъ искажаетъ смыслъ сказаннаго мною по поводу примѣнимости германско-правового способа наслѣдованія въ современномъ правѣ.

Но дальше слѣдуетъ сказать, что г. Яблочковъ пытается дополнить хотя по одному вопросу пробѣлы, оказавшіеся въ его рецензіи. Онъ, правда и теперь избѣгаетъ высказать прямое сужденіе о моей теоріи. Но онъ старается опорочить ее косвеннымъ путемъ.

Въ своей рецензіи онъ ни однимъ словомъ не возражалъ противъ моего утвержденія, что Heergewäte и Gerade переходятъ путемъ сингулярной сукцессіи. Онъ лишь утверждалъ, что «сингулярная сукцессія по закону» есть понятіе, неизвѣстное наукѣ. На это я возразилъ,

что она извѣстна въ германистической наукѣ, о чемъ и упоминается въ § 13 моего труда. Г. Яблочковъ этого и теперь не можетъ найти— хотя дальше признается, что Циммерле оперируетъ именно съ этимъ понятіемъ, причемъ г. Яблочковъ высказываетъ, однако, весьма неожиданное мнѣніе, что «исключительно сингулярная сукцессія» есть именно моя конструкція. Это, разумѣется, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и г. Яблочковъ самъ болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ и рецензіи и «возраженія» констатируетъ, что моя конструкція совершенно иная. Но объ этомъ лишь мимоходомъ. (Лишь мимоходомъ отмѣчу и то, что и Безелеръ и Герберъ признаютъ «сингулярную сукцессію по закону», чего не замѣтилъ г. Яблочковъ, несмотря на то, что онъ «читалъ и снова перечиталъ § 13 моего труда»). Гораздо важнѣе то, что г. Яблочковъ теперь въ своемъ возраженіи (стр. 548) отдастъ предпочтеніе конструкціи Циммерле передъ моей [1]) и опорочиваетъ послѣднюю указаніемъ на то, что нельзя «серьезно говорить о такомъ universitas примѣнительно къ движимости, переходящей къ вдовѣ: къ деньгамъ, нарядамъ, утвари и пр. и пр.».

Съ перваго взгляда совершенно непонятно, на чемъ основывается это возраженіе.—На какомъ основаніи г. Яблочковъ пришелъ къ убѣжденію, что переходящая къ вдовѣ Gerade состоитъ изъ указанныхъ имъ предметовъ? По источникамъ въ ея составъ входятъ исключительно предметы женскаго наряда и домашняя утварь, т. е., предметы, представляющіе собой объединенную экономическою цѣлью массу. И въ литературѣ нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Откуда же взялись «деньги и пр. и пр.», о которыхъ говоритъ г. Яблочковъ?

Загадка рѣшается довольно просто. Баронъ А. Э. Нольде указываетъ въ своей рецензіи на мой трудъ, что въ современномъ лифляндскомъ правѣ необходимо признать наличность перехода движимости къ вдовѣ на основаніи ряда сингулярныхъ сукцессій. Ибо здѣсь переходитъ не Gerade, являющаяся однимъ комплексомъ, а именно вся движимость, остающаяся послѣ мужа. Это указаніе совершенно правильно и для дѣйствующаго лифляндскаго права должна быть введена соотвѣтствующая

---

[1]) Г. Яблочковъ даже не замѣтилъ, при этомъ, что Циммерле утверждаетъ, что все вообще наслѣдство переходитъ по сингулярной сукцессіи. А давая этой теоріи преимущество передъ моей, г. Яблочковъ, слѣдовательно, желаетъ свести на нѣтъ всѣ работы германистовъ въ этой области, произведенныя за послѣднія 50 лѣтъ.—Нельзя, впрочемъ, не поставить вопроса, какъ же это г. Яблочковъ совершенно не замѣтилъ теоріи Циммерле, когда писалъ свою рецензію? Онъ этого недосмотра теперь уже не отрицаетъ, но, тѣмъ не менѣе, не желаетъ сознаться въ томъ, что читалъ мою книгу невнимательно.

поправка въ мою конструкцію. Но это относится, именно, только къ дѣйствующему лифляндскому праву.

Г. Яблочковъ же, не знающій понятія Gerade и прочитавшій рецензію барона Нольде съ тою же невнимательностью, съ которой читалъ мою книгу, не разобралъ, въ чемъ дѣло и отнесъ его замѣчаніе къ древнегерманскому праву. Въ результатѣ получилась попытка опороченія моей конструкціи, той же конструкціи, о которой онъ не нашелъ сказать ни одного слова въ своей рецензіи.

Но онъ, къ сожалѣнію, на этомъ не остановился. Онъ, напротивъ, позволяетъ себѣ утверждать (отвѣтъ, стр. 548), что я будто въ своей книгѣ настаивалъ на оригинальности своей конструкціи, а теперь отказываюсь отъ этого и говорю, что моя теорія не моя теорія.

На дѣлѣ, разумѣется, ничего подобнаго нѣтъ. Я и до сихъ поръ считаю свою конструкцію, по которой въ древнегерманскомъ правѣ дѣйствовали одновременно двѣ спеціально-универсальныхъ сукцессій и одна сингулярная, оригинальной и принадлежащей мнѣ. Но я никогда не приписывалъ себѣ чести «изобрѣтенія» понятія сингулярной сукцессіи по закону [1]). А когда сдѣлалъ это г. Яблочковъ, то я указалъ ему на то, что его утвержденіе покоится на незнакомствѣ съ литературой германскаго права.

Будучи стороной въ этомъ спорѣ, я не берусь рѣшать, является ли утвержденіе г. Яблочкова опять таки плодомъ его незнанія того предмета, о которомъ онъ берется писать, и невнимательнаго отношенія къ моей книгѣ или чѣмъ то инымъ. Но во всякомъ случаѣ я считаю ниже своего достоинства отвѣчать ему въ томъ же тонѣ, который вводится имъ въ научную полемику.

Нельзя не отмѣтить по этому случаю и того, что г. Яблочковъ какъ въ только что разсмотрѣнномъ мѣстѣ своего возраженія, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, старается вызвать превратное впечатлѣніе о моемъ трудѣ путемъ цитированія отдѣльныхъ фразъ и даже отдѣльныхъ словъ, вырванныхъ имъ изъ той связи, въ которой они сказаны мной.

---

[1]) Дѣло лишь въ томъ, что это понятіе примѣнялось прежде къ наслѣдству вообще, а не къ спеціальнымъ массамъ, и что оно считалось, благодаря изслѣдованіямъ Гейслера, совершенно устраненнымъ изъ системы германскаго права. Я же старался доказать, что начало сингулярной сукцессіи по закону дѣйствуетъ въ германскомъ правѣ и дѣйствуетъ, именно, по отношенію къ спеціальнымъ массамъ. Ср. Наслѣдованіе, стр. 220—250. Впрочемъ, понятно, что г. Яблочковъ не могъ разобраться въ этомъ: онъ вѣдь питаетъ убѣжденіе, что на указанныхъ страницахъ говорится о „порядкѣ наслѣдованія“—ср. возраженіе, стр. 539.

Ограничусь приведеніемъ одного примѣра. Г. Яблочковъ ставитъ мнѣ въ вину, что я называю самъ попытку опровергнуть господствующее мнѣніе «смѣлымъ предпріятіемъ». Дѣйствительно, если бы я объявилъ это urbi et orbi безъ дальнѣйшихъ обиняковъ, то это отзывалось бы безвкусицей. Но что же сказано на стр. 241 моего труда, откуда г. Яблочковъ и взялъ эту цитату?

«Правда, *можетъ показаться смѣлымъ* опровергать господствующее и никогда не оспоренное мнѣніе на основаніи сравнительно небольшого числа изрѣченій источниковъ и общей аргументаціи. *Но это на дѣлѣ не такъ.* Ибо само господствующее мнѣніе опирается на такую же общую аргументацію и на одно единственное мѣсто источниковъ. И какъ только можно доказать, что эта аргументація невѣрна и что это мѣсто не имѣетъ приписываемаго ему смысла, то все зданіе рушится само собой».

Вотъ что я говорю и вотъ что сдѣлалъ изъ моихъ словъ г. Яблочковъ. Въ качествѣ стороны я опять таки отказываюсь отъ квалификаціи его образа дѣйствія и ограничиваюсь констатированіемъ факта. Прибавлю лишь то, что при провѣркѣ и остальныя его ироническія замѣчанія оказываются столь же обоснованными.

Но я вообще долженъ сказать, что не вполнѣ понимаю, отчего собственно г. Яблочковъ проявляетъ такія потуги на остроуміе и на иронію. Онъ не то высказываетъ сомнѣніе въ оригинальности моихъ построеній, не то въ ихъ обоснованности. Онъ не рѣшается высказывать это прямо. Но имѣются намеки и на то, и на другое. И вообще получается впечатлѣніе, что онъ считаетъ невѣроятнымъ самимъ по себѣ, что въ магистерской диссертаціи, могли бы быть высказаны самостоятельныя мысли. Это до извѣстной степени понятно. Ибо существуетъ, безъ сомнѣнія, немалое число диссертацій—и онѣ хорошо извѣстны г. Яблочкову—въ которыхъ пространное изложеніе и опроверженіе всякихъ чужихъ «теорій» заканчивается тѣмъ, что одна изъ нихъ, слегка видоизмѣненная, выдается авторомъ за свою собственную. А раскритикованные нѣмецкіе и французскіе писатели, за незнаніемъ русскаго языка, никогда не узнаютъ о постигшемъ ихъ разгромѣ. Но это къ моей работѣ не относится. Я ее опубликовалъ на нѣмецкомъ языкѣ и представители нѣмецкой науки, о которыхъ г. Яблочковъ высказывается съ такимъ мало умѣстнымъ сожалѣніемъ, имѣли возможность опредѣлить свое отношеніе къ ней и воспользовались этой возможностью.

Такимъ образомъ, г. Яблочкову слѣдовало или прямо объявить мои выводы несамостоятельными и несостоятельными и доказать это или воздержаться отъ указанныхъ намековъ,

Впрочемъ, г. Яблочковъ осуждаетъ и то, что я ссылаюсь на своихъ иностранныхъ рецензентовъ и желаетъ изобразить эти ссылки въ невыгодномъ для меня свѣтѣ. Для этой цѣли онъ приписываетъ мнѣ намѣреніе, не отвѣчать ему по существу, а доказать, что моя работа оцѣнена на Западѣ (возраженіе, стр. 538) и «если не оцѣнена мною, Яблочковымъ, такъ только потому, что я—невѣжда въ трактуемыхъ имъ проблеммахъ». Словомъ «невѣжда» я не пользовался и если г. Яблочковъ считаетъ его примѣненіе удобнымъ, то это его дѣло. Но важнѣе этого то, что я въ своемъ отвѣтѣ именно и доказывалъ, что г. Яблочковъ обошелъ молчаніемъ всѣ существенные вопросы, затронутые въ моей книгѣ, а по второстепеннымъ обнаружилъ незнаніе источниковъ и литературы германскаго права. Если же я упомянулъ объ отношеніи къ моей работѣ такихъ авторитетовъ какъ Отто Гирке, Бруннеръ и т. д., то, я на то имѣлъ причины: древне-германскимъ правомъ въ Россіи никто почти не интересуется [1]). Я поэтому и не разсчитывалъ ни на то, что моя книга найдетъ сколько нибудь широкій кругъ читателей, ни на то, что рецензія г. Яблочкова будетъ оцѣнена по достоинству. Въ виду этого я и былъ вынужденъ указать, между прочимъ, на отношеніе къ ней дѣйствительно компетентныхъ критиковъ. Это для г. Яблочкова, разумѣется, весьма неудобно. Но мое указаніе не побудило его, къ сожалѣнію, къ болѣе осторожному отношенію къ чуждымъ ему вопросамъ, а лишь поощрило его къ нѣкоторымъ личнымъ выпадамъ.

Такой личный выпадъ имѣется у него по тому же поводу и на стр. 549. Онъ утверждаетъ, что по вопросу о долговой отвѣтственности наслѣдника я возражаю ему не по существу, а ссылаюсь на то, что мои работы по этому вопросу были напечатаны въ Savigny-Zeitschrift. Это опять таки не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я, напротивъ, указалъ ему на необоснованность его замѣчаній (объ этомъ рѣчь будетъ еще ниже), а затѣмъ лишь упомянулъ мимоходомъ о томъ, что судьи, болѣе компетентные чѣмъ онъ, не считаютъ разсматриваемаго мною вопроса окончательно рѣшеннымъ, какъ утверждаетъ онъ. Иначе мои изслѣдованія не были бы напечатаны въ Savigny-Zeitschrift. Ибо дѣло касалось именно его утвержденія, что не стоитъ больше говорить о данномъ вопросѣ, такъ какъ относительно его нѣтъ уже спора.

---

[1]) Сколь незначителенъ этотъ интересъ, явствуетъ хотя бы изъ того что въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета не имѣлось до 1908 г. даже самыхъ извѣстныхъ источниковъ древне-германскаго права, какъ Schwabenspiegel, Deutschenspiegel, Richtsteig Landrechts. Равнымъ образомъ недоставало даже наиболѣе извѣстныхъ монографическихъ трудовъ по исторіи германскаго права.

Сюда же относится и то, что говоритъ г. Яблочковъ на стр. 546. Г. Яблочковъ здѣсь или не разобрался, въ чемъ дѣло или намѣренно затемняетъ вопросъ. Онъ приписываетъ мнѣ съ одной стороны утвержденіе, что я желаю только подкрѣпить господствующее мнѣніе, съ другой стороны обѣщаніе доказать несостоятельность господствующаго мнѣнія и упрекаетъ меня, на основаніи этого, въ противорѣчіи самому себѣ. Правда, въ моей книгѣ имѣется и то и другое. Но первое относится къ вопросу о долговой отвѣтственности наслѣдника, второе къ вопросамъ о характерѣ спеціальныхъ массъ и о способѣ наслѣдованія. Что дѣло именно въ этомъ, поняли всѣ рецензенты и, надѣюсь, читатели моей книги. Одинъ лишь г. Яблочковъ занялъ иную позицію и жалѣетъ вслѣдствіе того, что «слишкомъ легкомысленно повѣрилъ» мнѣ. Если тутъ есть легкомысліе, то оно, во всякомъ случаѣ, заключается въ чемъ то другомъ.

Но будь основой словъ г. Яблочкова легкомысліе или что то другое—не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такое отношеніе къ рецензируемому труду совершенно непозволительно,

Такъ какъ я заговорилъ здѣсь объ общемъ характерѣ и рецензіи и возраженія г. Яблочкова, то повторю одно указаніе, имѣвшееся уже въ моемъ «отвѣтѣ»: Онъ черпаетъ всѣ свои доводы исключительно изъ моего труда. Во всей рецензіи нѣтъ буквально ни одного самостоятельнаго указанія ни на источники, ни на литературу. И въ виду этого едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что онъ узналъ о существованіи разсматриваемыхъ мною проблеммъ впервые изъ моей книги. И онъ, очевидно, не счелъ нужнымъ ознакомиться съ ними ближе».

На это замѣчаніе г. Яблочковъ долженъ былъ отвѣтить молчаніемъ, т. е. молчаливымъ признаніемъ его справедливости.

Перехожу къ тѣмъ мѣстамъ его возраженія, въ которыхъ г. Яблочковъ защищаетъ замѣчанія, сдѣланныя имъ въ своей рецензіи о второстепенныхъ вопросахъ, затронутыхъ въ моей книгѣ.

Что касается прежде всего моей гипотезы о соотношеніи римскаго и германскаго способа наслѣдованія, то онъ и здѣсь примѣняетъ полемическій пріемъ, нѣсколько своеобразный (стр. 542 сл.).

Вся его полемика строится на утвержденіе что, будто я приписалъ Пернису то же мнѣніе, какое высказалъ я. А затѣмъ онъ доказываетъ, что это неправильно, что Пернисъ говоритъ совсѣмъ что то другое. Между тѣмъ, я ничего подобнаго не говорилъ и, разумѣется, не думалъ даже отождествлять мнѣніе Перниса съ моей гипотезой. Въ такомъ случаѣ я ограничился бы въ своей книгѣ указаніемъ на Перниса, ибо, какъ

мнѣ уже приходилось замѣчать, я не преслѣдовалъ цѣли собирать чужія «теоріи». Въ своемъ возраженіи я сказалъ дословно слѣдующее:

«Г. Яблочковъ утверждаетъ, что до сихъ поръ универсальную сукцессію объясняли съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, но никто еще не пытался объяснить ее съ народнохозяйственной точки зрѣнія. И г-ну Яблочкову, очевидно, такая попытка представляется, по меньшей мѣрѣ, странной. Но г. Яблочковъ ошибается: ему, можетъ быть, будетъ интересно узнать, что такая попытка была сдѣлана въ свое время Пернисомъ (Labeo I, S. 329 flg)».

Цѣлью этого замѣчанія было показать, что г. Яблочковъ, совершенно незнакомый съ литературой германскаго права, не обладаетъ и полнымъ знакомствомъ съ литературой римскаго права. И нѣтъ никакого противорѣчія между этимъ указаніемъ и моимъ утвержденіемъ, что на затронутый мною вопросъ до сихъ поръ не было обращено вниманія. Ибо это утвержденіе относилось къ соотношенію между римскимъ и германскимъ правомъ съ точки зрѣнія народнохозяйственныхъ условій жизни римлянъ и германцевъ. Но г. Яблочковъ и здѣсь позволилъ себѣ придать моимъ словамъ чуждый имъ смыслъ.

Не многимъ лучше обращается онъ, впрочемъ, и съ словами Перниса. Онъ привлекаетъ всевозможныя цитаты изъ него, но комкаетъ до неузнаваемости то мѣсто, на которое сослался я. Пернисъ говоритъ (стр. 329): «Man wird *nicht fehlgreifen, wenn man von vornherein annimmt,* dass die juristische Entwicklung, welche erst die jura mit zum Vermögen zählte, dann eine aus lauter unkörperlichen Sachen bestehende Erbschaft anerkannte, *nur* die Konsequenz einer wirtschaftlichen war». А что получилось изъ этого у г. Яблочкова? Дословно слѣдующее: «Наконецъ, пришли къ возможности наслѣдства изъ однихъ нетѣлесныхъ вещей. Это, *быть можетъ,* было результатомъ хозяйственнаго развитія».

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить по этому поводу еще и то, что г. Яблочковъ совершенно искажаетъ мою гипотезу. Онъ неоднократно утверждаетъ, что рѣшающую роль играетъ, по моему мнѣнію, денежное обращеніе. Между тѣмъ, у меня дословно сказано (стр. 294): «Именно соотношеніе между мѣновою и потребительною цѣнностью играетъ здѣсь главную роль, наряду съ психическими свойствами даннаго народа». Къ тому же, г. Яблочковъ не обращаетъ никакого вниманія на то, что вся гипотеза строится на сравненіи римскаго права съ германскимъ. О послѣднемъ же онъ не упоминаетъ по этому поводу ни однимъ словомъ.

Считаю, впрочемъ, нелишнимъ указать еще разъ на то, что вся эта гипотеза не имѣетъ никакого значенія для оцѣнки моего труда какъ

цѣлаго. Ея вѣрность или невѣрность нисколько не вліяетъ на вѣрность или невѣрность основныхъ моихъ мыслей. Она выставлена мимоходомъ и притомъ съ рѣшительными оговорками. Рецензентъ, дѣйствительно интересовавшійся результатами моихъ изслѣдованій, могъ даже обойти ее молчаніемъ безъ всякаго вреда для дѣла. Но для г. Яблочкова характерно именно то, что онъ обошелъ молчаніемъ всѣ сколько нибудь важные выводы, имѣющіеся въ моей книгѣ, а этой гипотезѣ посвятилъ ревностное вниманіе [1]).

---

[1]) Не могу не указать по этому поводу на то, что г. Яблочковъ готовъ перенести при случаѣ споръ съ почвы юридической на почву арифметическую, вдаваясь въ точныя вычисленія объема моей книги (возраженіе, стр 540). Такъ какъ я не придаю значенія внѣшнему объему книги, то я не обратилъ бы вниманія на этотъ выпадъ г. Яблочкова, если бы онъ не отличался нѣсколькими очень характерными чертами. Я сказалъ, что гипотеза объ универсальной сукцессіи занимаетъ у меня менѣе 10 страницъ изъ 382. Г. Яблочковъ же поправляетъ меня съ серьезнымъ видомъ: въ книгѣ текста не 382, а 372 стр. Онъ придаетъ этому обстоятельству такое значеніе, что далѣе еще разъ приводитъ въ ковычкахъ слова „382 страницы“. Я долженъ признаться, что дѣйствительно забылъ вычесть тѣ страницы, которыя удѣлены указателямъ. Но если г. Яблочковъ придаетъ числу страницъ такое огромное значеніе, то отчего же онъ не прибавилъ къ общему числу страницъ моей книги тѣ XIII страницъ, которыя составляютъ предисловіе? Правда, арифметическая операція получилась бы, въ такомъ случаѣ, болѣе сложная. Но справедливая точность г. Яблочкова не должна была считаться съ этимъ—тѣмъ болѣе, что онъ почерпалъ именно изъ предисловія главный аргументъ своего возраженія, сводящійся къ утвержденію, что сказанное по поводу одного частнаго вопроса имѣетъ отношеніе ко всему содержанію книги. Затѣмъ г. Яблочковъ желаетъ выкинуть изъ моей книги еще 65 страницъ введенія: онѣ-де представляютъ собой компиляцію объ источникахъ германскаго права. Это не совсѣмъ правильно. Если бы г. Яблочковъ прочиталъ это введеніе, то онъ замѣтилъ бы, что § 3, обнимающій треть всего введенія, является самостоятельнымъ изслѣдованіемъ объ общемъ характерѣ лифляндскаго леннаго права. Что же касается первыхъ двухъ параграфовъ, то я не буду настаивать на томъ, что и въ нихъ имѣется рядъ самостоятельныхъ замѣчаній, чего г. Яблочковъ, разумѣется, не могъ замѣтить. Скажу лишь, что, въ виду незнакомства большинства русскихъ юристовъ съ древнегерманскимъ правомъ и съ сложной исторіей германскихъ источниковъ, было необходимо предпослать подобное изложеніе. Лучшимъ доказательствомъ этого является сама рецензія г. Яблочкова: если бы онъ прочиталъ введеніе къ моей книгѣ, то онъ не обнаружилъ бы того прискорбнаго незнакомства даже съ наиболѣе выдающимся источникомъ, съ Саксонскимъ Зерцаломъ, которое пришлось поставить ему въ упрекъ.—Наконецъ, г. Яблочковъ жалуется на то, что моя книга „загромождена выписками изъ источниковъ“. Онъ, слѣдовательно желаетъ вычесть, кромѣ 10 и 65 страницъ еще кое что. Къ сожалѣнію, эта жалоба доказываетъ только одно: что г. Яблочковъ никогда еще не держалъ въ рукахъ монографіи по древнегерманскому праву

Что касается, затѣмъ, вопроса объ отвѣтственности наслѣдника, то г. Яблочковъ (возраженіе, стр. 547) «рѣшительно не понимаетъ, при чемъ здѣсь Зигель». Я не считаю своей задачей знакомить г. Яблочкова съ литературой германскаго права. Если даннаго въ моей книгѣ краткаго изложенія теоріи Зигеля мало, то приходится отослать г. Яблочкова къ самому труду названнаго автора. Прочитавъ его, онъ, безъ сомнѣнія,

---

и что онъ—благодаря тому, что онъ не читалъ моего введенія—неосвѣдомленъ о характерѣ германскихъ источниковъ. Иначе онъ зналъ бы, что такое „загроможденіе“ имѣется во всѣхъ подобныхъ трудахъ и что оно неизбѣжно. Ибо если романистъ цитируетъ почти исключительно изъ Corpus juris civilis, имѣющагося у всѣхъ подъ руками, то германисту приходится имѣть дѣло съ большимъ числомъ источниковъ, которыхъ не можетъ имѣть подъ рукой каждый читатель. Въ моемъ трудѣ, напр., одно перечисленіе источниковъ занимаетъ не менѣе трехъ страницъ довольно мелкаго шрифта.—Такимъ образомъ и перенесеніе спора съ юридической на арифметическую почву является неудачнымъ для г. Яблочкова и лишній разъ обличаетъ его въ незнакомствѣ съ тою областью, о которой онъ взялся судить.

Укажу, впрочемъ, еще на одну мелочь, незначительную правда, но характерную. Г. Яблочковъ утверждаетъ, что я составилъ параграфы, посвященные исторіи источниковъ, „по извѣстнымъ учебникамъ Штоббе, Шредера и Бунге“. Это, во-первыхъ, вообще не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ я привлекъ всѣ наиболѣе выдающіяся монографическія работы, имѣющіяся въ этой области. А во-вторыхъ, я учебникомъ—вѣрнѣе курсомъ Штоббе, вовсе не пользовался, да и не могъ имъ пользоваться, такъ какъ исторія средневѣковыхъ источниковъ въ немъ едва затрагивается. (Цитирую его всего одинъ разъ по вопросу о послѣдовавшей лишь въ 19 вѣкѣ отмѣнѣ формальной силы Саксонскаго Зерцала). Я пользуюсь, напротивъ двухтомной монографіей Штоббе „Geschichte der deutschen Rechtsquellen“. Но о ея существованіи г. Яблочковъ, очевидно, даже ничего не зналъ. И увидѣвъ въ примѣчаніяхъ указанія на Штоббе, онъ рѣшилъ, что я цитирую учебникъ того же автора, о существованіи котораго г. Яблочковъ слыхалъ. Такое незнаніе, именно, является единственнымъ объясненіемъ его утвержденія. Ибо не могу же я предположить, что онъ назвалъ не монографическій трудъ, а учебникъ Штоббе для того, чтобы вызвать впечатлѣніе, будто моя работа носитъ совершенно элементарный характеръ.

Не могу не отмѣтить, по этому поводу, еще одно утвержденіе г. Яблочкова: онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я „спѣшно печаталъ свой отвѣтъ“ ему. Позволю себѣ сопоставить нѣсколько датъ. Моя книга вышла въ серединѣ апрѣля 1910 г. Г. Яблочковъ напечаталъ свою рецензію въ майской книжкѣ „Вопросовъ права“ того же года, т. е. закончилъ свою рукопись приблизительно черезъ двѣ недѣли послѣ выхода моей книги. А мой отвѣтъ появился въ февральской книжкѣ названнаго журнала. Я писалъ притомъ о вопросѣ, который не могъ не быть мнѣ хорошо извѣстнымъ. Г. Яблочковъ, напротивъ, до сихъ поръ ничѣмъ не проявлялъ своего интереса къ древнегерманскому праву. И при такихъ условіяхъ онъ упрекаетъ меня въ спѣшности!

пойметъ, что высказанное имъ возраженіе совпадаетъ съ теоріей Зигеля и что я не имѣю причины полемизировать противъ воскрешенія давно опровергнутаго воззрѣнія, пока въ его пользу не будутъ выдвинуты новые аргументы. А таковыми я не могу считать ссылки г. Яблочкова на постановленія т. X ч. 1, хотя я и не могу отрицать, что онѣ открываютъ совершенно новыя перспективы. Ибо до сихъ поръ никто, дѣйствительно, не догадался восполнять пробѣлы въ источникахъ древнегерманскаго права при помощи русскихъ Гражданскихъ Законовъ. Остается пожалѣть только о томъ, что г. Яблочковъ не привлекъ еще и ст. 1629, 2. Въ такомъ случаѣ германисты были бы ему обязаны открытіемъ права пользовладѣльца закладывать, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣніе, состоящее въ пользовладѣніи.

Остается упомянуть еще о возраженіяхъ г. Яблочкова по нѣкоторымъ детальнымъ вопросамъ.

Я его упрекнулъ за то, что онъ умолчалъ объ отношеніи Штоббе къ вопросу объ отвѣтственности наслѣдника и что онъ утверждалъ на основаніи этого, что господствующее мнѣніе никѣмъ не оспаривается. Въ отвѣтъ на это онъ указываетъ на прим. 2 къ стр. 221. Но, во первыхъ, это примѣчаніе не имѣетъ прямого отношенія къ затронутому вопросу. А во вторыхъ, я упрекнулъ г. Яблочкова именно въ виду этого примѣчанія въ незнакомствѣ съ тою ролью, котору играло Саксонское Зерцало. На этотъ упрекъ онъ не нашелъ отвѣта и не могъ его найти.

Затѣмъ, онъ повторяетъ, что имѣется противорѣчіе между сказаннымъ мною на стр. 106 и на стр. 161. Ибо, по его мнѣнію, и на послѣдней говорится о литературѣ не лифляндскаго, но общегерманскаго права Между тѣмъ, г. Яблочковъ долженъ былъ замѣтить, при малѣйшей внимательности, что на стр. 161 говорится о томъ, что́ сказали о лифляндскомъ правѣ писатели, сочиненія которыхъ относятся, по общему ихъ характеру, не къ литературѣ спеціально лифляндскаго, но общегерманскаго права. Если же онъ не могъ сообразить этого по сказанному на стр. 161, то ему стоило перевернуть нѣсколько страницъ. На стр. 164 сл. онъ нашелъ бы изложеніе мнѣній Гомейера и Штоббе не объ общегерманскомъ правѣ, но о лифляндскомъ. И это мнѣніе совершенно совпадаетъ съ мнѣніемъ писателей лифляндскихъ. Т. с. они утверждаютъ, что наслѣдникъ отвѣчалъ по лифляндскому праву всѣмъ полученнымъ наслѣдствомъ. Слѣдовательно, мое противоположное мнѣніе дѣйствительно является новымъ и противорѣчитъ мнѣніямъ, высказаннымъ по этому поводу какъ въ литературѣ спеціально лифляндскаго права (Будденброкъ, Бунге и др.), такъ и въ литературѣ права общегерманскаго (Гомейеръ и Штоббе).

Такимъ образомъ, по отношенію къ саксонскому праву имѣется господствующее, хотя и оспоренное мнѣніе, что наслѣдникъ отвѣчаетъ только унаслѣдованною движимостью. Къ этому мнѣнію я присоединяюсь и стараюсь подкрѣпить его неиспользованнымъ еще матеріаломъ. По отношенію же къ лифляндскому праву, господствующее и неоспоренное до сихъ поръ мнѣніе утверждаетъ, что наслѣдникъ отвѣчаетъ всѣмъ наслѣдствомъ. Это мнѣніе я стараюсь опровергнуть и поставить на его мѣсто тезисъ, что наслѣдникъ отвѣчалъ по лифляндскому праву такъ же, какъ по саксонскому, т. е. движимостью.

Г. Яблочковъ же не понялъ, въ чемъ дѣло. Это является послѣдствіемъ того, что онъ, во первыхъ не разобрался въ смыслѣ сказаннаго на стр. 161, а во вторыхъ не счелъ своимъ долгомъ прочитать слѣдующія затѣмъ страницы. И несмотря на такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, онъ позволяетъ себѣ высказать инсинуаціи по моему адресу, сводящіяся къ упреку въ научномъ фальсификаторствѣ.

Я считаю излишнимъ всякое слово осужденія. Достаточно констатированія факта.

Наконецъ, г. Яблочковъ утверждалъ въ своей рецензіи (стр. 221), что источники отказываютъ мнѣ въ поддержкѣ по вопросу о размѣрахъ понятія правомѣрной нужды. Въ отвѣтъ на это я указалъ, что г. Яблочковъ, очевидно, не понялъ смысла гл. 34 Рыцарскаго права, приведенной мною на стр. 154 моего труда и не читалъ прим. 2 къ стр. 149, въ которомъ выясняется этотъ смыслъ. Теперь же г. Яблочковъ, съ одной стороны (стр. 540) жалуется на то, что я «загналъ въ примѣчаніе» свое толкованіе слова «armot», а съ другой (прим. къ 540) утверждаетъ, что это замѣчаніе отнюдь не ускользнуло отъ его вниманія. Но онъ де не раздѣляетъ моего мнѣнія о значеніи этого слова. Въ чемъ же заключается это мое мнѣніе?

Я утверждаю, что понятіе «armot», совпадающее съ современнымъ «Armut», обхватываетъ также и случай, когда вассалъ впалъ въ удручающіе долги («drückende Schulden»). Кажется, что такое толкованіе не можетъ возбудить ни малѣйшихъ сомнѣній. Но г. Яблочковъ съ этимъ не согласенъ. Почему, на какомъ основаніи—этого онъ не говоритъ. Я, разумѣется, не имѣю права сомнѣваться въ его утвержденіи, что онъ уже до составленія своей рецензіи читалъ и примѣчаніе къ стр. 149 моей книги. Но я имѣю полное право недоумѣвать, почему г. Яблочковъ не обосновываетъ своего воззрѣнія, что человѣкъ, обремененный удручающими долгами, не является человѣкомъ, впавшимъ въ бѣдность, въ смыслѣ средневѣковыхъ источниковъ.

Въ результатѣ оказывается, такимъ образомъ, что г. Яблочковъ не опровергъ ни одного изъ упрековъ, поднятыхъ мною противъ его рецензіи. Онъ, напротивъ далъ еще нѣсколько новыхъ доказательствъ полной неосвѣдомленности относительно германскаго права. Въ частности же я долженъ подчеркнуть еще разъ тотъ фактъ, что онъ оставилъ безъ всякой критической оцѣнки всѣ сколько нибудь важные выводы моей книги. Имѣющіяся въ его возраженіи двѣ попытки дополнить этотъ пробѣлъ, докжны быть признаны совершенно неудачными: ни цитированіе нѣсколькихъ фразъ, относящихся исключительно къ второстепенному вопросу объ отвѣтственности должника, ни пущенные имъ въ ходъ необычные въ научной литературѣ намеки на несамостоятельность моей работы не могутъ скрыть того факта, что *онъ не нашелъ ни одного слова критической оцѣнки главныхъ частей моего труда, т. е., теоріи о характерѣ спеціальныхъ массъ, теоріи способа наслѣдованія германскаго права, мысли о примѣнимости этого способа въ современномъ правѣ.*

Какимъ образомъ г. Яблочковъ берется утверждать, при такихъ обстоятельствахъ, что я оставляю самыя существенныя части его рецензіи безъ отвѣта и стараюсь разбить только его второстепенной важности замѣчанія—это остается совершенно непонятнымъ.

Въ виду всего этого я вправѣ повторить то, что я говорилъ въ своемъ «отвѣтѣ»: *г. Яблочковъ читалъ мою книгу безъ вниманія, онъ не компетентенъ въ данныхъ вопросахъ и его рецензія лишена, вслѣдствіе этого, всякаго научнаго значенія.*

Впрочемъ, г. Яблочковъ самъ характеризуетъ свою рецензію въ одномъ мѣстѣ своего «возраженія» (стр. 540). Онъ говоритъ, что его «рецензія аттакуетъ самый методологическій пріемъ» моей работы. Что «самый методологическій пріемъ» тутъ непричемъ, это было показано выше. Но выраженіе «аттаковать» примѣнено здѣсь совершенно правильно. Здѣсь была именно *аттака, а не рецензія.*

Характеризовать же «возраженіе» г. Яблочкова я не имѣю причины. Его характеръ ясенъ и безъ дальнѣйшихъ поясненій.

Бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговенъ.

Смѣсь.

Внутренняя колонизація въ Англіи [1]).

Еще со временъ знаменитыхъ агрономовъ Юнга (1741—1820 г.г.) и Синклера (1754—1835 г.г.) въ Англіи утвердилось убѣжденіе о преимущественной выгодности крупнаго сельско-хозяйственнаго производства передъ среднимъ и мелкимъ.

Увѣренность въ справедливости такого убѣжденія была поколеблена со времени, когда, благодаря свободной торговлѣ и дешевизнѣ перевозки, страны экстензивнаго хозяйства стали поставлять на англійскіе рынки тѣ именно сельско-хозяйственные продукты массоваго потребленія, къ производству которыхъ приспособлены крупныя хозяйства (хлѣбъ, масло, сыръ и нисшіе сорта мяса). Цѣны на эти продукты установились на столько дешевыя, что производство ихъ для мѣстныхъ хозяйствъ, при все возрастающей дороговизнѣ рабочихъ рукъ и въ виду выгодности помѣщенія капитала въ промышленныя предпріятія, годъ отъ году становилось убыточнѣе.

Одновременно съ этимъ, вслѣдствіе роста народнаго благосостоянія, процвѣтанія промышленности и городскихъ промышленныхъ центровъ, объявился усиленный спросъ на другіе сельско-хозяйственные продукты (яйца, молоко, сливки, зелень, овощи, домашняя птица, высшіе сорта мяса), которые не могутъ доставляться изъ отдаленныхъ мѣстъ, цѣны на которые не подвержены колебаніямъ въ зависимости отъ состоянія мірового рынка и сообразуются со стоимостію производства на мѣстахъ.

Въ производствѣ названныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ главную роль играетъ личный трудъ и личное руководительство самаго хозяина, почему къ производству этихъ продуктовъ приспособлены среднія и мелкія хозяйства.

Если, такимъ образомъ, для англійскаго сельскаго хозяйства создались условія, при которыхъ среднія и мелкія хозяйства получили всѣ шансы на преуспѣяніе, то, съ другой стороны, рядъ причинъ соціальнаго и политическаго характера препятствуетъ процессу образованія такого рода хозяйствъ, увеличенію ихъ числа на счетъ крупныхъ хозяйствъ.

Такими причинами являются: сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ немногочисленнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ и

---

[1]) Die Sozial-rechtliche Regelung des ländlichen Grundbesitzes in England nach der Agrarreform von 1907. Hermann Levy. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band XXVI, H. 1, 1908 г.

Die «innere» Kolonisation in England. Ein Beitrag zur Soziologie des landwirtschaftlischen Kleinbetriebs. Hermann Levy. Iahrbüch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich. XXXV Iahrgang. II Heft. 1911.

связанность земельной собственности, затрудняющая ея мобилизацію; соціальное и политическое значеніе земельной собственности, благодаря чему ея сельско-хозяйственное значеніе отступаетъ на задній планъ; преобладаніе крупнаго фермерства надъ среднимъ и мелкимъ, по причинамъ, также не находящимся въ связи съ потребностями сельско-хозяйственнаго производства.

Земельная собственность въ Англіи сосредоточена въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣльцевъ: 72% земельной собственности принадлежитъ 11.000 лицъ, что составляетъ всего 3,4% къ общему числу земельныхъ собственниковъ. Въ большинствѣ случаевъ крупный землевладѣлецъ владѣетъ собственностью на правѣ фидекомисномъ (entail). Онъ связанъ въ правѣ распоряженія имуществомъ и отчужденіе земельной собственности обставлено для крупнаго собственника юридическими формальностями и сопряжено съ большими расходами.

Помимо этого, крупные землевладѣльцы дорожатъ земельною собственностью и ихъ не прельщаютъ выгоды продажи земли въ раздробь, мелкими участками, потому что никакой другой видъ богатства не можетъ дать тѣхъ выгодъ нематеріальнаго характера, того общественнаго и политическаго вліянія, того престижа, который даетъ въ Англіи ея владѣльцу крупная земельная собственность. Этимъ объясняется, почему мало земли предлагается въ продажу.

То же соціальное и политическое значеніе земельной собственности вызываетъ и другое явленіе, затрудняющее пріобрѣтеніе земли для тѣхъ, которые стремятся къ такому пріобрѣтенію въ виду матеріальныхъ выгодъ, для заведенія средняго или мелкаго хозяйства.

На земли, поступающія въ продажу, находятся покупатели, согласные заплатить за землю цѣну, не соразмѣрно высокую и которую не можетъ заплатить ищущій земельнаго участка для его эксплоатаціи своимъ трудомъ и трудомъ членовъ своей семьи. Въ Англіи достаточно богатыхъ людей. Ихъ привычки: стремленіе имѣть вблизи города собственную виллу, или гдѣ либо имѣніе съ живописнымъ мѣстоположеніемъ или съ мѣстами для охоты, рыбной ловли и другихъ видовъ спорта, отражаются на цѣнахъ, предлагаемыхъ за землю, которая является до извѣстной степени предметомъ роскоши, а не предметомъ выгоднаго помѣщенія капитала и приложенія труда.

При господствѣ сельско-хозяйственнаго производства, направленнаго къ производству продуктовъ массоваго потребленія, аренда большихъ участковъ представлялась выгодною съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія и крупное фермерство—преобладающій въ Англіи типъ землепользованія. Образованію класса мелкихъ фермеровъ, при теперешнихъ условіяхъ хозяйства, препятствуетъ прежде всего необходимость единовременной затраты капитала на возведеніе жилыхъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ, на проведеніе воды и т. д. и другіе расходы, неизбѣжные при образованіи, на мѣсто крупныхъ, среднихъ и мелкихъ арендныхъ участковъ.

Съ мелкими арендаторами управляющему крупнымъ имѣніемъ больше хлопотъ и онъ имъ не симпатизируетъ. Ремонтъ, всякія подѣлки, которыя крупный арендаторъ дѣлаетъ на свой счетъ, мелкому арендатору приходится дѣлать за счетъ владѣльца.

Крупные арендаторы по своему общественному положенію и политическимъ взглядамъ ближе къ представителямъ земельной аристократіи, чѣмъ мелкіе, и крупный землевладѣлецъ съ большимъ основаніемъ можетъ расчитывать на поддержку въ избирательной компаніи своихъ крупныхъ фермеровъ, чѣмъ среднихъ и мелкихъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, правильное съ точки зрѣнія сельскохозяйственнаго производства землепользованіе задерживается въ Англіи и встрѣчаетъ препятствіе для своего развитія къ ущербу для интересовъ всего общества, въ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ.

На борьбу съ этими препятствіями направлены были помыслы англійскихъ либераловъ, когда они въ 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія внесли въ свою программу требованіе содѣйствія со стороны государства образованію средняго и мелкаго землевладѣнія.

Предложенная ими, и принципіально поддержанная консерваторами, аграрная реформа шла на встрѣчу сказавшейся, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, потребности и должна была лишь облегчить процессъ приспособленія землепользованія къ тому новому направленію сельскохозяйственнаго производства, которое одно могло вывести англійское сельское хозяйство изъ тяжелаго положенія.

Проектъ, съ которымъ выступили политическія партіи, не вытекалъ изъ какихъ либо теоретическихъ соображеній о преимущественныхъ правахъ на землю однихъ классовъ населенія передъ другими и не имѣлъ ничего общаго съ утопическими планами обобществленія или націонализаціи земли, съ идеями, пропагандою которыхъ занимаются въ Англіи, такія общества, какъ Land Restoration League и Land Nationalization. Не ломая насильственно существующихъ аграрныхъ отношеній, государство должно придти на помощь тѣмъ, которые желали пріобрѣсти землю для приложенія къ выгоднымъ отраслямъ сельскаго хозяйства труда и капитала и лишены возможности это сдѣлать, благодаря исторически сложившимся отношеніямъ, не благопріятствующимъ среднему и мелкому землевладѣнію.

Первый опытъ практическаго осуществленія аграрной программы, задуманной въ указанномъ смыслѣ либеральною партіею, представляетъ собою законъ 1892 г. Small Holding Act (55 и 56 Vict. c. 31).

По этому закону совѣтъ графства уполномоченъ, при наличности требованій въ данной мѣстности на средніе и мелкіе земельные участки, (каковыми участками считаются участки размѣромъ отъ 1—50 акровъ, т. е. 0,37 до 18,5 дес.) озаботиться пріобрѣтеніемъ земли для образованія такихъ участковъ и передачи ихъ нуждающимся въ собственность на льготныхъ условіяхъ. Часть покупной цѣны, не менѣе одной пятой, пріобрѣтающій землю долженъ заплатить деньгами, остальная часть остается долгомъ на землѣ. Съ одной четвертой части долга пріобрѣтающій землю платитъ вѣчную ренту, остальная сумма должна быть, въ продолженіи 50 лѣтъ, погашена полугодичными взносами процентовъ съ погашеніемъ.

Въ томъ случаѣ, когда лицо не въ состояніи пріобрѣсти землю на такихъ условіяхъ, земля можетъ быть ему сдана въ аренду.

Придавая особенно важное значеніе образованію мелкой земельной собственности и относясь менѣе сочувственно къ мелкому фермерству, законъ 1892 г. допускаетъ сдачу въ аренду только такихъ участковъ,

которые по своимъ размѣрамъ не превышаютъ 15 акровъ (5,55 дес.) и представляютъ цѣнность, не превышающую 15 фун. ст. годовой ренты (около 150 р.).

Результаты закона 1892 г. не оправдали возлагавшихся на него надеждъ. Онъ получилъ практическое примѣненіе только въ пяти англійскихъ и въ одномъ шотландскомъ графствахъ. За время съ 1892 по 1902 г. графскими совѣтами было пріобрѣтено, въ порядкѣ закона 1892 г., всего 652 акра (241,14 дес.). За время съ 1902 по 1906 г. земли было пріобрѣтено всего 138 акра (51 дес.).

Въ 1905—6 г. особая комиссія была созвана для изслѣдованія вопроса о причинахъ неудачи закона 1892 г. и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя нужно внести въ законъ, для того, чтобы онъ получилъ болѣе широкое примѣненіе.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіею, обнаружилось, что одною изъ причинъ неудачи закона 1892 г. было небрежное отношеніе мѣстныхъ властей къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ по приведенію закона въ исполненіе. Одно, напр., графство, въ которомъ было предъявлено 349 ходатайствъ о предоставленіи мелкихъ участковъ, оставило ихъ безъ удовлетворенія, находя, что населеніе и безъ того обременено налогами и что несправедливо возлагать на него оплату расходовъ на соціальные эксперименты. Обнаружилось, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на мѣстахъ нашлись люди, сочувственно относившіеся къ закону, онъ далъ желательные результаты.

Но были и другія причины, препятствовавшія правильному функціонированію закона 1892 г. и зависящія отъ непрактичности нѣкоторыхъ его постановленій.

Во многихъ случаяхъ графскіе совѣты не могли удовлетворить предъявляемыхъ запросовъ по отсутствію продажныхъ земель.

Законъ допускалъ пріобрѣтеніе земли графскими совѣтами только на такихъ условіяхъ, которыя давали бы возможность, при дальнѣйшемъ ея отчужденіи мелкими участками, покрывать всѣ расходы по операціи, между тѣмъ продажной земли или вовсе не оказывалось въ данной мѣстности, или она предлагалась на условіяхъ, не соотвѣтствующихъ приведенному требованію закона. Дѣйствіе закона 1892 г. задерживалось еще и тѣмъ, что тѣ условія, на которыхъ земля могла быть отчуждена мелкими участками, были невыгодны для пріобрѣтающаго. Какъ было указано, пріобрѣтающій участокъ долженъ былъ уплатить наличными деньгами одну пятую часть стоимости земли, считая въ этой суммѣ и все израсходованное графскимъ совѣтомъ на приспособленіе земли для продажи ея мелкими участками. Пріобрѣтающій земельный участокъ долженъ былъ цѣлый длинный рядъ лѣтъ выплачивать проценты по долгу, остающемуся на землѣ и, кромѣ того, для заведенія хозяйства на купленной землѣ располагать нѣкоторымъ оборотнымъ капиталомъ. По расчету проф. Леви, пріобрѣтающій участокъ въ 30 акровъ (11,10 дес.) долженъ вложить въ дѣло капиталъ не менѣе, какъ въ 400 фун. ст., т. е. около 4000 руб.

Благодаря высокимъ цѣнамъ на землю и другимъ условіямъ англійскаго хозяйства, снятіе земли въ аренду представлялось болѣе выгоднымъ, чѣмъ пріобрѣтеніе ея въ собственность на условіяхъ закона 1892 г. Затративъ капиталъ на арендованный участокъ, можно было расчитывать прочно

поставить свое хозяйство и извлекать изъ него хорошій доходъ, не опасаясь, что въ случаѣ сельско-хозяйственнаго кризиса придется съ убыткомъ раздѣлываться съ землею, отъ чего въ прежнее время погибло много англійскихъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Этимъ объясняютъ, почему существуетъ большій спросъ на арендные участки, чѣмъ на участки, продающіеся въ собственность, и въ анкетной комиссіи многіе высказывались, поэтому, за необходимость дальнѣйшаго развитія операціи по образованію мелкаго фермерства при содѣйствіи государства и за отмѣну тѣхъ ограниченій въ дѣлѣ образованія арендныхъ участковъ, которые имѣлись въ законѣ 1892 г.

Отчетъ комиссіи 1905—6 г. и ея заключенія не были въ пользу коренныхъ измѣненій началъ, лежавшихъ въ основѣ закона 1892 г. Комиссія предполагала лишь незначительныя измѣненія, высказавшись, впрочемъ, за необходимость допущенія принудительнаго отчужденія земли въ тѣхъ случаяхъ, когда не представлялось возможнымъ пріобрѣсти землю, для образованія мелкихъ участковъ, по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ.

Ко времени окончанія работъ комиссіи во главѣ управленія стало либеральное министерство, которому удалось, въ отступленіе отъ предположеній комиссіи, провести законопроектъ, внесшій много существенно новаго въ англійское аграрное законодательство.

28 августа 1907 г. былъ изданъ новый аграрный законъ, составляющій новеллу къ закону 1892 г. Small Holdings and Allotments Act (7 Edw. Ch. 54).

Прежній законъ былъ измѣненъ въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ.

Для того, чтобы парализовать вліяніе пассивнаго отношенія мѣстныхъ властей къ аграрной реформѣ, новый законъ значительно усилилъ власть центральнаго вѣдомства на ходъ дѣла по примѣненію закона При министерствѣ земледѣлія были образованы должности комиссіонеровъ: Small Holdings Commissioners.

На нихъ возложена обязанность собирать на мѣстахъ свѣдѣнія о потребности въ образованіи мелкаго землевладѣнія. При обнаруженіи потребности, министерство можетъ предложить подлежащему графскому совѣту выработать проектъ образованія мелкихъ участковъ и, въ случаѣ непредставленія совѣтомъ плана, министерство можетъ само приступить къ выработкѣ плана и къ исполнительнымъ дѣйствіямъ, съ возложеніемъ на совѣтъ всѣхъ необходимыхъ расходовъ.

Въ новомъ законѣ, какъ министерству, такъ и мѣстнымъ властямъ, предоставляется право прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ къ принудительному отчужденію земли для использованія ея съ цѣлью образованія мелкой собственности.

Но самое важное новшество, противъ котораго особенно сильно возражали консерваторы, при обсужденіи закона 1907 г., это предоставленіе мѣстной власти, также принудительно, брать въ аренду землю для образованія мелкихъ фермерскихъ участковъ.

Въ законѣ подробно указаны: способъ опредѣленія арендной платы, за которую земля можетъ быть принудительно взята въ аренду, случаи, когда собственникъ можетъ требовать прекращенія аренды, способъ опре-

дѣленія арендной платы, при возобновленіи договора на новый срокъ, затраты, которыя, при прекращеніи договора, должны быть возмѣщены арендатору собственникомъ.

Вполнѣ понятно, почему законъ въ этой именно его части вызвалъ сильные нападки въ земледѣльческихъ кругахъ и, напротивъ, былъ сочувственно встрѣченъ въ либеральныхъ кругахъ, защищающихъ интересы фермеровъ.

Благодаря тому, что опредѣленіе арендной платы не зависитъ отъ собственника и арендная плата можетъ быть установлена соотвѣтственно дѣйствительному доходу, который можетъ получить арендаторъ, арендная плата является въ видѣ fair rent (справедливая рента). Арендатору можетъ быть отказано только по уважительной причинѣ, не по усмотрѣнію собственника, т. е. имѣется гарантія такъ наз. fixity of tenure, (обезпеченное положеніе арендатора). При обыкновенныхъ условіяхъ, мелкому фермеру трудно добиться и правильно учесть всѣ тѣ возмѣщенія затратъ, на которыя по существующимъ правиламъ арендаторъ имѣетъ право по прекращеніи договора. При арендѣ, въ порядкѣ закона 1907 г., заботы о защитѣ интересовъ арендатора въ указанномъ отношеніи берутъ на себя мѣстныя власти, которыя, разумѣется, лучше могутъ повести дѣло, чѣмъ самъ арендаторъ. Такъ что и тутъ, до извѣстной степени, получается то положеніе, которое выражается въ требованіи такъ наз. free Sale (свободная продажа своего «интереса»). Всѣ три F, все главное, что входитъ въ программу партіи, отстаивающей интересы фермеровъ, до извѣстной степени находитъ осуществленіе при арендѣ въ порядкѣ закона 1907 г.

За тѣ два года, которые дѣйствуетъ новый законъ 1907 г., успѣли обнаружиться болѣе замѣтные результаты, чѣмъ тѣ, которые были достигнуты при дѣйствіи прежняго закона.

Къ концу 1909 г., для цѣлей колонизаціи, графскими совѣтами было пріобрѣтено 60889 акровъ (32617,83 дес.). Изъ этого числа 34234 акра (12666,58 дес.) куплены и 26655 акра (9862,35 дес.) сняты въ аренду. Процессъ колонизаціи идетъ медленно и приведенныя цифры относятся къ сдѣлкамъ, еще не реализированнымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, къ концу 1909 г. было образовано 2793 мелкія хозяйства съ площадью въ 36845 акра, (13532,65 дес.).

Въ оба года дѣйствія закона на утвержденіе министерства было представлено 169 производствъ о принудительномъ отчужденіи, въ которыхъ предположено пріобрѣсти въ собственность 7676 акровъ и 4670 акровъ снять въ аренду. До конца 1909 г. министерствомъ утверждены 79 отчужденій.

Слѣдуетъ отмѣтить, что оцѣнка, въ порядкѣ принудительнаго отчужденія, приводила къ пониженію цѣнъ, по сравненію съ тѣми, которыя назначались землевладѣльцами, но, съ другой стороны, цѣны, окончательно назначенныя, были выше цѣнъ, предложенныхъ графскими совѣтами. Такъ, въ одномъ случаѣ земля, за которую была назначена цѣна 28967 фунт., была пріобрѣтена за 23485 фунт. Въ другомъ случаѣ, участокъ былъ снятъ въ аренду за 34 фунт., между тѣмъ какъ собственникъ требовалъ 48 фунт. Власти, на которыя возложено исполненіе закона, не въ состояніи удо-

влетворить всѣхъ требованій. Въ 1909 г было возбуждено 3157 ходатайствъ, но изъ нихъ могло быть удовлетворено только 1770, съ площадью въ 26611 акровъ (9846,07 дес.).

Изъ этого факта и имѣя въ виду рядъ случаевъ отказа въ удовлетвореніи ходатайствъ, въ общественныхъ кругахъ, интересующихся вопросомъ внутренней колонизаціи, раздаются нападки и на мѣстныя власти и на центральное вѣдомство за недостаточную энергію, съ которою идетъ примѣненіе закона. Въ 1909 г. образовалось особое общество Land Club League съ цѣлью принятія мѣръ для ускоренія приведенія въ дѣйствіе закона 1907 г.

По заключенію проф. Леви нападки до извѣстной степени не лишены основанія и несомнѣнно, что, какъ въ графскихъ совѣтахъ, такъ и въ министерствѣ земледѣлія, не всѣ должностныя лица съ должнымъ сочувствіемъ относятся къ закону. Но, съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе, что дѣло колонизаціи не представляется легкимъ и простымъ. Тутъ требуется большая осторожность и осмотрительность. Нельзя безъ разбора удовлетворять всякое ходатайство, потому что ходатайство нерѣдко исходитъ отъ лицъ, относительно которыхъ вполнѣ основательны сомнѣнія на счетъ серьезности ихъ намѣреній посвятить себя сельскому хозяйству.

Въ оправданіе свое и министерство и мѣстныя власти ссылаются также и на то, что многіе изъ обращающихся съ ходатайствами о предоставленіи имъ земли отказываются отъ предлагаемыхъ имъ участковъ за ихъ отдаленностью и изъ-за какихъ нибудь другихъ незначительныхъ неудобствъ.

Большимъ облегченіемъ въ дѣлѣ колонизаціи является дѣятельность обществъ, спеціально образуемыхъ желающими пріобрѣсти землю или арендовать ее по правиламъ закона 1907 г. такъ наз. Small Holdings Associations, примыкающія въ качествѣ отдѣленій къ образованному въ 1901 г. сельско-хозяйственному Обществу: Agricultural Organisation Society.

Для пріобрѣтенія земли или для снятія ея въ аренду лица образуютъ товарищество, и графскому совѣту приходится уже имѣть дѣло не съ отдѣльными лицами, но съ товариществомъ, которое, пріобрѣтя землю или снявъ ее въ аренду, беретъ въ свои руки всѣ дальнѣйшія распоряженія. Въ 1909 г. такихъ товариществъ Smoll Holdings Associations было 14, арендовавшихъ 1893 акровъ.

Дѣятельность такого рода товариществъ значительно облегчаетъ работу правительства и Министерство Земледѣлія сочло возможнымъ ассигновать въ пособіе Agricultural Organisation Society, на образованіе земледѣльческихъ товариществъ, на три года, субсидію въ 1200 фун.

Обращаясь къ оцѣнкѣ англійскаго аграрнаго законодательства, съ точки зрѣнія болѣе отдаленныхъ его послѣдствій для всего строя англійскаго сельскаго хозяйства, проф. Леви приводитъ рядъ наблюденій и фактовъ, свидѣтельствующихъ, что, благодаря этому законодательству, къ сельско-хозяйственному промыслу привлекаются новые общественные элементы, вносящіе въ сельско-хозяйственное производство методы и пріемы, чуждые мелкому земледѣльцу, или мелкому фермеру стараго типа, образовавшагося при прежнихъ условіяхъ сельскаго хозяйства.

Изъ данныхъ о лицахъ, которыя воспользовались аграрнымъ законодательствомъ, оказывается, что только четвертая часть колонистовъ принадлежитъ къ разряду лицъ, занимавшихся ранѣе земледѣліемъ въ качествѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ, и обнаружившихъ стремленіе улучшить свое положеніе путемъ пріобрѣтенія земли въ собственность, или въ аренду, для заведенія на ней собственнаго или фермерскаго хозяйства.

Болѣе значительный контингентъ колонистовъ—лица проживавшія въ деревнѣ, но не занимавшіяся земледѣліемъ по профессіи: деревенскіе лавочники, деревенскіе ремесленники, служащіе на желѣзной дорогѣ и т. д. Затѣмъ не мало среди колонистовъ и такихъ лицъ, которыя ранѣе не имѣли никакихъ связей съ деревнею и принадлежали къ классу типичныхъ горожанъ.

Въ комиссіи 1905/6 г. приводили такіе, напр. случаи. Башмачникъ, которому надоѣло заниматься ремесломъ, началъ съ разведенія фруктоваго сада на 1-мъ акрѣ. Теперь онъ ведетъ хозяйство уже на 30 акрахъ, отчасти въ качествѣ собственника, отчасти въ качествѣ арендатора.

Въ графствѣ Вилтширѣ существуетъ товарищество Mere and District Small Holdings Society, которое раздаетъ земли величиною въ 1,5 до 30 акровъ, по преимуществу, подъ животноводство и подъ мелкую культуру. Изъ взявшихъ землю, прежняя профессія которыхъ извѣстна, указаны: булочникъ, содержатель трактира, декораторъ, извозопромышленникъ, конюхъ, разнощикъ, торговецъ.

Въ другомъ графствѣ, графскимъ совѣтомъ имѣніе въ 79 акровъ было раздѣлено на участки. Наибольшее хозяйство, именно, въ 44 акра ведутъ два брата, которые ранѣе были землекопами. Они имѣютъ теперь скота: 14 коровъ, 19 свиней и 4 лошади. Но самый интересный случай перехода отъ промышленной дѣятельности къ сельско-хозяйственному промыслу представляетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ графствѣ Ворчестеръ. Въ одномъ изъ селеній названнаго графства жители занимались изготовленіемъ гвоздей. Промыселъ пришелъ въ упадокъ и жители обратились къ графскому совѣту съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ земли для занятія сельскимъ хозяйствомъ. Графскій совѣтъ купилъ имѣніе въ 147 акровъ и образовалъ хозяйства въ 11—12 акровъ. Прежніе гвоздари занялись огородничествомъ, стали market gardeners и съ большею выгодою поставляютъ въ близъ расположенный Бирмингамъ земляннику, занимаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ выкармливаніемъ свиней и домашней птицы. Въ Лейчестерѣ, работавшіе на фабрикахъ обуви, сначала завели парцеллярныя хозяйства, а потомъ образовали товарищество съ цѣлью пріобрѣтенія земельныхъ участковъ.

Аграрное законодательство способствовало отвлеченію изъ городовъ въ деревни, отъ городскихъ профессій нѣкоторыхъ разрядовъ лицъ, давъ имъ возможность найти подходящее занятіе въ деревнѣ. Многіе, при обсужденіи аграрной реформы, относились скептически къ тенденціи вернуть въ деревню тѣхъ, которые покинули ее и устремились въ города въ поискахъ за болѣе легкими и болѣе прибыльными заработками.

Одинъ изъ знатоковъ англійской сельской жизни высказываетъ по этому поводу слѣдующее.

Нельзя отрицать, что въ составѣ городского населенія имѣются элементы, передвиженіе которыхъ въ деревню, для образованія изъ нихъ мелкихъ землевладѣльцевъ не имѣло бы смысла, но, съ другой стороны, въ городѣ есть общественные элементы, изъ которыхъ выходятъ вполнѣ подходящіе колонисты—desirable town types. (Pratt. The Transition in Agliculture. London, 1906 г.).

Для того, чтобы понять, что можетъ привлекать городскихъ жителей къ сельско-хозяйственнымъ промысламъ, чѣмъ вызывается это обратное движеніе изъ городовъ въ деревни, необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Тѣ сельско-хозяйственныя производства, которыя въ настоящее время имѣютъ шансы на успѣхъ въ среднихъ и мелкихъ хозяйствахъ, должны усвоить иной характеръ сравнительно съ тѣмъ, которыя эти производства имѣли при прежнихъ условіяхъ общественной жизни.

Теперь куроводство, огородничество, цвѣтоводство, молочное хозяйство, выкармливаніе птицы и т. д. выгодны при условіи поставки продуктовъ на обширный рынокъ. Производитель имѣетъ дѣло не непосредственно съ потребителемъ, но съ оптовымъ торговцемъ.

«Прошло то время, когда жена мелкаго фермера отправлялась въ городъ съ корзиною съ яйцами, съ курицею и съ нѣсколькими пучками зелени. На мѣсто такой торговли сельско-хозяйственными продуктами, картины которой рисовалъ Moreland, теперь идетъ поставка торговцу тѣхъ же продуктовъ, распредѣленныхъ по сортамъ и въ однообразномъ количествѣ». Однихъ яицъ существуетъ отъ пяти до шести сортовъ. Поставщикъ долженъ ихъ доставлять торговцу, съ которымъ онъ ведетъ дѣло, регулярно, въ опредѣленномъ количествѣ и въ надлежащей упаковкѣ.

Владѣлецъ фруктоваго сада, огородникъ и садовникъ также должны находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ торговцемъ для обезпеченія выгоднаго сбыта заготовленныхъ продуктовъ. Онъ долженъ быть освѣдомленъ о цѣнахъ для того, чтобы не упустить время для выгоднаго сбыта своего товара, подверженнаго порчѣ, и знать на какой сортъ въ данный моментъ существуетъ спросъ. Сельскій хозяинъ долженъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣкомъ съ коммерческою смѣткою, better businessmen останется въ барышѣ и простакъ терпитъ убытки.

Молочное хозяйство для того, чтобы оно давало доходъ, нуждается въ совершенно иной постановкѣ, чѣмъ та, въ которой работала прежняя молочная ферма. Необходимы различнаго рода техническія приспособленія, педантическая чистота, стерилизація посуды и т. д.

Все это приводитъ къ тому, что для прочной постановки тѣхъ отраслей хозяйства, которыя могутъ преуспѣвать въ среднихъ и мелкихъ хозяйствахъ, отъ хозяина требуется не только усердіе и выносливость, которыми долженъ обладать сельскій хозяинъ и которыя ставятъ мелкое хозяйство въ болѣе выгодныя условія, сравнительно съ крупными съ преобладающимъ наемнымъ трудомъ всегда болѣе низкаго качества. Мелкій хозяинъ современнаго типа долженъ, кромѣ того, усвоить привычки и обладать способностями коммерсанта и промышленника.

Колонисты изъ городскихъ жителей въ большей мѣрѣ отвѣчаютъ этимъ требованіямъ, сравнительно съ земледѣльцами стараго типа, съ сельско-хозяйственными рабочими или съ мелкими фермерами, привыкшими

къ полеводству и съ трудомъ усваивающими непривычные для нихъ методы и пріемы, которые необходимы въ упомянутыхъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства при современной ихъ постановкѣ.

Но однѣхъ выгодъ, которыя обѣщаетъ горожанину переселеніе въ деревню для занятій, въ которыхъ могутъ найти широкое приложеніе пріобрѣтенныя имъ въ прежнихъ его профессіяхъ способности, недостаточно для того, чтобы совершилось въ желательныхъ и полезныхъ для народнаго благосостоянія размѣрахъ обратное движеніе изъ городовъ въ села.

У горожанина иныя, болѣе повышенныя требованія въ отношеніи условій общественной жизни. Необходимо считаться съ тѣмъ, что «зелень полей и чистота деревенскаго воздуха» недостаточны для того, чтобы пересилить влеченіе къ городу. Это вліяніе объясняется, кромѣ всего прочаго, отсутствіемъ въ деревнѣ всякихъ развлеченій, господствомъ той монотонности и некультурности, которыя невыносимы для человѣка, вкусившаго плодовъ городской жизни.

Вышеприведенный писатель, поборникъ внутренней колонизаціи, E. A. Pratt приводитъ въ своей книгѣ Small Holders. London. 1909 разсказъ одного сельскаго священника, свидѣтельствующаго, что, по его убѣжденію, однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ, заставляющихъ людей бѣжать изъ деревни, является неприглядная обстановка деревенской жизни, отсутствіе тѣхъ интересовъ и развлеченій, которыя освѣжаютъ и одухотворяютъ человѣка. Священникъ привелъ для иллюстраціи своей мысли извѣстный ему случай, какъ деревенскіе парни изъ одной деревни близъ г. Норфолка, въ холодныя зимнія ночи бѣгали на желѣзно-дорожную станцію за двѣ англійскія мили для того только, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ зеленыхъ и красныхъ желѣзно-дорожныхъ сигнальныхъ огней.

Въ Америкѣ внутренняя колонизаціонная политика прониклась сознаніемъ необходимости создать въ сельскихъ мѣстностяхъ условія, устраняющія указанныя отрицательныя стороны сельской жизни и отталкивающія отъ нея горожанъ. Теперь и въ Англіи такую же цѣль ставитъ себѣ Agricultural Organisation Society.

Секретарь названнаго Общества въ своихъ показаніяхъ передъ анкетной комиссіею 1905/6 г. высказался въ томъ смыслѣ, что если желательно развитіе мелкаго сельско-хозяйственнаго производства, то нужно не только сдѣлать его выгоднымъ, но приложить заботы къ созданію условій, могущихъ сдѣлать для мелкаго землевладѣльца жизнь въ деревнѣ «привлекательною». Развивая свою мысль, онъ указывалъ на желательность устройства въ селеніяхъ помѣщеній для публичныхъ собраній, учрежденія сельскихъ библіотекъ, всякаго рода развлеченій и удешевленія телефоновъ съ цѣлью сдѣлать жизнь въ деревнѣ «болѣе радостною».

Все яснѣе становится, что съ бѣгствомъ изъ деревни какъ съ вреднымъ общественнымъ явленіемъ нельзя бороться, какъ боролся, напр., Юнгъ въ 18-мъ вѣкѣ, расписывавшій въ своихъ письмахъ фермера The Fermers Letters London 1711 v. I p. 353—354 прелести хорошаго деревенскаго воздуха и красивыхъ здоровыхъ полей, противупоставляя имъ вонючія, грязныя городскія улицы.

Возможно, что горожанинъ обратившійся, при содѣйствіи государства, къ сельско-хозяйственному промыслу, внесетъ въ деревню не только новые пріемы и методы хозяйства, но создастъ въ сельскихъ мѣстностяхъ условія культурной жизни и болѣе благородные, сравнительно съ городскими, хотя и на ихъ подобіе, виды развлеченій и спорта.

Въ этомъ выразится приспособленіе условій деревенской жизни къ условіямъ общественной жизни, какъ она складывается въ богатомъ государствѣ, въ которомъ всѣ виды народнаго труда должны находить соотвѣтствующее приложеніе.

На путь такого приспособленія и должна была вступить страна, въ которой населенность городовъ и торгово-промышленное развитіе достигли раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, высшихъ размѣровъ.

М. Л.

00083474
ЮФ СПбГУ